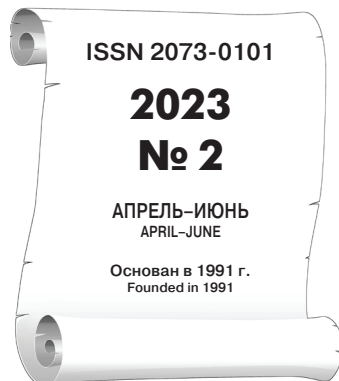

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA /
HERALD OF AN ARCHIVIST

В ближайших номерах

Морские суда Крестного Онежского монастыря в 1657–1660 гг.

Дневник путешествия в Монголию калмыцкого ламы Дорджи Сетенова

Обзор личного фонда великого князя Михаила Александровича в Государственном архиве Российской Федерации

«Денежные воры» в России: об истории развития фальшивомонетничества во второй половине XIX – начале XX в.

Казанский педагогический институт в годы «Большого террора». По письмам Х. Гимади в ЦК ВКП (б) и парторганизацию

Табельные дни в системе инородческого управления: установление режима работы служащих

Coming soon

Sea Vessels of the Onega Cross Monastery in 1657–60

Diary of the Kalmyk Lama Dorji Setenov's Trip to Mongolia

Review of the Personal Provenance Fond of Grand Duke Michael Alexandrovich from the State Archive of the Russian Federation

“Money Thieves” in Russia: On the History of Counterfeiting in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Kazan Pedagogical Institute during the Great Terror: Kh. Gimadi's Letters to the Central Committee of the CPSU (B) and the Party Organization

State Holidays in the Inorodtsy Administration: Working Arrangements for Employees

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru

Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com

Вестник архивиста.TV: www.tv.vestarchive.ru

Вестник архивиста.Vk.com: www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Анфертьев, И. А., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артазов, А. Н., доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, г. Москва, Российская Федерация

Афиани, В. Ю., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Безбородов, А. Б., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Брянцев, М. В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Гагиева, А. К., доктор исторических наук, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Иноземцева, З. П., кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Исакова, М. С., доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Калашникова, Н. П., доктор политических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Козлов, В. П., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Коровин, В. В., доктор исторических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Кулинок, С. В., кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Ланской, Г. Н., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ларин, М. В., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Мазур, Л. Н., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мироненко, С. В., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Петин, Д. И., кандидат исторических наук, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Пивовар, Е. И., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Прозорова, В. Б., кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе, г. Париж, Франция

Синиченко, В. В., доктор исторических наук, Академия управления МВД, г. Москва, Российская Федерация

Солдатова, О. Н., доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, г. Самара, Российская Федерация

Трошина, Т. И., доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Тюрина, Е. А., кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, г. Москва, Российская Федерация

Хорхордина, Т. И., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чернобаев, А. А., доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Чубарьян, А. О., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

Anfertiev, Ivan A., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Artizov, Andrey N., PhD in History, Federal Archival Agency, Moscow, Russian Federation

Afiani, Vitaly Yu., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bezorodov, Alexander B., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bryantsev, Mikhail V., PhD in History, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Gagieva, Anna K., PhD in History, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Inozemtseva, Zinaida P., PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Isakova, Mukhae S., PhD in History, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kalashnikova, Nataliya P., PhD in Political Sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Kozlov, Vladimir P., PhD in History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Korovin, Vladimir V., PhD in History, South-West State University, Kursk, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V., PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Lanskoi, Grigory N., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Larin, Mikhail V., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Mazur, Lyudmila N., PhD in History, First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Mironenko, Sergey V., PhD in History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

Petin, Dmitry I., PhD in History, Historical Archive of the Omsk region, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Pivovarov, Efim I., PhD in History, member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Prozorova, Victoria B., PhD in History, head of the branch of the "Herald of an Archivist" in Europe, Paris, France

Sinichenko, Vladimir V., PhD in History, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation

Soldatova, Olga N., PhD in History, Russian State Archive in Samara, Samara, Russian Federation

Troshina, Tatiana I., PhD in History, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

Tyurina, Elena A., PhD in History, Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

Khorkhordina, Tatiana I., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Chernobaev, Anatoly A., PhD in History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Chubaryan, Alexander O., PhD in History, member of the Russian Academy of Sciences, World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

- Булычева, Е. В.** Социальный состав арендаторов священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. по данным эпиграфики // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 331–341. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341 331
- Степанова, Л. Г.** Документы Межевого архива о землеустройстве и межевании Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 342–353. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353 342
- Ходяков, М. В.** «Громадная пивяка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX века // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 354–363. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363 354
- Гагиева, А. К.** Организация архивного дела в Коми области в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 364–377. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377 364
- Сушко, А. В.** Комплектование личным составом 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса на примере 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков. 1942 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 378–389. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389 378
- Соболева, А. Н.** Дети Бурятии: повседневная жизнь в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 390–400. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400 390
- Огуренко, Е. В.** Секретные архивы в провинции в 1940-е – 1960-е гг. на примере Государственного архива Свердловской области // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 401–412. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412 401

Научная публикация архивных документов

- Скрьдлов, А. Ю.** Первая дискуссия об организации государственной статистики в Российской империи // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 413–429. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429 413
- Паиков, А. М.** «Главным предметом для моих работ и исследований всегда служили и служат проявления духовной, умственной, интеллектуальной жизни русского народа...»: автобиография народника, религиоведа и социолога А. С. Пругавина. 1898 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 430–446. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446 430

- Шановалов, М. С.** Сионист Элияху Мунчик и его письмо об эмиграции евреев в Палестину. 1917 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 447–457. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457 447
- Морозова, Т. И.** «...Оказаться в рядах строителей социализма». К политической биографии бывшего члена Исполнительного комитета «Народной воли» М. Ф. Фроленко. 1935 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 458–473. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473 458
- Каиль, М. В.** Церковная дипломатия в СССР 1960-х гг. в частном рапорте епископа Питирима (Нечаева) митрополиту Никодиму (Ротову) о паломничестве в Святую Землю // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 474–490. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490 474

Исторические исследования

- Мельников, И. А.** Тихвинская старообрядческая богадельня во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 491–502. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502 491
- Дюкарев, А. В., Олефир, Е. А.** Локальные особенности коммуникации советской власти и казачьего населения Кубани в 1920–1922 гг.: хроника станицы Старонижестеблиевской // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 503–515. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515 503
- Тимкин, Ю. Н.** Областная организация РКП(б) Вотской автономной области в 1921–1923 гг.: трудности процесса становления. По архивным материалам // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 516–526. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526 516
- Ситдиков, А. М.** Организация советской высшей вневойсковой подготовки во второй половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 527–539. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539 527
- Гошина, Н. В.** Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950–1970-е гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 540–552. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552 540
- Суданц, Б. М.** Перестроечная периодическая печать как исторический источник по трансформации образа В. И. Ленина в 1987–1991 гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 553–564. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564 553

Музейные и архивные коллекции

- Бурматов, А. А.** Запросы в статистические управления: потенциал для историко-демографических исследований 1950–1970 гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 565–575. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575 565

Люди. События. Факты

- Петин, Д. И.** Работа омских чекистов в отношении бывших белых контрразведчиков: казус Гудимова–Горского // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 576–588. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588 576
- Рыбаков, В. А.** Просопографический портрет руководителей Наркомата юстиции РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По документам РГАСПИ и ГАРФ // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 589–601. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601..... 589

Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт

- Баринаева, Е. П., Кабытов, П. С.** Воспоминания А. Э. Фридрихс как источник о повседневной жизни дворянского рода Племянниковых // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 602–615. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615 602

Обзоры архивных фондов и коллекций

- Мицюк, Н. А.** Архивные документы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества как источник по изучению социальной политики в 1910–1918 гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 616–627. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627..... 616
- Бурлуцкая, Е. В.** Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 628–639. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639 628

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

- BULYCHEVA, E. V.** *Sotsial'nyi sostav arendatorov svyashchennykh zemel' v Attike vtoroi poloviny IV v. do n. eh. po dannym ehpigrafiki* [Social Composition of Sacred Lands Tenants in Attica of the Second Half of the 4th Century B.C. according to Epigraphika. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 331–341. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341 331
- STEPANOVA, L. G.** *Dokumenty Mezhevogo arkhiva o zemleustroistve i mezhevanii Rostovskogo uezda Ekaterinoslavskoi gubernii i Zemli Voiska Donskogo v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Documents of the Boundary Archive on Land Management and Land Surveying of the Rostov Uyezd of the Yekaterinoslav Gubernia and the Don Host Lands in the Late 18th – First Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 342–353. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353 342
- KHODJAKOV, M. V.** *“Gromadnaya piyavka, prisosavshayasya k gosudarstvennomu sunduku”: Kitaisko-Vostochnaya zheleznaya doroga v otsenkakh rossiiskoi pressy nachala XX veka* [“Giant Leech on the State Chest”: The Chinese Eastern Railway in Assessments of the Russian Press of the Early 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 354–363. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363 354
- GAGIEVA, A. K.** *Organizatsiya arkhivnogo dela v Komi oblasti v 1920-e gg.* [Organization of Archiving in the Komi Region in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 364–377. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377 364
- SUSHKO, A. V.** *Komplektovanie lichnym sostavom 6-go Stalinskogo Sibirskogo dobrovol'cheskogo strelkovogo korpusa na primere 75-i Stalinskoi dobrovol'cheskoi otdel'noi strelkovoi brigady omichei-sibiryakov. 1942 g.* [The Problem of Manning the 6th Stalin's Siberian Volunteer Rifle Corps on the Example of the 75th Stalin's Separate Volunteer Rifle Brigade of Omsk-Siberians (1942). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 378–389. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389 378
- SOBOLEVA, A. N.** *Deti Buryatii: povsednechnaya zhizn' v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Children of Buryatia: Everyday Life under the Conditions of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 390–400. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400 390

- OGURENKO, E. V.** *Sekretnye arkhivy v provintsii v 1940-e – 1960-e gg. na primere Gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti* [Secret Archives in the Periphery in the 1920s–60s: A Case-Study of the State Archive of the Sverdlovsk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 401–412.
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412 401

Scientific Publication of Archival Documents

- SKRYDLOV, A. Yu.** *Pervaya diskussiya ob organizatsii gosudarstvennoi statistiki v Rossiiskoi imperii* [The First Debate on the Organization of State Statistics in the Russian Empire. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 413–429. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429 413
- PASHKOV, A. M.** “*Glavnym predmetom dlya moikh rabot i issledovaniy vseгда sluzhili i sluzhat proyavleniya dukhovnoi, umstvennoi intellektual’noi zhizni russkogo naroda...: avtobiografiya narodnika, religioveda i sotsiologa A. S. Prugavina. 1898 g.* [“The Main Subject for My Labours and Research Have Been Manifestations of Spiritual and Intellectual Life of the Russian People ...”: Autobiography of the Narodnik, Religious Scholar, and Sociologist A. S. Prugavin (1898). In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 430–446.
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446 430
- SHAPOVALOV, M. S.** *Sionist Ehliyakhu Munchik i ego pis’mo ob eh migratsii evreev v Palestinu. 1917 g.* [Zionist Eliyahu Munchik and His Letter on Jewish Emigration to Palestine (1917). In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 447–457.
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457 447
- MOROZOVA, T. I.** “*...Okazat’sya v ryadakh stroitelei sotsializma.*” *K politicheskoi biografii byvshego chlena Iсполnitel’nogo komiteta “Narodnoi voli” M. F. Frolenko. 1935 g.* [“...To Be among the Builders of Socialism.” Revisiting the Political Biography of the Former Member of the Executive Committee of the “Narodnaya Volya” M. F. Frolenko (1935). In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 458–473.
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473 458
- KAIL, M. V.** *Tserkovnaya diplomatiya v SSSR 1960-kh gg. v chastnom raporte episkopa Pitirima (Nechaeva) mitropolitu Nikodimu (Rotovu) o palomnichestve v Svyatuyu Zemlyu* [Church Diplomacy in the USSR of the 1960s in a Private Report of Bishop Pitirim (Nechaev) to Metropolitan Nikodim (Rotov) on the Pilgrimage to the Holy Land. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 474–490. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490 474

Historical Research

- MELNIKOV, I. A.** *Tikhvinskaya staroobryadcheskaya bogadel’nya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The Tikhvin Old Believer Almshouse in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 491–502. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502 491

- DYUKAREV, A. V., OLEFIR, E. A.** *Lokal'nye osobennosti kommunikatsii sovetskoi vlasti i kazach'ego naseleniya Kubani v 1920–1922 gg.: khronika stanitsy Staronizhlestblevskoi* [Local Features of Communication Between the Soviet Government and the Cossack Population of the Kuban (1920–22): The Chronicle of Staronizhlestblevskaya Stanitsa. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 503–515. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515 503
- TIMKIN, Yu. N.** *Oblastnaya organizatsiya RKP(b) Votskoi avtonomnoi oblasti v 1921–1923 gg.: trudnosti protsessa stanovleniya. Po arkhivnym materialam* [Regional Organization of the RCP (B) of the Votyak Autonomous Oblast in 1921–23: Difficulties of Formation Process. Based on Archival Materials. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 516–526. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526 516
- SITDIKOV, A. M.** *Organizatsiya sovetskoi vysshei vnevoiskovoi podgotovki vo vtoroi polovine 1930-kh gg.* [Organization of Soviet Higher Pre-Conscription Military Training in the Second Half of the 1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 527–539. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539 527
- GONINA, N. V.** *Rol' gorno-metallurgicheskogo kombinata v formirovanii gorodskoi sredy Noril'ska v 1950–1970-e gg.* [Role of the Norilsk Nickel Smelter in Formation of Norilsk Urban Environment in the 1950–70s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 540–552. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552 540
- SUDANTS, B. M.** *Perestrochnaya periodicheskaya pechat' kak istoricheskii istochnik po transformatsii obraza V. I. Lenina v 1987–1991 gg.* [Perestroika Periodicals as a Historical Source on the Transformation of Lenin's Image in 1987–91. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 553–564. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564 553

Museum and Archival Collections

- BURMATOV, A. A.** *Zaprosy v statisticheskie upravleniya: potential dlya istoriko-demograficheskikh issledovaniy 1950–1970 gg.* [Requests to Statistical Directorates: Potential for Historical and Demographic Research (1950–70). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 565–575. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575 565

People. Events. Facts

- PETIN, D. I.** *Rabota omskikh chekistov v otnoshenii byvshikh belykh kontrrazvedchikov: kazus Gudimova–Gorskogo* [The Omsk Chekists Working with Ex–White Counterintelligence Agents: The Gudimov-Gorsky Incident. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 576–588. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588 576

- RYBAKOV, V. A.** *Prosopograficheskii portret rukovoditelei Narkomata yustitsii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Po dokumentam RGASPI i GARF* [Prosopographic Portrait of Senior Officials of the RSFSR People's Commissariat for Justice in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45. Documents from the RGASPI and the GARF. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 589–601. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601..... 589

Genealogy: National and Foreign and Practices

- BARINOVA, E. P., KABYTOV, P. S.** *Vospominaniya A. Eh. Fridrikhs kak istochnik o posvednevnoi zhizni dvoryanskogo roda Plemyanikovykh* [Memoirs of A. E. Friedrichs as a Source on the Daily Life of the Plemyanikov Noble Family. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 602–615. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615 602

Archival Fonds and Collections Synopsis

- MITSYUK, N. A.** *Arkhivnye dokumenty Vserossiiskogo popechitel'stva ob okhrane materinstva i mladenchestva kak istochnik po izucheniyu sotsial'noi politiki v 1910–1918 gg.* [Archival Documents of the All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection as a Source for Studying the Social Policies in the 1910–1918. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 616–627. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627 616
- BURLUTSKAYA, E. V.** *Vospitanie cherez "ravnovesie dukha i tela". Fizicheskoe razvitiye detei v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noi pressy na rubezhe XIX–XX vv.* [Education through "Balance of Spirit and Body." Physical Development of Children in Orenburg at the Turn of the 20th Century through the Prism of Regional Press. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 628–639. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639 628

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

**Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues**

Научная статья / Scientific article

УДК 930.2+930.27+930.272+904+903.01+903.07+725.94+334.7+
346.5+63-057.2

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341

Бульчева, Е. В.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

**Социальный состав арендаторов
священных земель в Аттике
второй половины IV в. до н. э.
по данным эпиграфики**

Bulycheva, Elena V.

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

**Social Composition of Sacred Lands Tenants
in Attica of the Second Half of the 4th Century B.C.
according to Epigraphika**

Аннотация

В статье представлен социальный состав арендаторов священных земель в Аттике IV в. до н. э. Эпиграфический материал представляет собой важный источник для изучения различных сфер жизни общества в афинском полисе. До нашего времени сохранились надписи на каменных стелах, содержащие информацию о сдаче в аренду священных земель (теменосов) в Аттике, датированные второй половиной

IV в. до н. э. Используя их информацию, исследователь может рассмотреть ряд вопросов, связанных с историей аграрных отношений в древних Афинах. При этом в историографии этот материал практически не применялся при изучении истории земельных отношений в афинском полисе. В связи с этим цель статьи заключается в том, чтобы на основании имеющегося в нашем распоряжении эпиграфического материала проанализировать социальный состав арендаторов теменосов в Аттике во второй половине IV в. до н. э., представить мотивы их участия в сделке. В статье в качестве основного источника используются тексты договоров о сдаче в аренду священных земель в Аттике, которые опубликованы в сборниках эпиграфического материала, изданных под редакцией Й. Кирхнера и Х. Плекета, а также представлены в научном журнале *Hesperia*. В этих надписях подробно указаны условия аренды земельных участков, посвященных богам и героям, названы имена арендаторов, а также в ряде случаев перечислены их права и обязанности. На основании анализа текста договоров о сдаче в аренду священных земель автор приходит к выводу о том, что арендаторами теменосов в Аттике второй половины IV в. до н. э. являлись граждане полиса. Сравнительный анализ с текстами надписей о сдаче в аренду частных земель в тот же период времени позволяет говорить о том, что в сфере частного землевладения были случаи, когда в качестве арендаторов выступали метеки, не имеющие гражданского статуса. Просопографический анализ имен арендаторов теменосов позволяет автору предположить, что многие из них имели знатное происхождение и были людьми весьма известными в полисе. Автор статьи также обращает внимание на тот факт, что социальный состав арендаторов священных земель в ряде случаев зависит от месторасположения земельного участка. В центральных районах, на землях крупнейших святилищ преобладают арендаторы с высоким социальным статусом. Теменосы, находящиеся на окраинных и прибрежных землях, как правило, попадают в аренду к простолюдинам. В статье также предпринята попытка выявить мотивы для участия в аренде граждан, имеющих высокое социальное положение. По-видимому, прежде всего, это было выполнением своеобразной литургии перед полисом, которая заключалась в обязательстве поддерживать священное землевладение, имеющее особое значение. В целом сделан вывод о том, что большинство арендаторов священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. были гражданами афинского полиса и в ряде случаев имели высокий социальный статус, что свидетельствует об особом отношении к священному землевладению в афинском полисе и о стремлении сохранять и развивать этот земельный фонд в лучших традициях гражданского коллектива.

Abstract

The article assesses social composition of holy lands tenants in Attica of the 4th century B. C. Epigraphic material is an important source for the study of various spheres of society in the Athenian polis. There remain inscriptions on stone steles containing data on leasing of sacred lands (*temenos*) in Attica, dating back to the second half of the 4th century B. C. Using their data, the researcher can consider a number of issues related to the history of agrarian relations in ancient Athens. However, this material has not been used by scholars for studying history of land relations in the Athenian polis. Thus, the article is to analyze social composition of *temenos* tenants in Attica in the second half of the 4th century B. C. on the basis of epigraphic material at our disposal, to present their motives for the transaction. The article uses, as its main source, texts of agreements on lease of sacred lands in Attica, published in collections of epigraphic material by I. Kirhner and H. Pleket and cited in the scientific journal *Hesperia*. These inscriptions detail terms of lease of land plots dedicated to gods and heroes, name tenants, and (in some cases) indicate their rights and obligations. Based on the analysis of texts of sacred lands lease agreements, the author comes to the conclusion that tenants of sacred lands in Attica in the second half of the 4th century B. C. were citizens of the polis. Their comparative analysis with inscriptions concerning private land leasing in the same period suggests that in the sphere of private land ownership there were cases when tenants were *meteks*, who did not have civil status. Prosopographic analysis of the *temenos* tenants' names allows the author to assume that many had noble origins and were very famous people in the polis. The author also underscores the fact that, in some cases, social composition of sacred lands tenants depended on location of the land plot. In the central areas, lands of the largest sanctuaries were dominated by tenants with a high social status. *Temenos* on the periphery or coastal lands were mostly leased to commoners. The article also attempts to identify motives of citizens with a high social status for participating in the lease. Apparently, this was, primarily, fulfillment of a kind of liturgy before the polis, which consisted in obligation to maintain sacred land ownership, which had a special meaning. In general, it is concluded that the majority of tenants of sacred lands in Attica in the second half of the 4th century B. C. were citizens, in some cases, of high social status, which indicates a special attitude to sacred land ownership in the Athenian polis, a desire to preserve and develop this land fund in the best traditions of the civil collective.

Ключевые слова

Исторические источники, договор, условия, Древняя Греция, земля, земельные отношения, гражданин, полис.

Keywords

Historical sources, contract, conditions, Ancient Greece, land, land relations, citizen, policy.

Проблема организации землевладения на священных землях в афинском полисе второй половины IV в. до н. э. является одним из важнейших вопросов в изучении социально-экономической истории Древней Греции. Священные участки (теменосы) представляли особую категорию земель в силу их сакрального характера, полис занимался их распоряжением, выступая от имени богов и героев, которым они посвящались. При этом исследователи, как правило, обращают внимание на характер этого вида земель в целом, не затрагивая какие-то определенные аспекты проблемы¹. В то же время существует ряд важнейших вопросов, изучение которых весьма важно, поскольку дает возможность для комплексного исследования социально-экономического развития полиса². В частности, это проблема социального состава арендаторов священных земель в Аттике (сельскохозяйственной области Афин) второй половины IV в. до н. э. В историографии отсутствуют специальные работы, посвященные этой теме. Можно назвать лишь некоторые исследования, в которых затрагиваются отдельные аспекты данной проблемы³. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в том, чтобы представить социальный состав арендаторов священных земель в Аттике IV в. до н. э., проанализировать причины, побудившие их к участию в сделке. Территориальные и хронологические рамки исследования обусловлены наличием источниковой базы. До нашего времени сохранились договора о сдаче священных земель в аренду в Аттике во второй половине IV в. до н. э. Большинство из них содержится в сборниках эпиграфических материалов, изданных под редакцией Й. Кирхнера и Х. Плекета⁴. Как правило, в договоре представлены основные условия аренды, в качестве арендодателей указываются территориально-административные подразделе-

ния полиса, коллективы – демы, фратрии или религиозные сообщества, которые осуществляют передачу священных земель в аренду частным лицам⁵. Судя по содержанию текста договоров о сдаче в аренду теменосов, арендодатели не были владельцами этих земель, а распорядились ими от лица полиса, проявляя заботу об их сохранности и процветании, что было особенно важно после завершения Пелопоннесской войны, когда земельный фонд Аттики оказался в некотором запустении и требовалось его восстановление. В связи с этим в условиях договоров об аренде прописаны определенные требования к арендаторам. В частности, сказано, чтобы на земельных участках постоянно проводились сельскохозяйственные работы, высаживались новые деревья взамен погибших растений, а также проводились постоянные ремонтные работы хозяйственных помещений, находящихся на территории теменоса⁶. Сроки сдачи священных земель в аренду варьировались от десяти лет до бессрочной. В договоре из Пирея, где говорится о сдаче в аренду пастбищ и хозяйственных построек, указан десятилетний срок действия условий арендного соглашения⁷. В надписи, повествующей о передаче в аренду теменоса демом тейтрасийцев, арендатору предоставляется право бессрочной аренды, что аргументировано его добросовестным выполнением всех обязательств⁸. При этом возникает вопрос о том, каким был социальный состав арендаторов теменосов. В надписях не содержится конкретных сведений о том, какое социальное положение в Афинах было у участников сделки. Опираясь на информацию, имеющуюся в тексте договоров об аренде теменосов, можно сделать некоторые предположения. Прежде всего, в качестве арендаторов священных земель указаны граждане афинского полиса, рабы и женщины устранены от участия в аренде. Сложно точно сказать, были ли среди них чужеземцы (метеки), которые являлись негражданами⁹. Скорее всего, они не участвовали в аренде земельных участков, поскольку в некоторых договорах приводится предписание о том, что для участия в аренде теменосов необходима гарантия в виде недвижимого имущества¹⁰. Такое условие для метеков было невыполнимо, поскольку только граждане афинского полиса могли владеть недвижимостью. При этом метеки указаны

в качестве арендаторов домов и хозяйственных строений на священных территориях. В частности, один из домов, расположенный на теменосе, посвященном богине Афине, арендовал метек из городского дема Кидатенее¹¹. В аренде хозяйственных строений на территории священного участка Зевса Олимпийского участвует метек Эгрофил, сын Филона¹². При этом указано, что для участия в сделке они обязаны предоставить поручителя, который является гражданином афинского полиса. Таким образом, можно предположить, что полисные власти отдавали предпочтение гражданам при сдаче в аренду священной земли. К сожалению, в ряде случаев имена арендаторов не указаны, но, опираясь на некоторые имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно сделать различные предположения, проводя просопографический анализ. В договоре о сдаче в аренду священной земли в деме эксонейцев представлено имя арендатора Автея, сына Автоклея¹³. В. Н. Андреев, занимаясь просопографическим анализом имен участников сделки, предполагает, что это имя указано в списке хорегов, состоятельных граждан полиса, которые участвовали в литургии по финансированию хоров в Афинах¹⁴. Обязанность хорега была весьма почетной, но требовала немалых затрат от граждан полиса¹⁵. Действительно, имя Автей очень редкое и, скорее всего, этот арендатор представлен в списке хорегов. Обязанности по содержанию хоров в Древней Греции были весьма дорогостоящими, их выполняли состоятельные и известные граждане афинского полиса¹⁶. В надписи о сдаче в аренду священного участка земли в деме Прасий, относящейся примерно к 345 г. до н. э., в качестве арендатора указан Киррий, сын Посейдиппа из Прасий¹⁷. Можно предположить, что он был родственником (отцом или сыном) Посейдиппа из Прасий, упомянутого в качестве триерарха в 342 г. до н. э.¹⁸ Выполнение обязанности триерарха в полисе было почетным и затратным, что позволяет говорить о престижном положении этого гражданина в Афинах¹⁹. Скорее всего, обязанности триерарха также выполнял арендатор Диопейт, сын Диопейта из Сфетта, указанный в договоре о сдаче в аренду священных земель в Афинах, датированном серединой IV в. до н. э.²⁰ По-видимому, именно его имя указано в списке триерархов, который относится к этому периоду, пос-

кольку других граждан с этим именем не представлено. М. Уолбэнк, проводивший просопографический анализ имен арендаторов теменосов богинь Афин и Артемиды на территории Аттики, также пришел к выводу о том, что все они относились к весьма известным и состоятельным семьям²¹. При этом следует заметить, что, как правило, состоятельные и известные граждане указаны в числе арендаторов в центральных районах Аттики, а те, кто не имеют высокого социального положения, участвуют в аренде прибрежных, удаленных от центра земель, например, в окрестности порта Пирея²². По-видимому, это явление можно попытаться объяснить следующими причинами. Во-первых, наиболее известные в полисе граждане жили в центральных районах Афин и Аттики, на это указывает просопографический анализ, поскольку рядом с именем фигурирует название дема, в котором проживал арендатор. Во-вторых, арендодатели священных земель, скорее всего, предпочитали передавать в аренду теменосы, находящиеся в центре, в наиболее престижных районах Аттики, весьма известным гражданам, чтобы получить гарантии в наилучшей сохранности этих земель. При этом возникает вопрос о мотивах участия граждан в аренде священных земель. Можно предположить, что граждане, не имеющие высокого социального статуса, стремились участвовать в аренде теменосов по следующим причинам. Во-первых, судя по содержанию договоров об аренде, сумма арендной платы не была высока и варьировалась от 10 до 600 драхм ежегодно, что не считалось большой тратой даже для граждан, не располагающих высоким доходом²³. Во-вторых, согласно условиям аренды, в случае если арендатор выполнял своевременно все необходимые работы, он мог рассчитывать на получение определенной доли урожая²⁴, что, по-видимому, было весьма важно для небогатых земледельцев. Однако вряд ли можно предположить, что подобные привилегии привлекали состоятельных и известных граждан Афин. Скорее всего, у них были иные мотивы для участия в сделке. Возможно, что для них аренда теменосов являлась своеобразной литургией, обязанностью, которую они выполняли перед полисом²⁵. Это было особенно важно в период после Пелопоннесской войны, когда многие земли Аттики находились в запустении и требовалось

их восстановление. Безусловно, особые усилия предпринимались в отношении священных земель, имеющих важный сакральный статус.

Как уже говорилось выше, в условиях договоров об аренде священных земель подробно оговариваются обязанности арендаторов, важнейшими из которых является выполнение ряда работ на территории теменоса. При этом возникает вопрос о том, кто являлся работником на этих землях. В случае когда в качестве арендаторов выступают лица, не имеющие высокого социального статуса, можно предположить, что они сами выполняли различные сельскохозяйственные работы. Однако, поскольку многие арендаторы теменосов занимали весьма престижное положение в обществе, возникает вопрос о том, какой труд использовался на этих землях, так как маловероятно, что трудились весьма известные и состоятельные граждане полиса сами. Материал источников, имеющихся в нашем распоряжении, не дает сведений о том, какую рабочую силу применяли в таких случаях. Можно попытаться сделать некоторые предположения на основании текстов договоров о сдаче в аренду частных земель. Л. М. Глускина, подробно изучавшая случаи частной аренды земельных участков, отмечает, что среди работников указаны вольноотпущенники, которые могли также участвовать в обработке священных земель²⁶. При этом сложным является вопрос о применении рабского труда работников на территории теменосов, которые сдавались в аренду, поскольку точных сведений источников по этому вопросу не сохранилось. В связи с этим можно делать лишь отдельные предположения. М. Джеймсон, подробно изучавший сведения эпиграфики по данному вопросу, пришел к выводу о том, что, как правило, рабский труд использовался в мелких частных хозяйствах, а в крупном землевладении преимущественно были заняты свободные граждане или вольноотпущенники²⁷. При этом речь идет о частном землевладении. К сожалению, до нашего времени не сохранились источники, благодаря которым можно судить о применении труда рабов на священных землях Аттики во второй половине IV в. до н. э. О передаче земельного участка на обработку третьему лицу сведений в договорах об аренде теменосов также не встречается. В договорах о сдаче

в аренду священных земель случаи субаренды не предусмотрены. Например, в надписи о передаче в аренду теменоса диалейцев речь идет о категорическом запрете для арендатора заключать договор с третьим лицом²⁸. В договорах об аренде священных земель из других областей греческого мира, прежде всего с территории Делоса и Гераклеи, также говорится о том, что, как правило, субаренда не использовалась, а работниками на этих землях являлись свободные граждане или вольноотпущенники²⁹. Таким образом, можно предположить, что в случае когда арендатором теменосов в Аттике являлся состоятельный гражданин, работы на земле выполняли свободные граждане или вольноотпущенники.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать некоторые выводы. В афинском полисе во второй половине IV в. до н. э. многие священные земли требовали особой заботы и ухода. Полисные власти старались поддерживать этот земельный фонд, передавая теменосы в аренду. В качестве арендаторов, как правило, выступали граждане полиса, среди которых было немало зажиточных и известных людей, выполняющих обязанности арендаторов в качестве особой литургии.

Примечания / Notes

¹ Глушкина, Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. – Л.: ЛГПИ, 1975. – С. 179. GLUSKINA, L. M. Problems of socio-economic history of Athens to the 4th B.C. Leningrad, LGPI publ., 1975, p. 179.

² FINLEY, M. I. Studies in land and credit in ancient Athens 500 – 200 B. C.; the horos- inscriptions. New Brunswick, New Jersey, 1952, 332 p.

³ Андреев, В. Н. Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // Вестник древней истории. – 1967. – № 2. – С. 50. ANDREEV, V. N. *Atticheskoe obshhestvennoe zemlevladenie V–III vv. do n. e.* [Attic public land ownership 5th-3rd centuries B.C. In Russ.]. IN: *Vestnik drevnei istorii*, 1967, no. 2, p. 50.

⁴ Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriors. 2nd ed. Parts I–III Berlin, De Gruyter, 1913–1940. Как правило, в историографии используется общепринятое сокращение IG. П²с последующим указанием номера текста надписи и строк договора о сдаче в аренду священных земель. Такое сокращение мы будем использовать в настоящей статье.

PLEKET, H. V. *Epigraphica. Texts on the Economic History of the Greek World*. Leiden, Brill Publishing House, 1964, 72 p. Общепринятое сокращение в историографии: Plectet с последующим указанием номера текста надписи и соответствующих строк, которое также будет использовано в данной статье.

⁵ IG. II². 2492. 5–15; IG. II². 2493. 10–15; IG. II². 2499. 5–25, 30–35.

⁶ IG. II². 2492. 5–10; 40–45. 2494. 10–20. 2496. 10–15. 2499, 10–20.

⁷ IG. II². 2498. 15–16.

⁸ Plectet. 41. 10–15.

⁹ WORTHINGTON, I. *Athens After Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian*. Oxford, Oxford University Press, 2020, p. 321.

¹⁰ IG. II². 1172. 20–22; 2498. 10–12.

¹¹ IG. II². 1590. 6–7.

¹² IG. II². 5297. 8–10.

¹³ IG. II². 2492. 2.

¹⁴ Андреев, В. Н. Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // Вестник древней истории. – 1967. – № 2. – С. 55–56. ANDREEV, V. N., 1967, pp. 55–56.

¹⁵ Гушин, В. Р. Афины на пути к демократии. VIII–V века до н. э. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – С. 409. GUSHIN, V. R. *Afiny na puti k demokratii VIII–V veka do n. e.* [Athens on the road to democracy: 8th–5th centuries B. C. In Russ.]. Moscow, Izdatelskii dom Vyssei shkoly ekonomiki publ., 2021, p. 409.

¹⁶ DAVIES, J. *Athenian propertied families. 600–300 B. C.* Oxford, Oxford University Press, 1971, p. 504.

¹⁷ IG. II². 2497. 3–4.

¹⁸ IG. II². 1622. 7.

¹⁹ Бузескул, В. П. Афинская демократия. – М.: Вече, 2019. – С. 226. BUZESKUL, V. P. *Afinskaya demokratiya* [Athenian Democracy. In Russ.]. Moscow, Veche publ., 2019, p. 226.

²⁰ IG. II². 2501. 2–3. 15–21.

²¹ WALBANK, M. B. Leases of sacred properties in Attica. IN: *Hesperia*, 1983, no. 52, pp. 160–201.

²² Андреев, В. Н. Аттическое общественное землевладение II // Вестник древней истории. – 1972. – № 4. – С. 12. ANDREEV, V. N. *Atticheskoe obshchestvennoe zemlevladenie II* [Attic public land ownership II. In Russ.]. IN: *Vestnik drevnei istorii*, 1972, no. 4, p. 12.

²³ Глускина, Л. М. Указ. соч. – С. 52. GLUSKINA, L. M., 1975, p. 52.

²⁴ IG. II². 2492. 40–45. IG. II². 2496. 15–20.

²⁵ OSBORNE, R. Social and economic implications of the land and property in classical and Hellenistic Greece. IN: *Chiron*, 1988, no. 18, pp. 318–320.

²⁶ Глускина, Л. М. Указ. соч. – С. 58–60. GLUSKINA, L. M., 1975, pp. 58–60.

²⁷ JAMESON, M. H. Agriculture and slavery in classical Athens. IN: *The Classical Journal*, 1977, no. 2, pp. 122–145.

²⁸ IG. II.² 1241. 25–30.

²⁹ OSBORNE, R. *Ibid.*, pp. 298–299.

Список литературы

Бузескул, В. П. Афинская демократия. – М.: Вече, 2019. – 480 с.

Гущин, В. Р. Афины на пути к демократии. VIII–V века до н. э. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с.

WORTHINGTON, I. *Athens After Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian.* Oxford, Oxford University Press, 2020, 424 p.

References

BUZESKUL, V. P. *Afinskaya demokratiya* [Athenian Democracy. In Russ.]. Moscow, Veche publ., 2019, 480 p.

GUSHIN, V. R. *Afiny na puti k demokratii VIII – V veka do n. e.* [Athens on the road to democracy: 8th–5th centuries B. C. In Russ.]. Moscow, Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2021, 456 p.

WORTHINGTON, I. *Athens after Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian.* Oxford, Oxford University Press, 2020, 424 p.

Сведения об авторах

Бulycheva Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра всеобщей истории, доцент, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-250-64-56, 8-963-765-52-05, bulychevalena@yandex.ru

About the authors

Bulycheva Elena Vladimirovna, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, department of world history, assistant professor, Moscow, Russian Federation, +7-495-250-64-56, +7-963-765-52-05, bulychevalena@yandex.ru

В редакцию статья поступила 11.10.2022 г., опубликована (для цитирования):

Бulycheva, E. V. Социальный состав арендаторов священных земель в Аттике второй половины IV в. до н. э. по данным эпиграфики // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 331–341. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341

Submitted 11.10.2022, published (for citation):

BULYCHEVA, E. V. *Sotsial'nyi sostav arendatorov svyashchennykh zemel' v Attike vtoroi poloviny IV v. do n. eh. po dannym epigrafiki* [Social Composition of Sacred Lands Tenants in Attica of the Second Half of the 4th Century B.C. according to Epigraphika. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 331–341. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-331-341

Научная статья / Scientific article

УДК 930.25+651.5+331.347.99+331.109.6+331.07+331.109.38+351.82
+351.9+631.1+711.3+631.115.2

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353

Степанова, Л. Г.

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация

**Документы Межевого архива
о землеустройстве и межевании
Ростовского уезда Екатеринославской губернии
и Земли Войска Донского
в конце XVIII – первой половине XIX в.**

Stepanova, L. G.

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

**Documents of the Boundary Archive on Land Management
and Land Surveying of the Rostov Uyezd
of the Yekaterinoslav Gubernia and the Don Host Lands
in the Late 18th – First Half of the 19th Century**

Аннотация

В статье анализируются возможности выявления и использования ранее неизвестных документов Межевого архива для изучения землеустройства и особенностей проведения межевания в Ростовском уезде Екатеринославской губернии и Земле Войска Донского. Ростовский уезд отличался от других уездов Екатеринославской губернии прежде всего тем, что не имел с ней смежных границ и, по сути, располагался внутри Земли Войска Донского. На административно-территориальном устройстве этих двух территориальных образований отразились процессы заселения и освоения новых земель на юге Российской империи. В отличие от межевания Земли Войска Донского, в Межевом архиве сохранился обширный комплекс материалов межевания Ростовского уезда Екатеринославской губернии, в котором отложились документы, связанные с установлением границ между этими территориями и земельными спорами с донскими

казаками. К задачам исследования относится сравнительный анализ выявленных в фонде полевых записок исходных документов межевания с данными Экономических примечаний по Ростовскому уезду Екатеринославской губернии и изучение спорных и мелочных дел, позволяющих уточнить особенности землеустройства двух соседних территорий. Для получения статистических данных по Ростовскому уезду на основе Экономических примечаний была составлена база данных, содержащая сведения о демографических и земельных ресурсах уезда. Анализ первичных документов показал, что основные работы по межеванию территории Ростовского уезда проходили в начале XIX в. Однако на сопредельных территориях фиксировались земельные споры, связанные с пожалованием в первых десятилетиях XIX в. новых земель Войску Донскому, заселением новыми переселенцами казенных пустопоросших земель Ростовского уезда и нередким отсутствием проезда для казаков в свои земли через территорию уезда. Они затягивали проведение межевания и составление итоговых документов. Изучение материалов полевых записок позволило выявить в них сказки местного населения и владельцев дач, содержащих исходные сведения для составлявшихся по Ростовскому уезду Экономических примечаний. Анализ сведений спорных и мелочных дел позволил уточнить механизм решения земельных споров, установления границ и передачи отдельных территорий донским казакам. Вовлеченные в научный оборот документы межевания позволили более глубоко изучить особенности землеустройства и межевания соседних территорий, различающихся по своему заселению и освоению, которые во второй половине XIX в. были объединены в территорию Области Войска Донского.

Abstract

The article analyzes possibilities of identifying and using previously unknown documents of the Land Survey Archive for studying land management and features of land surveying in the Rostov uезд of the Yekaterinoslav gubernia and the Don Host Lands. The Rostov uезд differed from other uyezds of the Yekaterinoslav gubernia, as it did not border with it, located inside the Don Host Lands. The processes of settlement and development of new lands in the south of the Russian Empire were reflected in the administrative-territorial structure of these two territorial entities. In contrast to land surveying of the Don Host Land, the Land Surveying Archive has preserved an extensive collection of land surveying materials for the Rostov uезд of the Yekaterinoslav gubernia, in which documents related to the establishment of boundaries

between these territories and land disputes with the Don Cossacks were deposited. The objectives of the study include comparative analysis of the initial land surveying documents identified in the fond of field notes with the data of the Economic Notes on the Rostov uезд of the Yekaterinoslav gubernia and study of controversial and petty cases in order to clarify the features of the land management of two neighboring territories. To obtain statistical data on the Rostov uезд, a database has been compiled on the basis of the Economic Notes, containing information on demographic and land resources of the uезд. The analysis of primary documents has shown that the main work on surveying the territory of the Rostov uезд took place in the early 19th century. However, in adjacent territories, land disputes were recorded in the first decades of the 19th century that sprang from granting new lands to the Don Cossacks, settlement of new settlers in the state wasteland of the Rostov uезд, and frequent barring of Cossacks from traveling to their lands through the uезд territories. They delayed land surveying and preparation of the final documents. The study of the field notes materials permits to identify reports (*skazki*) of the local population and dacha owners, containing initial information for the Economic Notes compiled for the Rostov uезд. Analysis of controversial and petty cases clarifies the mechanism for resolving land disputes, establishing borders, and transferring territories to the Don Cossacks. Surveying documents introduced into scientific use permits to study the features of land management and surveying of neighboring territories, differing in their settlement and development, which in the second half of the 19th century merged into the Don Host Oblast.

Ключевые слова

Исторические источники, Экономические примечания, полевые записки, сказки местного населения, межевание, Земля Войска Донского, Новороссия, Ростовский уезд, освоение территории.

Keywords

Historical sources, Economic Notes, field notes, *skazki* of the local population, land surveying, Don Host Lands, Novorossiia, Rostov uезд, land development.

Несмотря на большой интерес к истории южных регионов, вошедших в состав Российской империи по результатам русско-турецких войн XVIII в., землеустройство и межевание этих территорий остаются еще недостаточно изученными. Данное исследование основывается на вводимых в научный

оборот документах, хранящихся в межевом отделе Российского государственного архива древних актов, позволяющих более детально изучить эти процессы на различных территориях Новороссии. На рубеже XVIII–XIX вв. в Новороссии особое место занимали земли, расположенные в нижнем течении реки Дон и прилегающие к ним по берегам Азовского моря. Они входили в территорию Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского. Ростовский уезд не имел смежных границ с другими землями своей губернии, по своей территории он был самым небольшим, но многонаселенным. С трех сторон его охватывала территория Земли Войска Донского, с четвертой стороны он граничил с Землей Войска Черноморского. На территории уезда располагались города с прилегающими к ним землями, которые имели особое управление. Земли Ростовского уезда, как и остальные территории Екатеринославской губернии, межевались в процессе Генерального межевания.

Границы Земли Войска Донского были утверждены Екатериной II в 1786 г. В 1794–1795 гг. была установлена генеральная окружная межа с соседними территориями. Она прошла и внутри Земли Донского войска по границе с Ростовским уездом. Однако в начале XIX в. административная граница оставалась неустойчивой. В 1817 г. земли Войска Донского были закреплены за ним «навечно» по специальному указу, в котором подтверждалась неприкосновенность владений донских казаков. В 1888 г. территория Ростовского уезда Екатеринославской губернии была присоединена к Области Войска Донского.

Целью данной статьи является выявление и анализ документов Межевого архива, позволяющих более глубоко изучить землеустройство и межевание южных территорий России, относящихся к разным административно-территориальным единицам и отличающимся друг от друга формами землевладения и землепользования, а также организацией и проведением межевых работ. В процессе Генерального межевания составлялись картографические материалы и Экономические примечания к планам, описывающие конкретную дачу. Большую ценность для исследования представляют малоизученные

исходные документы, в том числе полевые записки землемеров, сказки местного населения, спорные и мелочные дела, заводившиеся в процессе межевания. Задачами исследования является сравнительный анализ исходных документов межевания с данными Экономических примечаний, составленных по Ростовскому уезду Екатеринославской губернии, а также изучение спорных и мелочных дел по этой территории. Территориальные рамки исследования ограничены территорией Ростовского уезда и соприкасавшимися с ней землями Войска Донского. Хронологические рамки исследования охватывают конец XVIII – первую половину XIX в., когда на этой территории проводились основные межевые работы.

В современной российской историографии на основе материалов Межевого архива изучаются различные вопросы, связанные в том числе с реализацией губернской реформы конца XVIII в.¹, изучением городов с примезеванными к ним землями², особенностями межевания отдельных территорий³. Вопросы межевания административно-территориальных образований на землях донских казаков затрагиваются лишь в отдельных работах российских историков⁴. В то же время изучение особенностей проведения межевания в Области Войска Донского позволило прийти к важному выводу, что время проведения и исходные документы делопроизводства сближают межевание казачьих земель, осуществлявшееся в рамках Специального межевания, с Генеральным межеванием⁵.

Межевые работы на территории Ростовского уезда Екатеринославской губернии и сопредельных землях донских казаков и связанные с ними вопросы землеустройства, в том числе изучение состояния земельных угодий и качества земель, установления на местности границ, особенностей природопользования, остаются вне поля зрения исследователей. Между тем материалы Генерального межевания по Ростовскому уезду Екатеринославской губернии представлены обширным комплексом документов. В отличие от материалов межевания Земли Войска Донского, в них имеются итоговые материалы – уездный план⁶ и атлас уезда⁷, а также Экономические примечания к планам. Сохранились также исходные документы межевания, планы дач⁸.

Хранящиеся в РГАДА Экономические примечания по Ростовскому уезду Екатеринославской губернии относятся к 1828 г.⁹ При проведении исследования на основе Экономических примечаний была составлена база данных по 64 дачам, в которую вошли сведения о количестве поселений, дворов, мужских и женских душ, количестве и качестве земельных угодий, грунте земли и его плодородии, видах и составе леса, зверей, имевшихся рыбных ресурсах. Благодаря этому удалось установить, что в целом землемеры обмежевали в Ростовском уезде 357 225 дес. 1 659 саж. земли. Из всего этого количества земель к пашне было отнесено 60 824 дес. 1 266 саж. (17%), санным покосам – 244 100 дес. 1 215 саж. (68,3%), лесу – 135 дес. 112 саж (0,04%), неудобным местам – 51 112 дес. 1 840 саж. (14,3%), поселениям – 1 042 дес. 2 026 саж. (0,3%). Общее количество взрослого населения, зафиксированное по данным ревизии на обмежеванных дачах, составило 26 804 душ обоего пола (15 361 м. д. и 11 443 ж. д.). Средняя численность двора достигала 6,3 души (3,6 м. д. и 2,7 ж. д.).

Изучение фонда полевых записок приводит к выводу, что основные межевые работы на территории Ростовского уезда проходили в 1798–1808 гг. В фонде хранятся полевые записки по межеванию 34 дач¹⁰. В полевых записках встречаются важные исходные материалы межевания – сказки местного населения и владельцев дач, использовавшиеся для составления Экономических примечаний. Сравнительный анализ данных показывает, что в них содержится более подробное, чем в итоговых документах межевания, описание сложившихся хозяйственных комплексов. Так, в сказке сельца Горской породы отмечается, что в сельце имеется мукомольная ветряная мельница об одной поставе с толчею. Земля сельца описывается как серопесчаная, на которой без удобрения хорошие урожаи приносят рожь, пшеница, овес, ячмень, полба и просо. Важными являются сведения о размере барщины – 120 дес.¹¹ В «Сказке о примечании» деревни Царедар владелец описывает не только размер барщины, но и крестьянские промыслы: «Крестьяне состоят на изделье, промышленяют хлебопашеством. Землю пашут на меня 90 дес., а остальную на себя, к чему оне радетьельны, а некоторая часть на оброке

платят мне с каждой души по 5 руб. в год. Которые промысел имеют с отпускными билетами в разные селения, нанимаются в работники и находятся на ватагах рыбных ловель»¹².

В «Сказке о примечании» поверенного от казенных поселян села Николаевского упоминаются девять ветряных мукомольных мельниц, три из которых с толчеями. Среди основных занятий казенных поселян называется хлебопашество. В то же время грунт земли характеризуется как серопесчаный и каменистый, не весьма способный к плодородию, на котором родится рожь, овес, пшеница, просо и ячмень. Поселяне состоят на казенном окладе и платят поземельные деньги – в год с каждой десятины по 5 коп. Земельные угодья дачи простираются по берегам рек Миус и Самбек и по берегу Миусского лимана. Они богаты рыбными ловлями, где помимо распространенных видов рыб ловятся осетры и севрюги¹³. В «Сказке к Экономическому примечанию» села Лакедемонского с хуторами описывается рыбный завод, стоящий на Беглицкой косе Азовского моря. Среди выловленной рыбы называются осетры, севрюги, белорыбица, стерлядь, которые солются на том заводе и продаются приезжающим из разных городов и селений¹⁴.

Более пристальное изучение спорных¹⁵ и мелочных¹⁶ дел, относящихся к первой половине XIX в., показало, что межование территории Ростовского уезда затягивало земельные споры с Войском Донским. Граница, установленная в 1795 г. в присутствии депутатов, войскового землемера и представителей от Екатеринославского наместничества, не устраивала обе стороны. Споры между донскими казаками и жителями Ростовского уезда Екатеринославской губернии велись по приносящим доход угодьям, особенно рыбным. В 1804–1809 гг. Войско Донское вело споры по морскому берегу, рыбным ловлям и заводам при устье реки Самбек. Оно просило вернуть ранее уступленные земли между рекой Кагальник и Азовским морем с морским берегом, водами и рыбными ловлями, причислить к Войску Батайскую и Койсугскую земли с селениями, состоящими между войсковыми владениями¹⁷. В свою очередь жители Ростовского уезда Екатеринославского уезда выдвигали требования об обмене своих земель,

непригодных к хлебопашеству, с войсковыми, просили отдать им для лучшего ведения хозяйства казенную пустопоросшую землю, смежную с территорией Донского войска, поскольку не имели достаточного количества земли для пашни и сенокосов, а также водных источников¹⁸.

Большие проблемы возникали из-за того, что часть земель Войска Донского располагалась отдельными анклавами внутри территории Ростовского уезда. Однако пока рассматривались прошения о выделении смежных земель, продолжалось переселение казенных поселян на пустопоросшие земли уезда. При выезде комиссий на спорные места излишних земель не обнаруживалось. Более того, новые казенные поселяне испытывали недостаток в удобных землях, пригодных для ведения сельского хозяйства. Поэтому при исполнении решений Правительствующего Сената землемерам Екатеринославской межевой конторы приходилось производить межевание земель таким образом, чтобы можно было соединить между собой небольшими проездами пожалованные Войску территории¹⁹.

Таким образом, выявленные в Межевом архиве исходные документы Генерального межевания Ростовского уезда Екатеринославской губернии позволяют не только изучить особенности межевания этой территории, но и прояснить механизм установления границ и передачи отдельных владений между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского. Документы межевания позволяют более глубоко изучить особенности землеустройства на соседних территориях, объединенных позже в единый регион и отличающихся друг от друга спецификой заселения и освоения территории. Сравнительный анализ исходных документов с данными Экономических примечаний по Ростовскому уезду Екатеринославской губернии и вероятность нахождения сказок местного населения и владельцев дач в составе полевых записок свидетельствуют о перспективности их привлечения в качестве исторического источника при изучении процесса самого межевания, а также различных сторон повседневной жизни населения.

Примечания / Notes

¹ Хитров, Д. А. Образование Орловского наместничества в ходе губернской реформы Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 3. – С. 16–27. KHITROV, D. A. *Obrazovanie Orlovskogo namestnichestva v khode gubernskoi reformy Ekateriny II* [Formation of the Orloy vicerealty during the provincial reform of Catherine II. In Russ.]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2018, no. 3, pp. 16–27.

² Черненко, Д. А. Город Новохоперск в конце XVIII – начале XIX века (по материалам Генерального межевания) // Казачество. – 2020. – № 50 (8). – С. 56–62. CHERNENKO, D. A. *Gorod Novokhopersk v kontse XVIII – nachale XIX veka (po materialam General'nogo mezhevaniya)* [The city of Novokhopersk at the turn of the 19th century (based on the materials of the General Land Survey). In Russ.]. IN: *Kazachestvo*, 2020, no. 50 (8), pp. 56–62.

³ Степанова, Л. Г. Экономические примечания о межевании Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – № 1. – С. 605–621. STEPANOVA, L. G. *Ekonomicheskie primechaniya o mezhevanii Kryma v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Economic notes on the surveying of the Crimea in the late 18th – first half of the 19th century. In Russ.]. IN: *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2020, no. 1, pp. 605–621.

⁴ Агафонов, А. И. От Великой Тартарии к Земле Донского войска (XVI – первая треть XIX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (194). – С. 22–31. AGAFONOV, A. I. *От Velikoi Tartarii k Zemle Donskogo voiska (XVI – pervaya tret' XIX veka)* [From Great Tartaria to the Don Host Lands (16th – first third of the 19th century). In Russ.]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2017, v. 2 (194), pp. 22–31; Сафронкина, Е. И. К вопросу о межевании земель на Дону в пореформенный период // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12 (102). – С. 149–152. SAFRONKINA, E. I. *K voprosu o mezhevanii zemel' na Donu v poreformennyi period* [On the issue of land surveying on the Don in the post-reform period. In Russ.]. IN: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, no. 12 (102), pp. 149–152.

⁵ Голубинский, А. А., Немцева-Фролова, Н. Ф., Хитров, Д. А. Межевание в области Войска Донского: особенности проведения и методы исследования // Кавказский сборник. – 2011. – Т. 7 (39). – С. 164–175. GOLUBINSKII, A. A., NEMTSEVA-FROLOVA, N. F., KHITROV, D. A. *Mezhevaniye v oblasti Voiska Donskogo: osobennosti provedeniya i metody issledovaniya* [Surveying in the area of the Don Host: Features of conducting and research methods. In Russ.]. IN: *Kavkazskii sbornik*, 2011, vol. 7 (39), pp. 164–175.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1055–1060. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov*

[The Russian State Archive of Ancient Acts] RGADA, fond 1356, series 1. File 1055–1060.

⁷ Там же. Д. 1061–1068. Ibid., files 1061–1068.

⁸ Там же. Ф. 1354. Оп. 118. Ibid., fond 1354, series 118.

⁹ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 389, 390. Ibid., fond 1355, series 1, file 389, 390.

¹⁰ Там же. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 466–518. Ibid., fond 1308, series 1, files 466–518.

¹¹ Там же. Д. 470. Л. 11–11 об. Ibid., file 470, pp. 11–11 verso.

¹² Там же. Д. 506. Л. 12–12 об. Ibid., file 470, pp. 12–12 verso.

¹³ Там же. Д. 482. Л. 30–31. Ibid., file 48, pp. 30–31.

¹⁴ Там же. Д. 507. Л. 21. Ibid., file 507, pp. 21.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 631–693. Ibid., series 2, files 631–693.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 370–388. Ibid., series 5, files 370–388.

¹⁷ Ibid. Ф. 1308. Оп. 2. Д. 637. Л. 1–1 об. Ibid., fond 1308, series 2, file 637, pp. 1–1 verso.

¹⁸ Там же. Л. 29. Ibid., p. 29.

¹⁹ Там же. Л. 189–189 об. Ibid., pp. 189–189 verso.

Список литературы

Агафонов, А. И. От Великой Тартарии к Земле Донского войска (XVI – первая треть XIX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (194). – С. 22–31.

Голубинский, А. А., Немцева-Фролова, Н. Ф., Хитров, Д. А. Межевание в области Войска Донского: особенности проведения и методы исследования // Кавказский сборник. – 2011. – Т. 7 (39). – С. 164–175.

Сафронкина, Е. И. К вопросу о межевании земель на Дону в пореформенный период // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12 (102). – С. 149–152.

Степанова, Л. Г. Экономические примечания о межевании Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – № 1. – С. 605–621.

Хитров, Д. А. Образование Орловского наместничества в ходе губернской реформы Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 3. – С. 16–27.

Черненко, Д. А. Город Новохоперск в конце XVIII – начале XIX века (по материалам Генерального межевания) // Казачество. – 2020. – № 50 (8). – С. 56–62.

References

AGAFONOV, A. I. *Ot Velikoi Tartarii k Zemle Donskogo voiska (XVI – pervaya tret' XIX veka)* [From Great Tartaria to the Don Host Lands (16th – first third of the 19th century)]. In Russ.]. IN: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2017, no. 2 (194), pp. 22–31.

GOLUBINSKII, A. A., NEMTSEVA-FROLOVA, N. F., KHITROV, D. A. *Mezhevanie v oblasti Voiska Donskogo: osobennosti provedeniya i metody issledovaniya* [Surveying in the area of the Don Host: Features of conducting and research methods. In Russ.]. IN: *Kavkazskii sbornik*, 2011, vol. 7 (39), pp. 164–175.

SAFRONKINA, E. I. *K voprosu o mezhevanií zemel' na Donu v poreformennyi period* [On the issue of land surveying on the Don in the post-reform period. In Russ.]. IN: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, no. 12 (102), pp. 149–152.

STEPANOVA, L. G. *Ekonomicheskie primechaniya o mezhevanií Kryma v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Economic notes on the surveying of the Crimea at the turn of the 19th century. In Russ.]. IN: *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*. 2020, no. 1, pp. 605–621.

KHITROV, D. A. *Obrazovanie Orlovskogo namestnichestva v khode gubernskoi reformy Ekateriny II* [Formation of the Oryol vicerealty during the provincial reform of Catherine II. In Russ.]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija*, 2018, no. 3, pp. 16–27.

CHERNENKO, D. A. *Gorod Novokhopersk v kontse XVIII – nachale XIX veka (po materialam General'nogo mezhevaniya)* [The city of Novokhopersk at the turn of the 19th century (based on the materials of the General Land Survey)]. In Russ.]. IN: *Kazachestvo*, 2020, no. 50 (8), pp. 56–62.

Сведения об авторах

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет, кафедра истории России, профессор, г. Краснодар, Российская Федерация, 8-861-219-95-56, 8-918-468-99-92, liliya_stepanova@list.ru

About the authors

Stepanova Liliya Gennadevna, PhD in History, associate professor, Kuban state University, department of Russian history, professor, Krasnodar, Russian Federation, +7-861-219-95-56, +7-918-468-99-92, liliya_stepanova@list.ru

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330 (<https://rscf.ru/project/22-28-00330/>) «Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания».

Grant information

The study has been supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00330 (<https://rscf.ru/project/22-28-00330/>) “Settlement of Southern Borderlands of Russian Empire in the 19th Century and Problems of Land Management and Surveying.”

**В редакцию статья поступила 18.10.2022 г.,
опубликована (для цитирования):**

Степанова, Л. Г. Документы Межевого архива о землеустройстве и межевании Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 342–353. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353

Submitted 18.10.2022, published (for citation):

STEPANOVA, L. G. *Dokumenty Mezhevogo arkhiva o zemleustroistvoe i mezhevanii Rostovskogo uezda Ekaterinoslavskoi gubernii i Zemli Voiska Donskogo v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Documents of the Boundary Archive on Land Management and Land Surveying of the Rostov Uyezd of the Yekaterinoslav Gubernia and the Don Host Lands in the Late 18th – First Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 342–353. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-342-353

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+659.4+325.3+351.881+331.07+331.2+338.23+331.91
+331.97+351.72+351/354+351.81+351.82+351.86+351.9+32.019.5
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363

Ходяков, М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**«Громадная пиявка, присосавшаяся
к государственному сундуку»:
Китайско-Восточная железная дорога
в оценках российской прессы начала XX века**

Khodjakov, Mikhail V.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia Federation

**“Giant Leech on the State Chest”:
The Chinese Eastern Railway in Assessments
of the Russian Press of the Early 20th Century**

Аннотация

В статье рассматривается отношение российской прессы начала XX столетия к масштабному проекту по строительству и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), начатому в 1890-х гг. Несмотря на поражение в Русско-японской войне, государственные интересы не позволили российскому правительству напрямую отказаться от экспансии в Маньчжурии. Однако новые внутриполитические условия заставили его иначе обозначить цели и задачи России в процессе колонизации Дальнего Востока. КВЖД, строившаяся на пустынных китайских землях, за короткое время превратилась в своеобразное «государство в государстве», имевшее своего главу (управляющего), министерства (земельный отдел, служба тяги и т. д.), полицию и армию (пограничная стража Заамурского округа), суд, систему муниципального управления, образования и здравоохранения. Поскольку эксплуатация дороги требовала значительных финансовых затрат, это обстоятельство не могло остаться без внимания журналистов и общественности. Проблемы финансирования железнодорожного строительства являлись предметом рас-

смотрения на заседаниях Государственной думы. Данные Бюджетной комиссии Думы становились достоянием гласности. Следствием этого стало появление ряда публикаций в прессе. Положение дел на КВЖД широко обсуждалось в самых различных кругах. Наибольший интерес вызывали публикации людей, знавших ситуацию изнутри. Они резко критиковали Маньчжурский вариант проникновения на Восток, который считали ошибочным. Поскольку ликвидировать реализовывавшийся неудачный коммерческий проект в обозримой перспективе не представлялось возможным, предлагался ряд мер по упорядочению эксплуатации дороги. Они должны были включать в себя введение на КВЖД государственного контроля, сокращение средств, выделяемых на содержание Управления дороги и Правления Общества КВЖД, а также сокращение служебных перевозок. Как представлялось, это могло позволить осуществлять эксплуатацию дороги с минимальными убытками.

Abstract

The article examines the attitude of the Russian press of the early 20th century to the large-scale project of construction and operation of the Chinese Eastern Railway (CER), which began in the 1890s. Despite the defeat in the Russo-Japanese War, state interests did not allow the Russian government to abandon expansion in Manchuria. However, new domestic political conditions forced it to redefine its goals and objectives in the colonization of the Far East. The Chinese Eastern Railway, built on desolate Chinese lands, over a short time turned into a kind of “state within a state” with its own head (manager), ministries (Land Department, Traction Service, etc.), police and army (Border Guard of the Zaamursky District), court, system of municipal government, education, and healthcare. Since the operation of the road required significant financial costs, this circumstance could not go unnoticed by journalists and the public. The problems of financing railway construction were the subject of consideration at the State Duma meetings. The data of the Budget Commission of the Duma became public. This resulted in appearance of a number of publications in the press. The state of the CER affairs was widely discussed in various circles. Of greatest interest were the publications of people who knew the situation from the inside. They sharply criticized the Manchurian project of penetration into the East, considering it erroneous. Since it was impossible to liquidate the unsuccessful commercial project in foreseeable future, a number of measures were proposed to streamline the operation of the road. These were to include introduction of state control over the CER, reduction in funds allocated for the maintenance

of the Road Administration and the Board of the CER Society, as well as reduction of official transportation. It seemed to minimize the losses in the road operation.

Ключевые слова

Исторические источники, Китайско-Восточная железная дорога, колонизация, российская пресса, расходы на эксплуатацию.

Keywords

Historical sources, Chinese Eastern Railway, colonization, Russian press, operating costs.

Заложенная в 1896 г. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) связала Читу с Владивостоком и Порт-Артуром, став базой для защиты интересов Российской империи на Дальнем Востоке. Неудачный исход Русско-японской войны 1904–1905 гг. не остановил процесс экономического освоения края. Итогом стали огромные финансовые вложения, направленные на введение в эксплуатацию и поддержание в рабочем состоянии железных дорог, являвшихся важным элементом русской колонизации¹.

Истории строительства и функционирования КВЖД посвящено значительное количество научных трудов. В наиболее обстоятельных исследованиях по данному вопросу А. В. Ремнева и И. В. Лукоянова, характеризующих российскую политику и экономику рубежа XIX–XX вв. на Дальнем Востоке, подробно представлена историографическая составляющая проблемы².

Юридически, являясь частным предприятием, КВЖД принадлежала русскому «Обществу Китайской Восточной железной дороги» с уставом, утвержденным Николаем II в конце 1896 г. Фактически она была казенной русской дорогой в Китае, построенной на средства казны и управляемой Министерством финансов через особый орган – Правление Общества КВЖД. Финансировалась дорога Министерством финансов по смете обыкновенных и чрезвычайных расходов департамента Железнодорожных дел³. До начала Первой мировой войны модернизация КВЖД, строительство пристанционных поселков и городов в Маньчжурии сохраняли

двойственность положения российских территорий вдоль «арендованной окраины» – линии КВЖД в Маньчжурии. Все это, безусловно, сказывалось на распределении ресурсов и сил России⁴.

В настоящей статье автор обращает внимание на реакцию российской прессы, писавшей о вопросах организации управления КВЖД, эксплуатационных расходах, недоделках, перерасходе средств, затратах по освоению полосы отчуждения. Функционирование дороги начиналось в условиях растущего экономического влияния Китая. «Харбинский вестник» в конце 1907 г. прозорливо предрек «в непродолжительном времени» острую конкуренцию Китая с западными странами по снабжению сталью рынков Дальнего Востока. Управление железными дорогами при этом, как отмечали авторы публиковавшихся статей, неизбежно перейдет в руки китайского правительства, а все необходимое для их эффективного функционирования станет «производиться у них дома, а не за границей»⁵.

Неациональное использование дороги и ее возможностей неоднократно отмечали люди, знающие проблему изнутри. Бросалось в глаза то, что многие проблемы, связанные с деятельностью КВЖД, решались Правлением, находящемся в Санкт-Петербурге. Права Управления в Харбине были серьезно ограничены. Для решения текущих вопросов в Харбин регулярно командировались члены Правления, выступавшие своеобразными «соглядатаями», которым не только оплачивались «прогонные» расходы, но также выдавались суточные, подъемные и т. д.⁶

Уход весной 1910 г. со своего поста начальника коммерческой службы КВЖД Г. Г. Кобылинского привел к публикации в дальневосточной прессе статей о бездоходности дороги, дающей «одни убытки»⁷. Одной из причин сложившейся ситуации авторы публикаций считали отсутствие «опытных руководителей, которые могли бы поднять весь край в торгово-промышленном отношении» и привести его к процветанию. Влияли на это и действия руководителей КВЖД, которые управляли дорогой из Санкт-Петербурга: «...Правление общества назначает с российских железных дорог

обыкновенного ж. д. агента, снабжая его особыми полномочиями, головокружительным окладом содержания и вверяет ему всю судьбу коммерческой деятельности дороги и всего края»⁸. Такие представители коммерческой части, прибывая в Харбин, вместо того, чтобы сразу ознакомиться с положением торговли и промышленности на Дальнем Востоке, начать тесное общение с местными коммерсантами, приступали к обмену телеграммами с Правлением общества, запрашивая у него «чуть ли не ежедневно» те или иные указания, «как будто бы дело идет о нуждах петербургских, а не дальневосточных коммерсантов»⁹.

Газета «Железнодорожная жизнь», критикуя Правление дороги, отмечала, что это учреждение, «диктующее за десятки тысяч верст Управлению дороги директивы, не всегда может быть в курсе дела, а заботится лишь только о сокращении расходов». Указывая на один из самых болезненных вопросов КВЖД, газета писала о необходимости увеличения жалованья тем служащим, которые состояли «на мизерных окладах»¹⁰.

Пробывание в Харбине министра финансов В. Н. Кокцово инициировало предложение «о возможных мероприятиях по сокращению расходов». Эту «реформу» решили начать с упразднения должностей начальников отделений эксплуатации и с «выделения телеграфа в самостоятельную службу». Предполагалось упразднить должности «контролер-механиков телеграфа». Идею поддержал один из руководителей дороги инженер А. К. Гинце, по распоряжению которого был назначен съезд начальников отделений и контролер-механиков «для совместного совещания». Предполагалось, что упразднение 13 должностей линейных механиков сократит излишнюю переписку и даст дороге экономию в 30 тыс. руб. в год¹¹.

«Оптимизация» на КВЖД, вызвавшаяся в присоединении телеграфа к службе движения, вместо «громдой экономии» привела к уходу со своих должностей опытных телеграфистов, вынужденных работать по 11–12 часов в сутки, выполняя «все капризы администрации». Освобожденные должности замещались случайными людьми. Как итог,

«хроническим явлением» на КВЖД стала утрата денежных переводов и замедленное прохождение корреспонденции¹². «Однобокая экономия» выразилась в том, что служащих дороги принимали не как штатных сотрудников, а как «поденных», убавив им жалование на 10–15 руб. каждому. Стремление к поддержанию на дороге «образцового порядка» привело к валу обязательных к исполнению распоряжений. По поводу методов управления на дороге образно высказались корреспонденты газеты «Новый край», выступавшие под псевдонимами «Осведомленный» и «Независимый»: «Линейцы читают и с саркастической улыбочкой подписываются в прочтении целого выпуска вновь испеченных циркуляров и приказов и, как бы недоумевая, спрашивают: К чему это?»¹³.

Расходы КВЖД и ее эксплуатация, разумеется, являлись одной из наиболее обсуждаемых тем. Говоря о «бесхозяйственности» в этих вопросах, газета «Харбин», давала оценку частному, казалось бы, вопросу о закупке нефти, отмечая факты закупки больших объемов топлива «по значительным ценам». Поскольку цены на нефть были подвержены колебаниям и имели тенденцию к снижению, такой способ ее приобретения приносил казне значительные убытки¹⁴.

Отвечая на риторический вопрос: «Куда идут миллионы КВЖД?», осведомленный корреспондент вслед за Бюджетной комиссией Государственной думы делал вывод о «колоссальных затратах» на поддержание деятельности дороги. Эти расходы прямо именовались «вымышленными», не вызванными действительными надобностями дороги¹⁵.

«Новое время», говоря о «злосчастной маньчжурской дороге», сравнило ее с «громадной пиявкой, присосавшейся к казенному сундуку»¹⁶. Действительно, расходы на железную дорогу быстро превзошли первоначальные планы примерно в 2 раза. Главными причинами такого положения вещей, как полагают исследователи, стали широкомасштабное воровство, расточительство и фантастические аппетиты подрядчиков. Затраты на КВЖД в целом до Русско-японской войны Н. Е. Аблова оценивала в «375 млн руб. золотом», а с учетом расходов на благоустройство – в 413 млн руб.¹⁷ И. В. Лукоянов

писал о сумме «порядка 450 млн руб.»¹⁸. К 1912 г. расходы на дорогу составили свыше 831 млн руб. Почти 135 млн из них пришлось на эксплуатационный дефицит за 1903–1911 гг. И это несмотря на то, что тарифы на КВЖД были в среднем в 2–3 раза выше, чем на других железных дорогах России¹⁹.

Существовавшие в печатных изданиях начала XX в. оценки ситуации на КВЖД свидетельствуют о крайней неэффективности использования государственных средств, а также методов руководства дорогой. Авторы публикаций отмечали не только тотальное воровство, но и грядущую «желтую опасность» для пограничных российских территорий. Описания комфортной жизни в «счастливой Хорватии» (как именовали администрацию Управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата) в исследуемый период на страницах прессы практически не встречаются.

Примечания / Notes

¹ Янченко, Д. Г., Старовойтова, Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 583–597. YANCHENKO, D. G., STAROVOITOVA, E. O. *Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voiny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika* [Prospects for economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: Regional dimension and St. Petersburg policy. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 583–597.

² Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: Русская панорама, 2004. – 432 с. ABLOVA, N. E. *KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)*. [The CER and Russian emigration in China: International and political aspects of history (the first half of the 20th century). In Russ.]. Moscow, Russkaya panorama publ., 2004, 432 p.; Лукоянов, И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с. LUKOYANOV, I. V. *“Ne otstat’ ot derzhav...” Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v.* [“Not to fall behind the great powers...”: Russia in the Far East at the turn of the 20th century. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya

publ., 2008, 668 p.; Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Наука, 2013. – 248 с. REMNEV, A. V., SUVOROVA, N. G. Colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries. Omsk, Nauka publ., 2013, 248 p.

³ Доклады Бюджетной комиссии второй Государственной думы (не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска) / Под ред. М. П. Федорова. – СПб.: Б. и., 1907. – С. 222–223. FEDOROV, M. P. (ed.). Reports of the Budget Commission of the Second State Duma (not considered by the Duma as a result of its dissolution). St. Petersburg, 1907, pp. 222–223.

⁴ Янченко, Д. Г. Амурская экспедиция и Комитет по заселению Дальнего Востока в планах Совета министров России при П. А. Столыпине // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 70. YANCHENKO, D. G. The Amur Expedition and the Committee for the Settlement of the Far East in the Agenda of the Russian Council of Ministers under P. A. Stolypin. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2023, vol. 13, no. 1, p. 70.

⁵ Харбинский вестник. – 1907. – 25 декабря. *Kharbinskii vestnik*, December 25, 1907.

⁶ Харбин, ст. Что такое Китайская Восточная ж. д. и куда идут ее миллионы? – СПб.: Печатное искусство, 1908. – С. 8–9. KHARBINSKII, St. What is the Chinese Eastern Railway and where are her millions going? St. Petersburg, Pechatnoe iskusstvo publ., 1908, pp. 8–9.

⁷ Новый край. – 1910. – 11 мая. *Novyi krai*, May 11, 1910.

⁸ Там же. Ibid.

⁹ Там же. Ibid.

¹⁰ Железнодорожная жизнь. – 1909. – 2 декабря.

¹¹ Новый край. – 1909. – 13 декабря. *Novyi krai*, December 13, 1909.

¹² Новый край. – 1910. – 6 июня. *Novyi krai*, June 6, 1910.

¹³ Новый край. – 1910. – 9 января. – 12 марта. *Novyi krai*, January 9, 1910; March 12.

¹⁴ Харбин. – 1909. – 14 апреля. *Kharbin*, April 14, 1909.

¹⁵ Русская Казна на Китайской дороге. – СПб.: Сиб. Торг-Пром. Календарь, 1910. – С. 10, 14. Russian Treasury on the Chinese road. St. Petersburg, Sib. Torg-Prom. Kalendar' publ., pp. 10, 14.

¹⁶ Новое время. – 1909. – 24 ноября (7 декабря). *Novoe vremya*, November 24 (December 7), 1909.

¹⁷ Аблова, Н. Е. Указ. соч. – С. 56, 78. ABLOVA, N. E., 2004, pp. 56, 78.

¹⁸ Лукоянов, И. В. Указ. соч. – С. 109. LUKOYANOV, I. V., 2008, p. 109.

¹⁹ Там же. Ibid.

Список литературы

Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: Русская панорама, 2004. – 432 с.

Лукоянов, И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с.

Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Наука, 2013. – 248 с.

Русская Казна на Китайской дороге. – СПб.: Сиб. Торг.-Пром. Календарь, 1910. – 30 с.

Харбин, ст. Что такое Китайская Восточная ж. д. и куда идут ее миллионы? – СПб.: Печатное искусство, 1908. – 132 с.

Янченко, Д. Г. Амурская экспедиция и Комитет по заселению Дальнего Востока в планах Совета министров России при П. А. Столыпине // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 56–75. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.104>.

Янченко, Д. Г., Старовойтова, Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 583.

References

ABLOVA, N. E. The CER and Russian emigration in China: International and political aspects of history (the first half of the 20th century). Moscow, Russkaya panorama publ., 2004, 432 p.

LUKOYANOV, I. V. “*Ne otstat’ ot derzhav...*” *Rossiya na Dal’nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [“Not to fall behind the great powers ...”: Russia in the Far East at the turn of the 20th century. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2008, 668 p.

REMNEV, A. V., SUVOROVA, N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional’nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th–early 20th century. In Russ.]. Omsk, Nauka publ., 2013, 248 p.

Russian Treasury on the Chinese road. St. Petersburg, Sib. Torg-Prom. Kalendar’ publ., 1910, 132 p.

KHARBINSKII, St. What is the Chinese Eastern Railway and where are her millions going? St. Petersburg, Pechatnoe iskusstvo publ., 1908, 30 p.

YANCHENKO, D. G. The Amur Expedition and the Committee for the Settlement of the Far East in the Agenda of the Russian Council of Ministers under P. A. Stolypin. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 56–75.

YANCHENKO, D. G., STAROVOITOVA, E. O. *Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voiny: regional’nyi aspekt i peterburgskaya politika* [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: Regional dimension and St. Petersburg policy. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 583–597.

Сведения об авторах

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра новейшей истории России, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

About the authors

Khodjakov Mikhail Viktorovich, PhD in History, professor, St. Petersburg State University, Institute of History, department of modern history of Russia, professor, St.Petersburg, Russia Federation, +7-921-563-44-07; m.khodyakov@spbu.ru

Сведения о грантах

Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01350 «Колонизация Дальнего Востока и Маньчжурии в правительственных документах, публицистике и периодике России и Китая 1894–1920 гг.»

<https://rscf.ru/project/22-28-01350/>

Grant information

The study has been supported by the research grant no. 22-28-01350 “Colonization of the Far East and Manchuria in Russian and Chinese Government Documents, Journalism and Periodicals, 1894–1920” of the Russian Science Foundation.

<https://rscf.ru/project/22-28-01350/>

В редакцию статья поступила 10.04.2022 г., опубликована (для цитирования):

Ходяков, М. В. «Громадная пиявка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX века // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 354–363. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363

Submitted 10.04.2022, published (for citation):

KHODJAKOV, M. V. “*Gromadnaya piyavka, prisosavshayasya k gosudarstvennomu sunduku*”: *Kitaisko-Vostochnaya zheleznaya doroga v otsenkakh rossiiskoi pressy nachala XX veka* [“Giant Leech on the State Chest”: The Chinese Eastern Railway in Assessments of the Russian Press of the Early 20th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 354–363. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-354-363

Научная статья / Scientific article

УДК 930.25+651.5+351/354+351+353+35.071.1+35.071.2+35.075
+35.077+369.04

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377

Гагиева, А. К.

Коми республиканская академия государственной службы
и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Организация архивного дела в Коми области в 1920-е гг.

Gagieva, Anna K.

Komi Republican Academy of State Service and Administration,
Syktyvkar, Russian Federation

Organization of Archiving in the Komi Region in the 1920s

Аннотация

В статье освещается организация архивного дела в Коми области в 1920-е гг. Автором решались задачи: рассмотрение условий формирования областного архива и архивов организаций; деятельность архивистов по комплектованию и сохранению архивных материалов; роль областных и уездных органов власти в управлении архивами. Истории формирования архивной отрасли в стране в 1920-е гг. посвящен ряд фундаментальных работ, однако организация архивного дела в различных регионах страны изучена явно недостаточно. Актуальность исследования усиливается и тем, что в 2022 г. архивная отрасль Республики Коми отметила столетие. Накопленный исторический опыт может быть с успехом применим и сегодня. Особенно это касается изучаемого периода, когда закладывались основы архивной работы, шел активный сбор документов, определялись критерии взаимодействия органов власти и архивных учреждений. Основными источниками для подготовки работы явились опубликованные и неопубликованные источники, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Коми. Они хорошо известны исследователям, однако ряд документов до настоящего времени не представлен исторической общественности и введен в научный обо-

рот впервые. Кроме архивных в статье использовались и опубликованные источники. В 1922 г. в г. Усть-Сысольске (г. Сыктывкар) был открыт Коми областной архив. Одной из причин появления первого архивного учреждения в Коми области явились первые декреты и постановления советской власти в области организации архивного дела. Не последнюю роль сыграло краеведческое движение, а также энтузиазм отдельных представителей национальной интеллигенции. Открытие архива сопровождалось определенными трудностями: практически отсутствовало финансирование, не хватало квалифицированных кадров и так далее. Лишь к концу изучаемого периода положение несколько улучшилось: открылись районные архивы, началось обучение архивных работников. Рассматривая организацию архивного дела в Коми области в 1920-е гг., следует отметить, что в исследуемый период шло архивное строительство, в областном архиве проводилась работа по комплектованию и описанию документов, были предприняты меры по сохранению уникальных источников и использованию документов в народнохозяйственных целях. Вместе с тем, на местах, в уездах, архивная работа в организациях и учреждениях не проводилась, не были созданы условия для хранения документов, архивные кадры практически отсутствовали.

Abstract

The article is to show the organization of archiving in the Komi region in the 1920s. Thus, the following tasks have been solved: considering the conditions for formation of the regional archive and archives of organizations, their activities in acquisition and preservation of archival materials, role of regional and uезд authorities in the management of the archives. A number of fundamental works are devoted to the history of national archiving formation in the 1920s; however, the organization of archiving in various regions has been studied insufficiently. The relevance of the study is enhanced by the Komi Republic archiving celebrating its centenary anniversary in 2022. The accumulated historical experience can be successfully applied today. This is especially true of the period under study, when the foundations of archiving were laid out, documents actively collected, criteria for interaction between the authorities and archival institutions determined. The article draws on published and unpublished sources deposited in the fonds of the National Archive of the Komi Republic. They are well known to researchers; however, a number of documents have not yet been presented to scholars, these are being introduced into scientific use for the first time. In addition to archival sources, published sources have also been used. In 1922, the Komi Regional Archive was opened in Ust-Sysolsk (Syktyvkar). One of the reasons for

the appearance of the first archival institution in the Komi region was the first decrees and resolutions of the Soviet government in the field of archiving. The local history movement played an important role, as well as enthusiasm of some representatives of the national intelligentsia. The opening of the archive was accompanied by certain difficulties: there was practically no funding, not enough qualified personnel, etc. Only by the end of the studied period, the situation improved somewhat: district archives were opened, training of archival workers began. Considering the organization of archiving in the Komi region in the 1920s, it should be noted that archival construction began, the regional archive was acquiring and describing documents, measures were taken to preserve unique sources and to use documents for the purposes of national economic. At the same time, there was no archiving in organizations and institutions, no conditions for storing documents, almost no personnel.

Ключевые слова

Архивные документы, организация архивного дела, Коми область, областной архив, архивное бюро, комплектование, сохранность архивных документов.

Keywords

Archival documents, organization of archiving, Komi region, regional archive, archival bureau, acquisition, preservation of archival documents.

Изучение истории организации архивного дела в регионах России сохраняет актуальность. Это связано с тем, что сегодня, когда в стране происходит переход к цифровым технологиям, использование исторического опыта организации архивного дела на местах позволит найти удачные решения при определении места и роли архивов в системе управления. Актуальность исследования усиливается и тем, что в 2022 г. архивная отрасль Республики Коми отметила вековой юбилей и ее достижения в деле формирования, становления и развития архивного дела применимы и сегодня. Особенно это касается изучаемого периода, когда закладывались основы архивной работы, шло активное пополнение архивов документами, определялись критерии взаимодействия органов власти и архивных учреждений на местах.

История архивной отрасли в нашей стране представлена обширной историографией. Исследования В. В. Максако-

ва¹, Т. И. Хорхординой², В. Н. Автократова³, М. В. Ларина⁴ и других историков-архивистов⁵ внесли существенный вклад в изучение истории архивного дела, представили конкретные направления деятельности органов власти и управления страны по организации архивной работы, проанализировали успехи и провалы.

В Республике Коми накоплен определенный опыт по изучению истории архивного строительства. В работах Э. Г. Чупровой⁶, Т. И. Лахтионовой⁷ проанализированы различные сюжеты архивного строительства: становление и развитие Национального архива Республики Коми на протяжении XX в., пополнение архивного фонда, создание комплекса документов личного происхождения. Вместе с тем, организация архивной работы в Коми области в 1920-е гг. представлена недостаточно.

Основными источниками для подготовки работы стали опубликованные и неопубликованные документы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Коми: «Коми областной исполнительный комитет» (Ф. Р. 3) и «Архивное управление Коми АССР – Архивное агентство Республики Коми» (Ф. Р. 488). Они известны исследователям, однако некоторые из них до настоящего времени не были представлены исторической общественности. Это документы по основной деятельности, переписка по вопросам организации архивной работы с органами управления на местах, отчеты, докладные записки и так далее⁸. В качестве источников рассматривались статьи и обращения, опубликованные в региональной прессе, которые отражали развитие архивного дела в исследуемый период.

Работа опиралась на традиционные принципы и методы исторического исследования. В соответствии с принципом историзма деятельность органов управления и власти в области архивного дела рассматривалась во взаимосвязи с событиями, происходившими в Коми области в 1920-е гг. Применение принципа системности позволило изучить работу по организации архивного дела во взаимодействии с развитием архивного дела в стране. В работе использовались также общенаучные исторические методы исследования:

проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный. Каждый из них помогал в решении исследовательских задач.

Хронологические рамки статьи охватывали 1920-е гг., когда произошли кардинальные изменения в организации архивной работы, была создана сеть районных архивов, укрепилась их материальная база, шло активное комплектование и описание, а также впервые была поставлена задача по использованию архивных документов в народном хозяйстве. К началу 1920-х гг. на изучаемой территории закончилась Гражданская война, стабилизировалась экономическая обстановка и активизировалась общественная жизнь. Как и в соседних регионах, встал вопрос о сохранении документов организаций и учреждений дореволюционной эпохи, а также учреждений советского периода. Для этого необходимо было создавать архивное учреждение.

Появлению архива в Коми области способствовали первые декреты и постановления советской власти в области архивного строительства в стране, которые коренным образом изменили и ускорили становление в регионе архивного дела⁹. Централизация, создание особого государственного архивного учреждения привели к активизации архивной работы в Коми области. Не последнюю роль сыграли и историко-партийные комиссии, которые должны были собирать документы по истории Коммунистической партии и местных партийных организаций. В Коми области такая комиссия была образована в январе 1922 г.¹⁰

Нельзя не сказать и о роли общественных организаций, появившихся к началу исследуемого периода. Речь идет об «Обществе изучения Коми края», которое было организовано в мае 1922 г. Оно активно занималось изучением истории и культуры народа коми, сбором и систематизацией дореволюционных документов, издавало свой журнал «Коми му» (Коми земля) и «Записки общества изучения Коми края». Именно здесь на заседании правления в июне 1922 г. впервые был поставлен вопрос о создании областного архива¹¹. 21 октября в газете «Югыд туй» (Светлый путь) появилась статья анонимного автора «Расхищение архивов», где

в популярной форме излагалась необходимость создания архивного учреждения в Коми области, слышался призыв о спасении документов, которые систематически расхищаются и используются не по назначению. Выход из ситуации автор видел в создании в Коми области архивного учреждения¹². 23 октября 1922 г. в г. Усть-Сысольске (г. Сыктывкар) был открыт Коми областной архив. Было положено начало зарождению архивной службы в Республике Коми.

3 марта 1922 г. постановлением президиума Коми облизполкома (Коми облисполком) на базе Коми областного архива было создано областное архивное бюро. По всем вопросам организации архивной работы оно должно было руководствоваться распоряжениями и директивами Центрархива, а также выполнять задания отделов Коми облисполкома по использованию архивного материала в народнохозяйственных целях. Его создание шло параллельно с комплектованием фондов областного архива, причем никакого положения о вновь создаваемом учреждении принято не было. Единственное, на что обращалось внимание – бюро создавалось «в целях сохранения архивных фондов от расхищения и гибели»¹³.

Первое совещание архивного бюро было проведено в апреле 1924 г. Но никаких решений принято не было, не было предложено ни одного варианта по решению вопроса организации архивного дела на местах. Вся ответственность и работа по архивному строительству в результате была возложена на областной архив. Следует заметить, что с момента открытия архивного бюро и областного архива наблюдалась практика совмещения функций этих учреждений. Это проявилось и при назначении руководителя, когда один человек отвечал и за архивное бюро, и за областной архив. Так, с 1 июня до 27 августа 1922 г. это была Е. А. Никитина. С 28 августа 1922 г. и до 1936 г. и архив, и бюро возглавлял Цембер Андрей Андреевич.

Имеющийся в нашем распоряжении годовой отчет о деятельности Коми областного архивного бюро с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. дает представление о первых годах работы областного бюро и областного архива и лично А. А. Цембера. Вот как он описывал состояние дел:

«...Белогвардейщина, безбумажье, пожары и некультурность были причинами почти полного уничтожения архивных материалов, главным образом в революционные годы ... Основанием для областного архива послужили архивные дела бывшей Усть-Сысольской Городской управы и Сиротского Суда, хранившиеся в двух сырых амбарах (отчего половина архивных дел сгнила, а также значительная часть этих дел были расхищены до основания Обархбюро)»¹⁴. Благодаря исключительному энтузиазму А. А. Цембера архив постепенно пополнялся. В 1923–1924 гг. на хранение в архив поступило 18 фондов, из них 10 дореволюционных. К 1 октября 1925 г. в областном архиве «было сосредоточено 35 фондов, в том числе дореволюционных 15 и послереволюционных 20», а через год число фондов в архиве утроилось – «дореволюционных фондов поступило 31 и послереволюционных – 42, таким образом, на учете состояло дореволюционных фондов 46 и послереволюционных 62, всего 108 фондов»¹⁵. Однако этого было недостаточно.

В феврале 1926 г. президиум Коми областного исполнительного комитета принял первое развернутое постановление по архивному делу. Указав, что «из имеющихся в Облисполкоме сведений усматривается, что архивный материал, иногда исторически ценный, расходуется на конверты и даже употребляется в качестве оберточной бумаги, придавая большое значение архивному материалу», президиум постановил «вменить в обязанность всем руководителям государственных, профсоюзных и общественных организаций, а равно и церковным советам хранить имеющиеся у них материалы не более чем за последние 5 лет, по истечении этого времени все материалы подлежали сдаче в областное Архивное бюро при соответствующей описи». Далее указывалось, что «всем частным лицам, имеющим в своем распоряжении какие-то бы ни было дела учреждений царского времени и документы, не относящиеся к их держателям, должны быть в месячный срок сданы в Архивное бюро». Последним пунктом заведующему областным архивным бюро предоставлялось право определять сроки сдачи архивного материала в областной архив¹⁶.

Следует отметить, что задержки по сдаче документов в архив зачастую были связаны с излишней бюрократизацией работы. Например, 2 января 1928 г. Богородский волостной совет сообщил в областное архивное бюро о том, что вопрос о направлении дел в архив рассматривался на заседании президиума волисполкома и было решено направить документы в областное архивное бюро, но президиум Усть-Куломского УИКа предложил воздержаться от направления материалов впредь до особого распоряжения¹⁷. При этом отсутствовало какое-либо объяснение подобным действиям.

Выход, по мнению А. А. Цембера, виделся в создании на местах уездных архивов. В 1927 г. в докладной записке в Коми облисполком он настаивал на открытии одной ставки архивариуса в каждом уездном исполнительном комитете и создании архивного отдела. Особенно это было необходимо для отдаленных уездов Коми области. Например, Ижмо-Печорского, откуда не поступило из-за удаленности уезда ни одного документа в областной архив. А. А. Цембер предлагал учредить в отдаленных уездах свои архивохранилища. Его призыв был услышан, и в августе 1928 г. секретариат Коми облисполкома признал «необходимость открытия уездного архивного бюро» в Ижме¹⁸. Позднее, 6 февраля 1930 г., было утверждено «Положение о районных архивах Автономной области Коми», где указывался десятилетний срок хранения документов в районах и последующей их передачи в областной архив. В документе говорилось и об организации районных архивов, а также определялись должностные обязанности архивариуса.

К сожалению, районные архивы в Коми области так и не были организованы. В докладной записке архивного бюро указывалось, что в районах «никакой архивной работы не ведется по причине отсутствия специально выделенных сотрудников ... Архивы учреждений небольшие и местная власть до сих пор не находила необходимости создания районных архивов...»¹⁹. Отсутствие архивных учреждений на местах приводило к утрате ценных исторических документов, сокращению областного архивного фонда, и, в конечном счете, тормозило организацию архивного дела в Коми области. Следует

отметить, что в соседних с краем регионах районные архивы были созданы и успешно функционировали²⁰.

В Коми области систематический отбор документов на хранение только начинался, отсутствовали методические материалы по экспертизе ценности. Не последнюю роль играло и отсутствие квалифицированных кадров, которые могли бы профессионально и грамотно наладить архивную работу в организациях. В результате в архив сдавались копии, черновики, документы, не представлявшие исторической и практической ценности. Организации были перегружены и испытывали множество проблем. Так, в марте 1928 г. в Усть-Куломский, Усть-Вымский и Сысольский уисполкомы руководителем архива было направлено письмо о том, что волисполкомами «не сданы документы в архив». Подчеркивалось, что «в архивах учреждений документы могут храниться только 5 лет и при этом напоминалось, что дела сдаются при описях, составленных в 2 экземплярах». В письме приводился «образец формы описи: 1 графа № п.п, 2 графа – когда начато и окончено дело, 3 графа – наименование дела, наряда, 4 графа – число листов, 5 графа – отметка о сроке хранения, 6 графа – примечание». Далее указывалось, что «кроме дел и нарядов в областной архив должны быть сданы и старые газеты, а из школ и вышедшие из употребления книги». Было подчеркнуто, что «у церковей все архивы до 1918 г. тоже должны быть сданы в областной архив»²¹. Организации были перегружены и испытывали множество проблем. Для их решения было принято решение об организации «макулатурных кампаний», когда часть архивных документов сдавалась в макулатуру или просто уничтожалась, что проходило по всей стране и нанесло ущерб не только архивной работе, но и исторической науке. Для проведения работы по экспертизе ценности документов требовалось сформировать разборочные комиссии. В Коми области они созданы не были.

Однако архивистам областного архива удавалось сохранять документы от уничтожения. В 1929 г. Областное земельное управление запросило разрешение у областного архивного бюро на сдачу Госторгу в качестве макулатуры планов генерального межевания 1786 г. лесных площадей Усть-

Сысольского и Яренского уездов. Архивное бюро выступило против. В Центрархив было отправлено письмо с обоснованием исторической ценности документов и с просьбой об их сохранности. Центрархив поддержал областное архивное бюро и документы Генерального межевания 1786 г. были сохранены²².

Благодаря работе по сохранению документов и передаче их на архивное хранение, к началу 1930-х гг. областной архив республики значительно пополнился. В нашем распоряжении имеется отчет о его работе за 1932 г. Отмечено, что «во исполнение Постановления Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г. “О положении архивного дела на местах” проведены в жизнь следующие мероприятия: постановлением облисполкома от 21.10.1931 г. закреплено за областным архивом занимаемое им в момент основания каменное 2-х этажное здание, штат областного архивного бюро увеличен на 1 единицу; зарплата сотрудников архива повышена в соответствии со ставками других отделов облисполкома; увеличен бюджет областного архива». В отчете о работе архива сказано, что «взяты на учет пореволюционные фонды распадаются на 2 группы: фонды учреждений, ликвидированных в связи с районированием Автономной области Коми и реорганизацией управленческого аппарата (13 фондов), и фонды, признанные подлежащими сдаче в областной архив в результате рассмотрения отборочных списков (5 фондов). Принято вновь поступивших материалов – 7 568 ед. хр., учтено дел в действующих учреждениях – 8 255 ед. хр.»²³

В 1932 г. общее число фондов, хранящихся в областном архиве, «составляло 257, в том числе исторических – 85 или 33%, и советского периода – 172, или 67%, всего 95 516 ед., в том числе 76 498 ед. послереволюционных и, как указывалось в отчете за 1932 г., “кроме того лежит в грудах архивных материалов весом 16 230 кг”. Описано 216 фондов или 84%. Из неописанных архивных материалов почти все относятся к историческим»²⁴.

Представленный документ подводит некоторые итоги работы по организации архивного дела в 1920-е гг. в Коми области. С одной стороны, благодаря энтузиазму работников

архива, удалось спасти и сохранить уникальные документы дореволюционного и раннесоветского периодов, наблюдалась определенная поддержка архивного дела со стороны республиканской власти, шло пополнение архивного фонда. С другой стороны, отсутствие архивных кадров, слабая материальная база, недостаточное внимание к вопросам архивной работы на местах со стороны уездных органов, а также отсутствие методических материалов по организации архивной работы замедляли развитие региональной архивной отрасли.

Примечания / Notes

¹ *Максаков, В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). – М.: Наука, 1969. – 431 с. МАКСАКОВ, V. V. The history and organization of archiving in the USSR (1917–45). Moscow, 1969, 431 p.

² *Хорхордина, Т. И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ, 1994. – 358 с. KHORHORDINA, T. I. The history of the Fatherland and archives. 1917–80s. Moscow, 1994, 358 p.; *Хорхордина, Т. И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы. 1930–2020. – М.: РГГУ, 2020. – 449 с.; KHORHORDINA, T. I. The History and Archives Institute in the history of the national higher education. 1930–2020. Moscow, 2020, 449 p.; *Безбородов, А. Б., Хорхордина, Т. И.* Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской культурной идентичности // Новый исторический вестник. – 2018. – № 57. – С. 59–78. BEZBORODOV, A. B., KHORHORDINA, T. I. Archives and Power: The State Archival Service in the Formation of Historical Consciousness and Russian Cultural Identity. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*, 2018, no. 57, pp. 59–78.

³ *Автokratов, В. Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918) // Отечественные архивы – 1993. – № 3. – С. 9–34. AVTOKRATOV, V. N. From the history of the centralization of archiving in Russia (1917–18). IN: *Otechestvennyye arhivy*, 1993, no. 3, pp. 9–34; *Автokratов, В. Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918) // Отечественные архивы – 1993. – № 4. – С. 3–27. AVTOKRATOV, V. N. From the history of the centralization of archiving in Russia (1917–18). In Russ.]. IN: *Otechestvennyye arhivy*, 1993, no. 4, pp. 3–27.

⁴ *Ларин, М. В.* Управление документами в организации. – М.: Научная книга, 2002. – С. 132. LARIN, M. V. Document management in organization. Moscow, 2002, p. 132.

⁵ *Муратова, Е. Г.* История становления архивного дела на Северном Кавказе. XVII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. –

C. 10–22. MURATOVA, E. G. *Istoriya stanovleniya arkhivnogo dela na Severnom Kavkaze. XVII–nachalo XX v.* [History of the archiving development in the North Caucasus region: The 17th – early 20th century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 10–22; Хисамутдинова, Н. В. Первые архивисты на российском Дальнем Востоке // Вестник архивиста. – 2018. – № 2. – С. 331–342. KHISAMUTDINOVA, N. V. *Pervye arkhivisty na rossiiskom Dal'nem Vostoke* [First Archivists in the Russian Far East. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2018, no. 2, pp. 331–342.

⁶ Чупрова, Э. Г. Архивы Коми АССР: 1922–1991 гг. – Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2007. – 196 с. CHUROVA, E. G. *Arhivy Komi ASSR: 1922–1991 gg.* [Archives of the Komi ASSR: 1922–1991. In Russ.]. Syktyvkar, 2007, 196 p.

⁷ Лахтионова, Т. И. О состоянии и перспективах комплектования ЦГА РК документами личного происхождения // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. Тезисы докладов научно–практической конференции. – Сыктывкар, 1997. – С. 49–52. LAKHTIONOVA, T. I. On the state and prospects of acquisition of personal provenance documents in the Central State Archive of the Komi Republic. IN: *Public and archives: Problems and ways of cooperation. Proceedings of the research-to-practice conference. Syktyvkar, 1997, pp. 49–52.*

⁸ Национальный Архив Республики Коми. (НАРК). Ф. 3. Оп. 1; Ф. 488. Оп. 1. The National Archive of Komi Republic (NARK), fond 3, series 1; fond 488, series 1.

⁹ Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ, 1994. – С. 67–68. KHORHORDINA, T. I., 1994, pp. 67–78.

¹⁰ Чупрова, Э. Г. Указ. соч. – С. 27. CHUROVA, E. G., 2007, p. 27.

¹¹ Бондаренко, О. Е. Краеведческое движение в Коми АССР (1922–1988 гг.): основные направления и виды деятельности // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал. – 2022. – № 1 (22). – С. 6–17. BONDARENKO, O. E. The local history movement in the Komi ASSR (1922–88): Main trends and activities. IN: *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraia: nauchno-populyarnyi kraevedcheskii zhurnal*, 2022, no. 1 (22), pp. 6–17.

¹² С. М. Расхищение архивов // Югд туй. – 1922. – 21 октября. S. M. Looting of the archives. IN: *Yugyd tui*, 1922, October 21.

¹³ НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1908. Л. 5. NARK, fond 3, series1, file 1908, p. 5.

¹⁴ Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 4– 5. Ibid., fond 488, series1, file 6, pp. 4–5 verso.

¹⁵ Там же. Ibid.

¹⁶ Там же. Л. 236. Ibid., p. 236.

¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 16–16 об. Ibid., file 5, pp.16–16 verso.

¹⁸ Там же. Л. 351, 225. Ibid., pp. 236, 251.

¹⁹ Там же. Д. 15. Л. 241, 252. Ibid., file 15, pp. 241, 252.

²⁰ Боброва, В. С. Государственные архивы Сибири. 1920–1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 36 с. BOBROVA, V. S. State Archives of Siberia. 1920–30: Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk, 2001, p. 36.

²¹ НАРК. Ф. 488. Оп. 1. Д. 5. Л. 63–64. NARK, fond 488, series1, file 5, pp. 63–64.

²² Там же. Д. 8. Л. 2–2 об. Ibid., file 8, pp. 2–2 verso.

²³ Там же. Д. 14. Л. 9, 18. Ibid., file 1, pp. 9, 18.

²⁴ Там же. Д. 12. Л. 134. Ibid., file 12, p. 134.

Список литературы

Безбородов, А. Б., Хорхордина, Т. И. Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской культурной идентичности // Новый исторический вестник. – 2018. – № 57. – С. 59–78.

Ларин, М. В. Управление документами в организации. – М.: Научная книга, 2002. – С. 132.

Муратова, Е. Г. История становления архивного дела на Северном Кавказе. XVII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 10–22.

Хисамутдинова, Н. В. Первые архивисты на российском Дальнем Востоке // Вестник архивиста. – 2018. – № 2. – С. 331–342.

Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ, 1994. – 360 с.

Хорхордина, Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы. 1930–2020. – М.: РГГУ, 2020. – 449 с.

References

BEZBORODOV, A. B., KHORHORDINA, T. I. Archives and Power: The State Archival Service in the Formation of Historical Consciousness and Russian Cultural Identity. IN: *Novyi istoricheskiy vestnik*, 2018, no. 57. pp. 59–78.

LARIN, M. V. Document management in the organization. Moscow, 2002, p. 132.

MURATOVA, E. G. *Istoriya stanovleniya arkhivnogo dela na Severnom Kavkaze. XVII – nachalo XX v.* [History of the archiving development in the North Caucasus region: The 17th – early 20th century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 10–22.

KHISAMUTDINOVA, N. V. *Pervye arkhivisty na rossiiskom Dal'nem Vostoke* [First Archivists in the Russian Far East. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2018, no. 2, pp. 331–342.

KHORHORDINA, T. I. The history of the Fatherland and archives. 1917–80s. Moscow, 1994, pp. 67–78.

KHORHORDINA, T. I. The History and Archives Institute in the history of the national higher education. 1930–2020. Moscow, 2020, 449 p.

Сведения об авторах

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, Коми республиканская академия государственной службы и управления, кафедра государственного и муниципального управления, профессор, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 8-212-30-27-80, 8-909-122-21-23, gngkol2@mail.ru

About the authors

Gagieva Anna Kapitonovna, PhD in History, associate professor, Komi Republican Academy of Public Administration and Management, department of state and municipal administration, professor, Syktyvkar, Russian Federation, +7-212-30-27-80, +7-909-122-21-23, gngkol2@mail.ru

В редакцию статья поступила 18.10.2022 г., опубликована (для цитирования):

Гагиева, А. К. Организация архивного дела в Коми области в 1920-е гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 364–377. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377

Submitted 18.10.2022, published (for citation):

GAGIEVA, A. K. *Organizatsiya arkhivnogo dela v Komi oblasti v 1920-egg.* [Organization of Archiving in the Komi Region in the 1920s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 364–377. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-364-377

Научная статья / Scientific article

УДК 930.25+651.5+355.01+311.42+329.8+329.15+323.2+342.1

+356/359+356.113+353.2+658.5+930.22+006.95

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389

Сушко, А. В.

Омский государственный технический университет,

г. Омск, Российская Федерация

**Комплектование личным составом
6-го Сталинского Сибирского добровольческого
стрелкового корпуса на примере
75-й Сталинской добровольческой отдельной
стрелковой бригады омичей-сибиряков. 1942 г.**

Sushko, Aleksey V.

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

**The Problem of Manning the 6th Stalin's Siberian Volunteer
Rifle Corps on the Example of the 75th Stalin's Separate
Volunteer Rifle Brigade of Omsk-Siberians (1942)**

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы комплектования личным составом формирующихся летом 1942 г. соединений 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса. Исследование выполнено на основе делопроизводственных материалов сибирских региональных партийных организаций ВКП(б) и органов НКВД, занимавшихся формированием корпуса. Исследование проведено на основе принципов системности и историзма. В работе использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие сопоставить данные из ведомственных и партийных документов, проследить ход формирования добровольческих соединений в сибирских городах. В статье доказано, что оценки историков о своевременном формировании сибирских добровольческих соединений не соответствуют действительности. Причина этого в том, что существующие научные исследования по истории 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса основываются на партийных

сводках, рисующих перед читателем картину успешного набора добровольцев в воинское формирование. В них приводятся цифры о тысячах и десятках тысяч, написавших заявления о зачислении в бригаду, но не говорится о трудностях, не позволявших своевременно набрать в Сибири нужного количества добровольцев. В данной статье анализируются трудности при формировании частей корпуса, связанные с отсутствием в то время в Сибири мобилизационного потенциала для набора добровольцев. Приводятся данные о пяти срывах сроков формирования корпуса. Принцип «добровольности» при формировании соединений корпуса не соблюдался, в его состав призвали по мобилизации значительное число граждан 1924 года рождения. Особое внимание уделено формированию 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков. При ее создании региональные власти столкнулись с наибольшими трудностями, т. к. в бригаде насчитывалось только 29% личного состава, набранного в соответствии с принципом добровольности. В заключение автор приходит к выводу, что несмотря на призыв в состав частей корпуса мобилизованных граждан, корпус считался добровольческим, в то время как чуть более половины его личного состава являлись добровольцами. Эти люди заложили «сибирский добровольческий дух» своих частей, проявивших на полях сражений высокую стойкость и массовый героизм и заслуживших впоследствии гвардейское звание. Работа адресована широкому кругу исследователей, изучающих историю Великой Отечественной войны, проблемы создания воинских формирований народного ополчения и добровольчества, историю «сибирских дивизий».

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of manning the formations of the 6th Stalinist Siberian Volunteer Rifle Corps formed in the summer of 1942. The study has been carried out on the basis of office materials of the Siberian regional party organizations of the CPSU (B) and the NKVD bodies involved in the formation of the corps. The study has been conducted on the basis of principles of consistency and historicism. It uses problem-chronological and comparative-historical methods to compare data from departmental and party documents, to trace the formation of volunteer formations in Siberian cities. The article proves that the historians' assessments of timely formation of Siberian volunteer formations do not correspond to facts. The reason for this is that the existing scientific research on the history of the 6th Stalinist Siberian Volunteer Rifle Corps is based on party reports that paint a picture of successful recruitment of volunteers into the military formation. They quote figures, telling of thousands and tens of

thousands who wrote applications for admission to the brigade, but they keep silent about difficulties that frustrated the timely recruitment of the required number of volunteers. The article analyzes difficulties in the corps formation due to lack of mobilization potential for recruitment of volunteers in Siberia at that time. Data is given on 5 failures in the formation of the corps. The principle of “voluntariness” in the formation of the corps was not respected; a significant number of citizens born in 1924 were conscripted. Particular attention is paid to the formation of the 75th Stalin’s Volunteer Separate Rifle Brigade of Omsk-Siberians. In its formation, the regional authorities faced great difficulties; only 29% of the brigade personnel was recruited in accordance with the principle of voluntariness. The author comes to the conclusion that, despite conscription, the corps was voluntary. More than half of its personnel were volunteers. These people brought the “Siberian volunteer spirit” into their units, showed high stamina and mass heroism on the battlefields and subsequently earned the title of guards. The work is addressed to a wide range of researchers studying the history of the Great Patriotic War, problems of creating military units of the people’s militia and volunteerism, history of the “Siberian divisions.”

Ключевые слова

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Омск, народное ополчение, 6-й Сталинский Сибирский добровольческий стрелковый корпус, 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков.

Keywords

Great Patriotic War of 1941–1945, Omsk, people’s militia, 6th Stalin’s Siberian Volunteer Rifle Corps, 75th Stalin’s Separate Volunteer Rifle Brigade of Omsk-Siberians.

Формирование добровольческих частей РККА в годы Великой Отечественной войны, их участие в боевых действиях – одна из героических страниц истории СССР. В числе таких воинских соединений – 6-й Сталинский Сибирский добровольческий стрелковый корпус (основа – стрелковая дивизия и четыре стрелковых бригады), созданный в Сибири в тяжелых условиях лета 1942 г. В ходе войны бойцы и командиры добровольческого корпуса проявили массовый героизм на полях сражений, заслужив гвардейское звание. В этой связи весной 1943 г. 6-й Сталинский Сибирский добровольческий стрелко-

вый корпус преформировали в 19-й Гвардейский Сталинский сибирский стрелковый корпус, который стал гвардейским, но перестал быть добровольческим.

История корпуса и отдельных его воинских соединений имеет обширную историографию, подробный анализ которой выполнен в одной из наших статей¹. Одним из вопросов, нуждающимся в изучении, является масштаб и характер добровольчества сибиряков, оказавшихся в составе частей и соединений корпуса. Опираясь на информационные сводки партийных органов, отечественные историки представляют радужную картину формирования соединений корпуса. Так, о формировании 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков сказано: «Желающих стать бойцами бригады было значительно больше, чем требовалось. В первые десять дней от омичей поступило 15 957 заявлений, в том числе от мужчин 9 462, от женщин 6 495. К установленному сроку 75-я отдельная добровольческая стрелковая бригада была сформирована»². Приведенная оценка процесса формирования бригады типична для отечественной историографии, после ее прочтения создается неверное представление об отсутствии проблем с созданием воинского соединения и о его своевременном формировании. Подчеркнем, что проблематика изучения истории Омского Прииртышья в военные годы актуальна, но, к сожалению, не вызывает большого интереса у исследователей, изучающих иные аспекты новейшей истории региона гораздо более активно, чем войну³.

По постановлению № 203–223 бюро Омского обкома ВКП(б) и Исполкома областного совета депутатов трудящихся, принятому 8 июля 1942 г., необходимо было «сформировать на территории Омской области Сталинскую добровольческую стрелковую бригаду омичей-сибиряков с 17 июля 1942 г.»⁴. На страницах энциклопедий по истории Омска о формировании бригады в Омске указано: «8 июля 1942 г. сформирована 75-я добровольческая стрелковая бригада для участия на фронтах Второй мировой войны»⁵. Это неверно. В этот день бригада не была сформирована, а было только принято решение о начале ее формирования. Сформированной воинскую часть можно считать только после вручения ей боевых знамен. Их бригаде

омских добровольцев торжественно вручили 24 августа 1942 г.⁶ Командир бригады А. Е. Виноградов вспоминал, что только «к 1 сентября бригада была сформирована»⁷. Кроме неверной даты формирования соединения в энциклопедической формулировке, рассчитанной на массового читателя, вызывает возмущение «Вторая мировая война». Уже во время войны употреблялась дефиниция «Отечественная война» и добровольцы бригады уходили воевать именно на «Отечественную», а не на «Вторую мировую войну».

Отправной точкой исследования сделаем утверждение, что в целом по Сибири, несмотря на активную работу партийных органов и командования Сибирским военным округом по мобилизации добровольцев, части 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса удалось сформировать значительно позднее, чем это изначально планировалось, и с нарушением принципа добровольности.

Делопроизводственные документы Омского обкома ВКП(б) свидетельствуют о серьезных трудностях при формировании омской бригады. Сошлемся на специальное заседание бюро Омского обкома по вопросу «О ходе комплектования бригады», оно состоялось 18 июля 1942 г. (после даты, определенной в постановлении о формировании бригады). На этом заседании присутствовал заместитель командующего войсками Сибирского военного округа В. М. Злобин, который о ходе мобилизации добровольцев в бригаду пояснил присутствующим следующее: «Оценивая на сегодняшний день положение вопроса комплектования бригады, приходится констатировать, что мы зашли в тупик. Судя по выступлениям секретарей райкомов ВКП(б), резервов нет, из того, что мы призвали, 50% возвращается обратно, значит, у нас остались одни небольшие осколки – 500–600 чел., что мы на сегодняшний день имеем для бригады, положение складывается ненормальное»⁸. Принятое по итогам совещания постановление бюро Омского обкома ВКП(б) и Исполкома областного совета депутатов трудящихся «О ходе формирования сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады «омичей-сибиряков»» полностью подтверждало слова военачальника. В нем говорилось, что «комплектование бригады

рядовым составом проходит крайне медленно. На 17 июля 1942 г. областной комиссией зачислено в бригаду только 600 человек»⁹. Историки, описывающие своевременное и без проблем формирование омской бригады, ошибаются.

Все научные исследования по истории бригады основываются на партийных сводках, рисующих перед читателем картину успешного набора добровольцев в воинское формирование. В них приводятся цифры о тысячах и десятках тысяч, написавших заявления о зачислении в бригаду, но не упоминают о трудностях, не позволявших своевременно набрать на омской земле нужного количества добровольцев. Также надо учесть, что пропагандистская кампания по написанию заявлений кандидатами в добровольцы на омских предприятиях могла иметь и «добровольно-принудительный характер», так как партийным работникам нужно было отчитаться о своей успешной деятельности. Аргумент здесь – справка, подписанная заведующим военного отдела Омского обкома ВКП(б) Григорьевым. Документ появился из-за заявления члена партии работника Омской железной дороги Погодина, негодовавшего по поводу принуждения его жены к подаче заявления о добровольном зачислении в бригаду. В нем сообщалось, что «из разговоров с начальником политотдела Омской железной дороги установлено, что такой факт, как принуждение кандидата в члены ВКП(б) тов. Погодину Анну Андреевну к подаче заявления в добровольческую бригаду, имел место, но положение выправили и больше такой практики вербовки добровольцев не применяется»¹⁰. Подчеркнем, что пропаганда на предприятиях и в организациях в любом случае оказывала на жителей региона положительный мобилизационный эффект. Он проявлялся не столько в плане набора нужного количества бойцов, но и объединял трудящихся, обеспечивал ими поддержку политики правящей партии по борьбе с врагом, стимулировал трудовой энтузиазм на многочисленных оборонных предприятиях Омской области.

Создание 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков вызвало значительный порыв патриотизма в Омске. Так отмечено в спецсводке УНКВД по Омской области «По документам, характеризующим настроения населения г. Омска в связи с формированием

добровольческой сибирской бригады им. Сталина, за период с 15/VII по 18/VII 1942 г.». Она была подготовлена на основе материалов перлюстрации писем омичей и содержит крайне показательные количественные данные. За отчетный период чекистами было прочитано 50 428 писем, в них о бригаде оказалось 4 662 положительных сообщения и только 30 – отрицательных¹¹. Патриотический подъем среди жителей Омска был очевиден, и оценка отечественных историков об энтузиазме сибиряков и огромном числе написанных ими заявлений, данная на основе цифр из партийных документов ВКП(б), подтверждается и не вызывает сомнений. Но партийные сводки, на которые ссылается большинство исследователей, описывали именно ход успешной пропагандистской кампании по подаче заявлений на поступление в бригаду. Хотя большинство заявителей не годились для зачисления в ее ряды и сводки реально не отражали процесс создания воинского соединения и проблем подбора необходимого количества добровольцев.

Формирование омской бригады шло медленно и тяжело. Такая картина наблюдалась и в Омске, и в большинстве других сибирских городов, где формировались добровольческие части 6-го корпуса. Яркий пример – Новосибирск – город, где создавали наиболее крупное воинское соединение корпуса – Сталинскую добровольческую стрелковую дивизию сибиряков. По поводу хода комплектования этой дивизии личным составом 29 июля 1942 г. начальник штаба Сибирского военного округа получил телеграмму от ответственного представителя по военным округам управления формирования частей и соединений Главного управления формирования и комплектования войск Красной Армии Я. П. Дзенита¹². В телеграмме читаем: «25.07.42 г. формирование не закончено. Дальнейшая затяжка будет отражаться на ходе боевой подготовки. Примите меры к немедленному доукомплектованию. Срочно сообщите, когда и из каких ресурсов будет закрыт недокомплект младшего начсостава»¹³. Работа по комплектованию дивизии личным составом была закончена только к 10 августа 1942 г.¹⁴ В общем, соединения и части 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса формировались непросто, с отставанием по срокам от первоначально намеченных планов.

При оценке задержек в сроках комплектования добровольческих частей и соединений 6-го корпуса нужно учитывать, что к лету 1942 г. огромное число сибиряков было уже мобилизовано; желавшие отправиться на фронт добровольцами также в основном уже сделали это; оставшиеся мужчины призывного возраста находились в регионе, как правило, по брони, будучи задействованными на военных производствах или из-за негодности к военной службе по состоянию здоровья. В общем, мобилизационный ресурс Сибири к лету 1942 г. в значительной мере был уже израсходован. Единственным вариантом комплектования корпуса были подлежавшие очередному призыву молодые люди.

Наиболее достоверные данные о соотношении добровольцев и призванных по мобилизации в составе корпуса содержатся в докладной записке начальника Особого отдела (ОО) НКВД СибВО в Управление ОО НКВД СССР «О недостатках в формировании сталинских добровольческих соединений сибиряков», поданной 22 августа 1942 г. на имя комиссара государственной безопасности 3-го ранга В. С. Абакумова. В записке сообщалось следующее: «Процесс формирования организован надлежащим образом не был, в результате чего имели место следующие основные недостатки.

1. Комплектование личного состава чрезмерно затянулось и привело к срыву всех установленных, переносимых неоднократно, сроков (17, 20, 25, 28 июля и 15 августа).

2. Принцип добровольности был с самого начала нарушен, и укомплектование пришлось осуществить командованием округа за счет призывных контингентов 1924 года рождения и резервистов, направленных из запасных бригад. <...>

3. В связи с медлительностью в укомплектовании Сталинские соединения только на 17 августа оказались в основном укомплектованными личным составом»¹⁵.

Здесь особо важно то, что чекисты доложили о нарушении принципа добровольности и пяти срывах сроков комплектования личным составом частей корпуса. В плане недостатков сотрудниками советских спецслужб Омск выделялся особо, в докладе говорилось: «Омским обкомом не было организовано надлежащим образом добровольческое движение, принцип

добровольности при комплектовании оказался нарушенным и личный состав Сталинской бригады, формируемой в Омской области, оказался в значительной мере укомплектованным командованием округа за счет призывников 1924 года рождения и пополнения, направленного сюда из запасных бригад»¹⁶. Критика Омска объясняется данными о комплектовании соединений корпуса добровольцами. Сотрудники органов безопасности докладывали, что «на 17 августа процент добровольцев по дивизии и бригадам следующий:

По Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков – 75%.

По 1-й Сталинской добровольческой бригаде алтайцев-сибиряков – 81%.

По 2-й Сталинской добровольческой бригаде омичей-сибиряков – 29%.

По 3-й Сталинской добровольческой бригаде красноярцев-сибиряков – 68%»¹⁷. Таким образом, в отношении наличия добровольцев омская бригада значительно уступала иным соединениям, входившим в состав корпуса.

Сведения органов безопасности о проблемах формирования омской бригады находят подтверждение в делопроизводительной документации партийных органов, занимавшихся ее комплектованием. Особенно значимо в этом отношении постановление № 227/22 бюро Омского обкома ВКП(б) «О наборе добровольцев в стрелковую бригаду им. Сталина», принятое 22 июля 1942 г., где читаем: «В соответствии с указанием Военного Совета СибВО провести дополнительную мобилизацию в отдельную добровольческую стрелковую бригаду им. тов. Сталина «сибиряков омичей» из числа добровольцев призывников 1924 года рождения, политически проверенных, физически здоровых, годных к стрелковой службе, способных выполнить любое задание партии и правительства»¹⁸. Именно оно тогда обеспечило правовой механизм комплектования омской бригады призывниками, в конечном счете, позволив ее успешно сформировать, подготовить в действующую армию.

Подводя итоги, отметим. Во-первых, подъем патриотизма среди сибиряков в связи с формированием 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса стал фактом общественной жизни края. Но цифры партийных сводок

о десятках тысяч написанных сибиряками заявлений о зачислении в добровольцы отражают не столько трудный процесс формирования корпуса, сколько агиткампанию партийных органов на производстве. При написании заявлений на предприятиях имел место «добровольно-принудительный» принцип, когда для демонстрации единства с правящей партией и фронтом трудящиеся коллективно писали заявления о зачислении в добровольцы, зная, что большинство из них не может быть призвано.

Во-вторых, оценки историков о своевременном формировании сибирских добровольческих соединений не соответствуют действительности. Сроки комплектования корпуса регулярно не выполнялись и переносились пять раз. Принцип «добровольности» при формировании соединений корпуса не соблюдался, в его состав призвали по мобилизации значительное число граждан 1924 года рождения. В отношении добровольцев самой сложной ситуацией была в Омской области, где в 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригаде омичей-сибиряков таковых было только 29.

В-третьих, несмотря на призыв в части корпуса мобилизованных граждан, корпус был добровольческим (более 50% личного состава). Эти люди заложили «сибирский добровольческий дух» своих частей, проявивших на полях сражений высокую стойкость и массовый героизм и заслуживших впоследствии гвардейское звание.

Примечания / Notes

¹ *Сушко, А. В., Нагаев, И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 563–580. SUSHKO, A. V., NAGAIEV, I. B. 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichei-sibiryakov: istoriopisanie i kommemoratsiya [75th Stalin's Volunteer Separate Infantry Brigade of Omsk Siberians: History and Commemoration. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 563–580.*

² *Кожевина, М. А. Великая Отечественная война // Очерки истории города Омска. Т. 2. Омск XX век. / Под ред. А. П. Толочко. – Омск: ОмГУ, 2005. – С. 233. KOZHEVINA, M. A. Velikaya Otechestvennaya voina [The Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Ocherki istorii goroda Omska* [Essays on the history of the city of Omsk]. Vol. 2: *Omsk XX vek* [Omsk, 20th century. In Russ.]. Omsk, 2005, p. 233.*

³ Петин, Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 38–49. PETIN, D. I. *Mify v lokal'noi istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske* [Myths in local history: A review of the work of the round table in Omsk. In Russ.]. IN: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 38–49.

⁴ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-235. Оп. 9. Д. 36, Л. 92. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [The Historical Archive of the Omsk Region] (IAOO), fond R-235, series 9, file 36, p. 92.

⁵ Энциклопедия города Омска в 3 т. Т. 2: Хронограф Омска. 1716–2008 гг. – Омск, 2009. – С. 248. *Entsiklopediya goroda Omska v 3-vols.* [Encyclopedia of the city of Omsk in 3 vols.]. Vol. 2: *Khronograf Omska. 1716–2008 gg.* [Chronograph of Omsk. 1716–2008. In Russ.]. Omsk, 2009, p. 248.

⁶ ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3445. Л. 97. ИАОО, fond P-17, series 1, file 3445, p. 97.

⁷ Там же. Ф. П-9688. Оп. 2. Д. 29. Л. 17. Ibid., fond P-9688, series 2, file 29, p. 17.

⁸ Там же. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 3234. Л. 10. Ibid., fond P-14, series 1, file 3234, p. 10.

⁹ Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3233. Л. 8. Ibid., fond P-17, series 1, file 3233, p. 8.

¹⁰ Там же. Д. 3445. Л. 77. Ibid., file 3445, p. 77.

¹¹ Архив УФСБ России по Омской области (АУФСБ ОО). Ф. 87. Оп. 6. Д. 438. Л. 1. *Arkhib UFSB Rossii po Omskoi oblasti* [The Archive of the Federal Security Service of Russia Directorate for the Omsk Region] (AUFSSB OO), fond 87, series 6, file 438, p. 1.

¹² Копия была отправлена первому секретарю Новосибирского обкома ВКП(б).

¹³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 629. Л. 13. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [The State Archive of the Novosibirsk Region] (GANO), fond P-4, series 6, file 629, p. 13.

¹⁴ Там же. Д. 630. Л. 6. Ibid., file 630, p. 6.

¹⁵ АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 98. Л. 1. АУФСБОО, fond 78, series 1, file 98, p. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2. Ibid., p. 2.

¹⁷ Там же. Ibid.

¹⁸ ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 15. Л. 25. ИАОО, fond P-17, series 1, file 15, p. 25.

Список литературы

Кожевина, М. А. Великая Отечественная война // Очерки истории города Омска. Т. 2. Омск XX век / Под ред. А.П. Толочко. – Омск: ОмГУ, 2005. С. 200–247.

Петин, Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 38–49.

Сушко, А. В., Нагаев, И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, – № 3. – С. 563–580.

References

KOZHEVINA, M. A. *Velikaya Otechestvennaya voina* [The Great Patriotic War. In Russ.]. IN: *Ocherki istorii goroda Omska* [Essays on the history of the city of Omsk]. Vol. 2: *Omsk XX vek* [Omsk, the 20th century. In Russ.]. Omsk, Izd-vo OmGU publ., 2005. pp. 200–247.

PETIN, D. I. *Mify v lokal'noi istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske* [Myths in local history: A review of the work of the round table in Omsk. In Russ.]. IN: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 4, no. 4. pp. 38–49.

SUSHKO, A. V., NAGAEV, I. B. *75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov: istoriopisanie i kom-memoratsiya* [75th Stalin Volunteer Separate Infantry Brigade of Omsk Siberians: History and Commemoration. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 563–580.

Сведения об авторах

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, профессор, Омский автобронетанковый инженерный институт, кафедра военно-политической работы в войсках (силах), профессор, г. Омск, Российская Федерация, 8-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

About the authors

Sushko Aleksey Vladimirovich, PhD in History, professor, Omsk State Technical University, department of history, philosophy and social communications, professor; Omsk Armored Engineering Institute, department of military-political work in the troops (forces), professor, Russian Federation, +7-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

В редакцию статья поступила 16.06.2022 г., опубликована (для цитирования):

Сушко, А. В. Комплектование личным составом 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса на примере 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков. 1942 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 378–389. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389

Submitted 16.06.2022, published (for citation):

SUSHKO, A. V. *Komplektovanie lichnym sostavom 6-go Stalinskogo Sibirskogo dobrovol'cheskogo strelkovogo korpusa na primere 75-i Stalinskoi dobrovol'cheskoi otdel'noi strelkovoi brigady omichei-sibiryakov. 1942 g.* [The Problem of Manning the 6th Stalin's Siberian Volunteer Rifle Corps on the Example of the 75th Stalin's Separate Volunteer Rifle Brigade of Omsk-Siberians (1942). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 378–389. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+294.3+355.01+338.23+331.44+331.5+338.001.36

+351/354+338.054.23+352/354+614.8+394.014

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400

Соболева, А. Н.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Дети Бурятии: повседневная жизнь в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Soboleva, Anastasia N.

Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation

Children of Buryatia: Everyday Life under the Conditions of the Great Patriotic War of 1941–45

Аннотация

Статья посвящена малоизученной теме детской повседневности в тыловых провинциальных городах. Изучение повседневности военного детства на региональных материалах представляется актуальной задачей для исторической науки, поскольку каждый регион уникален в силу своих исторических, социально-экономических, социокультурных, природно-климатических и других особенностей. Такие исследования расширяют географический охват и позволяют выявить сходства и различия, характерные для отдельных регионов и страны в целом, воссоздать атмосферу провинциальных городов и деревень, а также внести важный вклад в создание масштабной объективной картины. Автором выявлены основные особенности повседневных практик и стратегий адаптации детей Бурятии в условиях тыловой действительности военного времени. Особое внимание уделяется школьному образованию, трудовым будням, материально-бытовым условиям, досуговой деятельности и проблемам детской беспризорности в регионе в 1941–1945 гг. Источниками для исследования послужили документы Государственного архива Респуб-

лики Бурятия, статистические сборники, материалы центральных и местных периодических изданий – газеты «Правда», «Бурят-Монгольская правда», «Комсомольская правда», «Восточно-Сибирская правда». Особую ценность среди использованных источников для реконструкции детской повседневной жизни представляют личные воспоминания участников событий исследуемого периода. Значительная часть использованных источников вводится в научный оборот впервые, что отражает новизну исследования и позволяет обеспечить решение поставленной цели. В работе используется принцип историзма, а также специальные методы, характерные для исторического исследования: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический. Установлено, что в основе повседневной реальности детей лежал тяжелый труд для восполнения потребностей фронта и базовых физических и бытовых нужд. Кроме этого, сохранились и непосредственно детские практики преодоления войны, к которым относились игры, позволявшие отвлечься от тяжелых повседневных реалий. Материалы статьи могут быть применены при подготовке обобщающих работ и конспектов по истории Великой Отечественной войны, для отдельного исследования повседневной жизни в тылу, а также для разработки семинаров и спецкурсов в области отечественной истории. Дети Великой Отечественной войны – особое поколение, и сегодня они становятся объектом все большего внимания со стороны исследователей.

Abstract

The article is devoted to little-studied topic of children's daily life in the provincial rear towns. Studying daily life of wartime childhood drawing regional materials seems an urgent task for historical science, since each region is unique due to its historical, socio-economic, socio-cultural, natural-climatic, and other peculiarities. Such studies expand geographical scope and allow us to identify similarities and differences of regions and country in the whole, to recreate the atmosphere of provincial towns and villages, and to make an important contribution to creation of large-scale objective picture. The study is to identify the main features of everyday practices and adaptation strategies of Buryatia's children under the conditions of wartime rear reality. The author pays special attention to school education, labor routine, material and domestic conditions, recreational activities, and problems of child neglect in the region in 1941–45. The sources are documents from the State Archive of the Republic of Buryatia, statistical collections, materials of central and local periodicals: newspapers *Pravda*, *Buryat-Mongolskaya Pravda*, *Komsomolskaya Pravda*, *Vostochno-Sibirskaya Pravda*. Of particular value for reconstruction of children's wartime everyday life are personal memoirs

of participants of the events of the studied period. A significant part of the sources is being introduced into the scientific use for the first time, hence the novelty of the research which permits to reach the set goal. The work uses principle of historicism, as well as special methods, typical for historical research: problem-chronological, comparative-historical, historical-genetic. It has been established that daily reality of children was hard work to meet the needs of the front and their own basic physical and domestic needs. There are known children practices of coping with war, including games offering distraction from harsh everyday realities. The materials of the article can be applied in the preparation of monographs and notes on the history of the Great Patriotic War, for studying everyday life in the rear, as well as for development of seminars and special courses in the field of national history. Children of the Great Patriotic War are a special generation, becoming an object of increasing scholarly attention.

Ключевые слова

Исторические источники, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Бурятия, дети, тыловое детство, детская военная повседневность, трудовая мобилизация, помощь фронту.

Keywords

Historical sources, Great Patriotic War of 1941–45, Buryatia, children, rear childhood, children's wartime everyday life, labour mobilization, assistance to the front.

На протяжении длительного времени в исследовательское поле изучения событий Великой Отечественной войны попадали сюжеты лишь фронтовой действительности. Работа велась в таких масштабных категориях, как «Красная Армия», «стратегическая тактика», «военные действия», «боевые подвиги», что привело к формированию односторонних представлений о травмирующих последствиях войны. Современные исследования стали все активнее затрагивать повседневную историю, что позволяет сместить фокус внимания от изучения событий к изучению личных переживаний современников тех лет.

Дети Великой Отечественной войны были особой группой населения, поэтому сегодня тема детской повседневности все чаще оказывается в поле зрения ученых, чье внимание сконцентрировано на сложных процессах формирования

детской памяти о войне¹. В ряду многочисленных исследований следует отметить актуальные работы последних лет. Так, Н. В. Бельская² обращает внимание на тему эвакуации детей в годы войны, трудности их выживания в тылу, а Т. И. Дубинская³ исследует различные малоизученные проблемы детей Западной Сибири, оказавшихся в экстремальной ситуации. Изучением тыловой детской повседневности в Омске и на Урале активно занимаются М. С. Носова⁴ и Е. В. Протасова⁵. Количество исследований, проводимых на материалах сибирского региона, довольно немногочисленно. Поэтому в данной статье предпринята попытка реконструировать повседневный мир тылового детства в Бурятии.

Одна из приоритетных задач Великой Отечественной войны – сохранение образовательной системы. Вместе с тем, требовалась серьезная перестройка всей школьной работы. В новых военных условиях школа обязана была давать учащимся, помимо теоретических знаний, необходимые практические умения и навыки. От школьников требовалось умение определять свое местоположение на местности, работать с географическими картами, распознавать отравляющие вещества и пр. К 1940 г. на территории Бурятии насчитывалось 546 общеобразовательных школ, 492 из которых приходились на сельскую местность. Общее количество учащихся составляло 100,1 тыс. чел.

Важнейшей задачей военного времени была подготовка резервов для армии, в связи с чем старшеклассники должны были пройти 110-часовую военную подготовку, которая включала ходьбу на значительные расстояния, бег на выносливость с препятствиями, метание гранат, стрельбу по мишеням. В 1942 г. военно-физическая подготовка была введена и для детей младших классов. В 1941–1942 учебном году в Бурятии подготовку прошли 2 997 школьников, из них 1 640 девочек⁶.

Учеба проходила в тяжелейших условиях: не хватало учебников, учебно-письменных принадлежностей и наглядных пособий. Особый дефицит школы республики испытывали в плане обеспечения тетрадами. В 1943 г. из запрашиваемых 500 тыс. экземпляров поступило только 52 тыс. тетрадей. Часто вместо тетрадей использовались старые газеты, книги,

обои, бланки, оберточная бумага. Чернилами служили сажа, разведенная в воде, угли или свекольный отвар.

Редко школьные здания передавались для нужд военной медицины и переоборудовались под хирургические и процедурные кабинеты эвакуогоспиталей. Из воспоминаний ученицы 5 класса Л. Доржиевой: с началом войны нашу школу передали под госпиталь, и мы учились в подсобных помещениях. Из-за недостатка площади по разным углам занималось сразу несколько классов. Отопления и электричества не было, зимой сидели на уроках в шапках, верхней одежде и варежках. Всем трудно было сконцентрироваться ни на чем ином, кроме ощущения ледяного холода⁷.

Сильные холода, нехватка рабочей силы на предприятиях, заводах, колхозных полях, отсутствие одежды и обуви вынуждали большинство школьников оставлять обучение. «Я бросил школу, когда начались весенне-пахотные работы, так как хотелось есть, а за работу в колхозе давали 200 грамм муки и расчитывались сразу», – вспоминал ветеран Великой Отечественной войны Л. Зуев⁸. И такие случаи не были единичными. Число учащихся в бурятских школах уменьшилось с 100,1 тыс. в 1940–1941 учебном году до 71,9 тыс. в 1944–1945 учебном году⁹.

В 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». Удельный вес молодежи на крупных предприятиях республики – Улан-Удэнском ПВРЗ, стекольном, авиационном заводах, мясоконсервном комбинате – доходил до 90%. Для 15–16-летних рабочих трудовая смена длилась 12 часов (но чаще больше), для детей младших возрастов – 6 часов. Тяжелая ручная работа, низкая техника безопасности, слабое отопление помещений, отсутствие спецодежды, постоянное чувство голода – все эти факторы обостряли и без того существующий морально-психологический дискомфорт.

Плохие условия жизни толкали подростков на совершенные противоправные поступки. Молодые рабочие воровали все, что можно было обменять на продукты питания: гайки, гвозди, болты, молотки. Руководство предприятий и заводов понимало, что рабочих надо поддерживать. В сентябре 1942 г.

на Улан-Удэнском ПВРЗ был проведен смотр готовности к зимнему периоду, который показал, что у большинства подростков отсутствовали необходимые одежда и обувь. Поэтому к ноябрю того же года им было выделено 300 костюмов¹⁰, а к новому году юные передовики производства получили по куску сахара и дополнительный паек хлеба¹¹.

2 июля 1941 г. Совет народных комиссаров СССР издал указ «Об участии в сельскохозяйственных работах учащихся 7–10 классов». Школьники были привлечены для выезда на колхозные поля и фермы. За четыре года войны в Бурятии на сельскохозяйственных работах было задействовано 113,7 тыс. школьников.

Сложной задачей в годы войны было обеспечение населения продовольствием. Советское правительство было вынуждено ввести нормированное, централизованное снабжение. Хлеб, молоко, масло, сахар, крупы, макаронные изделия распределялись по продовольственным карточкам. Из-за нехватки хлеба одним из основных продуктов питания являлся картофель. Когда заканчивались запасы в зимний период, дети шли на колхозные поля и искали его под снегом. Б. Цыремпилова вспоминает: порой мы даже дрались за гниющую картошку с ребятами, каждому хотелось принести домой хоть что-то. Мама перетираала клубни, добавляла туда траву и пекла лепешки. Однажды мы с сестрой начали вспоминать, что ели из вкусного до войны, а мама нас отругала. Но ночами все равно часто снилась еда¹².

В военные годы значительно ухудшилось обеспечение населения товарами широкого потребления, одежда и обувь стали дефицитом. В основном дети донашивали одежду за старшими братьями и сестрами, а обувь делили на всю семью. Из воспоминаний Т. Очировой: из одежды помню перешитые на много раз вещи старшего брата и ботинки на деревянных подошвах одни на двоих. В первый класс я пошла только в девять лет, когда занятия стали проходить в две смены¹³. Выданные талоны на ботинки были настоящим праздником в семье.

Война, голод, болезни оставили тысячи детей сиротами. Поиском беспризорных и безнадзорных детей занимались органы внутренних дел, которые проводили всестороннее

изучение биографии детей, принимали меры по розыску родственников или опекунов. К активной работе по борьбе с детской безнадзорностью были привлечены общественность, школы и комсомол.

К началу 1942 г. в Бурятии насчитывалось пять детских домов, которые могли вместить от 50 до 330 чел. Как и другие социальные учреждения, они испытывали определенные трудности в снабжении продовольствием, одеждой, обувью, учебными принадлежностями, что нередко служило поводом для побега несовершеннолетних. Существенную поддержку детским домам оказывали колхозы, трудовые коллективы предприятий и заводов, которые организовывали «воскресники», «месячники», «декадники» в помощь детям-сиротам. Широкое распространение во время войны получили такие формы устройства детей-сирот, как патронатное воспитание, опека и усыновление. К 1943 г. в республике были определены 783 беспризорника: 334 патронированы, 230 переданы в опекунов, 154 содержались на колхозные средства, а 65 усыновлены.

Будни детей были связаны не только с учебой и работой, хотя они и занимали большую часть их времени. Из воспоминаний Т. Васильевой: утомленным от тяжелой работы нам все равно хотелось играть. Хотя бы даже для того, чтобы согреться в холодное время. Когда набегашься, то становится теплее, да и за игрой о войне не думалось¹⁴. Среди детских игр того времени особенно популярны были «салки», «прятки», «лапта». В играх отражались и реалии войны (например, деление на «наших» и немцев).

Самой распространенной формой проведения досуга детей разных возрастов являлся просмотр кинофильмов, роль которых в годы войны значительно возросла и являлась одним из действенных элементов культурно-просветительной деятельности. На экран вышли: «Патриотка» (1941 г., реж. В. Пронин), «Во имя Родины» (1942 г., реж. В. Пудовкин и Д. Васильев), «Сталинград» (1943 г., реж. Л. Варламов) и др.

Не меньшей популярностью пользовалось радио, которое оперативно освещало происходящие события на фронтах и в тылу. Большое значение приобрели радиопередачи, в которых рассказывалось о патриотизме советских детей,

ежедневно в эфир выходила радиогазета «Пионерская зорька». По призыву радио тимуровцы помогали семьям фронтовиков, дежурили в госпиталях, заготавливали топливо, помогали с обработкой огородов.

Особое место среди воспоминаний детей занимали праздники, которые позволяли хотя бы ненадолго отвлечься от военных реалий. Наиболее любимым и популярным был Новый год. Елочные игрушки в виде солдат, парашютистов, военной техники создавались вручную из бумаги, ваты, дерева. Иногда на елку вешали кусковой сахар, орехи, сушеную свеклу и морковь. Самым важным и главным праздником для детей, да и для всех жителей республики, стал праздник – День Победы, который отпечатался наиболее ярко в детской памяти. От новости о Победе все пришли в возбуждение, люди вокруг обнимались и плакали. Невероятное было счастье, настоящая стихия¹⁵.

Таким образом, несмотря на удаленность от фронта, Бурятия в полной мере ощутила трудности военного времени. Дети оказались в центре этих событий и почувствовали неизбежные изменения в своей повседневной жизни: экстремальные организационно-педагогические условия работы школ, мобилизацию на тяжелые работы, возросший груз социальной ответственности, отсутствие полноценного отдыха, постоянный недостаток продуктов питания, дефицит теплой одежды и обуви. Весь материально-вещественный мир подвергся большим разрушениям, что существенно ограничивало возможности удовлетворения множества основных потребностей. Повседневные практики, как и в других тыловых регионах, были подчинены главному лозунгу страны: «Все для фронта, все для победы!».

Сильнейший патриотический подъем советского государства формировал в детском сознании единую идеологию, согласно которой считалось постыдным оставаться в стороне от всеобщей народной беды. Дети старались копировать поведение взрослых и возлагали на себя не свойственные ранее роли и функции: работали на оборонных предприятиях, помогали в сельскохозяйственных работах, ухаживали за ранеными в госпиталях, занимались сбором различных полезных материалов (макулатуры, металлолома, лекарственных растений). Все это дисциплинировало детей и способствовало их раннему взрослению.

Кроме школьной и трудовой обыденности, у детей была еще и досуговая деятельность, где оставалось место праздникам и играм. Это позволяло вытеснить отрицательные эмоции и отвлечься от суровых реалий повседневной жизни в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания / Notes

¹ Чуркин, М. К., Умнов, Е. Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность Сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 65. – С. 69–73. CHURKIN, M. K., UMNOV, E. E. Memories as ego-text: Children's everyday life in the rear in Siberian periphery during the Great Patriotic War. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 65, pp. 69–73.

² Бельская, Н. В. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 169–179. BELSKAYA, N. V. *Evakuirovannye deti: trudnosti vyzhivaniya v tylu* [Evacuated children: the difficulties of survival in the rear. In Russ.]. IN: *Demograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 2, pp. 169–179.

³ Дубинская, Т. И. Дети Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // East European Scientific Journal. – 2016. – № 10. – С. 39–41. DUBINSKAYA, T. I. The children in West Siberia in the days of the Great Patriotic War. IN: *East European Scientific Journal*, 2016, no. 10, pp. 39–41.

⁴ Носова, М. С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. – 2019. – № 2. – С. 58–63. NOSOVA, M. S. Features of childhood in rear Siberian city in the days of the Great Patriotic War (on the example of Omsk). IN: *Omskii nauchnyi vestnik*, 2019, no. 2, pp. 58–63.

⁵ Протасова, Е. В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 355–367. PROTASOVA, E. V. Wartime childhood in the Urals residents' memoirs of 1941–45. IN: *Nauchnyi dialog*, 2017, no. 10, pp. 355–367.

⁶ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 9. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB), fond 36-p, series 1, file 1775, p. 9.

⁷ Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и воспоминания. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. – С. 121. Women of Buryatia during the Great Patriotic War of 1941–45: Documents and memoirs. Ulan-Ude, Republikanskaya tipografiya publ., 2005, p. 121.

⁸ Детство, опаленное войной: сборник воспоминаний детей войны / Сост. В. З. Соркин. – Вологда: ФЕСТ, 2011. – С. 76. Childhood scorched by the war: A collection of memoirs of children of war. Vologda, FEST publ., 2011, p. 76.

⁹ Народное хозяйство Бурятской АССР: статистический сборник. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – С. 205. National Economy of the Buryat ASSR: Statistical Collection. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1963, p. 205.

¹⁰ ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 2014. Л. 18–19. GARB, fond 36-p, series 1, file 2014, p. 18–19.

¹¹ Там же.

¹² Жизнь детей во время Великой Отечественной войны. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://моуапобедарu/zhizn-detey-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения 14.03.2022). The life of children during the Great Patriotic War. [On-line]. Available at: <http://моуапобедарu/zhizn-detey-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (14.03.2022).

¹³ Как пережили войну // Комсомольская правда. – 2020. – 9 мая. – С. 3. How did they survive the war. IN: *Komsomol'skaya pravda*, May 9, 2020, p. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ День Победы // Восточно-Сибирская правда. – 2019. – 9 мая. – С. 2. Victory Day. IN: *Vostochno-sibirskaya pravda*, May 9, 2019, p. 2.

Список литературы

Бельская, Н. В. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 169–179.

Дубинская, Т. И. Дети Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // East European Scientific Journal. – 2016. – № 10. – С. 39–41.

Носова, М. С. Особенности детства в тыловом Сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. – 2019. – № 2. – С. 58–63.

Протасова, Е. В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 355–367.

Чуркин, М. К., Умнов, Е. Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность Сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 65. – С. 69–73.

References

BELSKAYA, N. V. *Evakuirovannyye deti: trudnosti vyzhivaniya v tylu* [Evacuated children: the difficulties of survival on the home front. In Russ.]. IN: *Demograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 2, pp. 169–179.

DUBINSKAYA, T. I. The children in West Siberia in the time of Great Patriotic War. IN: *East European Scientific Journal*, 2016, no. 10, pp. 39–41.

NOSOVA, M. S. Features of childhood in rear siberian city during the Great Patriotic War (on the example of Omsk). IN: *Omskii nauchnyi vestnik*, 2019, no. 2, pp. 58–63.

PROTASOVA, E. V. Wartime childhood in the Urals residents' memoirs of 1941–45. IN: *Nauchnyi dialog*, 2017, no. 10, pp. 355–367.

CHURKIN, M. K., UMNOV, E. E. Memories as ego-text: Children's rear everyday life in the Siberian periphery in the days of the Great Patriotic War. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 65, pp. 69–73.

Сведения об авторах

Соболева Анастасия Николаевна, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, отдел истории, этнологии и социологии, научный сотрудник, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 8-301-243-35-51, 8-950-384-62-41, soboleva03_88@mail.ru

About the authors

Soboleva Anastasia Nikolaevna, PhD in History, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, department of history, ethnology, and sociology, researcher, Ulan-Ude, Russian Federation, +7-301-243-35-51, +7-950-384-62-41, soboleva03_88@mail.ru

Сведения о грантах

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

Grant information

The article has been prepared within the frameworks of the state assignment (project “Russia and Inner Asia: Dynamics of geopolitical, socio-economic, and intercultural interaction (17th–21st century),” no. 121031000243-5).

В редакцию статья поступила 30.08.2022 г., опубликована (для цитирования):

Соболева, А. Н. Дети Бурятии: повседневная жизнь в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // *Вестник архивиста*. – 2023. – № 2. – С. 390–400. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400

Submitted 30.08.2022, published (for citation):

SOBOLEVA, A. N. *Deti Buryatii: povednevnyaya zhizn' v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Children of Buryatia: Everyday Life under the Conditions of the Great Patriotic War of 1941–45. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 390–400. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-390-400

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+930.2+930.85+321.74+321.022+323.2+342.2+341.218.4

+321.014+321.74+351.74/.76+351.96+394.945+343.254

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412

Огуренко, Е. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Секретные архивы в провинции в 1940-е – 1960-е гг. на примере Государственного архива Свердловской области

Ogurenko, Egor V.

First President of Russia B. N. Yeltsin
Ural Federal University, Sverdlovsk Region, Russian Federation

Secret Archives in the Periphery in the 1920s–60s: A Case-Study of the State Archive of the Sverdlovsk Region

Аннотация

В статье рассматривается проблема информационной культуры в советском обществе на примере развития секретного хранения в государственных архивах в период с конца 1930-х до середины 1960-х гг. В результате социально-политических преобразований 1917–1920 гг. архивные документы стали рассматриваться как политический (информационный) ресурс. Объяснялось это «мобилизационной» атмосферой в обществе и правительственных кругах. Более всего в неограниченном доступе к документам единого Государственного архивного фонда (ГАФ) были заинтересованы органы политической спецслужбы. Система секретных архивов была сформирована в 1924 г. как одна из форм монополизации информационной сферы. Деятельность региональных секретных архивов была направлена на сохранение, учет и использование документов ограниченного доступа. Засекречивались материалы, содержащие данные о персональном составе и деятельности дореволюционных и некоторых советских государственных учреждений. На примере работы отдела секретных фондов Государственного архива Свердловской области

(ГАСО) анализируется весь спектр работы региональных секретных архивов – организация, материально-техническое обеспечение, направления работ и кадровый состав. Важную сторону деятельности секретных архивов представляла «оперативно-чекистская деятельность» – подготовка справочно-информационных документов для областных органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а позднее Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Особый масштаб оперативно-чекистская работа приобрела с 1938 г., когда все государственные архивы стали частью НКВД, а ее апогей приходится на период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В этот же период предпринимается попытка запрашивать у региональных архивных органов более сложные информационные документы. В послевоенный период работа с секретными документами продолжалась вплоть до 1956 г., когда официально был начат процесс рассекречивания документов ГАФ. Отделы секретных фондов госархивов продолжали информировать спецслужбы до своего упразднения в 1965 г. Как таковое секретное хранение в Свердловской области просуществовало до 1988 г., когда были рассекречены последние секретные фонды. Автор приходит к выводу, что долговечность столь специфической формы работы с такой малой частью ретроспективной документации была продиктована особенностями развития советского общества. Исследование подготовлено на основе материалов Государственного архива Свердловской области.

Abstract

This article discusses the problem of information culture in the Soviet society on the example of development of classified documents storage in state archives from late 1930s to mid-1960s. After sociopolitical transformations of 1917–20, archival documents became a political (informational) resource due to “mobilization” atmosphere in the society and government circles. It was the political police authorities who were most interested in unrestricted access to the documents of the Unified State Archive Fond (GAF). The system of secret archives evolved in 1924 as a form of monopolization of information sphere. The activity of regional secret archives was aimed at preservation, registration, and use of restricted access documents. Materials containing data on personal composition and activities of pre-revolutionary and some Soviet state institutions were classified. Using the activities of the secret fonds department of the State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO) as example, the author analyzes the entire spectrum of work of regional secret archives: organization, material and technical support, areas of work, and staffing. An important aspect of the secret archives’ activities were “operational and Chekist

activities”: preparation of reference and information documents for the regional bodies of the Joint State Political Directorate (OGPU) and, later, the People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). Operative and security work of massive proportions began in 1938, when all state archives became part of the NKVD, reaching its peak during the Great Patriotic War (1941–45). During the same period, an attempt was made to request more complex information documents from regional archival bodies. In the post-war period, work with secret documents continued until 1956, when the process of declassification of the GAF documents was officially initiated. Secret fonds departments of state archives continued to inform the special services until their abolition in 1965. The secret storage in the Sverdlovsk Region existed until 1988, when the last secret fonds were declassified. The author concludes that longevity of this specific form of work with such a small part of retrospective documentation was dictated by the peculiarities of the Soviet society development. This research is based on materials from the State Archives of Sverdlovsk Region.

Ключевые слова

Исторические источники, архивы Урала, Государственный архив Свердловской области, НКВД, МВД, политсекция, секретные архивы.

Keywords

Historical sources, archives of the Urals, State Archive of the Sverdlovsk Region, NKVD, MVD, political section, secret archives.

Важной страницей прошлого архивов советской России выступает история секретных фондов. Не случайно, что проблема секретности в архивном деле приобрела особое значение именно в XX в. Развитие технологий привело к информационной революции. Ее последствия для отечественной культуры требуют подробного рассмотрения¹. Так, известный историк А. Н. Медушевский обратил внимание на особую роль информации в советском обществе². По нашему мнению, советская архивная политика отражает часть этих противоречий.

Секретные архивы – это учреждения, хранящие документы, по определенным причинам ограниченные государством в доступе для пользователей. Проблеме возникновения и развития секретности в советском архивном деле уделено внимание в работах всех крупнейших историков отечественного архивоведения³. Малоисследованной пока остается практика

работы с секретными документами региональных архивов в конце 1930-х – начале 1960-х гг.

После окончания Гражданской войны и иностранной интервенции общество пребывало в состоянии перманентной «военной тревоги», что усиливало шпиономию⁴. Алармистские настроения были характерны и для советской элиты, что влияло на принятие управленческих решений⁵. Так, архивы воспринимались, в первую очередь, как политико-идеологический ресурс⁶. Более всех в монополии на архивную информацию были заинтересованы органы госбезопасности. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) стремилось контролировать «агентурные фонды» – материалы учреждений дореволюционного и «белых» правительств, а также персональный состав участников их силовых структур. Представители ОГПУ регулярно обращались за этими материалами в Центрархив (ЦАУ) и его отделения.

С 1920-х гг. по обращениям ОГПУ ЦАУ запрашивает у архивов списки «служащих б[ывших] охранных отделений». В 1924 г. в регионах ЦАУ создаются особые архивы – политические секции (политсекции). Состав документов и права доступа определялись руководством архивных бюро при консультации с ОГПУ. Кандидаты на работу с секретными документами также проверялись ОГПУ⁷. Завершение институционализации секретного хранения относится к 1928 г., когда на базе политсекций при региональных архивных управлениях создаются областные секретные архивы.

В начале 1927 г. в Уральской области была создана политсекция. Ее основу составили «историко-революционные» документы и материалы губернского жандармского управления. Помимо Свердловска политсекции были созданы в Перми, Тобольске и Челябинске. Специальный сотрудник (заведующий) был только в Свердловске, в остальных городах политсекциями руководили по совместительству⁸. В 1928 г. политсекция была реорганизована в областной секретный архив. Учреждение имело двух сотрудников – заведующего и архивно-технического работника⁹. После переподчинения Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) в 1938 г. региональные секретные архивы объединились в единый

областной государственный архив на правах отделов. Так, летом 1940 г. начал работу отдел секретных фондов Государственного архива Свердловской области (ГАСО)¹⁰. Аналогичные отделы были организованы в филиалах ГАСО в Нижнем Тагиле и Ирбите.

Отдел секретных фондов состоял из архивохранилища и рабочих комнат. Имелась изолированная электропроводка, противопожарный инвентарь, железные двери и решетки на окнах. Здание пребывало под круглосуточной охраной милиции¹¹. Условия для хранения документов в отделе были лучше, чем в областном архиве.

На 1 января 1941 г. в ГАСО насчитывалось 209 секретных фондов (13 659 дел). Среди них – Екатеринбургского окружного прокурора и суда (1880–1905 гг.), полицейского управления (1911–1917 гг.), выездной сессии Казанской судебной палаты (1903–1910 гг.), акционерного общества «Лена Голдфилдс» (1925–1930 гг.) и Рабоче-крестьянской инспекции (1929–1936 гг.). Состав фондов постепенно расширялся. К 1950 г. в отделе секретных фондов ГАСО было 189 фондов (28 839 дел), из которых полностью засекречены были 47 фондов (23 672 дела) и частично 142 фонда (5 167 дел). Всего в области было около 300 секретных фондов (более чем 50 тыс. дел). Таким образом, секретные документы не составляли даже 10% областного архивного фонда.

С 1939 г. документы секретных фондов использовались для выявления неблагонадежных («контрреволюционных элементов») по разрядам («политокраскам»). К ним относились сотрудники дореволюционных судов, прокуратуры, тюрем, полицейских и жандармских управлений, осведомители и агенты охранного отделения, контрреволюционеры, кадеты, социал-революционеры, священнослужители и сионисты¹². Списки отсылались в Москву для формирования картотеки¹³. Запросы на новые списки со стороны Главного архивного управления (ГАУ) НКВД были регулярными¹⁴. Циркуляры от 17 декабря 1940 г., 11 февраля и 20 июня 1941 г. определяли порядок поиска и учета неблагонадежных¹⁵. Письмо ГАУ от 20 февраля 1941 г. гласило: «Разъясняем, что до тех пор, пока не будет окончательно закончено выявление контрреволюционного

элемента, проводить работу по составлению внутренних описей не следует»¹⁶. Согласно приказу начальника архивного отдела Управления НКВД области от 2 сентября 1940 г. требовалось целиком сосредоточиться на составлении списков за счет других направлений работы¹⁷. Результаты были впечатляющими: по состоянию на март 1941 г. было выявлено 1 177 человек, затем еще 835 (май 1941). В Нижнетагильском филиале ГАСО были составлены списки на 1 509 человек (май 1941), в Ирбитском – 467 человек (июнь 1941), в Серовском – 1 065 человек (сентябрь 1941)¹⁸. Таким образом, выявление «политокрасок» стало важнейшей задачей архивных органов.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. составление списков ускорилось. Циркуляр от 8 августа 1941 г. требовал отвечать на запросы государственных органов в течение 48 часов и при необходимости работать круглосуточно¹⁹. Письмо ГАУ от 31 августа 1941 г. предписывало в месячный срок закончить обработку всех секретных фондов²⁰. К январю 1942 г. ГАСО было выявлено 1 352 человека, и еще 3 365 к ноябрю²¹. В феврале 1945 г. картотека отдела секретных фондов ГАСО насчитывала 15 тыс. карточек²².

Некоторые нормативные акты ГАУ были посвящены вопросам повышения эффективности использования секретных документов. В августе 1942 г. был разослан обзор состава секретных фондов в центральных госархивах СССР²³. Приказ НКВД и НКГБ от 2 октября 1944 г. «Об улучшении работы по использованию секретных материалов государственных архивов в агентурно-оперативной работе» обозначил основные проблемы работы архивов – необеспеченность кадрами, необходимость привести в порядок картотеки, составить научно-исторические справки и обзоры и установить связь с органами НКВД, НКГБ и «Смерш». В обзоре работы отделов секретных фондов за первую половину 1944 г. критиковалось отсутствие практики «составления обзоров, исторических справок и спецсообщений»²⁴. Однако до конца войны отдел секретных фондов ГАСО не подготовил ни одного такого документа.

В послевоенный период оперативно-чекистская работа продолжалась. По заданиям МВД и МГБ в Нижнетагильском

филиале был составлен список на 2 720 человек. Поступило 578 запросов, из которых было дано 273 положительных ответа²⁵. В 1953 г. по 1 403 делам была составлена 11 131 карточка. На учет были взяты лица, осужденные в 1930–1935 гг. за контрреволюционную деятельность, и члены АРА (American Relief Administration). На последних был составлен список-справочник (71 человек). Были созданы справочные карточки в филиалах, дубликаты карточек включены в картотеку отдела секретных фондов. Готовились справки-ориентировки: о контрреволюционных организациях Екатеринбургской губернии в 1918–1925 гг. и о «мелкобуржуазных» партиях (эсеров, меньшевиков и других), действовавших в Екатеринбургском уезде²⁶. В 1956 г. в Областное управление КГБ были направлены списки-справочники на членов «колчаковской» комиссии и антисоветских партий (119 человек)²⁷.

В структуре отдела осенью 1941 г. было два сотрудника²⁸. К 1954 г. в отделе работало уже четыре человека: начальник отдела, научный сотрудник и два архивно-технических работников²⁹. Оклады научного и архивно-технических работников составляли соответственно 360 и 320 руб., при средней заработной плате в СССР в 646 руб. на 1950 г.³⁰. В то же время для составления списков привлекались не только сотрудники других отделов ГАСО, но и научные работники Архивного отдела³¹.

После внутривластных перемен 1950-х гг. статус секретных фондов меняется. С принятием 7 февраля 1956 г. постановления Совета Министров СССР № 246 «О мерах по упорядочению режима хранения к лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» началась критика «закрытости» архивов³². В госархивах создавались комиссии по пересмотру секретных фондов³³. В октябре 1957 г. в ГАСО на секретном хранении числилось 55 335 дел. После рассмотрения 40 127 дел на общее хранение было отнесено 7 803 дела³⁴. Рассекречивание продолжалось и позднее.

Работа отделов секретных фондов продолжалась и в 1960-е гг., хотя они становились анахронизмом. В 1964 г. поступило 77 запросов на 189 бывших военнопленных. На интернированных офицеров поступило 179 секретных

запросов, удалось ответить 30. В рамках работы по учету была составлена алфавитная картотека на умерших военнопленных³⁵. В 1965 г. в соответствии с приказом ГАУ № 96 от 29 августа 1964 г. в госархивах были ликвидированы отделы секретных фондов³⁶. Однако последние фонды в Свердловской области были рассекречены только в 1988 г.³⁷

Таким образом, секретные архивы являлись характерной особенностью советской архивной системы. Их институционализация была обусловлена конкретно-историческими обстоятельствами 1920-х гг. – милитаризацией и идеологизацией общества. В этих условиях ведомство госбезопасности усиливало свое влияние, установив контроль над архивными органами. Засекречивались политически важные фонды, но в масштабах ГАФ – незначительные по объему документов. На примере отдела секретных фондов ГАСО видно, что создание списков неблагонадежных граждан на основе засекреченных документов являлось одним из важнейших направлений работы архивных учреждений в 1939–1956 гг. Для хранения секретных документов создавались более хорошие условия, а выполнение оперативного-чекистских запросов достигалось за счет выполнения других видов работ. Особенностью региональных секретных архивов была слабая кадровая база, одной из причин такого положения была низкая заработная плата. Отделы секретных фондов госархивов просуществовали до 1964 г., а сама необходимость в секретном хранении документов ГАФ отпала только в конце 1980-х гг.

Примечания / Notes

¹ DUDNIK, S. I. Stalin's modernization as a historical experience. IN: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta, Filosofiya i Konfliktologiya*, 2019, issue 35, part 3, pp. 394–405; GHIDINI, M. C. Stolen air. Some notes on censorship and literature in Stalinist Russia. IN: *Studi Storici*, 2019, vol. 60, no. 4, pp. 919–938.

² Медушевский, А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования // *Российская история*. – 2010. – № 6. – С. 3–29. MEDUSHEVSKII, A. N. *Stalinizm kak model' sotsial'nogo konstruirovaniya* [Stalinism as a model of social construction. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2010, no. 6, pp. 3–29.

³ Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ, 1994. – 360 с. KHORKHORDINA, T. I. *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg.* [History of the Homeland and archives: 1917–80. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 1994, 360 p.; Савин, В. А. Архивное наследие России: государственный архивный фонд РСФСР: управление и коммуникации: 1918–1941. – М.: РГГУ, 2009. – 352 с. SAVIN, V. A. *Arkhivnoe nasledie Rossii: gosudarstvennyi arkhivnyi fond RSFSR: upravlenie i kommunikatsii: 1918–1941* [Archival Heritage of Russia: State Archive Fund of the RSFSR: Management and Communications: 1918–41. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2009, 352 p.

⁴ Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 169. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt. 1917–1930-e gg. :v 2 ch. CH. 2. Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s: in 2 parts. Part 2. Soviet society: Culture, Consciousness, Behaviour. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta publ., 2019, p. 169.

⁵ VELIKANOVA, O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: Disenchantment of the dreamers. New York, 2013, pp. 22–117; DUDNIK, S. I. Stalin modernization as a historical experience. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofii i Konfliktologii*, 2019, vol. 35, no. 3, pp. 394–405; GOLDMAN, W. Z. Blood on the Red Banner: Primitivistic Accumulation in the World's First Socialist State. IN: *International Review of Social History*, vol. 67 (2), pp. 211–229.

⁶ Покровский, М. Н. Политическое значение архивов // Архивное дело. – 1925. – Вып. 2. – С. 1–7. ПОКРОВСКИЙ, М. Н. *Politicheskoe znachenie arkhivov* [The political significance of archives. In Russ.]. IN: *Arkhivnoe delo*, 1925, vol. 2, pp. 1–7.

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1139. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 9, 11, 34, 36. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [The State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO), fond R-1139, series 1, file 4, pp. 7, 9, 11, 34, 36.

⁸ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1613. Л. 61–63. Ibid., fond R-88, series 1, file 1613, pp. 61–63.

⁹ Там же. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 438. Л. 11 об. Ibid., fond R-316, series 1, file 438, p. 11 verso.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 5. Л. 30. Ibid., series 4, file 5, p. 30.

¹¹ Там же. Д. 60. Л. 2, 7. Ibid., file 60, pp. 2, 7.

¹² Там же. Ф. Р-1139. Оп. 3. Д. 26. Л. 2, 4–6. Ibid., fond R-1139, series 3, file 26, pp. 2, 4–6.

¹³ Там же. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 4. Л. 2–3, 14. Ibid., fond R-316, series 4, file 4, pp. 2–3, 14.

¹⁴ Там же. Л. 12. Ibid., p. 12.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 1–4; Д. 8. Л. 16–17. Ibid., file 5, pp. 1–4.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 5. Ibid., file 5, p. 5.

- ¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 10. Ibid., file 6, p. 10.
¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 9, 15, 22–23, 30; Д. 10. Л. 16–17. Ibid., file 8, pp. 9, 15, 22–23, 30; file 10, pp. 16–17.
¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 32–33. Ibid., file 5, pp. 32–33.
²⁰ Там же. Л. 16. Ibid., p. 16.
²¹ Там же. Д. 8. Л. 35–36. Ibid., file 8, pp. 35–36.
²² Там же. Д. 7. Л. 11–12. Ibid., file 7, pp. 11–12.
²³ Там же. Д. 9. Л. 5–8. Ibid., file 9, pp. 5–8.
²⁴ Там же. Д. 7. Л. 10–10 об., 20 об. Ibid., file 7, pp. 10–10 verso.
²⁵ Там же. Д. 60. Л. 9. Ibid., file 60, p. 9.
²⁶ Там же. Д. 87. Л. 124–125. Ibid., file 7, pp. 10.
²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1674. Л. 75. Ibid., series 1, file 1674, p. 75.
²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 16–18. Ibid., series 5, file 7, pp. 16–18.
²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1664. Л. 31. Ibid., series 1, file 1664, p. 31.
³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 3–10. Ibid., series 4, file 60, pp. 3–10.
³¹ Там же. Д. 5. Л. 16. Ibid., file 5, p. 16.
³² Там же. Оп. 1. Д. 1680. Л. 109. Ibid., series 1, file 1680, p. 109.
³³ Там же. Д. 1696. Л. 8. Ibid., file 1696, p. 8.
³⁴ Там же. Л. 28. Ibid., p. 28.
³⁵ Там же. Д. 1908. Л. 50–52. Ibid., file 1908, p. 109.
³⁶ Там же. Д. 1919. Л. 99. Ibid., file 1919, p. 99.
³⁷ Там же. Д. 2603. Л. 64. Ibid., file 2603, p. 64.

Список литературы

- Медушевский, А. Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. – 2010. – № 6. – С. 3–29.
- Покровский, М. Н.* Политическое значение архивов // Архивное дело. – 1925. – Вып. 2. – С. 1–7.
- Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. В 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 462 с.
- Савин, В. А.* Архивное наследие России: государственный архивный фонд РСФСР: управление и коммуникации: 1918–1941. – М.: РГГУ, 2009. – 352 с.
- Хорхордина, Т. И.* История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ, 1994. – 360 с.
- DUDNIK, S. I. Stalin modernization as a historical experience // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofii i Konfliktologii. – 2019. – Iss. 35. – Pt. 3. – Pp. 394–405.
- GHIDINI, M. C. Stolen air. Some notes on censorship and literature in Stalinist Russia // Studi Storici. – 2019. – Vol. 60. – № 4. – Pp. 919–938.
- GOLDMAN, W. Z. Blood on the Red Banner: Primitive Accumulation in the World's First Socialist State // International Review of Social History. – Vol. 67 (2). – Pp. 211–229.

VELIKANOVA, O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers. – New York, 2013. – 266 p.

References

MEDUSHEVSKIY, A. N. *Stalinizm kak model' sotsial'nogo konstruirovaniya* [Stalinism as a model of social construction. In Russ.]. IN: *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 6, pp. 3–29.

POKROVSKII, M. N. *Politicheskoe znachenie arkhivov* [The political significance of archives. In Russ.]. IN: *Arkhivnoe delo*, 1925, vol. 2, pp. 1–7.

Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg.: v 2 ch. CH. 2. Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s: in 2 parts. Part 2. Soviet society: Culture, Consciousness, Behaviour. In Russ.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta publ., 2019, 462 p.

SAVIN, V. A. *Arkhivnoe nasledie Rossii: gosudarstvennyi arkhivnyi fond RSFSR: upravlenie i kommunikatsii: 1918–1941* [Archival Heritage of Russia: State Archive Fund of the RSFSR: Management and Communications: 1918–1941. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2009, 352 p.

KHORKHORDINA, T. I. *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-ye gg.* [History of the Homeland and archives: 1917–1980. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 1994, 360 p.

DUDNIK, S. I. Stalin modernization as a historical experience. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofiya i Konfliktologiya*, 2019, issue 35, part 3, pp. 394–405.

GHIDINI, M. C. Stolen air. Some notes on censorship and literature in Stalinist Russia. IN: *Studi Storici*, 2019, vol. 60, part 4, pp. 919–938.

GOLDMAN, W. Z. Blood on the Red Banner: Primitive Accumulation in the World's First Socialist State. IN: *International Review of Social History*, vol. 67 (2), pp. 211–229.

VELIKANOVA, O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: Disenchantment of the dreamers. New York, Palgrave Macmillan publ., 2013, 266 p.

Сведения об авторах

Огуренко Егор Владимирович, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, аспирант, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-343-389-94-71, 8-904-384-44-85, y.ogurenko@gmail.com

About the authors

Ogurenko Egor Vladimirovich, postgraduate student, First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Ural Humanitarian Institute, department of

document science, archival science, and history of public administration, Yekaterinburg, Russian Federation, +7-343-389-94-71, +7-904-384-44-85, y.ogurenko@gmail.com

**В редакцию статья поступила 05.11.2022 г.,
опубликована (для цитирования):**

Огуренко, Е. В. Секретные архивы в провинции в 1940-е – 1960-е гг. на примере Государственного архива Свердловской области // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 401–412. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412

Submitted 05.11.2022, published (for citation):

OGURENKO, E. V. *Sekretnye arkhivy v provintsii v 1940-e – 1960-e gg. na primere Gosudarstvennogo arkhiva Sverdlovskoi oblasti* [Secret Archives in the Periphery in the 1920s–60s: A Case-Study of the State Archive of the Sverdlovsk Region. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 401–412. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-401-412

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Scientific Publication of Archival Documents

Документальная публикация / Document publication
УДК 93/94+314.92+314.93+311.211+311.214+311.219.1+311.219.2+331
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429

Скрыдлов, А. Ю.

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Первая дискуссия об организации государственной статистики в Российской империи

Skrydlov, Andrey Yu.

St. Petersburg Branch of the Institute for the History
of Natural Sciences and Technology, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

The First Debate on the Organization of State Statistics in the Russian Empire

Аннотация

Статья посвящена истории институционализации государственных статистических учреждений России в первой четверти XIX в. Отмечено, что в этот период правительственная элита постепенно приходила к пониманию роли статистики в управлении государством, однако разные взгляды ведущих сановников империи на цели административной статистики обусловили длительный поиск оптимальной формы статистического ведомства. Выразителями противоположных подходов к устройству статистической части в этот период стали министр полиции А. Д. Балашев и министр внутренних дел В. П. Кочубей. Впервые публикуется полный текст проекта

А. Д. Балашева «О статистическом учреждении», представленный в 1819 г. на рассмотрение Комитета министров, а также мнение министра внутренних дел В. П. Кочубея по этому вопросу. Отмечено, что проект А. Д. Балашева стал своеобразным итогом длительной работы министра по созданию Статистического отделения Министерства полиции – первого в России органа административной статистики. Ведомство было создано в 1810 г. при участии члена Академии наук ученого-статистика К. Ф. Германа. В дальнейшем структура отделения совершенствовалась, решались проблемы кадрового состава и финансирования. Штаты министерства изначально не предусматривали создание обособленного статистического органа, и его деятельность регулировалась исключительно внутриминистерскими предписаниями. В 1819 г. новый виток административной реформы, в рамках которого Министерство полиции было объединено с МВД, поставил под вопрос дальнейшее развитие административной статистики в России. А. Д. Балашев лишился поста министра. Статус Статистического отделения, созданного в порядке внутриминистерского эксперимента, оказался не определен. В этих обстоятельствах А. Д. Балашев предпринял попытку сохранить статистическое ведомство, закрепить его в структуре центрального управления империи и направил в Комитет министров свои предложения по устройству статистической части. В проекте А. Д. Балашева впервые были поставлены актуальные по сей день вопросы централизации статистических исследований и обеспечения самостоятельного статуса статистического ведомства в структуре государственного управления. Также сформулирована идея привлечения научного сообщества к статистическим работам посредством создания Статистического общества. Позиция В. П. Кочубея, оформленная в виде отзыва на проект А. Д. Балашева, заключалась в развитии статистических подразделений внутри отдельных министерств и ведомств и отказе от планов централизованного обобщения статистических сведений. Рассмотрен исторический контекст создания документов, а также их значение для дальнейшей эволюции статистических органов Российской империи.

Abstract

The article is devoted to the history of state statistical institutions formation in Russia in the first quarter of the 19th century. In that period, the government gradually came to understand the statistics role in public administration, and yet varying views of the leading statesmen on the goals of administrative statistics resulted in long search for optimal configuration of the statistical agency. Exponents of opposite approaches were the Minister

of Police A. D. Balashev and Minister of Internal Affairs V. P. Kochubey. The full text of Balashev's project "On the statistical institution," submitted in 1819 for the Committee of Ministers consideration, is being published for the first time, as well as Kochubey's opinion on the issue. It is noted that Balashev's project encapsulated his ongoing efforts to create the statistical department of the Ministry of Police, the first body of administrative statistics in Russia. The department was established in 1810 with participation of the Academy of Sciences member, statistician Karl F. Herman. Later, the structure of the department was improved, the problems of staffing and funding solved. The initial ministry staff did not allow for the creation of a separate statistical body, and its activities were regulated only by intra-ministerial instructions. New administrative reform of 1819, when the Ministry of Police merged with the Ministry of Internal Affairs, called into question the future of administrative statistics in Russia. Balashev lost his ministerial post. The status of the statistical department, created as an intra-ministerial experiment, was undefined. In the circumstances, Balashev attempted to preserve the statistical department, formalizing its place in the central administration structure; he sent his proposals to the Committee of Ministers. Balashev's project raised issues of centralization of statistical research (which remains relevant up to date) and proposed to secure the statistical agency's independent status. He also put forward an idea of involving the scientific community in statistical work through creation of the Statistical Society. The essence of Kochubey's report on Balashev's project amounted to developing statistical units within different ministries and to abandoning all plans for centralized aggregation of statistical information. The projects historical context and their significance for evolution of statistics in the Russian Empire are considered.

Ключевые слова

Исторические источники, проекты реформ, история статистики, административная статистика, Статистическое отделение, А. Д. Балашев, В. П. Кочубей, К. Ф. Герман.

Keywords

Historical sources, reform projects, history of statistics, administrative statistics, A. D. Balashev, V. P. Kochubey, K. F. Hermann.

Государственная система статистических исследований складывалась в России на протяжении первой половины XIX в. В этот период происходило оформление учреждений,

ответственных за сбор и обработку статистических сведений, формировался профессиональный кадровый состав, вырабатывались первые методики работы с данными¹. Правительственная элита приходила к пониманию роли статистики в управлении государством постепенно. Разные взгляды ведущих сановников империи на цели административной статистики и перспективы ее развития обусловили длительный поиск подходящей формы организации статистических органов в системе государственного управления. В этом контексте особую актуальность приобретает выявление, изучение и введение в научный оборот первых малоизвестных проектов организации статистических исследований, многие нормы которых спустя десятилетия были реализованы на практике.

Из сохранившихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) протоколов Комитета министров следует, что впервые вопрос об организации государственного статистического ведомства был поставлен на заседании 29 ноября 1819 г. по инициативе генерал-адъютанта А. Д. Балашева. Он представил на рассмотрение Комитета записку «О статистическом учреждении», в которой обосновывал необходимость развития централизованных статистических исследований в России.

Проект А. Д. Балашева представляет собой итог длительной работы министра над созданием в структуре Министерства полиции первого в России органа административной статистики – Статистического отделения². Ведомство было учреждено в 1810 г. при непосредственном участии ученого-статистика, члена Императорской Академии наук К. Ф. Германа, который был сторонником объединения усилий государства и научного сообщества для проведения статистических исследований³. В течение 1811–1818 гг. структура отделения постоянно совершенствовалась, решались проблемы кадрового состава и финансирования. Штаты министерства изначально не предусматривали обособленного статистического органа, и его деятельность регулировалась исключительно внутриминистерскими предписаниями. Финансирование статистических исследований, по распоряжению министра, происходило не из Государственного казначейства, а из доходов Адрес-

ных контор, учрежденных в 1809 г. в Москве и Петербурге. По утверждению А. Д. Балашева, такой экспериментальный режим работы отделения был одобрен императором⁴.

В 1819 г. новый виток административной реформы, в рамках которого Министерство полиции было объединено с МВД, поставил под вопрос дальнейшее развитие административной статистики в России. А. Д. Балашев лишился поста министра. Статус Статистического отделения, созданного в порядке внутриминистерского эксперимента, оказался не определен. В этих обстоятельствах А. Д. Балашев предпринял попытку сохранить статистическое ведомство, закрепить его в структуре центрального управления империи и направил в Комитет министров свои предложения по устройству статистической части. В документе генерал-адъютант подчеркивал необходимость учета статистических сведений для принятия управленческих решений. По его мнению, частные научные изыскания отдельных ученых уже не могли обеспечить необходимый уровень достоверности статистических данных. Такая задача была посильна только центральному учреждению, которое должно было иметь самостоятельный статус в системе государственного управления⁵. Учреждение должно было стать организационным центром создания обобщающего статистического описания России. Предполагалось привлечь к работам по сбору сведений просвещенную публику на местах. Для этого при ведомстве создавалось Статистическое общество.

С резкой критикой предложений А. Д. Балашева выступил министр внутренних дел В. П. Кочубей, который представил в Комитет министров развернутый комментарий к проекту А. Д. Балашева. В. П. Кочубей красноречиво оспаривал тезисы А. Д. Балашева о пользе статистических знаний для государственных деятелей и называл препятствия, которые, по его мнению, делали невозможным достоверное статистическое описание России. Министр описывал, как перегруженные текущим делопроизводством местные чиновники заносили в статистические формы сведения, не связанные с реальной действительностью. Он предсказывал, что низкий уровень просвещения в провинции не позволит привлечь достаточное количество образованных людей к статистическим работам.

Из протокола заседания известно, что «Комитет, по рассмотрению представления генерал-адъютанта А. Д. Балашева признавал со своей стороны, что учреждение статистическое, по общему распорядку государственного управления, само по себе не может составлять никакой отдельной части, но должно принадлежать необходимо к какому-либо министерству»⁶. В качестве недостатков проекта названо следующее: «предположения о сем учреждении вообще взяты в слишком большом размере», «на существование оно в отдельном виде нет прямой Высочайшей воли», а также «весьма значащий расход» из государственной казны. Было решено «представить государю императору, что по мнению Комитета статистическое учреждение, принадлежа ближе всего к Министерству внутренних дел, должно быть присоединено к сему министерству»⁷. Предложение Комитета министров о передаче Статистического отделения в ведение МВД было утверждено императором. Министр В. П. Кочубей, руководствуясь скептическим взглядом на будущее административной статистики, долгое время не давал ведомству никаких инструкций. Лишь в 1823 г. отделение было включено в состав Департамента полиции исполнительной, однако вопрос о регламенте его работы, кадрах и финансировании оставался нерешенным. В течение 10 лет отделение находилось на грани расформирования, и только в 1834 г. по инициативе министра Д. Н. Блудова получило утвержденные правила⁸.

Обсуждение записки А. Д. Балашева стало отправной точкой в дискуссии о наиболее рациональной форме организации административной статистики в России. Сформулированная в ней задача централизации статистических исследований на государственном уровне была решена лишь в 1863 г., с созданием Центрального статистического комитета. К идее создания Статистического общества вернулся министр внутренних дел Л. А. Перовский, который в 1845 г. принял активное участие в создании РГО, рассчитывая на помощь ученых в деле статистического описания страны.

Записка А. Д. Балашева «О статистическом отделении» и мнение В. П. Кочубея по этому вопросу публикуются в современной орфографии и пунктуации. Рукописи обоих доку-

ментов представляют собой писарские копии, подписанные их авторами.

№1

О Статистическом учреждении.

Записка генерал-адъютанта Балашева

17 ноября 1819 года. Слуш[ано] в Комитете министров 29 ноября 1819. Записано в журнале под № две тысячи двести тридцать.

(Л. 668) Со времени учреждения министерств статистика государства нашего начала обращать на себя внимание государственных чиновников. Первый занялся сим предметом граф Виктор Павлович Кочубей, быв министром внутренних дел. Он сделал нужные на первый случай распоряжения, разослал формы для присылки сведений статистических в 1802-м и 1803-м году, а с 1804, по его же требованию, начали получаться отчеты гражданских губернаторов и проч. В последствии времени пред начатием Отечественной войны, я, управляя Министерством полиции и вместе с тем быв Санкт-Петербургским военным губернатором, дал части сей с Высочайшего соизволения некоторое распространение, но по обстоятельствам того времени не считал я удобным сим новым заведением увеличивать расходы Государственного казначейства, а полагал обратить на сей предмет часть доходов из Адресных контор, в недавнем (Л. 668 об) пред тем времени заведенных в обеих столицах. Между тем отделил я по способностям к сему роду занятий некоторых чиновников, как из Министерства полиции, так и из ведения здешнего Военного губернатора, в каковом положении учреждение сие и до ныне существует, не получая, сверх того, ниоткуда на содержание свое никаких сумм.

При наступлении войны получил я повеление во время оной находиться при Высочайшей особе Государя императора и передать все дела, в ведении моем состоящие, генералу от инфантерии графу Сергею Кузьмичу Вязмитинову, кроме статистической, однако же, части, которая и тогда, и до сих пор оставалась под моим руководством по-прежнему. Ныне, при предполагаемом мне вновь высочайшем назначении,

имел счастье я докладывать Государю императору о части статистической и удостоился получить изустный отзыв его величества, что не изволит он видеть никого неудобства, чтобы сие учреждение, (Л. 669) продолжая находиться под моим руководством, в отдельном от прочих виде было бы на сей раз обогащаемо всеми возможными сведениями касательно всех 5-и губерний, высочайше управлению моему вверенных, причем я просил и получил Высочайшее соизволение внести в Комитет гг. министров записку об отделении сего учреждения, что сим честь и имею исполнить.

Учреждение статистическое уже достигло некоторого успеха; многие работы, быв представлены и Комитету гг. министров, были одобрены оным прошлого 1818-го года апреля 6-го дня; а некоторые удостоены были в свое время и самого Высочайшего ободрения и милостивого поощрения, чему служит доказательством прилагаемая у сего копия Высочайшего на имя мое рескрипта; и я с своей стороны удостоверен несомнительно, что заведение сие принесет со временем немаловажную услугу государству и пользу службе, по великой надобности в статистических сведениях (Л. 669 об.) всякому государственному чиновнику. Если же часть сия шла до сего медленными стопами и не достигла еще желаемой степени совершенства, то сие единственно от недостатка пособий сему установлению и малого размера, в котором оно до сих пор находится.

Правительства всех почти государств признали нужду в средоточии, где бы собираемы, поверяемы и приводимы в общие и сравнительные табели как официальные сведения, кои получаютя различными частями управления, так и все выдаваемые сочинения по сим предметам; без сего способа сведения таковые, не быв совокупаемы, останутся всегда недостаточными, и само правительство не будет иметь никогда надлежащего познания о настоящем состоянии народа, о его населении, о земледелии, о промышленности, о торговле и о действии или влиянии, какое имеют на народное хозяйство самые распоряжения правительства.

(Л. 670) Учреждения сего рода существуют в Англии, во Франции, в Пруссии, в Швеции, в Баварии, во всех Австрийских владениях в королевствах: Богемском, Венгерском

и Ломбардском, из коих в некоторых находятся они в присоединении к другим частям, а в некоторых совсем в отдельном виде.

Главная цель учреждения статистического, по моему мнению, должна быть та, чтобы доставить способы и удобность каждому занимающемуся, а особливо государственному чиновнику, получить основания, не гадательно принятые, но извлеченные из сведения поколику возможно на твердом основании постановленного, разобранного, выверенного, сравненного и обдуманного, так, чтоб место сие ответственность на себе имело, что выданное из оногo сведения есть лучшее, или достовернейшее из всех возможных по обстоятельствам, и чтоб оно всегда готово было доказать основательность сведения своего документами (Л. 670 об.) в руках его находящимися, и следовательно, не затрудняя никого уже разбором начал сих, на что весьма часто не бывает довольно ни времени, ни возможности трудящимся.

Не буду я искать на сей раз примера в предметах, не столь ясных, а возьмем самый простой и положительный, какова есть мера земли. Рассмотрим одну губернию, например Курляндскую. В ней Зябловский, в сочинении своем, изданном в 1815-м году, полагает пространства 780 квадратных миль,

Арсеньев в 1818-м году... 475,

Викман в 1813-м ... 335,

Гаспари в 1817-м ... 509,

Герман в 1804-м ... 337.

По межеванию числится в ней 474 квадратных мили, то есть все показывают различно, и один против другого иногда в двое больше, или меньше. Не нужно ли, при сей разнообразности, иметь место, или учреждение, где бы сии сведения были собираемы, обрабатываемы, сравниваемы и выверяемы? А дабы оно (Л. 671) было беспристрастно, я полагаю, надлежит ему быть в отдельном виде.

До сих пор учреждение сие содержит чиновников и писцов, получающих жалование – 20, и не получающих оногo – 10. Денежной казны на оное выходит по означенному расписанию 14 789 р. У сего прилагаемый особый реестр показывает все работы, которые до сего занимали чиновников сих.

Основания, на коих предполагал бы я утвердить Учреждение статистическое, состоят в нижеследующем:

Целью и предметом учреждения поставить собрание, пересмотр, сравнение, поверку и критический разбор всех сведений, вышедших и выходящих, касательно Российского государства, во внимании на пространство земли, население, землепашество, рукоделие (Л. 671 об.) промышленность и вообще хозяйство и благосостояние народов, населяющих оное, в видах политической экономии и политической арифметики.

Состав учреждения сего разделить на три отделения: учное, счетное и чертежное, над начальниками оных иметь директора, а руководство оным поручить одному из государственных чиновников с званием Главного попечителя или какое признано будет за удобное.

При учреждении сем находиться Статистическому обществу, состоящему из членов действительных и почетных, коммиссионеров и корреспондентов.

Общество должно иметь приличную ему библиотеку и может издавать журнал Статистический и прочие статистические сочинения.

Учреждение сие ежегодно должно представлять отчет как в занятиях (Л. 672) своих, так и в суммах с одобрения Главного попечителя чрез которое-либо министерство, или как поставлено будет.

Суммы, потребные на Учреждение сие, полагал я бы нижеследующие:

На жалование всем чиновникам и писцам, также и на материалы и прочее... 30 000.

На наем дома и содержание оногo... 5 000.

На заведение и содержание библиотеки и типографии... 5 000

На ежегодное напечатание книг, издержки на коммиссионеров и корреспондентов для собрания или пополнения сведений ... 5 000.

На единовременное поощрение трудящихся наградами... 10 000.

Итого 60 000 руб.

Если вышешписанное Комитетом гг. министров будет одобрено и удостоится Высочайшего утверждения, то я осмелился

бы (Л. 672 об.) испрашивать уже решительного ассигнования сих, или какие признаны будут приличными сумм, дабы без потери времени восприяло все свое действие. Если же нужны какие пояснения, пополнения, или подробнейшие правила и самый устав учреждению сему, все оное вслед за тем я готов буду представить.

Генерал-адъютант А. Балашев.

РГИА. Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 189. Приложения к Журналам Комитета министров за ноябрь 1819 г. Л. 668–672 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1263, series 1, file 189, pp. 668–672 verso.

№ 2

[Мнение В. П. Кочубея на проект А. Д. Балашева
«О Статистическом учреждении»]

(Л. 673) В Комитете гг. министров уклонялся я от всякого участия по записке г. генерал-лейтенанта Балашева о Статистическом отделении, потому что установление сие принадлежало к министерству, ныне Высочайше мне вверенному; но мне замечено было, что мне не токмо не следует уклоняться от участия в суждении сем, но напротив, что обязанность моя есть изъяснить мысли мои по сему предмету. Исполняя возложенную на меня таким образом обязанность, я кратко представлю здесь некоторые рассуждения.

Статистические собрания (Л. 673 об.) сколько известно, составляли доселе везде, более или менее, занятия людей или обществ ученых. Статистика, конечно, не образовала еще нигде государственных людей; она не входила никогда в число наук политических, необходимых, и государственные люди могли часто прибегать к справкам статистическим, но не заниматься оною, не учиться оной. Великие мужи европейские Кольберт, Сюлли, Ришелье, Мазарини, кардинал Альберони и пр., конечно, ничего не знали о статистике, ибо и наука сия вряд ли и известна была, между тем как были они, конечно, большие министры (Л. 674). В новейшие времена лорд Чатам, Пит, Фокс не были, конечно, большие статистики, а были, однако же, большие министры. Собственная история наша

истину сию утверждает; сколько государственных людей она указывает нам со времени Петра Великого.

Государственные люди суть те, кои таковыми рождаются. В них есть некоторый обширный вид; некоторое чувство, кое объемлет все, до государственных отношений принадлежащее. Никакое мелочное изыскание ни взгляду, ни мыслям их не представляется, и доселе не видели мы нигде, чтобы искусный министр был (Л. 674 об.) опытейший статистик, ни чтобы большой статистик был большой министр. Сомнения нет, что и славный по сей части Гек был бы весьма посредственный государственный деятель.

Упомянув о сих общих уважениях, как относящихся к общим рассуждениям, в записке Комитету представленной, заключающимся, я должен обратиться к предположениям до учреждения у нас Статистического управления.

Нигде в Европе не существует Министерства или Директорства Статистического, и самая вещь показывает (Л. 675), что отдельное существование оногo в разряде частей управления свойственно быть не может; ибо какая цель Статистического министерства или директорства может быть? Собрание сведений; Для кого? Для Статистического директорства они нужны быть не могут, ибо Директорство не может иметь никакого круга управления; следовательно, сведения сии должны принадлежать или Министерству внутренних дел, или Министерству финансов. Министерство Народного просвещения в них нужды не имеет, ибо Академия наук (Л. 675 об.) имеет в предмете статистические занятия и г. Герман, управляющий Статистическим отделением Министерства полиции, есть академик по сей части и по оной получает жалование.

Не отвергая, что собрание сведений статистических могло быть полезно, я должен согласиться и в том, что трудности в собрании оных у нас чрезмерно велики; но трудностей сих не можно превозмочь никакими огромными планами, никакими большими штатами, никакими указами. Они проистекают от положения государства нашего (Л. 676). Обширность оногo, незначимость городов, ограничение чрезмерное просвещения, суть величайшие препятствия к составлению в России статистики.

Во всех других государствах сведения статистические доставляемы быть могут в каждый город, в каждый округ учеными обществами или образованными людьми; но у нас совсем противное; и с 1804 г., когда требовал я первых из губерний сведений, то есть в продолжении почти пятнадцати лет, вижу я, что Министерство полиции нашлось (Л. 676 об.) в одинаковых со мною затруднениях, то есть что губернские начальства не умели удовлетворять требуемым сведениям, или что, действуя без всякого знания и по одной канцелярской очистке, доставляли они сведения самые несообразные, неверные и совершенно ни к чему не служащие.

Сего впредь неизбежно ожидать должно, какую бы сумму правительство ни назначило на содержание статистической части, ибо деньги не прибавят ни учености в провинциях, ни способностей в частных орудиях исполнения. Впрочем, должно признаться (Л. 677), что правление российское, объемля властью своей обширнейшее государство, в коем все находится еще в целостном или не расхищенном положении, может иметь менее надобности в мелочных изысканиях статистических, нежели какое-нибудь небольшое германское владение, в коем исчисляется не только количество скотины, но и птиц дворовых, дабы сообразно тому установить меру налогов и пр. Россия может еще долго ограничиться большими чертами по управлению своему. Она может ограничиться одними (Л. 677 об.) существенными сведениями о положении губерний. Она находится в счастливой возможности долго еще удержать простоту в распоряжениях своих и по финансам, и по управлению, простоту, которая привлекает внимание иностранцев, размышляющих не без некоторого чувства зависти.

Сии совокупные соображения ведут естественно к заключению, что не может быть оснований к учреждению особенной части статистической, а наипаче со столь огромным штатом. Впрочем, если бы положено было сделать (Л. 678) таковое пожертвование, то для пользы дел вверенного мне министерства я испрашиваю, дабы предписано было Статистическому отделению возвратить в Министерство внутренних дел все планы, карты и другие сведения, кои из одного были взяты и к коим ведомость при сем прилагается. Причины, требовать

сие меня побуждающие, заключаются в затруднениях, кои предъявляются Статистическим отделением в доставлении сведений Министерству внутренних дел. Переписка, бывшая по сему (Л. 678 об) при графе Вязьмитинове и со вступления моего в управление министерством внутренних дел, Комитету гг. министров лучше затруднения сии покажет.

Граф В. Кочубей

РГИА. Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 189. Приложения к Журналам Комитета министров за ноябрь 1819 г. Л. 673–678 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1263, series 1, file 189, pp. 673–678 verso.

Примечания / Notes

¹ Птуха, М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 21–32. РТУКНА, М. V. *Ocherki po istorii statistiki v SSSR* [Essays on the history of statistics in the USSR. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ., 1959, pp. 21–32; Гозулов, А. И. Очерки истории отечественной статистики. – М.: Статистика, 1972. – С. 52–56. GOZULOV, A. I. *Ocherki istorii otechestvennoi statistiki* [Essays on the history of national statistics. In Russ.]. Moscow, Statistika publ., 1972, pp. 52–56.

² Варладин, Н. В. История Министерства внутренних дел. В 3 ч. Ч. 2. Кн. 1. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1859. – С. 23–24. VARADINOV, N. V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del* [History of the Ministry of Internal Affairs. In Russ.]. Part 2, book 1. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del publ., 1859, pp. 23–24. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – СПб.: Б. и., 1913. – С. 2–3. *Yubileinyi sbornik Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del* [Anniversary collection of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. In Russ.]. St. Petersburg, 1913, pp. 2–3; Миронос, А. А. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке: задачи, структура, эволюция. – Нижний Новгород: ННГУ, 2000. – С. 60–65. MIRONOS, A. A. *Uchenye komitety i sovery ministerstv i vedomstv v XIX veke: Zadachi, struktura, evolyutsiya* [Scientific committees and councils of ministries and departments in the 19th century: Tasks, structure, evolution. In Russ.]. Nizhny Novgorod, NNGU publ., 2000, pp. 60–65.

³ Герман, К. Ф. Теория статистики // Статистический журнал. – 1806. – Т. I. – Ч. 1. – С. 17–18. GERMAN, K. F. *Teoriya statistiki* [Theory of Statistics. In Russ.]. IN: *Statisticheskii zhurnal*, 1806, vol. 1, no. 1, pp. 17–18.

⁴ Скрьдлов, А. Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819) // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 17–26. SKRYDLOV, A. Yu. *Formirovanie organov administrativnoi statistiki v Rossiiskoi imperii: Statisticheskoe otdelenie Ministerstva politsii (1811–1819)* [Formation of administrative statistics bodies in the Russian Empire: Statistical Department of the Ministry of Police (1811–19)]. In Russ.]. IN: *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 12, pp. 17–26.

⁵ Скрьдлов, А. Ю. Министр полиции А. Д. Балашев и организация статистических исследований в России // Российская история. – 2021. – № 2. – С. 112–120. SKRYDLOV, A. Yu. *Ministr politsii A.D. Balashev i organizatsiya statisticheskikh issledovaniy v Rossii* [Minister of Police A.D. Balashev and organization of statistical research in Russia. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 2, pp. 112–120.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 177. Ст. 2230. Л. 274 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1263, series 1, file 177, p. 274.

⁷ Там же. Ibid.

⁸ Елисеева, И. И., Дмитриев, А. Л. Очерки по истории государственной статистики России. – СПб.: Росток, 2016. – С. 30–34. ELISEEVA, I. I., DMITRIEV, A. L. *Ocherki po istorii gosudarstvennoi statistiki Rossii* [Essays on the history of state statistics in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, Rostok publ., 2016, pp. 30–34.

Список литературы

Варадинов, Н. В. История Министерства внутренних дел. В 3 ч. Ч. 2. Кн. 1. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1859. – 632 с.

Герман, К. Ф. Теория статистики // Статистический журнал. – 1806. – Т. I. – Ч. 1. – С. 17–26.

Гозулов, А. И. Очерки истории отечественной статистики. – М.: Статистика, 1972. – 312 с.

Елисеева, И. И., Дмитриев, А. Л. Очерки по истории государственной статистики России. – СПб.: Росток, 2016. – 288 с.

Миросос, А. А. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке: задачи, структура, эволюция. – Нижний Новгород: ННГУ, 2000. – 255 с.

Птуха, М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. – М.: Академия наук СССР, 1959. – 476 с.

Скрьдлов, А. Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819) // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 17–26.

Скрьдлов, А. Ю. Министр полиции А. Д. Балашев и организация статистических исследований в России // Российская история. – 2021. – № 2. – С. 112–120.

References

VARADINOV, N. V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del* [History of the Ministry of Internal Affairs. In Russ.]. Part 2, book 1. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del publ., 1859, 632 p.

GERMAN, K. F. *Teoriya statistiki* [Theory of Statistics. In Russ.]. IN: *Statisticheskii zhurnal*, 1806, vol. 1, no. 1, pp. 17–18.

GOZULOV, A. I. *Ocherki istorii otechestvennoi statistiki* [Essays on the history of Russian statistics. In Russ.]. Moscow, Statistika publ, 1972, 312 p.

ELISEEVA, I. I., DMITRIEV, A. L. *Ocherki po istorii gosudarstvennoi statistiki Rossii* [Essays on the history of state statistics in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, Rostok publ., 2016, 288 p.

MIRONOS, A. A. *Uchenye komitety i sovery ministerstv i vedomstv v XIX veke: Zadachi, struktura, evolyutsiya* [Scientific committees and councils of ministries and departments in the 19th century: Tasks, structure, evolution. In Russ.]. Nizhnii Novgorod, NNGU publ., 2000, 255 p.

PTUKHA, M. V. *Ocherki po istorii statistiki v SSSR* [Essays on the history of statistics in the USSR. In Russ.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ., 1959, 476 p.

SKRYDLOV, A. Yu. *Formirovanie organov administrativnoi statistiki v Rossiiskoi imperii: Statisticheskoe otdelenie Ministerstva politzii (1811–1819)* [Formation of administrative statistics bodies in the Russian Empire: Statistical Department of the Ministry of Police (1811–19). In Russ.]. IN: *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 12, pp. 17–26.

SKRYDLOV, A. Yu. *Ministr politzii A.D. Balashev i organizatsiya statisticheskikh issledovanii v Rossii* [Minister of Police A.D. Balashev and organization of statistical research in Russia. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 2, pp. 112–120.

Сведения об авторах

Скрьдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, сектор истории Академии наук и научных учреждений, заведующий сектором, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-812-328-47-12, 8-950-034-75-74, askrydlov@gmail.com

About the authors

Skrydlov Andrey Yurievich, PhD in History, St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences, sector of the history of the Academy of Sciences and scientific institutions, senior researcher, head of the sector, St. Petersburg, Russian Federation, +7-812-328-47-12, +7-950-034-75-74, askrydlov@gmail.com

**В редакцию статья поступила 05.07.2022 г.,
опубликована (для цитирования):**

Скрыдлов, А. Ю. Первая дискуссия об организации государственной статистики в Российской империи // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 413–429. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429

Submitted 05.07.2022, published (for citation):

SKRYDLOV, A. YU. *Pervaya diskussiya ob organizatsii gosudarstvennoi statistiki v Rossiiskoi imperii* [The First Debate on the Organization of State Statistics in the Russian Empire. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 413–429. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-413-429

Документальная публикация / Document publication
УДК 930.25+930.253+23/28+283/289+316.354.4+316.776+373.32
+37.017.93+316.356.2+37.013.78
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446

Пашков, А. М.

Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

«Главным предметом для моих работ и исследований всегда служили и служат проявления духовной, умственной, интеллектуальной жизни русского народа...»: автобиография народника, религиоведа и социолога А. С. Пругавина. 1898 г.

Pashkov, Alexandr M.

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

“The Main Subject for My Labours and Research Have Been Manifestations of Spiritual and Intellectual Life of the Russian People ...”: Autobiography of the Narodnik, Religious Scholar, and Sociologist A. S. Prugavin (1898)

Аннотация

В последние годы среди историков вырос интерес к истории правого (нереволюционного) крыла народничества, активно занимавшегося культурно-просветительской деятельностью в интересах народа, и персоналиям его видных представителей. Одним из таких деятелей был известный публицист и социолог, исследователь старообрядчества и сектантства, изучавший также состояние народного чтения и начального народного образования, Александр Степанович Пругавин (1850–1920). В настоящее время разные аспекты его деятельности, особенно в области религиоведения, становятся предметом изучения, переизданы многие его работы. Но до сих пор личность и деятельность А. С. Пругавина не стали предметом специального монографического исследования, многие факты его биографии не изучены. В конце XIX в. известный литературовед и библиограф С. А. Венгеров начал

собирать автобиографии современных писателей и ученых. В настоящей публикации представлена написанная в 1898 г. автобиография А. С. Пругавина, которая хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге в фонде С. А. Венгерова (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2998. Л. 1–3 об.). Автобиография А. С. Пругавина является ценным источником как о его жизни и деятельности, так и об общественно-политической ситуации в России в последней трети XIX в. Она позволяет понять условия формирования политических взглядов А. С. Пругавина, его вклад в изучение старообрядчества и сектантства, сознательного отхода от этой проблематики в середине 1880-х гг. под давлением властей, а также начало изучения автором социологии народного чтения и народного образования. В автобиографии А. С. Пругавина содержится упоминания обо всех его значительных газетных и журнальных публикациях, а также книгах. Большое количество работ, опубликованных А. С. Пругавиным примерно за 20 лет, говорит не только о его высокой творческой активности и публицистическом таланте, но и о существовании, несмотря на противодействие властей, большого количества либеральных и либерально-народнических газет и журналов, регулярно предоставлявших ему свои страницы. Автобиография А. С. Пругавина позволяет уточнить ряд вопросов, связанных с биографией и публикационной активностью этого видного публициста, а также с историей русской интеллигенции, правого народничества, изучением старообрядчества и сектантства и состояния народного чтения и народного образования.

Abstract

The recent years have seen a growing interest of scholars in the history of the right (non-revolutionary) wing of Narodnichestvo (Populism), which was engaged in cultural and educational activities in the interests of the people, and in the personalities of its prominent representatives. One of such figures was a well-known publicist and sociologist, researcher of Old Believers and sectarianism, who also studied state of popular reading and primary public education, Alexander Stepanovich Prugavin (1850–1920). Various aspects of his work, especially in the field of religious studies, are being studied; many of his works have been republished. But until now, the personality and activities of A. S. Prugavin have not become a subject of special monographic study, many facts of his biography have not been studied. In the late 19th century, the famous literary critic and bibliographer S. A. Vengerov began collecting autobiographies of modern writers and scientists. This publication presents A. S. Prugavin's autobiography written in 1898, which is kept in the Manuscript Department of the

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House) in St. Petersburg in the S. A. Vengerov fond (fond 377, series 7, file 2998, pp. 1–3). A. S. Prugavin's autobiography is a valuable source on his life and work, as well as on the socio-political situation in Russia in the last third of the 19th century. It permits to understand the formation of A. S. Prugavin's political views, his contribution to the study of Old Believers and sectarianism and his conscious departure from this problem in the mid-1880s under the pressure of the authorities and his turning to studying sociology of popular reading and public education. The autobiography of A. S. Prugavin contains references to all his significant newspaper and magazine publications and books. A large number of works published by A. S. Prugavin over 20 years bespeaks of his high creative activity and journalistic talent and showcases existence of a large number of liberal and liberal-populist newspapers and magazines (despite the opposition of the authorities), regularly offering him their pages. The autobiography of A. S. Prugavin permits to clarify some points of his biography and publication activity, of history of Russian intelligentsia, right-wing Narodnichestvo (Populism), of study of Old Believers and sectarianism and the state of popular reading and public education.

Ключевые слова

Исторические источники, А. С. Пругавин, С. А. Венгеров, русская интеллигенция, правое народничество, старообрядчество, сектантство, социология чтения и образования.

Keywords

Historical sources, A. S. Prugavin, S. A. Vengerov, Russian intelligentsia, right-wing Narodnichestvo (Populism), Old Belief, sectarianism, sociology of reading and education.

В последние годы среди историков вырос интерес к истории правого (нереволюционного) крыла народничества, активно занимавшегося культурно-просветительской деятельностью в интересах народа, и персоналиям его видных представителей. Одним из таких деятелей был известный публицист и социолог, исследователь старообрядчества и сектантства, изучавший также состояние народного чтения и начального народного образования, Александр Степанович Пругавин (1850–1920)¹. В настоящее время разные аспекты его деятельности, особенно в области религиоведения, стано-

вятся предметом изучения², переизданы многие его работы³. Но до сих пор личность и деятельность А. С. Пругавина не стали предметом специального монографического исследования, многие факты его биографии не изучены.

В конце XIX в. известный литературовед и библиограф С. А. Венгеров начал собирать материалы для двух своих биобиблиографических изданий «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» и «Источники словаря русских писателей». Одним из источников этих изданий стали автобиографии современников, написанные по просьбе С. А. Венгерова. Сбором этих автобиографий С. А. Венгеров занимался с 1880-х до 1910-го г. Недавно был издан двухтомный аннотированный указатель этих биографических материалов «Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова». В настоящей публикации представлена написанная в 1898 г. автобиография А. С. Пругавина, которая хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) в С.-Петербурге в фонде С. А. Венгерова (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2998. Л. 1–3 об.).

Автобиография А. С. Пругавина является ценным источником как о его жизни и деятельности, так и об общественно-политической ситуации в России в последней трети XIX в. Она позволяет понять условия формирования его политических взглядов, его вклад в изучение старообрядчества и сектантства, сознательного отхода от этой проблематики в середине 1880-х гг. под давлением властей и начало изучения автором социологии народного чтения и народного образования.

Поскольку автобиография А. С. Пругавина предназначалась для использования в открытой печати, автор сознательно недоговаривает о некоторых фактах (привлечение в качестве свидетеля по знаменитому делу С. Г. Нечаева и организации «Народная расправа», арест в апреле 1871 г., исключение из Петровской академии и высылка на родину под надзор полиции «по этапу от Петербурга до Архангельска с партией арестантов», ссылка с марта 1872 г. по январь 1873 г. в Кемь и др.).

В автобиографии А. С. Пругавина содержатся упоминания о всех его значительных газетных и журнальных публикациях,

а также книгах. Большое количество работ, опубликованных А. С. Пругавиным примерно за 20 лет, говорит не только о его высокой творческой активности и публицистическом таланте, но и о существовании, несмотря на противодействие властей, большого количества либеральных и либерально-народнических газет и журналов, регулярно предоставлявших ему свои страницы.

Автобиография А. С. Пругавина позволяет уточнить ряд вопросов, связанных с биографией и публикационной активностью этого видного публициста, а также с историей русской интеллигенции, правого народничества, изучения старообрядчества и сектантства и состояния народного чтения и народного образования.

№ 1

Автобиография А. С. Пругавина (1898 г.)

Я уроженец Архангельской губернии, где отец мой в течение долгого времени служил инспектором народных училищ⁴. Родился я в 1850 году. Рос и воспитывался под влиянием лиц, заброшенных против воли на крайний север в начале 60-х годов – лиц, из которых некоторые впоследствии получили известность на разных поприщах общественной деятельности, как, например, Пав<ел> Плат<онович> Чубинский⁵ и А. И. Стронин⁶. Затем я обучался в Арх<ангельской> гимназии и Петровской земледельческой и лесной академии⁷, в которой прослушал 4 семестра, но курса не кончил, т. к. за участие в студенческой истории принужден был оставить Москву и переехать на родину, в Архангельскую губернию. Здесь мне пришлось прожить несколько лет в разных городах, между прочим, в Кемь, который, по справедливости, может считаться главным центром поморского раскола⁸. Почти все постоянное население этого города состоит из старообрядцев-беспоповцев⁹.

Горя желанием сойтись с народом, изучить его нужды, стремления и запросы, я не мог, разумеется, не обратить внимания на раскол, который в жизни крайнего севера с давних пор играет весьма важную роль, оказывая огромное влияние на весь склад и строй народной жизни.

Живя в Кеми, Архангельске и других городах крайнего севера, я имел полную возможность лично знакомиться с представителями разных сект, бывать на их собраниях и беседах, посещать их скиты, изучать различные рукописи, распространенные в их среде, и т. д. В 1873 году я был переведен в Воронежскую губернию, в которой прожил до 1877 года, но затем снова должен был переехать в Архангельск. Отсюда я напечатал в «Неделе» под псевдонимом Борецкого¹⁰ свою первую статью «Знаем ли мы раскол» (1877. № 49–50). 19 февраля 1879 года получено было распоряжение о моем освобождении. Я немедленно же воспользовался свободой и отправился в Петербург, чтобы занятиями в тамошних библиотеках пополнить пробелы моего образования и затем возможно полнее ознакомиться с литературой вопроса о расколе и сектантстве. Как раз около этого времени в Архангельской губернии был произведен разгром нескольких старообрядческих скитов, сопровождавшийся возмутительными сценами насилия и произвола местных низших властей. Об этом я напечатал ряд писем в «Голосе» и «Неделе».

В обществе и печати в это время циркулировало множество слухов о том, что в правительственных сферах вырабатываются правила, имеющие целью дать разные облегчения старообрядцам и последователям некоторых других менее вредных сект. Эти слухи и толки, в связи с появившимися известиями о преследованиях и притеснениях старообрядцев и сектантов, заставили меня написать ряд статей по поводу общественного положения последователей разных сект в России. Статьи эти были напечатаны в «Голосе» в течение 1879, 1880 и 1881 гг. Впоследствии я вернулся к этому вопросу на страницах «Русской мысли».

В этих статьях я старался доказать, что «только полная, безусловная веротерпимость в связи с полной равноправностью сектантов, без оговорок и исключений, может положить конец всем тем печальным, прискорбным явлениям, которые тяжким бременем ложатся на жизнь 15-миллионного сектантского населения, составляющего, по общим отзывам, лучшую, разумнейшую часть русского народа. Всякие же отдельные частные меры, направленные к отмене отдельных стеснений

и ограничений прав сектантов, никогда не в состоянии, как бы ни были эти меры сами по себе гуманны, коренным образом улучшить положение сектантов, избавить и гарантировать их от разных стеснений, от новых посягательств и вторжений в их интимную жизнь, от разного рода насилий и преследований».

Доказывая полную несостоятельность прежней системы борьбы с расколом и сектантством путем всякого рода репрессий в виде ссылок, тюремных заключений и т. п., я особенно горячо вооружался против так называемых «монастырских заточений», которые, уцелевши от времен глубокой старины, во второй половине XIX столетия являлись по истине чудовищным анахронизмом. Такому отношению к этому вопросу много способствовали личные впечатления, вынесенные мною от посещения знаменитой исторической тюрьмы Соловецкого монастыря. Счастливый случай доставил мне возможность не только проникнуть в эту тюрьму, но и познакомиться с содержащимися там сектантами, из которых один – Адриан Пушкин¹¹ – целые пятнадцать лет провел в монастырском каземате в полном одиночном заключении. О монастырских заточениях я напечатал несколько статей в «Голосе», «Русской мысли», «Историческом вестнике» и др.

Статьи, помещенные в «Голосе» («Еретики» за 1880 год), вызвали участие к несчастным узникам в некоторых высокопоставленных лицах. Особенно горячо к сердцу принял их судьбу покойный великий князь Константин Николаевич¹². Благодаря влиянию этих лиц вскоре состоялось высочайшее повеление об освобождении сначала Адриана Пушкина, а затем и трех старообрядческих епископов, томившихся в тюрьме Суздальского монастыря.

Начиная с конца 1880 года, я, по приглашению покойного С. А. Юрьева¹³ сделался деятельным сотрудником «Русской мысли» и поместил в этом журнале целый ряд статей по расколу и сектантству. Выясняя в этих статьях значение раскола в русской народной жизни, я старался доказать, что чрезвычайная разнородность основных элементов, вызывающих и поддерживающих раскол, составляет главную причину, почему вопрос о сектантстве не может быть обсуждаем отдельно, сам по себе, без отношения его к другим наиболее

важным и давно наболевшим вопросам нашей общественной жизни. Я доказывал, что «вопрос о расколе тесно, органически связывается не только с вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всеми теми вопросами нашего общественного быта, которые относятся до правового и экономического положения народа».

Заинтересовавшись газетными известиями о появлении в Тверской губернии новой секты «сютаевцев»¹⁴, я весной 1881 года предпринял поездку в Тверскую губернию для того, чтобы лично и на самом месте возникновения изучить эту секту. Результатом поездки явились очерки «Алчущие и жаждущие правды», напечатанные в «Русской мысли» (1881–1882 гг.). Очерки эти обратили на себя внимание как в России, так и за границей. Э. М. де Вогюэ¹⁵ поместил в «Revue des deus mondes»¹⁶ (1893, январь) об основателе секты Сютаеве¹⁷ большую статью «Un sectaire russe»¹⁸, составленную на основе этих очерков.

Затем в видах изучения молоканства я в разное время посетил губернии Тамбовскую, Самарскую и Саратовскую.

Лето 1882 года я провел на Урале с целью изучения новых сект, возникших на почве раскола старообрядчества, причем посетил Пермь, Екатеринбург, Красноуфимск и многие заводы. Между прочим, мне пришлось более месяца прожить на Сергинских заводах¹⁹, в среде последователей в высшей степени оригинальной секты неплательщиков. Благодаря содействию губернатора, открывшего мне доступ в местные архивы, мне удалось извлечь много интересных материалов, касающихся современного состояния сектантства на Урале. К сожалению, большая часть этих материалов до сих пор не может сделаться достоянием печати. Из напечатанных же мною статей по вопросу об уральском сектантстве назову следующие: 1) ««Вредные секты» – очерки уральского сектантства по официальным данным» («Русская старина». 1884. № 3–4); 2) «Немоляки» («Вестник Европы». 1883. № 2); 3) «Один из суздальских узников» («Исторический вестник». 1883. № 11); 4) «Уральское старообрядчество» («Голос». 1883. № 33 и 37); 5) «Интеллигентская секта» («Русский курьер». 1883. № 176) и «Медальщики» («Неделя». 1883. № 2).

Живя по зимам сначала в Петербурге, а затем в Москве, я имел возможность близко наблюдать религиозное движение, происходившее, главным образом, в интеллигентских слоях петербургского и отчасти московского общества: кружки редстокистов²⁰ или пашковцев²¹ и адвентистов (?) или ожидающих Христа²². Наблюдения эти были изложены мною в статьях «Генерал Пашков²³ и его проповеди» («Новое время». 1880. № 1413) и «Привилегированное сектантство» и «Религиозные кружки в Петербурге» («Голос». 1882. № 67, 74, 87 и др.) и «Пашковцы» («Русская мысль». 1884. № 5) и «Религиозные кружки в Москве» («Северный вестник». 1887. № 2). Кстати, замечу здесь, что о Пашкове и пашковцах мне пришлось первому заговорить в печати.

В 1882 году, в июле месяце, г. Сувориным²⁴ были изданы мои очерки современного сектантства – с одной стороны, народного, с другой – великосветского – под общим заглавием «Раскол вверху и раскол внизу» в количестве 1500 экз. Но задержанная цензурой книга эта была уничтожена, причем сохранилось лишь самое ограниченное количество экземпляров, которые теперь считаются библиографической редкостью.

Такая же судьба постигла изданные г. Павленковым²⁵ в 1884 году мои очерки религиозно-бытовых движений русского народа под заглавием «Отщепенцы. Староверы и нововеры». Книжка эта была уничтожена по требованию духовной цензуры, причем это «уничтожение» было проведено так основательно, что ни издатель, ни автор не смогли уберечь ни одного экземпляра.

В 1885 году по поручению Общества любителей российской словесности, состоящего при Московском университете, я занимался в разных губерниях (Рязанской, Владимирской, Московской и др.) собиранием памятников народного песнотворчества, причем экскурсии свои по селам и деревням совершал большею частью пешком, с котомкой за плечами. В статьях «Песни современной деревни» и «Из дневника этнографа», помещенных в «Русских ведомостях» за 1888 год, я отчасти изложил свои наблюдения, вынесенные из этих путешествий. Несколько сотен песен, собранных в это время, до сих пор хранятся у меня.

В 1887 году в Москве мною была издана библиография старообрядчества и его разветвлений под заглавием «Раскол-сектанство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа». Вып. 1. Это том в 523 стр., заключающий в себе указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей как по истории раскола, так и по различным вопросам, касающимся его современного состояния. Всего в указателе 2654 названия книг и статей по вопросу о расколе.

Ввиду усилившихся цензурных строгостей, исходивших, главным образом, со стороны духовного ведомства, заниматься исследованием сектанства сделалось крайне затруднительно, почти невозможно²⁶. Волей-неволей приходилось оставить неоконченные работы, полуобработанные материалы и перейти к другим вопросам, менее щекотливым. Я остановился на вопросах, имеющих целью выяснение интеллектуальных потребностей народа. Прежде всего, ввиду быстро растущей в народе грамотности, я занялся исследованием вопроса о том, что читает народ, какие книги, главным образом, распространены в его среде и как они проникают к нему, на чем воспитывается народная мысль, народное чувство, с какими запросами подходит грамотный мужик к печатному слову и т. д. С этой целью я издал в 1888 году особую программу для собирания сведений по этим вопросам и в то же время сделал призыв ко всем интересующимся делом народного развития с просьбой доставлять нам сведения и ответы на эту программу. На наш призыв откликнулось более 200 лиц из разных концов России и принадлежащих к различным классам и слоям общества, которые и доставили нам свои ответы и сообщения. В 1891 году вышло второе издание этой Программы, причем она была дополнена вопросами: об отношении народа к школе (земской, церковно-приходской и проч.) и учению, – о публичных чтениях для народа, о народном театре, о школах грамотности или вольном домашнем обучении. Вопрос о вольных домашних школах, издавна существующих в народе, привлек мое особенное внимание. Пользуясь земскими статистическими сборниками, отчетами духовных братств и другими материалами, я в своих статьях («Русская мысль», 1889 г., «Северный вестник», 1891 г.) старался выяснить причины

возникновения этих школ, заслуги «мастеров-грамотеев», а также сделать попытку разрешить вопросы: насколько распространены вольные крестьянские школы? Увеличивается ли их число или же, наоборот, уменьшается? Из кого состоит контингент «вольных учителей»? Какова степень их подготовки и что они дают народу? Кому из них охотнее всего доверяет народ обучение своих детей? Какие изменения происходят в составе вольных учителей под влиянием общественных условий последнего времени?

Ввиду того, что до сих пор главная масса книг, распространяющихся в народе, приходится на долю так называемых лубочных изданий, я занялся изучением как лубочной литературы, так и условий деятельности лубочных издателей и книгопродавцов, которые в течение долгого времени являлись единственными поставщиками умственной пищи для народа и до сих пор, по справедливости, должны считаться почти полными хозяевами в этом деле. Издатели этого рода, как известно, издавна свили себе гнездо в Москве, близъ Ильинских и Никольских ворот. О современной лубочной литературе и условиях издательского дела «лубочников» я поместил ряд статей в «Русских ведомостях» и «Русской мысли» (за 1887 год).

В мае месяце 1888 года Обществом любителей российской словесности, состоящем при Московском университете, я был командирован в центральные и поволжские губернии «для этнографических исследований и собирания сведений по вопросу о распространении в народе лубочных картин и книг». Поручение это дало мне возможность близко изучить условия разносной книжной торговли, производимой офенями и коробейниками, чрез посредство которых лубочные издания распространяются по всем концам и углам России. Собранные при этом сведения послужили материалом для статьи «Книгоноши и офени», напечатанной в «Северном вестнике» за 1893 год, № 1 и 3.

В 1890 году в Москве вышла моя книга «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения», в которую вошли статьи о вольных крестьянских школах, о лубочной литературе, о народных библи-

отеках и читальнях, о публичных чтениях для народа и т. д. Изданная редакцией «Русской мысли», книга эта разошлась весьма быстро, а именно, в течение одного года. В 1895 году книга эта вышла вторым изданием в значительно дополненном виде. Оба издания этой книги были встречены самым сочувственным образом, как в печати, так и в публике (см., напр<имер>, «Неделю» 1891 г. № 2).

С целью развития содействию частной и общественной инициативы в области народного образования, я издал в 1898 году «Настольную книгу для всех интересующихся делом народного образования» под заглавием «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию». В этой книге, между прочим, помещены подробные наставления о том, как открывать и устраивать разного рода народные школы, библиотеки, читальни, книжные склады, публичные чтения и спектакли для народа и т. д.

Вообще я могу сказать, что главным предметом для моих работ и исследований всегда служили и служат проявления духовной, умственной интеллектуальной жизни русского народа – религиозно-бытовые движения, раскол, сектанство, суеверия, культурные запросы народа, отношения его к грамотности, школе и книге, народное творчество и т. д.

В конце 80-х годов, живя в Москве, я состоял в течение нескольких лет секретарем Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 377 (С. А. Венгеров). Оп. 7. Д. 2998. Л. 1–8. Машинопись. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, fond 377 (S. A. Vengerov), series 7, file 2998, pp. 1–8.

Примечания / Notes

¹ Биографические сведения и литература о нем см.: *Сажин, Б. Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 20 с. SAZHIN, B. B. *Problema narodnykh religioznukh dvizhenii v narodnichestve A. S. Prugavina (70–80-e gody XIX veka)*. *Avtoreferat diss. ... kand. Ist. nauk* [The problem of popular

religious movements in the Populism of A. S. Prugavin. (1870–80s). Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 2005, 20 p.; и др. работы.

² *Быкова, Е. В., Тарасов, К. Н.*, Проблема старообрядчества в российской публицистике второй половины XIX – начала XX в.: вопрос о сохранении традиционных ценностей и исторической памяти русского народа // *Былые годы*. – 2021. – № 16 (3). – С. 1203–1210. *ВУКОВА, Е. В., ТАРАСОВ, К. Н.* The Problem of the Old Believers in Russian Journalism in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: The Question of Preserving Traditional Values and the Historical Memory of the Russian People. In Russ.]. IN: *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (3), pp. 1203–1210; *Кузинер, И. Е.* Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в поздней имперской России // *Антропологический форум*. – 2021. – № 49. – С. 60–87. *KUZINER, I. E.* “The Red death” of Kabankin: the wanderers and Russian ritual murder in late Romanov’s empire. IN: *Antropologicheskii forum*, 2021, no. 49, pp. 60–87; *Лукоянов, И. В.* «Святой чёрт»: источниковедческие проблемы // *Герценовские чтения 2021. Актуальные проблемы русской истории*. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 244–255. *LUKOYANOV, I. V.* “Holy Devil”: Source studies problems. In Russ. IN: *Gertsenovskie chteniya 2021. Aktualnye problem russkoi istorii*. St. Petersburg, Asterion publ., 2022, pp. 244–255; *Семизин, В. Л.* Издания для народа Общества поощрения духовно-нравственного чтения (1876–1884) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. – 2018. – № 6. – С. 18–40. *SEMIGIN, V. L.* Publications for the people of the Society for Encouragement of Spiritual and Ethical Reading (1876–84). IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2018, no. 6, pp. 18–40; *Хижая, Т. И., Чумакова, Т. В., Стецкевич, М. С.* Исследование движения молоканства и субботничества в российской историографии XIX – начала XX в. // *Былые годы*. – 2021. – № 16 (2). – С. 776–785. *KNIZHAYA, T. I., CHUMAKOVA, T. V. STETSKEVICH, M. S.* Study of the Molokans’ and Subbotniks’ Movements in the Russian Historiography of the 19th – early 20th century. IN: *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (2), pp. 776–785; *Sazhin, B. B., Kuznetsova, N. Ya.* Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovich Prugavin // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История*. 2017. Т. 62. № 4. С. 807–816. *SAZHIN, B. B., KUZNETSOVA, N. Ya.* Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovich Prugavin. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2017, vol. 62, no. 4, pp. 807–816 и др. работы.

³ *Пругавин, А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX века: очерки из новейшей истории раскола. – М.: URSS, 2011. – 280 с. *PRUGAVIN, A. S.* Old Believers in the Second Half of the 19th Century: Essays on the Recent History of the Schism. Moscow, URSS publ., 2011, 280 p.; *Пругавин, А. С.* Религиозные отщепенцы: очерки современного сектанства. – М.: Либроком, 2011. – 209 с. *PRUGAVIN, A. S.* Religious renegades: Essays on modern sectarianism. Moscow, Librokom publ., 2011, 209 p.; *Пругавин, А. С.* Раскол и сектанство в русской народной жизни. – М.: URSS, 2016. – 94 с. *PRUGAVIN, A. S.* Raskol and sectarianism in the Russian folk life. Moscow, URSS publ., 2016, 94 p.

⁴ Отец А. С. Пругавина Степан Борисович Пругавин (1824–1910), педагог, в 1876–1890 гг. был инспектором народных училищ Архангельской губернии.

⁵ Чубинский Павел Платонович (1839–1884) – правовец, этнограф, статистик, общественный деятель, в 1862–1869 гг. отбывал ссылку в Архангельской губернии, в 1863–1869 годах был секретарем Архангельского губернского статистического комитета, редактировал неофициальную часть газеты «Архангельские губернские ведомости».

⁶ Стронин Александр Иванович (1826–1889) – писатель, социолог, просветитель, в 1863–1869 гг. отбывал ссылку в Архангельской губернии.

⁷ Петровская земледельческая и лесная академия – так в 1865–1889 гг. называлось открытое в Москве учебное заведение для подготовки специалистов в области сельского хозяйства и лесоводства.

⁸ Поморский раскол (поморское или даниловское согласие) – направление в старообрядчестве, умеренное крыло беспоповцев.

⁹ Беспоповцы – одно из двух основных согласий (течений) в старообрядчестве, последователи которого не имеют духовенства, а обрядами руководят выборные миряне.

¹⁰ Борецкий – данный псевдоним восходит к новгородской посаднице XV в. Марфе Борецкой – противнице московского великого князя Ивана III. Революционно настроенные публицисты воспринимали ее как символ борьбы с самодержавием.

¹¹ Пушкин Адриан – крепостной крестьянин, выкупившийся на волю, затем купец, в 1858 г. заболел нервным расстройством на религиозной почве, считал себя пророком, возвещающим скорое второе пришествие Христа, в 1866 г. был арестован и сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл в заточении 16 лет, в 1882 г. был переведен под надзор полиции в Архангельск и вскоре умер.

¹² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – генерал-адмирал, сын Николая I, младший брат Александра II, известный либерал.

¹³ Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) – литературный деятель, публицист, критик, в 1880–1885 гг. был редактором журнала «Русская мысль».

¹⁴ Сютяевцы – православная этическая секта, основана в 1870-е гг. в Тверской губернии крестьянским философом В. К. Сютяевым. Сютяевцы не ходили в церковь, не признавали церковных таинств, икон, святых, не соблюдали посты, отрицали власть, законы, присягу и военную службу.

¹⁵ Вогюэ де Эжен Мельхиор (1848–1910) – французский дипломат и литератор, прожил в России около семи лет, в 1882 г. подав в отставку с поста секретаря французского посольства в Петербурге, по возвращении во Францию посвятил себя литературной деятельности.

¹⁶ «Revue des deux mondes» («Обозрение двух миров») – французский журнал либерального направления, издавался с 1829 г., в XIX – первой половине XX в. был самым популярным французским литературным журналом.

¹⁷ Сютаев Василий Кириллович (1824–1892) – крепостной крестьянин Тверской губернии, основатель религиозно-нравственного учения, последователи которого получили название «сютаевцев». В. К. Сютаев был знаком с Л. Н. Толстым, который высоко ценил его учение.

¹⁸ «Un sectaire russe» – «Русский сектант».

¹⁹ Сергинские заводы – Нижний и Верхний Сергинские чугуноплавильные и железоделательные заводы основаны в 1740 г. к западу от Екатеринбурга.

²⁰ Редстокисты – последователи английского протестантского миссионера Г. Редстока (1833–1913), который в 1873–1878 гг. неоднократно посещал Россию для чтения проповедей и бесед на религиозные темы, в результате в России возникла группа его последователей – редстокистов.

²¹ Пашковцы – группа последователей религиозного проповедника В. А. Пашкова.

²² Адвентисты или ожидающие Христа – течение в протестантизме, возникшее в США в 1830-е гг., в России появилось в 1886 г.

²³ Пашков Василий Александрович (1831–1902) – аристократ, русский религиозный деятель, в 1858 г. вышел в отставку в чине полковника, в 1874 г. под влиянием общения с Г. Редстоком стал глубоко верующим человеком и возглавил группу его последователей – «пашковцев». В особняке В. А. Пашкова в Петербурге проходили еженедельные богослужебные собрания, на которых он выступал с проповедями. Активная религиозная деятельность В. А. Пашкова вызвала противодействие властей и православной церкви, и в 1886 г. он был вынужден уехать за границу.

²⁴ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский журналист, писатель, издатель и книготорговец, умеренно-либеральный западник, владелец газеты «Новое время».

²⁵ Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) – русский книгоиздатель и просветитель.

²⁶ См. приложенную при этом копию с секретного циркуляра саратовского губернатора <25 сентября 1882 г.> – фраза вписана в примечания чернилами, в данной публикации не приводится.

Список литературы

Быкова, Е. В., Тарасов, К. Н. Проблема старообрядчества в российской публицистике второй половины XIX – начала XX в.: вопрос о сохранении традиционных ценностей и исторической памяти русского народа // Былые годы. – 2021. – № 16 (3). – С. 1203–1210.

Кузинер, И. Е. Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в позднейимперской России // Антропологический форум. – 2021. – № 49. – С. 60–87.

Лукоянов, И. В. «Святой чёрт»: источниковедческие проблемы // Герценовские чтения 2021. Актуальные проблемы русской истории. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 244–255.

Сажин, Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 20 с.

Семигин, В. Л. Издания для народа Общества поощрения духовно-нравственного чтения (1876–1884) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 6. – С. 18–40.

Хижая, Т. И., Чумакова, Т. В., Стецкевич, М. С. Исследование движения молоканства и субботничества в российской историографии XIX – начала XX в. // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 776–785.

SAZHIN, B. B., KUZNETSOVA, N. Ya. Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovich Prugavin // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. – 2017. – Т. 62. – № 4. – С. 807–816.

References

BYKOVA, E. V., TARASOV, K. N. The Problem of the Old Believers in Russian Journalism in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: The Question of Preserving Traditional Values and the Historical Memory of the Russian People. IN: *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (3), pp. 1203–1210.

KUZINER, I. E. “The Red death” of Kabankin: The wanderers and Russian ritual murder in late Romanov’s empire. IN: *Antropologicheskii forum*, 2021, no. 49, pp. 60–87.

LUKOYANOV, I. V. “Holy Devil”: Source studies problems. IN: *Gertsenovskie chteniya 2021. Aktualnye problem russkoi istorii*. St. Petersburg, Asterion publ., 2022, pp. 244–255.

SAZHIN, B. B. *Problema narodnykh religioznukh dvizhenii v narodnichestve A. S. Prugavina (70–80-e gody XIX veka). Avtoreferat diss. ... kand. Ist. nauk* [The problem of popular religious movements in the Populism of A. S. Prugavin. (1870–80s). Cand. hist. sci. diss. abstract. In Russ.]. Moscow, 2005, 20 p.

SEMIGIN, V. L. Editions for the people of the Society for Encouragement of Spiritual and Ethical Reading (1876–84). IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2018, no. 6, pp. 18–40.

KHIZHAYA, T. I., CHUMAKOVA, T. V., STETCKEVICH, M. S. Study of the Molokans’ and Subbotniks’ Movements in the Russian Historiography of the 19th – early 20th century. IN: *Bylye Gody*, 2021, no. 16 (2), pp. 776–785.

SAZHIN, B. B., KUZNETSOVA, N. Ya. Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovich Prugavin. IN: *Vestnik Saint-Petersburgskogo universiteta. Istoriya*, 2017, vol. 62, no. 4, pp. 807–816.

Сведения об авторах

Пашков Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, кафедра отечественной истории, профессор, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 8-911-401-38-38, pashkov@petersu.ru

About the authors

Pashkov Alexandr Mihailovich, PhD in History, professor, Petrozavodsk State University, department of national history, professor, Petrozavodsk, Russian Federation +7-911-401-38-38, pashkov@petsu.ru

В редакцию статья поступила 16.03.2022 г., опубликована (для цитирования):

Пашков, А. М. «Главным предметом для моих работ и исследований всегда служили и служат проявления духовной, умственной, интеллектуальной жизни русского народа...»: автобиография народника, религиоведа и социолога А. С. Пругавина. 1898 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 430–446. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446

Submitted 16.03.2022, published (for citation):

PASHKOV, A. M. “*Glavnym predmetom dlya moikh работ i issledovaniy vseгда sluzhili i sluzhat proyavleniya dukhovnoi, umstvennoi intellektual’noi zhizni russkogo naroda...*”: *avtobiografiya narodnika, religioveda i sotsiologa A. S. Prugavina. 1898 g.* [“The Main Subject for My Labours and Research Have Been Manifestations of Spiritual and Intellectual Life of the Russian People ...”: Autobiography of the Narodnik, Religious Scholar, and Sociologist A. S. Prugavin (1898). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 430–446. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-430-446

Документальная публикация / Document publication
УДК 94+929+296.2+296.1+321.021+321.022+321.6+323.2+342.1
+342.2+342.71+323.1+329.3+329.8
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457

Шаповалов, М. С.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Российская Федерация

Сионист Элияху Мунчик и его письмо об эмиграции евреев в Палестину. 1917 г.

Shapovalov, Mikhail. S.

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Zionist Eliyahu Munchik and His Letter on Jewish Emigration to Palestine (1917)

Аннотация

В статье рассмотрены исторические источники – письмо, адресованное П. Н. Милокову, от сиониста Э. Мунчика об эмиграции евреев в Палестину, написанное 30 марта 1917 г., и докладная записка автора письма по поводу политики России на Ближнем Востоке. В статье дан содержательный анализ указанных документов. Документы введены в научный оборот впервые. Целью статьи стала характеристика и публикация документальных источников, выявленных в архивном фонде министра иностранных дел России П. Н. Милокова (в марте-мае 1917 г.) в Государственном архиве Российской Федерации, и посвященных вопросу еврейской эмиграции в Палестину. Верность гипотез об особой роли микроисторических сюжетов в объективной оценке ключевых исторических событий проверена с использованием традиционных методов исторической науки: сравнительно-исторического, хронологического, проблемно-хронологического, ретроспективного и перспективного. Биографический подход помог воссоздать биографию автора документов и контекст их создания с учетом оценок, существующих в российской и зарубежной историографии. Письмо и докладная записка сиониста Э. Мунчика позволила уточнить и скорректировать существующие представления о роли России в решении еврейского вопроса и создания еврейского очага

в Палестине в 1917 г. Содержательно документ интересен тем, что автор письма дает оценку практически всем основным направлениям ближневосточной политики России через призму интересов сионистского движения: вопрос о проливах, о статусе Святых мест Иерусалима. Отдельное место в докладной записке Э. Мунчика уделено Каспийскому проекту – созданию водного канала из Каспийского в Красное море. Э. Мунчик использовал в письме к П. Н. Милюкову в качестве аргументов поддержки сионистского движения распространенные среди населения и элиты стереотипы об особых еврейских капиталах и могущественном торговом влиянии, которым могла бы воспользоваться Россия. Автор статьи приходит к выводу, что Э. Мунчик не приглашал Россию в Палестину, не предлагал Временному правительству с помощью сионистов укрепить свое влияние на Святой земле. Напротив, Э. Мунчик предлагал поменять содействие России в еврейской эмиграции в Палестину и поддержку на международной конференции на любой другой интересующий Россию проект. Публикуемый архивный источник будет интересен как российским, так и зарубежным ученым, специализирующимся на истории сионизма и еврейского национального движения. Данный документ представляет собой еще один важный элемент пазла российского взгляда на Палестину в системе международных отношений в конце XIX – начале XX в.

Abstract

The article considers historical sources – a letter from Zionist E. Munchik addressed to P. N. Milyukov written on March 30, 1917 regarding emigration of Jews to Palestine and his memorandum on Russia's policy in the Middle East. The article provides a meaningful analysis of these documents. Documents are being introduced into scientific use for the first time. The article is to characterize and publish documentary sources found in the archival fond of the Minister of Foreign Affairs of Russia P. N. Milyukov (March-May 1917) in the State Archive of the Russian Federation devoted to the issue of Jewish emigration to Palestine. The correctness of hypotheses about special role of microhistorical plots in objective assessment of key historical events has been verified using traditional methods of historical science: comparative-historical, chronological, problem-chronological, retrospective, and perspective. The biographical approach has helped to recreate the biography of the documents' author and context of their creation, taking into account notions existing in Russian and foreign historiography. The letter and memorandum of Zionist E. Munchik have made it possible to clarify and correct the existing ideas on the role of Russia in solving the Jewish

question and creating a Jewish home in Palestine in 1917. The document is of interest as it assesses all main directions of Russian policy in the Middle East through the prism of the Zionist movement interests: the question of the straits, the status of the Holy places of Jerusalem. A separate place in Munchik's memorandum is given to the Caspian project – creation of a water canal from the Caspian to the Red Sea. In his letter to Milyukov, Munchik argued supporting the Zionist movement drawing on stereotypes of Jewish capital and powerful trade influence that Russia could use, which were widespread among the population and elite. The article concludes that E. Munchik did not invite Russia to Palestine or offer the Provisional Government to use Zionists to strengthen its influence in the Holy Land. On the contrary, Munchik offered to trade Russian assistance in Jewish emigration to Palestine for support for any other project of Russian interest at an international conference. The published archival source will be of interest to both Russian and foreign scholars specializing in the history of Zionism and Jewish national movement. It represents another important element of the puzzle of the Russian view of Palestine in the system of international relations at the turn of the 20th century.

Ключевые слова

Исторические источники, архивные документы, Ближний Восток, Палестина, сионизм, Каспийский канал, П. Н. Милюков, Э. Мунчик.

Keywords

Historical sources, archival documents, Middle East, Palestine, Zionism, Caspian channel, P. N. Milyukov, E. Munchik.

Архивный фонд министра иностранных дел России П. Н. Милюкова (в марте-мае 1917 г.), сформированный в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), включает ряд любопытных телеграмм и писем, адресованных внешнеполитическому министру от представителей различных российских сионистских организаций весной 1917 г. Особый интерес среди указанных документов представляет письмо П. Н. Милюкову от сиониста Э. Мунчика об эмиграции евреев в Палестину, написанное 30 марта 1917 г. К письму была приложена обстоятельная аналитическая записка по поводу политики России на Ближнем Востоке¹.

Несмотря на свою значимость, данный документ ранее не попадал в поле зрения российских и зарубежных

исследователей². Более того, автор письма, хорошо известный зарубежным ученым³, оказался полностью забытым в России⁴.

При этом исторический контекст появления данного документа общеизвестен. В ходе Первой мировой войны между Англией, Францией и Россией развернулась дипломатическая борьба за территорию османской Палестины. Важнейшим фактором этой борьбы в 1917 г. стало еврейское национальное движение. Англия и Франция старались использовать в своих политических целях стремления еврейского народа вернуться на свою историческую родину (сионизм). В результате был принят целый ряд декларативных документов, поддерживающих сионизм, наиболее известным из которых стала британская Декларация Бальфура (ноябрь 1917 г.). Россия, в которой в феврале 1917 г. произошла революция и к власти пришло Временное правительство, казалось бы, отказалась от своих притязаний на Святую землю, и никоим образом не принимала участие в строительстве еврейского очага в Палестине. Письмо сиониста Э. Мунчика, равно как и другие подобные документы из фонда П. Н. Милюкова, значительно корректируют это общее представление. Из письма следует, что Россия вплоть до осени 1917 г. воспринималась в еврейских кругах в качестве одной из ключевых держав, определяющих будущее Палестины и сионистского движения.

Данный документ представляет значительный интерес и из-за своего содержания, и из-за подготовившего его автора. Автор письма, указывающий обратный нижегородский адрес, был одним из самых известных российских сионистов. Мунчик (Маргалит) Элияху (1882–1970) родился в Белостоке. В 1906 г., возможно, под влиянием еврейских погромов, проходивших в июне в Белостоке, Э. Мунчик иммигрировал в Палестину, где работал в Яффе в редакции партии «Гапоэль гацаир» (Молодой рабочий). В 1911 г. он вернулся в Белосток, стал одним из активистов движения «Цеирей Цион» (Молодежь Сиона) и «Гехолуц» (Пионер). С началом Первой мировой войны Э. Мунчик перебрался в Москву, а затем в Нижний Новгород. 18–24 мая 1917 г. прибыл в Петроград для участия во 2-м съезде российских сионистов, где был делегатом конфе-

ренции «Цеирей Цион»⁵. Весной 1920 г. Мунчик отбыл в Вену для организации пионерской алии, а в 1921 г. окончательно вернулся в Палестину. Таким образом, письмо П. Н. Милюкову было написано Э. Мунчиком после его возвращения в Россию и перед его выступлением на сионистском конгрессе.

Содержательно документ интересен тем, что автор письма дает оценку практически всем основным направлениям ближневосточной политики России через призму интересов сионистского движения: вопрос о проливах, о статусе Святых мест Иерусалима. Отдельного внимания заслуживает обращение Э. Мунчика к Каспийскому вопросу. Каспийский вопрос заключался в создании водного канала из Каспийского в Красное море. Данный проект был популярен среди русских инженеров в 1880–1890-х гг.⁶

Интересно, что Э. Мунчик использовал в письме к П. Н. Милюкову в качестве аргументов поддержки сионистского движения распространенные среди населения и элиты (не только российской) стереотипы об особых еврейских капиталах и могущественном торговом влиянии, которым могла бы воспользоваться «Молодая Россия». В то же время, из числа аргументов Э. Мунчик исключал еще одну популярную идею – создания особого еврейского легиона в России (наподобие британского еврейского легиона) и отправки его на ближневосточный фронт.

Важно подчеркнуть, что автор письма не приглашал Россию в Палестину, не предлагал Временному правительству с помощью сионистов укрепить свое влияние на Святой земле. Напротив, Э. Мунчик предлагал поменять содействие России в еврейской эмиграции в Палестину и поддержку на международной конференции на любой другой интересующий Россию проект. Возможно, поэтому в документе были упомянуты все сколько-нибудь общеизвестные чаянья России в регионе: от проливов до Каспийского канала в Индийский океан.

Оригинал документа – машинопись, лист формата А4. Документ публикуется без сокращений. Текст документа печатается в современной орфографии.

№ 1

Господину министру иностранных дел свободной России
П. Н. Милюкову

Петроград

30 марта 1917 г.

Глубоко и искренне уважаемый господин Министр!

Позвольте выразить Вам от всей души мое сердечное поздравление по случаю занятия Вами поста Министра иностранных дел. Дай Вам Бог почувствовать всю силу и мощь свободной России, испытать личное удовлетворение и счастье от сознания того, что ВЫ в тяжелую годину были одним из тех рычагов, который сдвинул великую страну от зиявшей опасности и направил по пути развития всех сил и возможностей. Дай Вам Бог, чтобы Ваша рука скрепила мирный договор на почетных и выгодных для России и всех свободных стран условиях.

Позволяю себе обратиться к Вам с некоторыми предложениями и замечаниями относительно нашей ближневосточной позиции.

Я предлагаю Вам использовать существующее среди евреев стремление к концентрации в Палестине к установлению национально-автономного центра. Мне кажется, что свободная Россия будет интересоваться делами на Востоке и принимать в них живое участие.

Мы евреям не можем предложить Вам штыки и пушки; зато мы имеем другие качества: мы не дурные торговцы и завоеватели рынков: нам с молодой Россией было бы по пути; мы были бы заинтересованы Вашей поддержкой в концерте великих держав; Вы – нашими промышленными связями и торговым влиянием. Вы знаете, что за короткий период нами многое сделано в Палестине; все созданное держится крепко даже в бурях настоящей войны и будет развиваться органически здорово и сильно. Это сознавали и старые представители Российской империи.

В мою бытность в Палестине (я прожил там несколько лет) я был свидетелем того, как консулы заигрывали с евреями: когда в России нас душили и нам устраивали погромы,

в Палестине с нами любезничали и нам оказывали удивительное внимание; когда в России нашу прессу ставили в особое положение даже по сравнению со всей измученной прессой страны, консул в Яффе любезничал с нами, членами Редакции «Гапоел Гацирь»⁷. Если так поступали во времена самодержавия, то теперь делайте Вы это не бессистемно и не случайно, а последовательно, ясно и полно. Вступите в переговоры с Сионистской организацией⁸. Ведь даже самодержавное правительство вступило в отношения с народным вождем без короны Венизелосом⁹; попробуйте сделать это и Вы, согласитесь содействовать нам в колонизации Палестины: эмиграция евреев из России все равно будет сильная после войны, так как разорены и вытесняются из всех прогрессивных отраслей хозяйства. Об интересах Франции, Англии, Святых мест можно столкнуться.

При сем прилагаю объяснительную записку.

Глубокоуважающий Вас и готовый к услугам.

Гражданин Э. Мунчик

Н. Новгород. Праздник Свободы. 5677 г. Мой адрес.
Э. Мунчик, г. Н.-Новгород, Вознесенская, 17.

№ 2

Докладная записка. По поводу ближневосточной политики

1. Согласие Англии и Франции на наше обладание Константинополем с проливами есть большой дипломатический успех, но реального значения он долго еще не будет иметь (потому что оно не соответствует реальным силам и противоречит не только интересам всех вражеских стран, но и части союзных наций. Пока мы должны будем удовлетвориться нейтрализацией проливов¹⁰).

2. России нужен однако самостоятельно свободный выход в Индийский океан, сообщение со своими сибирскими владениями независимо от чьих либо капризов: необходим также выход в Атлантический океан; это однако не достигается тем, что мы будем владеть проливами п.ч. Средиземное море без Гибралтара и Суэца тоже закрытое море.

3. До сих пор больше всех нам мешала Англия и ее подпись обязывает ее, если проливы не будут нами получены, дать нам свободный выход в Персидский залив в виде компенсации, т. е. чтобы отдали России полосу земли между Каспийским морем и Персидским заливом и признали часть Месопотамии и Малой Азии входящими в сферу нашего влияния. С Персией, полагаю, можно было бы столкнуться, дав ей какие либо территориальные или финансовые компенсации.

4. Государственные люди в России до сих пор недооценивали, по-моему, значение Каспийского моря (его недостатки не непреодолимы) для внутренней и внешней торговли, не была достаточно использована его связь через Волгу, Урал и канал в Дон со всеми реками, озерами и морями обширной России Европейской и Азиатской. Каспийское море, как центральная морская база, должно иметь свой канал, выход в Персидский залив. То, что было возможно в Панаме и в малом масштабе в Суэце, можно устроить на пространстве 700 верст между Каспийским морем и Персидским заливом. Это не утопия, ибо это технически достижимо и обойдется дешевле, чем будущая война.

5. Чтобы иметь влияние на Ближнем Востоке (безразлично, будут-ли нейтрализованы вышеназванные пункты или будем ли мы обладать им политически), необходимы там люди опытные и капиталы. Капиталов в России нет, и так скоро не будет (Государственный долг до войны 9 млрд¹¹, расходы войны около 40 млрд, ликвидация войны, аграрная реформа, общее образование и т. п. тоже обойдется в 10–16 млрд и одни проценты в год будут равны нормальному бюджету), на остальные государства в Европе нам тоже нечего рассчитывать, ибо они сами так скоро не оправятся после пережитого грандиозного пожара. Нужных людей для своей ближневосточной политики Россия тоже не имеет и, чтобы их подготовить, нужно много энергии, времени и денег.

6. Еврейский народ вообще и в частности 6–7 миллионов евреев русских подданных обладают отчасти и капиталами, и людьми. Эмиграционная проблема уже давно стоит остро у евреев и, несмотря на все свободы в России, она будет существовать в будущем, особенно для евреев, живущих в Польше,

для беженцев, для психологических и национальных эмигрантов. Если эмиграционная волна опять уедет в Америку и Африку, то этот человеческий капитал безвозвратно погибает для России, если он будет направлен на Ближний Восток, она может сослужить большую службу.

7. Пусть министерство иностранных дел войдет в сношение по этому поводу с сионистской организацией. Польза может быть обоюдная: Молодой России и Старому Израилю может быть окажется возможным идти по одному пути. Израиль стремится в Сион, пусть Россия подаст ему руку в своем пути на восток, для общего блага, прогресса, цивилизации и братства народов.

Э. Мунчик

Примечания / Notes

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579 Оп. 1. Д. 5151. Письмо Мунчика (сиониста) Милюкову П. Н. об эмиграции евреев в Палестину. 1917 г. The State Archive of the Russian Federation (GARF), fond 579, series 1, file 5151 [Letter from Munchik (Zionist) to Milyukov P. N. about emigration of Jews to Palestine. 1917].

² *Аганов, М. Г.* Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е – 1930-е годы. – Тюмень: Вектор Бук, 2011. – 324 с. AGANOV, M. G. The origins of Soviet-Israeli relations: “Jewish national home” in the policy of the USSR in the 1920s-30s. Tyumen, Vector Buk publ., 2011, 324 p.; *Будницкий, О. В.* Российские евреи в годы войны и революции. 1914–1920 // История еврейского народа России. Т. 3. – М.: Мосты культуры / Gesharim, 2017. – С. 41–69. BUDNITSKII, O. V. Russian Jews during the war and revolution. 1914–20. IN: History of the Jewish People of Russia. Vol. 3. Moscow, Mosty kul'tury / Gesharim publ., 2017, pp. 41–69; *Локшин, А. Е.* Евреи в отечественной истории: Очерки по истории и культуре евреев Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Конец XVIII – начало XXI века. – М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – 400 с. LOKSHIN, A. E. Jews in Russian History: Essays on the History and Culture of the Jews of the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation. Late 18th – Early 21st century. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN publ., 2021, 400 p.

³ *Gershon Shafir.* Land, Labor and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914. London, University of California Press, 1996, 658 p.

⁴ В российских изданиях Э. Мунчик упоминается только в сборнике: Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг. Кн. 1. – М.:

РОССПЭН, 2019. – С. 153. Zionist parties and organizations in the USSR. 1920s. Book 1. Moscow, ROSSPEN publ., 2019, p. 153.

⁵ *Ицхак Маор*. Сионистское движение в России. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1997. – С. 364–365. MAOR, Ickhak. Zionist movement in Russia. Jerusalem, Biblioteka Aliya pub., 1997, pp. 364–365.

⁶ В конце XIX – начале XX в. в России активно разрабатывались проекты по соединению Каспийского моря с другими водными артериями, для вывода Волги в Черное и Красное моря, см. например: Проект судоходно-ирригационного канала для соединения Черного и Азовского морей с Каспийским при посредстве рек Терека и Кубани; О проекте судоходно-ирригационных каналов между морями Каспийским, Черным и Азовским на основании оконченных изысканий: Техн. беседа в Кавк. техн. о-ве 17 окт. 1879 г. по сообщ. М. А. Данилова. – М.: Типограф. А. Малюкова и К°, 1882. – 64 с. The project of a shipping and irrigation canal to connect the Black and Azov Seas with the Caspian Sea through the Terek and Kuban rivers; On the project of navigation and irrigation canals between the Caspian, Black and Azov seas on the basis of completed surveys: Techn. conversation in Kavka. tech. island 17 Oct. 1879 reported. M.A. Danilova. Moscow, A. Malyukova i K° pul., 1882, 64 p.

⁷ Гапоел Гацирь или Хапоэль Хацаир (Молодой рабочий) – сионистское рабочее движение, а затем партия, действовавшая в Палестине (1905–1929), руководящими идеями которой были национальное возрождение, завоевание труда и обновление иврита.

⁸ Имеется в виду Всемирная сионистская организация.

⁹ Элефтериос Кириаку Венизелос – греческий премьер-министр в 1910–1933 гг., взгляды которого отличались крайним национализмом.

¹⁰ Подчеркнуто в документе, возможно, Э. Мунчином.

¹¹ В оригинале здесь и далее в тексте: *мил-дов*.

Список литературы

Агапов, М. Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е–1930-е годы. – Тюмень: Вектор Бук, 2011. – 324 с.

Будницкий, О. В. Российские евреи в годы войны и революции. 1914–1920 // История еврейского народа России. Т. 3. – М.: Мосты культуры / Gesharim, 2017. – С. 41–69.

Ицхак Маор. Сионистское движение в России. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1997. – С. 364–365.

Локишин, А. Е. Евреи в отечественной истории: Очерки по истории и культуре евреев Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Конец XVIII – начало XXI века. – М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – 400 с.

Gershon Shafir. Land, Labor and the Origins of the Israeli/Palestinian Conflict, 1882–1914. London, University of California Press, 1996, 658 p.

References

AGAPOV, M.G. The origins of Soviet-Israeli relations: “Jewish national home” in the policy of the USSR in the 1920s-30s. Tyumen, Vector Buk publ., 2011, 324 p.

BUDNICKII, O.V. Russian Jews during the war and revolution. 1914–20. IN: *History of the Jewish People of Russia*. Vol. 3. Moscow, Mosty Kul'tury / Gesharim publ., 2017, pp. 41–69;

MAOR, Ickhak. Zionist movement in Russia. Jerusalem, Biblioteka Aliya pub., 1997, pp. 364–365.

LOKSHIN, A. E. Jews in Russian History: Essays on the History and Culture of the Jews of the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation. Late 18th – early 21st century. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN publ., 2021, 400 p.

GERSHON, Shafir. Land, Labor and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914. London, University of California Press, 1996, 658 p.

Сведения об авторах

Шаповалов Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доцент, г. Омск, Российская Федерация, 8-381-222-98-00, shapovalov_ms@mail.ru

About the authors

Shapovalov Mikhail Sergeevich, PhD in History, associate professor, F. M. Dostoevsky Omsk State University, associate professor, Russian Federation, Omsk, +7-381-222-98-00, shapovalov_ms@mail.ru

В редакцию статья поступила 20.08.2022 г., опубликована (для цитирования):

Шаповалов, М. С. Сионист Элияху Мунчик и его письмо об эмиграции евреев в Палестину. 1917 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 447–457. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457

Submitted 20.08.2022, published (for citation):

SHAPOVALOV, M. S. *Sionist Eliyahku Munchik i ego pis'mo ob ehmigratsii evreev v Palestinu. 1917 g.* [Zionist Eliyahku Munchik and His Letter on Jewish Emigration to Palestine (1917). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 447–457. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-447-457

Документальная публикация / Document publication
УДК 930.25+930.253+32.019.5+32.019.57+321.01+323.2+321.022
+321.64+321.74+323.22+323.4+323.23+323.28+329.1/.6+329.286
+329.61+329.8+351.74/.76+659.4+651.5
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473

Морозова, Т. И.

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

**«...Оказаться в рядах строителей социализма».
К политической биографии бывшего члена
Исполнительного комитета «Народной воли»
М. Ф. Фроленко. 1935 г.**

Morozova, Tatiana I.

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

**“... To Be among the Builders of Socialism.”
Revisiting the Political Biography of the Former Member
of the Executive Committee of the “Narodnaya Volya”
M. F. Frolenko (1935)**

Аннотация

В публикации впервые вводятся в научный оборот выявленные в Российском государственном архиве новейшей истории уникальные исторические источники, которые позволяют реконструировать обстоятельства вступления во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков (ВКП(б)) одного из старейших российских революционеров, бывшего народовольца, персонального пенсионера республиканского значения М. Ф. Фроленко (1848–1938). Речь идет о его заявлении на имя Генерального секретаря Центрального комитета (ЦК) ВКП(б) И. В. Сталина, сопроводительной записке секретаря партийной коллегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославского и выписке из протокола заседания бюро КПК при ЦК ВКП(б), датированных ноябрем – декабрем 1935 г. Во введении к документам обоснована актуальность избранной темы

и охарактеризован широкий исторический контекст, необходимый для адекватного понимания сути и научной значимости публикуемых материалов. Показано, что М. Ф. Фроленко являлся не только организатором и участником нескольких покушений на императора Александра II, но и одним из немногих членов ИК «Народной воли», несмотря на аресты и каторгу, все-таки доживших до свержения самодержавия в России. На протяжении 18 лет после установления там Советской власти участие М. Ф. Фроленко в общественно-политической жизни страны ограничивалось, главным образом, докладами перед рабочей и учащейся молодежью, а также членством во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Невысокая политическая активность М. Ф. Фроленко объяснялась его преклонным возрастом, слабым здоровьем и атмосферой недоверия большевиков к выходцам из других партий. Если в первые годы после взятия власти они охотно принимали в свои ряды бывших социалистов, то начиная с середины 1920-х гг. высшее партийное руководство как минимум дважды серьезно повышало уставные требования, предъявляемые к этой категории населения. В результате к середине 1930-х гг. двери ВКП(б) для выходцев из других политических партий оказались почти полностью закрыты. Тем удивительнее, что именно в этих условиях в ноябре 1935 г. 87-летний М. Ф. Фроленко, до сих пор остававшийся беспартийным, вдруг решил вступить в ВКП(б). Выдвинута гипотеза, что данный поступок на самом деле был инициирован сверху. Публичное признание М. Ф. Фроленко успехов социалистического строительства и правильности генеральной линии ВКП(б) стало важной предпосылкой для сформулированной Е. М. Ярославским уже в 1936 г. концепции «полного идейного разгрома народничества».

Abstract

The article presents unique documents, newly discovered in the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), and draws on them to reconstruct the circumstances of M. F. Frolenko (1848–1938), one of the oldest Russian revolutionaries, former member of the “Narodnaya Volya”, and pensioner of republican level, joining the All-Union Communist Party (Bolsheviks). It focuses on M. F. Frolenko’s letter of application addressed to the General Secretary of the Central Committee of the AUCP (B) J. V. Stalin, recommendation letter of the secretary of the party collegium of the Party Control Commission under the Central Committee of the AUCP (B) E. M. Yaroslavskii, and extract from minutes of meetings of the Bureau of the Party Control Commission under the Central Committee of the AUCP (B) dated November-December 1935. The introduction

argues the relevance of the topic and characterizes broad historical context, necessary for understanding the essence and significance of the published materials. It shows that M. F. Frolenko was not only organizer and participant of several assassination attempts on Emperor Alexander II, but one of the few members of the Executive Committee of the “Narodnaya Volya,” who, despite his arrests and katorga, lived long enough to see the collapse of the Russian monarchy. For 18 years following the establishment of Soviet power, participation of M. F. Frolenko in the socio-political life of the country was limited to public speaking to working youth and students and his membership in the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles. Low-profile political activity of M. F. Frolenko may be explained by his advanced age, poor health, and Bolsheviks’ distrust of members of other parties. In the first years after their coming to power, Bolsheviks willingly received former socialists, if they joined the party; however, starting from the mid-1920s, the top party leadership had raised requirements for this category at least twice. As a result, by the mid-1930s the AUCP (B) almost completely barred members of other political parties from joining it. The more surprising was decision of 87-year-old M. F. Frolenko, who remained nonparty all this time, to become the member of the AUCP (B) in November 1935. The hypothesis suggests itself, that it was initiated by the party leadership. Higher ranks of Bolsheviks wanted M. F. Frolenko to recognize the successes of socialist construction and correctness of the general line of the AUCP (B) publicly. Soon, in 1936, it laid foundations for the concept of “complete ideological defeat of narodnichestvo” formulated by E. M. Yaroslavsky.

Ключевые слова

Народничество, народники, М. Ф. Фроленко, большевики, Е. М. Ярославский, выходцы из других партий, прием в ВКП(б), политическая адаптация, советская идеология.

Keywords

Narodnichestvo, narodnik, M. F. Frolenko, Bolsheviks, E. M. Yaroslavsky, people from other parties, AUCP (B) enrollment, political adaptation, Soviet ideology.

В России «Народная воля» являлась одной из первых нелегальных политических партий. Она возникла в результате произошедшего в 1879 г. раскола тайного общества «Земля и воля» на два течения. Сторонники так называемого хождения в народ образовали организацию «Черный передел»,

поборники более решительных действий, включая методы террора, объединились в «Народную волю».

Народовольцы стремились к введению в Российской империи основных политических свобод, передаче власти в стране постоянному народному представительству, введению всеобщего избирательного права, национализации земли, фабрик и заводов с последующей передачей в пользование земли крестьянам, промышленных предприятий – рабочим общинам. При этом главным отличием «Народной воли» от «Черного передела» являлась ставка на индивидуальный террор против представителей власти вплоть до лишения жизни императора. С осени 1879 по весну 1881 г. народовольцы подготовили не менее семи и реально совершили три покушения на жизнь Александра II. Последнее, осуществленное 1 марта 1881 г., оказалось успешным, однако привело в итоге не к свержению самодержавия, а к ужесточению правительственного курса и еще большему ограничению свобод.

Информация о численности «Народной воли» по понятным причинам заметно разнится. В середине 1960-х гг. советский историк С. С. Волк назвал «близкими к истине» цифры, приведенные народовольцем М. Ю. Ашенбреннером: по его сведениям, в 1881 г. к этой партии принадлежали или находились под ее сильным влиянием несколько тысяч человек¹. Российский исследователь В. К. Коржавин назвал такую оценку преувеличенной, аргументируя тем, что сами народовольцы в изданном ими в 1931 г. сборнике статей, воспоминаний и материалов опубликовали список «участников народовольческого движения 1879–1896 гг.», включавший только 2,1 тыс. фамилий². Однако Н. А. Троицкий – один из ведущих специалистов по народничеству, ссылаясь на данные Департамента полиции, утверждал, что с июля 1881 по декабрь 1890 г. в принадлежности к «Народной воле» и пособничестве ей были обвинены 16 476 человек³. В то же время большинство советских и российских исследователей, включая названных выше, сходятся во мнении, что активными членами партии, составлявшими ее ядро, к весне 1881 г. являлись только около 500 человек.

Структурно «Народная воля» представляла собой сеть небольших отделений, кружков и специальных организаций

(рабочая, военная, студенческая и редакционно-издательский центр), подчинявшихся Исполнительному комитету. Именно он принимал важнейшие программные документы «Народной воли», утверждал прокламации, планировал и обсуждал самые разные организационные мероприятия, включая покушения на императора, заслушивал отчеты местных отделений. Поскольку Исполнительный комитет действовал в условиях строгой конспирации, его персональный состав и даже точная численность доподлинно не известны. По оценкам Н. А. Троицкого, единовременная численность комитета не превышала 20, а общая за все годы его существования – 45 человек⁴. Наиболее известны из них А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова.

Народовольцы неоднократно подвергались арестам, а после убийства императора Александра II на них была развернута настоящая охота, к началу 1890-х гг. приведшая почти к полному уничтожению партии. А. И. Желябов и С. Л. Перовская, как основные организаторы последнего покушения на императора, вместе с тремя непосредственными его участниками были приговорены к смертной казни и повешены 3 апреля 1881 г. А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко и А. В. Якимова стали фигурантами широко известного «Процесса двадцати», проходившего в Санкт-Петербурге с 9 по 15 февраля 1882 г., и были приговорены к смертной казни, впоследствии замененной вечной каторгой. Аналогичное решение было вынесено в отношении В. Н. Фигнер, арестованной в феврале 1883 г.

А. Д. Михайлов вскоре после приговора скончался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. А. В. Якимова, спустя шесть месяцев после ареста родившая сына, в августе 1883 г. вместе с младенцем была этапирована в Сибирь. Остальные трое в разное время были помещены в Шлиссельбургскую крепость, где отбывали наказание до 1904–1905 гг. Накануне и в годы Первой русской революции они были освобождены из заключения и переведены на поселение под надзор полиции. Несмотря на эти испытания, неизбежно сказавшиеся на состоянии здоровья, Н. А. Морозов,

В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова и некоторые другие народовольцы смогли не только дожить, но и пережить революции 1917 г., ознаменовавшие падение самодержавия и установление советской власти в России.

Однако радикальная смена политического режима вовсе не означала столь же радикального изменения положения бывших членов «Народной воли». Отношение к ним большевиков оказалось весьма неоднозначным. С одной стороны, они были заинтересованы в том, чтобы «вписать народников с их героическим прошлым в предысторию большевизма»⁵. С другой, по своей политической программе «Народная воля» гораздо ближе была партии социалистов-революционеров, являвшейся одним из главных оппонентов РКП(б). В условиях же развернутой в начале 1930-х гг. массовой коллективизации сельского хозяйства теперь уже бывшие эсеры и народовольцы, всегда выступавшие в защиту крестьянства, стали не просто политическими противниками ВКП(б), но и носителями опасной для нее идеологии.

В силу преклонного возраста, подорванного каторгой здоровья и последовательно ухудшавшегося отношения правящей партии к бывшим народовольцам большинство из них в 1920-е и тем более 1930-е гг. не принимало активного участия в общественно-политической жизни. Их деятельность в этот период сводилась преимущественно к написанию воспоминаний, подготовке и публикации сборников по истории народовольческого движения, членству во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. На этом фоне неординарным выглядит публикуемое ниже заявление М. Ф. Фроленко, в весьма преклонном возрасте вдруг пожелавшего вступить в ВКП(б).

Михаил Федорович родился в ноябре 1848 г. в г. Ставрополе Кавказской губернии в семье отставного фельдфебеля. В 1870 г. окончил ставропольскую гимназию по классическому направлению и поступил в Петербургский технологический институт, учебу в котором, однако, вскоре бросил. В июле – августе 1871 г. вместе с друзьями М. Ф. Фроленко посещал судебные заседания по «Нечаевскому делу» – проходившему в Санкт-Петербурге процессу над членами организованного

С. Г. Нечаевым революционного кружка, убитыми в 1869 г. студента Петровской земледельческой академии И. Иванова, обвиненного в предательстве. Судебные заседания и резонанс, вызванный этим процессом, настолько впечатлили М. Ф. Фроленко, что он принял решение о переезде в Москву, где поступил в печально прославившуюся академию. Там М. Ф. Фроленко по-настоящему проникся революционными идеями, благодаря чему уже в 1873 г. примкнул к «кружку чайковцев» (по имени его лидера – революционера Н. В. Чайковского). Так и не окончив обучения, в 1874 г. М. Ф. Фроленко перешел на нелегальное положение и целиком посвятил себя революционной работе. В 1879 г. он принял активное участие в Липецком и Воронежском съездах организации «Земля и воля», а после ее раскола примкнул к народолюбцам. В том же году был введен в члены Исполнительного комитета «Народной воли», принимал непосредственное участие в подготовке ряда покушений на императора Александра II, включая последнее. 17 марта 1881 г. был арестован. Два с половиной года провел в заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и еще почти 22 года – в Шлиссельбургской тюрьме. Осенью 1905 г. был освобожден, проживал под надзором полиции сначала в Рязанской губернии, затем вместе с женой – в Ессентуках, Кисловодске, а с 1909 по 1922 г. – в Геленджике⁶.

Парадоксально, что несмотря на роль, которую играл М. Ф. Фроленко в деятельности «Народной воли», а также наличие опубликованных и архивных⁷ источников, позволяющих довольно подробно реконструировать по крайней мере дореволюционную часть биографии, ему до сих пор не посвящено ни одной специальной научной публикации⁸. Еще меньше известно о советском периоде жизни М. Ф. Фроленко.

В 1921 г. по ходатайству революционера и писателя М. В. Новорусского Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР назначил М. Ф. Фроленко как «ветерану революции» персональную пенсию. С 1922 г. и до самой смерти он проживал в Доме отдыха ветеранов революции имени Ильича в Москве, время от времени выступая с докладами перед рабочей и учащейся молодежью. Состоял во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

В 1927 г. под эгидой этого общества тиражом в 4 000 экз. были изданы воспоминания М. Ф. Фроленко, состоящие в основном из ранее опубликованных фрагментов и описывающие его жизнь до освобождения из Шлиссельбургской крепости⁹.

Пенсионные выплаты, обеспечение жильем и публикация воспоминаний свидетельствовали о признании высшим партийно-советским руководством революционных заслуг М. Ф. Фроленко. Однако это признание, по всей вероятности, носило вполне утилитарный характер. Как показано в современной научной литературе, после взятия власти большевики не только проявляли стабильную непримиримость к другим политическим партиям, но и одновременно пытались использовать их потенциал в собственных целях¹⁰. В том числе, начиная уже с 1917 г., они охотно принимали бывших социалистов в свои ряды. На первых порах это помогало РСДРП(б)–РКП(б) успешно решать проблему кадрового резерва, а позже стало важнейшим инструментом для раскола, дискредитации и окончательного разгрома социалистических партий¹¹.

Решив примерно к середине 1920-х гг. обе поставленные задачи, высшее партийное руководство дважды (в декабре 1925 и феврале 1934 г.) ужесточало условия приема выходцев из других партий в ВКП(б). Согласно Уставу, принятому XVII Всесоюзным партийным съездом, представители этой категории населения могли быть приняты в ВКП(б) только «в исключительных случаях» по рекомендации пяти коммунистов, трое из которых должны были иметь десятилетний и двое – дореволюционный партийный стаж. Причем прием должен был осуществляться «не иначе как через производственную первичную организацию, с обязательным утверждением ЦК ВКП(б), независимо от социального положения принимаемого»¹².

По странному стечению обстоятельств именно в этих условиях, в ноябре 1935 г., 87-летний М. Ф. Фроленко спустя 18 лет со дня установления в России советской власти принял решение все же вступить в коммунистическую партию. По всей видимости, свое намерение он предварительно обсуждал с сестрой В. И. Ленина М. И. Ульяновой, являвшейся в то время членом бюро Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, и секретарем партийной коллегии Комиссии

партийного контроля Е. М. Ярославским¹³. Опираясь на их рекомендации, М. Ф. Фроленко подготовил заявление, которое вопреки нормам партийного устава адресовал не в производственную первичную организацию, а на самую вершину партийной пирамиды – секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину. Документ был передан через Е. М. Ярославского, в своей сопроводительной записке решительно заверявшего вождя в искренности адресата. На публикуемом документе (№ 2) имеется недатированная рукописная резолюция: «т. Молотову¹⁴, Ежову¹⁵, Шкирятову¹⁶. Я думаю, что можно принять. И. Ст[алин]».

Установить истинные мотивы поступка М. Ф. Фроленко вряд ли представляется возможным. В качестве осторожной гипотезы можно выдвинуть версию, что данный поступок на самом деле был инициирован сверху. Вступление М. Ф. Фроленко в ВКП(б) носило прежде всего символический характер и вполне могло быть срежиссировано самим Е. М. Ярославским – одним из главных идеологов коммунистической партии. Во всяком случае публичное признание успехов социалистического строительства и правильности генеральной линии партии старейшим из живших на тот момент революционеров как нельзя лучше вписывалось в парадигму советской пропаганды.

Всего год спустя, в декабре 1936 г., Е. М. Ярославский сдал в печать небольшую брошюру, в которой утверждал, что «вся теория и практика народовольчества мешала массовой революционной борьбе против царизма». В начале 1937 г. это пособие было отпечатано тиражом в 100 тыс. экз. Изложенная в нем концепция категорически пресекала возможность рассуждать о какой бы то ни было преемственности между народовольцами и большевиками. Последние отныне изображались ярыми и последовательными противниками «Народной воли», едва ли не главным достижением которых стал «полный идейный разгром народничества»¹⁷.

№ 1

Заявление М. Ф. Фроленко секретарю
ЦК ВКП(б) И. В. Сталину

Москва

21 / XI [19]35 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Я бывший народоволец. Мне 87 лет. Обращаюсь к Вам с просьбой принять меня в ряды ВКП(б).

Великие успехи социалистического строительства в нашей стране, в особенности за последние годы, крепко убедили меня в правильности линии, проводимой ЦК ВКП(б). Я убедился, что в нашей стране, действительно, строится новая, светлая, радостная жизнь, создается новое социалистическое общество, о чем мечтали лучшие умы человечества и старые революционеры. Следя внимательно в течение последних лет за жизнью в СССР, за нашей великой стройкой, я не был, однако, посторонним зрителем, а напротив, делал доклады по приглашению на заводах, у военных, в учебных заведениях, я, рассказывая о прошлой борьбе русских революционеров с царским режимом, всегда доводил дело до Октябрьской победы, старался укрепить у слушателей веру в торжество социализма. О прошлой же моей революц[ионной] работе, полагаю, известно, как Вам, тов. Сталин, так и ЦК ВКП(б), а потому еще раз прошу рассмотреть мое заявление и принять меня в ряды ВКП(б), дабы и я мог оказаться в рядах строителей социализма.

М. Фроленко (шлиссельбуржец)

Адрес[:]

Москва-49

[ул.] Шаболовка, [д.] 14

Дом отд[ыха] в[етеранов] р[еволюции] им. Ильича

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Ф. 3. Оп. 22. Д. 120. Л. 124. Рукописный подлинник. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI), fond 3, series 22, file 120, p. 124. Handwritten original.

№ 2

Записка секретаря партийной коллегии Комиссии
партийного контроля при ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославского
секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину

[Москва]

26 ноября [19]35 г.

Тов. Сталин!

Посылаю Вам заявление М. Фроленко, одного из основателей организации «Земля и воля» и «Народной воли». Мне кажется, что его следует принять в ряды ВКП(б), опубликовав его заявление и короткую его очень красочную биографию. Насколько я знаю, он этот шаг глубоко продумал, делает его со всей искренностью. К тому же ему, вероятно, пришлось по этому вопросу немало поспорить с другими стариками, оставшимися на старых позициях.

С коммунистическим приветом, Ем. Ярославский¹⁸.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 120. Л. 122. Машинописный подлинник. Подпись автограф. RGANI, fond 3, series 22, file 120, p. 122. Typewritten original. Signature–autograph.

№ 3

Выписка из протокола № 32 заседания бюро Комиссии
партийного контроля при ЦК ВКП(б)

Строго секретно

[Москва]

13 декабря 1935 г.

[Слушали:] 10. Заявление т[ов.] Фроленко (народовольца) в ЦК ВКП(б) о приеме его в члены ВКП(б).

[Постановили: 10.] 1. Принять т[ов.] Фроленко в члены ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа.

2. Внести на утверждение Оргбюро ЦК ВКП(б)¹⁹.

Председатель КПК Ежов.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 120. Л. 121. Машинописный подлинник. Подпись автограф. Заверен печатью Комиссии партийного контроля.

RGANI, fond 3, series 22, file 120, p. 121. Typewritten original. Signature–autograph. Document sealed by the Party Control Commission.

Примечания / Notes

¹ Волк, С. С. Народная воля. 1879–1882. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 277. VOLK, S. S. *Narodnaya volya. 1879–1882* [Narodnaya Volya. 1879–82. In Russ.]. Moscow, Leningrad, Nauka publ., 1966, p. 277.

² Коржавин, В. К. Народничество 70-х годов: учеб. пособие. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2007. – 187 с. KORZHAVIN, V. K. *Narodnichestvo 70-kh godov* [Narodnism of the 1970s: A study guide. In Russ.]. Kaliningrad, RGU im. I. Kanta publ., 2007, 187 p.

³ Троицкий, Н. А. Крестonosцы социализма. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – С. 278. TROITSKII, N. A. *Krestonosy sotsializma* [The Crusaders of Socialism. In Russ.]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta publ., 2002, p. 278.

⁴ Троицкий, Н. А. Указ. соч. – С. 280. TROITSKII, N. A., 2002, p. 280.

⁵ Шемякина, О. В. Дискуссия вокруг книги Е. Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 449. SHEMYAKINA, O. V. *Diskussiya vokrug knigi E. E. Kolosova “Narodovol’cheskaya zhurnalistika” v 1930–1932 gg.* [Discussion surrounding E. E. Kolosov’s book “Narodnaya Volya Journalism” in 1930–32. In Russ.]. IN: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2020, vol. 19, no. 2, p. 449.

⁶ Фроленко Михаил Федорович [автобиография] // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: 7-е изд. Т. 40. Вып. 4. – М.: Редакция и экспедиция «Русского библиографического института Гранат», 1925. Стб. 498–514. *Frolenko Mikhail Fedorovich* [Frolenko Mikhail Fedorovich: autobiography. In Russ.]. IN: *Entsiklopedicheskii slovar’ Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat. In Russ.]. Moscow, Redaktsiya i ehspeditsiya “Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat” publ., 1925, vol. 40, issue 4, clms. 498–514; Архив культурного наследия. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/2300854000.html> (дата обращения 11.01.2023). *Arkhiv kul’turnogo naslediya* [Cultural heritage archive. In Russ.]. [On-line]. Available at: <http://nasledie-archive.ru/objs/2300854000.html> (accessed 11.01.2023).

⁷ В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранились как минимум два дела, посвященных М. Ф. Фроленко: ГАРФ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 688; Ф. А-539. Оп. 3. Д. 1160. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 68, series 1, file 688; fond A-539, series 3, file 1160.

⁸ С определенной долей условности исключением можно считать краткую справку: Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 28. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 101. PROKHOROV, A. M. (ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia. In Russ.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., 1978, vol. 28, p. 101.

⁹ Фроленко, М. Ф. Записки семидесятника. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. – 340 с. FROLENKO, M. F. *Zapiski semidesyatnika* [Notes of the Semidesyatnik. In Russ.]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev publ., 1927, 340 p.

¹⁰ Анфертьев, И. А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 145. ANFERTIEV, I. A. *O nekotorykh prichinakh likvidatsii pravuyashchei kommunisticheskoi partiei bol'shevikov mnogopartiinosti v strane* [On Motives of the Ruling Bolsheviks Communist Party for Abolishing National Multi-Party System. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2016, no. 2, p. 145.

¹¹ Подробнее см.: Анфертьев, И. А. Ликвидация многопартийности и возрастание роли правящей Коммунистической партии в системе государственных органов в СССР // Российская многопартийность и российские кризисы, XX–XXI вв.: сборник научных статей. Вып. 6. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 18–33. ANFERTIEV, I. A. Liquidation of the multiparty system and the increasing role of the ruling Communist Party in the system of state bodies in the USSR. IN: Russian multiparty system and Russian crises, 20th–21st century: Collected scientific articles. Vol. 6. Moscow, Izd-vo Ippolitova publ., 2016, pp. 18–33; Морозова, Т. И., Шишкин, В. И. «...В боевые ряды революционной коммунистической партии»: прием бывших социалистов в РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1924 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 8: История. – С. 79–91. MOROZOVA, T. I., SHISHKIN, V. I. “...V boevye ryady revolyutsionnoi kommunisticheskoi partii”: priem byvshikh sotsialistov v RSDRP(b) – RKP(b) v 1917–1924 godakh [“... Into the fighting ranks of the Revolutionary Communist Party”: Admission of Former Socialists to the RSDLP (B) – RCP (B) (1917–24)]. In Russ.]. IN: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 79–91; Шишкин, В. И. Бывшие социалисты как кадровый резерв коммунистов между Февральской и Октябрьской революциями (март – октябрь 1917 г.) // Новейшая история России. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 857–870. SHISHKIN, V. I. *Byvshie sotsialisty kak kadrovyy rezerv kommunistov mezhdu Fevral'skoi i Oktyabr'skoi revolyutsiyami (mart – oktyabr' 1917 g.)* [Ex-Socialists as Personnel Reserve for the Communist Party between February and October Revolutions (March – October 1917)]. In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 857–870.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6: 1933–1937. – М.: Политиздат, 1985. – С. 135. *KPSS v rezolyutsiyakh*

i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in resolutions and decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. In Russ.]. Vol. 6: 1933–37. Moscow, Politizdat publ., 1985. P. 135.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 120. Л. 125. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [The Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI), fond 3, series 22, file 120, p. 125.

¹⁴ Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – в 1926–1952 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1928–1943 гг. одновременно являлся секретарем исполнительного комитета и членом президиума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. С декабря 1930 по май 1941 г. – председатель Совнаркома СССР.

¹⁵ Ежов Николай Иванович (1895–1940) – с февраля 1935 по март 1939 г. – секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

¹⁶ Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) – с февраля 1934 по март 1939 г. – секретарь партийной коллегии и член бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

¹⁷ *Ярославский, Ем.* Разгром народничества. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 80 с. YAROSLAVSKI, E. *Razгром narodnichestva* [Defeat of the Narodnism. In Russ.]. Moscow, Partizdat TSK VKP(b) publ., 1937, 80 p.

¹⁸ Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) – в 1931–1935 гг. являлся председателем Всесоюзного общества старых большевиков. С февраля 1934 по июнь 1939 г. – секретарь партийной коллегии и член бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

¹⁹ Постановление бюро Комиссии партийного контроля было утверждено путем опроса членов Оргбюро ЦК ВКП(б) 28 декабря 1935 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114. Д. 599. Л. 36. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [The Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), fond 17, series 114, file 599, p. 36) и членов Политбюро ЦК ВКП(б) – 30 декабря 1935 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 120. Л. 119. RGANI, fond 3, series 22, file 120, p. 119.

Список литературы

Аифертъев, И. А. Ликвидация многопартийности и возрастание роли правящей коммунистической партии в системе государственных органов в СССР // Российская многопартийность и российские кризисы, XX–XXI вв.: сборник научных статей. Вып. 6. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 18–33.

Аифертъев, И. А. О некоторых причинах ликвидации правящей коммунистической партией большевиков многопартийности в стране // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 131–152.

Волк, С. С. Народная воля. 1879–1882. – М.; Л.: Наука, 1966. – 492 с.

Морозова, Т. И., Шишкин, В. И. «...В боевые ряды революционной коммунистической партии»: прием бывших социалистов в РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1924 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 8: История. – С. 79–91.

Троицкий, Н. А. Крестоносцы социализма. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – 372 с.

Шемякина, О. В. Дискуссия вокруг книги Е. Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 448–467.

Шишкин, В. И. Бывшие социалисты как кадровый резерв коммунистов между Февральской и Октябрьской революциями (март–октябрь 1917 г.) // Новейшая история России. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 857–870.

References

ANFERTIEV, I. A. Liquidation of the multiparty system and the increasing role of the ruling Communist Party in the system of state bodies in the USSR. IN: Russian multiparty system and Russian crises, 20th 21st century: Collected scientific articles. Vol. 6. Moscow, Izd-vo Ippolitova publ., 2016, pp. 18–33.

ANFERTIEV, I. A. *O nekotorykh prichinakh likvidatsii pravyyashchei kommunisticheskoi partiei bol'shevikov mnogopartiinosti v strane* [On Motives of the Ruling Bolsheviks Communist Party for Abolishing National Multi-Party System. In Russ.]. IN: *Herald of an Archivist*, 2016, no. 2, pp. 131–152.

VOLK, S. S. *Narodnaya volya. 1879–1882* [Narodnaya Volya. 1879–82. In Russ.]. Moscow, Leningrad, Nauka publ., 1966, 492 p.

MOROZOVA, T. I., SHISHKIN, V. I. “...V boevye ryady revolyutsionnoi kommunisticheskoi partii”: priem byvshikh sotsialistov v RSDRP(b) – RKP(b) v 1917–1924 godakh [“... Into the fighting ranks of the Revolutionary Communist Party”: Admission of Former Socialists to the RSDLP (B) – RCP (B) (1917–24). In Russ.]. IN: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 79–91.

TROITSKII, N. A. *Krestonostsy sotsializma* [The Crusaders of Socialism. In Russ.]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta publ., 2002, 372 p.

SHEMYAKINA, O. V. *Diskussiya vokrug knigi E. E. Kolosova “Narodovol'sheskaya zhurnalistika” v 1930–1932 gg.* [Discussion surrounding E. E. Kolosov' book “Narodnaya Volya Journalism” in 1930–32. In Russ.]. IN: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 448–467.

SHISHKIN, V. I. *Byvshie sotsialisty kak kadrovyy rezerv kommunistov mezhdu Fevral'skoi i Oktyabr'skoi revolyutsiyami (mart – oktyabr' 1917 g.)* [Ex-Socialists as Personnel Reserve for the Communist Party between February and October Revolutions (March – October 1917). In Russ.]. IN: *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 857–870.

Сведения об авторах

Морозова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, научный сотрудник, г. Новосибирск, Российская Федерация, 8-383-363-03-08, mti137@yandex.ru

About the authors

Morozova Tatiana Igorevna, PhD in History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, researcher, +7-383-363-03-08, mti137@yandex.ru

В редакцию статья поступила 06.02.2022 г., опубликована (для цитирования):

Морозова, Т. И. «...Оказаться в рядах строителей социализма». К политической биографии бывшего члена Исполнительного комитета «Народной воли» М. Ф. Фроленко. 1935 г. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 458–473. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473

Submitted 06.02.2022, published (for citation):

MOROZOVA, T. I. “...Okazat’sya v ryadakh stroitelei sotsializma». K politicheskoi biografii byvshego chlena Iсполnitel’nogo komiteta «Narodnoi voli” M. F. Frolenko. 1935 g. [“... To Be among the Builders of Socialism.” Revisiting the Political Biography of the Former Member of the Executive Committee of the “Narodnaya Volya” M. F. Frolenko (1935). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 458–473. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-458-473

Документальная публикация / Document publication
УДК 930.22+930.27+930.25+003.07+651.5+930.23+260.1+261.6
+261.7+261.8+348+269
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490

Кауль, М. В.

Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Российская Федерация

**Церковная дипломатия в СССР 1960-х гг.
в частном рапорте епископа Питирима
(Нечаева) митрополиту Никодиму (Ротову)
о паломничестве в Святую Землю**

Kail, Maksim V.

Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

**Church Diplomacy in the USSR of the 1960s in a Private
Report of Bishop Pitirim (Nechaev) to Metropolitan
Nikodim (Rotov) on the Pilgrimage to the Holy Land**

Аннотация

Статья посвящена опыту осмысления характера и особенностей церковной православной дипломатии 1960-х гг. как элемента государственно-церковных отношений и внутрицерковных управленческих практик. В контексте документального комплекса по истории Московской Патриархии и государственно-церковных отношений 1960-х гг. на основе уникального «частного сообщения», составленного одним из активных и ярких деятелей церковной дипломатии епископом Питиримом (Нечаевым, 1926–2003) в адрес главы церковной дипломатии – председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии митрополиту Никодиму (Ротову, 1929–1978) реконструируется практика осуществления церковно-дипломатических миссий в СССР второй половины 1960-х гг. Целью исследования является реконструкция одного из мощных векторов общественной дипломатии Советского Союза середины XX в. – церковной: на основе уникального корпоративного источника акцентируются ее ценностные и целевые установки. Публикация построена

на методах современной археографии, реконструктивном методе и факторном анализе исследуемой церковно-дипломатической практики. Актуальность такой исследовательской и публикационной практики обусловлена острым дефицитом исследований и публикаций, посвященных церковной дипломатии изучаемой эпохи. Исследование показало, что сам владыка Никодим начинал свою церковно-дипломатическую карьеру в качестве начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме (1957–1959) и не оставлял Ближневосточную повестку и позднее. Публикуемый документ необычен и познавательно значим тем, что в отличие от официальных рапортов, известных и отложившихся отдельными экземплярами в фонде Совета по делам Русской Православной Церкви при Совмине СССР (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991) и в силу недоступности основного их массива (корпоративный архив ОВЦС закрыт для исследователей), этот отчет содержит личные и эмоциональные характеристики, приоткрывает завесу над неформальной коммуникацией иерархов церкви в обсуждении вопросов церковной дипломатии. Отчетную записку епископа Питирима отличает психологизм и внимание к деталям, настроению собеседников и участников взаимодействия – оценка настроения партнеров была важной частью дипломатической аналитики эпохи. Введение в научный оборот таких уникальных источников обогащает наши представления о церковной дипломатии второй половины XX в., ее персональном измерении, средствах и практиках.

Abstract

The article attempts to consider the nature and features of the Orthodox church diplomacy of the 1960s as an element of state–church relations and intra-church management practices. In the context of documentary complex on the history of the Moscow Patriarchate and state–church relations of the 1960s and on the basis of a unique “private message” compiled by one of the active and prominent figures of church diplomacy, Bishop Pitirim (Nechaev, 1926–2003), addressed to the head of church diplomacy, Chairman of the Department of External Church Relations of the Moscow Patriarchate, Metropolitan Nikodim (Rotov, 1929–78), the practice of church diplomatic missions of the second half of the 1960s is reconstructed. The study is to reconstruct of one of the powerful vectors of public diplomacy of the Soviet Union in the mid-20th century, ecclesiastical diplomacy; drawing on a unique corporate source, its values and objectives are emphasized. The publication is based on the methods of modern archaeography, reconstructive method, and factor analysis of church diplomatic practice. Its relevance is due

to acute shortage of research and publications devoted to the church diplomacy of the era. The study shows that bishop Nikodim began his church diplomatic career as head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1957–59) and did not leave the Middle East agenda behind. The published document is unusual and informative; unlike known official reports deposited in separate copies in the fond of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR (fond 6991 of the State Archive of the Russian Federation), mostly inaccessible, it contains personal and emotional characteristics, lifting the veil over informal communication of the church hierarchs when discussing issues of church diplomacy. Bishop Pitirim's report is distinguished by psychologism and attention to detail and mood of correspondents and participants of interaction, as their assessment was an important part of diplomatic analytics of the era. Introduction of such unique sources into scientific use enriches our notion of church diplomacy of the second half of the 20th century, its personal dimension, means and practices.

Ключевые слова

Исторический источник, церковная дипломатия, Московский Патриархат, епископ Питирим (Нечаев), митрополит Никодим (Ротов), Святая Земля, паломничество.

Keywords

Historical source, church diplomacy, Moscow Patriarchate, Bishop Pitirim (Nechaev), Metropolitan Nikodim (Rotov), Holy Land, pilgrimages.

В истории Русской Православной Церкви послевоенного периода проблематика церковной дипломатии, участия Московской Патриархии в международной повестке – ключевая тема. Созданный в период «сталинского поворота» в церковной политике 1943 г. специальный правительственный орган – Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (затем – Совете Министров) СССР стал ключевым актором коммуникации правительства с руководителями церковной иерархии. Репрезентативные материалы переписки патриарха Алексия (Симанского) с Советом демонстрируют, что тема международной повестки и участия РПЦ в международной коммуникации явно была доминирующей, составляя свыше $\frac{3}{4}$ контактов церкви и государства¹.

Столь масштабная международная деятельность Московской Патриархии требовала кадрового обеспечения, в то время как церковь к 1943 г. лежала в руинах: на свободе находилось несколько архиереев, большинство из которых подобного опыта не имели. Массовые епископские и священнические хиротонии середины 1940-х гг. не могли обеспечить растущие потребности. Но с возрождением структур церковного образования в церковь пришло новое молодое поколение священнослужителей, которым и предстояло нести отныне основную публичную функцию церковной иерархии – дипломатическую².

В числе первых студентов открывшихся в 1944 г. в Москве Богословско-пастырских курсов, преобразованных в 1946 г. в Московскую духовную академию, был к тому времени окончивший первый курс студент Московского института инженеров транспорта Константин Владимирович Нечаев (1926–2003), происходивший из священнической семьи. С 1945 г., с первых месяцев патриаршества Алексия (Симанского), Константин стал патриаршим иподиаконом, что выделяло его среди сокурсников и сулило высокую церковную карьеру. Окончивший в 1951 г. академию, Константин был оставлен профессорским стипендиатом и начал преподавать историю и разбор западных исповеданий³. В 1952 г. патриархом рукоположен в диакона, в конце 1954 г. – во священника, но не был отправлен на приход, а приписан к патриаршему крестовому храму. Великим постом 1959 г. в Троице-Сергиевой Лавре пострижен в монашество с именем Питирим в честь епископа Питирима Тамбовского (о родстве с которым говорила семейная традиция). Далее следовал стремительный взлет – в преддверии главного академического праздника патриархом возведен в сан архимандрита, назначен инспектором академии и семинарии. С начала 1962 г. был назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии», в мае 1963 г. избран епископом Волоколамским, викарием Московской епархии (патриарха) с назначением председателем издательского отдела Московской Патриархии.

В первые заграничные поездки будущий архипастырь отправился еще будучи студентом в середине 1940-х гг.

в составе сопровождающих патриарха (разумеется, это было связано со служением патриаршим иподиаконом). В ту пору каждый заграничный выезд согласовывался на самом высоком уровне – Советом Министров и утверждался лично И. В. Сталиным. Такой уровень генерализации, проверок и согласований приводил к тому, что имеющий опыт заграничных командировок попадал в группу благонадежных, которых предлагали и для последующих поездок и миссий. Так сложилось и у будущего митрополита. По мере развития его церковной карьеры он становился востребован в качестве церковного дипломата на каждой из ступеней своего служения. Участвуя в организации первых межхристианских совещаний, он вносил предложения главе церковной дипломатической структуре – Отделу внешних церковных сношений митрополиту Никодиму (Ротову) по лучшим форматам и площадкам⁴. В будущем он много способствовал развитию издательского дела, по сути став создателем медийно-издательской сферы Московской Патриархии, более 30 лет руководил Издательским отделом патриархии. В 1960-е – 1970-е гг. владыка Питирим совершил десятки международных поездок, сопровождал двух патриархов (Алексия и Пимена) в церковных визитах в различные страны Ближнего Востока, Европы, Азии, Африки⁵.

Но уже в 1960-е гг., став архиереем, Питирим занял свое заметное место в практической церковной дипломатии. В историографии неизвестно об особой его коммуникации с главой церковной дипломатии митрополитом Никодимом (Ротовым). В этой связи публикуемый документ позволяет переосмыслить как практику церковной дипломатии этого периода, так и саму роль владыки Питирима в международных коммуникациях Московской Патриархии. Примечательно, что не занимавший в ОВЦС постов молодой архимандрит, а отныне архиерей играл заметную роль в практической церковной дипломатии.

Текстологически и контекстуально подготовленный и направленный архиепископу Никодиму (Ротову) епископом Волоколамским «отчет» значим и интересен. Его неофициальный характер подчеркивает сам автор, отмечая

«в отчете коснуться только не отмеченного в общем отчете и касающегося моей работы». Он написан по возвращении епископа из ставших в 1960-е гг. более-менее традиционными (но не частыми и не массовыми) паломнических поездок иерархов и церковных представителей в Святую Землю. 10-дневная поездка апреля-мая 1967 г. была приурочена к главному христианскому празднику Пасхи (в тот год 30 апреля) и стала последней перед шестидневной войной, существенно осложнившей отношения с Израилем Советского Союза. В тексте «отчета» нет информации о посещении святынь, но масса зарисовок, личностных характеристик тех, кого встречал владыка в Святой Земле. Сюжетных линий можно выделить три: оценка служащих в Русской духовной миссии Московского Патриархата; положение при Иерусалимском патриархате – отношения иерархов и священнослужителей, группы влияния и психологические портреты; положение и характеристики представителей Русской Православной Церкви зарубежом в Святой Земле. Последнее, вероятно, было самым актуальным и значимым: с момента своего возвращения в Иерусалим РПЦ Московской Патриархии делала сферу влияния, имущество с представителями эмигрантской церкви. Выяснить ориентации и настроения эмигрантов, их отношение к Московской Патриархии было особенно значимым: кого-то стремились включить в сферу влияния, пригласить на паломничество в Россию (а такие стремления у многих были, что фиксирует и Питирим), расположить к Москве иными способами.

Известно, что владыка Никодим (Ротов) занимал активную политико-дипломатическую позицию, по сути, формируя национальную концепцию внешней коммуникации Русской Православной Церкви. Она была согласована с советским правительством, но число направлений, интенсивность контактов в период руководства Никодимом ОВЦС возросли кратно. Одаренный церковный дипломат, открывая новые направления контактов, рекрутировал в церковно-дипломатическую деятельность и формально не связанных с ОВЦС иерархов и священнослужителей. Ровесникам, двум владыкам, вероятно нетрудно было найти общий язык (Никодим

был младше Питирима на три года, но епископом и главой синодального отдела стал раньше – уже в 1960 г. в 30-летнем возрасте и с 1963 г. носил титул митрополита): потому в отчете присутствует и определенная доверительность, и, в то же время, ясные психологические характеристики и деловые оценки персон, их позиций и бытовых поступков.

Молодые архиереи могли быть носителями близких взглядов и обладать общей позицией в вопросах церковной коммуникации, которой по возрасту уже не занимался патриарх Алексей. В то время как международная церковная повестка 1960-х гг. развивалась стремительно. Создание и активизация деятельности Всемирного совета церквей, появление и бурный рост экуменической повестки с сопутствующими формами межцерковного диалога, множеством совещательных органов и комиссий⁶, миротворческая инициатива (движение за мир) и активное участие в ней церковных институтов – все эти направления требовали адекватного ответа и различных форм активностей.

К участию в них и был призван владыка Питирим практически на протяжении всей своей церковной деятельности, с 1940-х гг. Пик его церковно-дипломатической активности придется на 1980-е гг., когда он совершал по несколько поездок в течение одного месяца, вошел во влияние при последнем генеральном секретаре КПСС М. С. Горбачеве и был введен в состав советского фонда культуры, часто и непосредственно взаимодействуя с Р. М. Горбачевой. С падением советского строя международная деятельность владыки сошла на нет. Далее было конфликтное и тяжелое отлучение от Издательского отдела и редакции «Журнала Московской Патриархии» в 1994 г., сугубо церковная работа в последнее десятилетие жизни и примирение с патриархом Алексием II в 2003 г. В общественной памяти владыка Питирим остался как издатель и создатель системы церковного книгоиздания, его деятельность в качестве церковного дипломата осталась за фасадом и отражена в уникальном личном архиве владыки, документ из которого ярко иллюстрирует эту сторону его деятельности.

№ 1
ОТЧЕТ

члена паломнической группы в Иорданию-Израиль
25.IV–05.V.1967 года епископа Волоколамского Питирима

Его Высокопреосвященству
Митрополиту Ленинградскому и Ладожскому Никодиму,
Председателю Отдела внешних церковных сношений
Московского Патриархата

В паломничестве я участвовал в общей программе. В настоящем отчете коснусь только не отмеченного в общем отчете и касающегося моей работы.

Прежде всего нахожу нужным отметить, что с нами возвращался в Бейрут⁷ архимандрит Гавриил Фаддуль⁸, только что получивший степень кандидата богословия Московской Духовной Академии. К моему приезду на аэровокзал он уже заканчивал таможенные процедуры. Там же в аэровокзале находился и архимандрит Алексей Абель Карим⁹. Он до самого отлета был с нашей группой, не оказывая ни мало внимания архимандриту Гавриилу. Пить кофе перед отлетом в ожидании самолета паломники сели за отдельный стол, провожавшие сели рядом. Архимандрит Алексей поторопился пройти в передний угол стола паломников первым. При возвращении он также встречал нас в аэропорту.

В Бейруте прихожане собора устроили встречу и овацию архимандриту Гавриилу. Как рассказал нам прот[оиерей] Иаков Ильич¹⁰. М. Илья¹¹ уволил архимандрита из епархии. Тем не менее встречавших было не менее 200 человек. Был фотограф. Без конца следовали групповые снимки. Архимандрит познакомил нас с матерью, членами церковного совета и просил сняться с ними всей группой.

В храме Гроба Господня в первое посещение 26.IV мы неожиданно встретились с епископом Анатолием¹² из Афин в сопровождении студента-богослова.

Е[пископ] Анатолий изобразил растерянность и неожиданность от нашей встречи, однако проявил осведомленность о назначении архимандрита Феодосия Дикун¹³ викарием

Киевской митрополии. С нами он пытался сразу принять покровительственно-нисходительный тон с намеками на свою печальную судьбу, как это бывало при предшествующих встречах, заговорил о «сыновьях и пасынках» Святейшего Патриарха. Корректно, но очень определенно я ответил ему, так что он поспешил ретироваться. Я сразу же предупредил членов группы о характере этого человека, насколько знал его по прежним встречам в Афинах. По словам е. Анатолия, он в Иерусалиме впервые. На праздник прибыл по своей инициативе. Остановился он в Патриархии¹⁴ и пользовался некоторым вниманием со стороны Патриарха Венедикта¹⁵ и остальных иерархов. Титуловали его «митрополитом Канадским», в соборном служении занимал примерно второе-третье от конца место среди иерархов Иерусалимского патриархата¹⁶. Сам он носит и показывает панагию с памятной надписью «от кинота Святой Горы¹⁷ митрополиту Канадскому». Прямых встреч более у меня с ним не было, но за богослужением встречались ежедневно и приветствовали друг друга.

28.IV в толпе богомольцев я встретил Любовь Львовну Симанскую¹⁸ с сыном Алексеем, приехавшую на праздник из Аммана. Она посетила меня на следующее утро в гостинице. Спрашивала о здоровье Святейшего Патриарха, просила передать ему письмо и свечу и рассказывала о себе. Выяснилось, что ее мать умерла и похоронена в м[онастыре]ре Марии Магдалины в Гефсимании¹⁹. Этот повод я решил по согласованию с архиепископом Иоанном использовать, как вполне основательный для посещения м[онасты]ря. Симанская, по ее словам, предупредила игумению. Вечером в субботу 29.IV мы беспрепятственно прошли в монастырь. После литии на могиле мы обошли почти всю территорию и были в храме. Монастырь содержится в хорошем порядке. Всюду чисто убрано. В верхней части м[онасты]ря несколько строений для престарелых монахинь, с севера от храма и несколько ниже его игуменский дом, на запад от храма над самым обрывом у стены выстроил дом и живет в нем с женой престарелый «генерал» Хрипунов, завещавший после смерти дом в собственность м[онасты]рю.

Храм содержится в очень хорошем порядке, отремонтирован и чисто убран. У правого клироса чтимая икона Божией

матери небольшого размера. За ящиком продаются свечи, кустарные фотооткрытки, открытки-гербарии латинского изготовления, деревянные яйца. В этой поездке меня сопровождал иеромонах Иероним²⁰, член русской Духовной Миссии. Мы поставили свечи, купили несколько сувениров и дали подошедшим монахиням немного денег, шоколад «Золотой ярлык» и церковный календарь Московского Патриархата. Отношение было с их стороны несколько настороженным, но очень сердечным и радушным. Казалось, что можно было бы пробыть с ними и более продолжительное время.

Хорошее впечатление оставило посещение «Русских раскопок» и знакомство с двумя их хранительницами (мон[ахиня] Валентина Николаевна и Елизавета, ее воспитанница-арабка). Первой 48 лет, второй – 27. Первый их прием нас с О[тцом] Владимиром Игнастэ²¹ был совершенно неподготовлен и более сердечен, второй, всей группой – несколько сдержаннее. При посещении всей группой нас ожидало телевидение. Группа была снята и наше пение записано на пленку. М. Валентина²² казалась несколько смущенной и сказала о. Владимиру Игнастэ, что она об этом сама не знает, но делается это с ведома их начальника «генерала». Следует отметить, что у них остановилась большая группа сербских православных паломников из США. Некоторые полагают, что приглашение телевидения было сделано ими.

Накануне отъезда перед ночной службой мы с о. В. Игнастэ были у них еще раз. Общее хорошее впечатление подтвердилось. М. Валентина, как можно заключить из ее слов, держится довольно независимо от местных раскольнических кругов и прямо сказала мне, что ждут, когда смогут передать все имущество нам. М. Валентина высказала свое большое желание поклониться святыням в Троице-Сергиевой Лавре. Однако их прежде всего интересует обеспечение физической безопасности.

02.V мы с о. Вл[адимиром] Игнастэ посетили Доминиканский библейский ин[ститу]т²³, где имели беседу с о. Пьером Бенуа²⁴ о деятельности католического экуменического института. Нашему визиту предшествовало продолжительное выяснение этого вопроса в посольских и местных

Римско-католических кругах. По мнению последних, единственно осведомленным является именно этот о. Пьер. Он принял нас в общей приемной аббатства довольно официально, затем постепенно потеплел, показал библиотеку и хотел показать храм, но шофер такси потребовал нашего возвращения. Информация о. Пьера сводится в целом к следующему. Институт еще организуется. Это будет исследовательская творческая организация. Стафф²⁵ примерно подобран, но еще находится на своих местах. Резиденция ин[ститу]та находится в 10 км от Иерусалима по Вифлиемской дороге. Ремонт помещения закончится не ранее 1969 года. Он не видит перспективы общения с местным греческим духовенством. Касаясь работы собственно библейского ин-та, о. Пьер сказал, что у них перебивали из разных вероисповеданий отовсюду специалисты, чтобы на месте заняться библейскими исследованиями, «не было только из России и мы были счастливы, если бы кто-нибудь прибыл от вас». Я пообещал выслать ему наши издания, однако проблема языка для него составляет единственную трудность. О. Пьер дал брошюру об Экуменическом ин[ститу]те на английском языке. Прилагаю к отчету.

Наконец, считаю нужным остановиться на моем восприятии личности архимандрита Иакова²⁶ на фоне взаимоотношений деятелей Иерусалимской Патриархии. Наши отношения с Патриархом Венедиктом были, пожалуй, «с благожелательным достоинством». Compliments были умеренны, но и внимание достаточно. Наше место было следом за митр. Спартаким Киприаном, который, видимо, представляет Элладскую церковь. Архиепископа Хризостома, Синод, иерархов и проч., как он говорил в своей речи. За нами шел Софроний Критский²⁷ и проч. Архиеп[ископ] Германос²⁸ был очень осторожен с нами, но в мимолетных частных отношениях приветлив. Архиеп[ископ] Василий²⁹ имел с нами отношений очень немного и они были бессодержательны. Могу отметить такую своеобразную деталь. В обмен на свечу я подарил ручные часы-будильник иеродиакону, секретарю архиеп[ископа] Василия. Он отказывался, но взял. Вечером я получил их обратно в конверте, надписанном с ошибками на мое имя. Ремень был продернут иначе, чем это делаю я. Очевидно иеродиакон также

интересовала проба, но часы были металлические. Вернул он их по скромности, из-за дешевизны (их стоимость 45 руб.) или по указанию архиеп[ископа] Василия, не знаю. Братские комплименты расточал арх[имандрит] Хрисанф³⁰. Суетился, стараясь быть приветливым и радостным от нашего приезда архимандрит Феодосий³¹, без умолку говоря о своих заслугах в ходатайстве визы для Патриарха Алексия в 1959 г., вспоминая времена многотысячных паломников и без стеснения русские рубли. Кстати, архимандрит Феодосий неграмотен и может только подписать свое имя.

На этом фоне архимандр[ит] Иаков несколько отличается. 12-летним мальчиком он приехал в Иерусалим, так же как и его двоюродный старший брат епископ Пеллы Клавдий, Патриарший наместник в Вифлееме. Кстати сказать, не в пример многим, деятельный строитель, но усталый болезненного вида архиерей. Говорят, что архим[андрит] Иаков служил в английской армии и потом ушел в клир. По его словам, был членом Синода, но ему предпочли архим[андрита] Феодосия. Теперь он редактирует «Неа Сион»³², «Журнал Московской Патриархии» не получает. По словам м. Валентины он был в числе противников избрания п[атриарха] Венедикта и сейчас переживает опалу. Чувство раздражения окружающим у него проскальзывает весьма заметно. Однако он много служит, прекрасно владея голосом и зная арабский язык. Его квартира на верхнем этаже в патриархии из нескольких комнат обставлена просто, со средним достатком.

Своими друзьями он называет митр[ополита] Назаретского Исидора³³, не скрывая его противопоставления п[атриарху] Венедикту, и е[пископа] Клавдия. Положением в Синоде он недоволен, считая слишком сильным влияние королевского правительства.

Наши отношения устанавливались постепенно. При первой встрече он произвел впечатление антипатичное и был как будто недоволен возложенным на него послушанием. Но затем в поездках оно сменилось откровенной приязнью, а при визите в Вифанию³⁴ к архимандр[иту] Феодосию, сидя в уголке, он без стеснения вполголоса зло трунил над ним, называя его политиканом и «Распутиным».

Мне кажется, что отношения с архимандр[итом] Иаковым в нашей группе сложились достаточно хорошими и благожелательными, но в пределах отведенной ему официальной программы.

Из общих наблюдений и оценки отношений к нам населения, групп греческих паломников и членов клира можно сделать общий вывод в том направлении, что мера сердечности обратно пропорциональна степени официальных отношений. Но в эти последние иерархическое положение паломников вносит свои поправки. Так, например, нам, русским паломникам, всюду было отведено почетное место. Резкую разницу составило с нами положение монахинь из Миссии, которым Патриархия не оказала никакого внимания. Мне думается, что в будущем это следовало бы учесть и включать их каким-то образом в состав паломников. И наша группа была бы многочисленнее, и положение их более признанным, хотя бы даже в глазах раскольников в старом городе.

Думается, был бы полезным более полным инструктаж паломников, и в частности мирян, об особенностях богослужения, частного приобщения Святых Тайн, пожертвований у святых мест и других чисто паломнических [обрыв, утрачен 1 лист].

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 938. Карт. 38. Ед. 24. Л. 1–6. Машинопись. Подлинник. The Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB), fond 938, series 24, item 24, pp. 1–6. Typescript. Original.

Примечания / Notes

¹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н. А. Кривовой и др. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 33–330. Letters of the Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR. 1945–70. Moscow, ROSSPEN publ., 2009, pp. 33–330.

² Беглов, А. Л., Белякова, Н. А. Церковная дипломатия в условиях «холодной войны»: направления международной деятельности Русской

Православной Церкви в период разрядки международной напряженности 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – № 11 (109). BEGLOV, A. L., BELYAKOVA, N. A. Church Diplomacy in the Conditions of the Cold War: Directions of International Activity of the Russian Orthodox Church during the Period of Defusing International Tensions of the 1970s. IN: Digital scientific and educational magazine “History,” 2021, vol. 12, no. 11 (109).

³ Архив Московской духовной академии. Личное дело «Митрополит Питирим (Нечаев), профессор». Л. 4–28; The Archive of the Moscow Spiritual Academy. Personal file “Metropolitan Pitirim (Nechaev), professor,” pp. 4–28.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 938. Карт. 38. Ед. 27. The Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB), fond 938, series 38, item 27.

⁵ Там же. Ф. 938. Карт. 13. Ед. 23–25; Карт. 14. Ед. 15, 17, 18; Карт. 15. Ед. 12; Карт. 16. Ед. 3 и др. Ibid., fond 938, series 13, items 23–25; series 14, items 15, 17, 18; series 15, item 128; series 16, item 3, etc.

⁶ Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь и экуменическое движение: исторические аспекты проблемы // Церковно-исторический вестник. – 1999. – № 2/3. – С. 82–86. VASILEVA, O. Yu. The Russian Orthodox Church and the Ecumenical Movement: Historical aspects of the problem. IN: *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, 1999, no. 2/3, pp. 82–86; *Письменный, И.* Православие и Всемирный совет церквей в 1948–1975 гг. // Церковь и время. – 2020. – № 3 (92). – С. 123–138; PISMENYUK, I. [Orthodoxy and the World Council of Churches in 1948–75. IN: *Tserkov' i vremya*, 2020, no. 3 (92), pp. 123–138.

⁷ Бейрут – столица и крупнейший город Ливана, один из наиболее многоконфессиональных центров Ближнего Востока.

⁸ Фаддуль Гавриил, архимандрит (биография не конструирована).

⁹ Абель Карим Алексей, архимандрит (биография не конструирована).

¹⁰ Иаков Иосифович Ильич (1931–1981), протоиерей, в 1973–1977 гг. настоятель Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге, сотрудничал с Отделом внешних церковных сношений.

¹¹ Илья (Карам, 1903–1969), митрополит Гор Ливанских, епископ Антиохийской православной церкви, активный участник межхристианских контактов и экуменического движения. В 1930-е гг. был представителем Антиохийского патриархата при патриархе Сербском, начал контактировать с представителями РПЦЗ и РПЦ. В послевоенный период активный сторонник Московского Патриархата, участник многочисленных визитов в СССР с 1947 г.

¹² Анатолий (Апостолидис, 1893–1976), епископ Православной церкви в Америке, митрополит Монреальский и Канадский в 1961–1962 гг.

¹³ Феодосий (Дикун, 1926–2001), епископ, впоследствии митрополит Полтавский и Кременчугский. Выпускник Московской духовной академии (1955). Родился и служил на Волыни, в Одессе. С 1966 г. архимандрит и ректор Одесской духовной семинарии, с 1967 г. епископ Переславль-Хмельницкий.

¹⁴ Имеется в виду Иерусалимская патриархия.

¹⁵ Венедикт (Пападопулос, 1892–1980), патриарх Иерусалимский (1957–1980). В 1940-е – 1950-е гг. активный деятель Братства Святого Гроба Господня, избранный в 1951 г. на Тивериадскую кафедру, а в 1957 г. – на патриарший престол. Поддерживал коммуникации как с США и Великобританией (преимущественно), так и с СССР.

¹⁶ Очередность в богослужении является выражением церковного статуса иерарха-священнослужителя.

¹⁷ Кино́т (священный) – исполнительный соборный орган управления Святой Горы Афон, в который входят представители (антипросопы) двадцати монастырей Афона, избираемые каждый год своими монастырями. Располагается в Карее, действует постоянно, заседает три раза в неделю.

¹⁸ Симанская Любовь Львовна (урожд. Плесцова + 2002) – супруга племянника патриарха Алексия (Симанского), вторым браком замужем за Н. П. Симанским – начальником строительства канала в Аммане. Более 20 лет вела переписку с патриархом Алексием вплоть до его смерти. Во время визита патриарха в Великобританию в 1964 г. семья встречалась с патриархом.

¹⁹ Монастырь Марии Магдалины в Гефсимании – один из ключевых монашеских центров русского православия в Иерусалиме. К 1967 г. находился в юрисдикции Русской Православной Церкви зарубежом. С этим связано внимание к самой возможности посещения иерархом Московского Патриархата и анализ обстоятельств визита.

²⁰ Иероним (Зиновьев, 1934–1982), иеромонах, окончил Московскую духовную академию. В 1964 г. принял постриг, поступил в братию Троице-Сергиевой лавры. В 1965 г. направлен в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, с 1967 г. – заместитель начальника, с 1970 по 1972 г. – начальник РДМ, архимандрит, затем наместник Троице-Сергиевой лавры.

²¹ Владимир (Игнаста, 1926–2010), митрофорный протоиерей, настоятель Бернского Троицкого храма (РПЦЗ), священник с 1948 г. Много лет служил в Александро-Невском кафедральном соборе в Таллине, ученик отца патриарха Алексия II протоиерея Михаила Ридигера. 18 июля 1967 г. был назначен секретарем представительства Русской Православной Церкви при Всемирном совете церквей. В том же году приехал в Швейцарию с делегацией из СССР и вскоре перешел в юрисдикцию РПЦЗ. Служил в различных приходах в Швейцарии.

²² Валентина (возможно, имеется в виду будущая игумения Валентина – Валентина Николаевна Цветкова, 1889–1983), матушка, с 1967 г. насельница Монастыря Марии Магдалины в Гефсимании (монастырь

и община находились в юрисдикции РПЦЗ), при этом часть насельниц с симпатией относились к Московской Патриархии. С 1968 по 1983 г. игумения, настоятельница Гефсиманской женской обители и Вифанской общины Воскресения Христова в Иерусалиме.

²³ Доминиканский библейский институт в Иерусалиме – планируемое к открытию на 1967 г. учебное заведение и исследовательский центр. Известен Доминиканский институт востоковедения (основан в 1953 г. в Каире, возглавлял Джордж Анавати). Экуменический институт Тантура открылся лишь в 1972 г. как международный экуменический институт передовых богословских исследований в Иерусалиме, планам 1967 г. помешала последовавшая шестидневная война.

²⁴ Морис Бенуа, также Пьер-Морис и Морис-Мари Бенуа (1906–1987), более известный как отец Пьер Бенуа, был французским католическим священником, толкователем и теологом, который стал экспертом по археологии Иерусалима, впоследствии руководитель публикации Кумранских рукописей.

²⁵ Стафф – англицизм в письменной речи российского иерарха (англ. staff – сотрудник), в понимании «штат организации».

²⁶ Иаков, архимандрит (биография не конструирована).

²⁷ Софроний Критский. Вероятно, имела место ошибка интерпретации, поскольку архиепископом Критским был Евгений (Псалидакис) (1967–1978).

²⁸ Германос (?), архиепископ, митрополит Мантыйский и Кинурийский, в 1962 г. являлся местоблюстителем Элладского престола.

²⁹ Василий (Пападопулос, 1884–1969), архиепископ, епископ Константинопольской православной церкви, митрополит Флоринский (1932–1967), с 1967 г. на покое.

³⁰ Хрисанф, архимандрит, не установлено.

³¹ Феодосий, архимандрит, не установлено.

³² Неа Сион – печатное издание (с 1931 г.), издается в Афинах в ежедневном формате.

³³ Исидор, митрополит Назаретский и вся Галилеи. По ряду свидетельств знал русский язык и коммуницировал с представителями РПЦ.

³⁴ Вифания, ныне Аль-Азария, город в Израиле, восточное предместье Иерусалима за отрогом Елеонской горы.

Список литературы

Беглов, А. Л., Белякова, Н. А. Церковная дипломатия в условиях «холодной войны»: направления международной деятельности Русской Православной Церкви в период разрядки международной напряженности 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – № 11 (109).

Письменюк, И. Православие и Всемирный совет церквей в 1948–1975 гг. // Церковь и время. – 2020. – № 3 (92). – С. 123–138.

References

BEGLOV, A. L, BELYAKOVA, N. A. Church Diplomacy in the Conditions of the Cold War: Directions of International Activity of the Russian Orthodox Church during the Period of Defusing International Tensions of the 1970s. IN: Digital scientific and educational magazine "History," 2021, vol. 12, no. 11 (109).

PISMENYUK, I. Orthodoxy and the World Council of Churches in 1948–75. IN: *Tserkov' i vremya*, 2020, no. 3 (92), pp.123–138.

Сведения об авторах

Каиль Максим Владимирович, кандидат исторических наук, Смоленский государственный университет, кафедра истории России, заведующий кафедрой, г. Смоленск, Российская Федерация, 8-481-270-02-16, mvkail@mail.ru

About the authors

Kail Maksim Vladimirovich, PhD in History, Smolensk State University, department of Russian history, head of the department, Smolensk, Russian Federation, +7-481-270-02-16, mvkail@mail.ru

В редакцию статья поступила 03.03.2022 г., опубликована (для цитирования):

Каиль, М. В. Церковная дипломатия в СССР 1960-х гг. в частном рапорте епископа Питирима (Нечаева) митрополиту Никодиму (Ротову) о паломничестве в Святую Землю // *Вестник архивиста*. – 2023. – № 2. – С. 474–490. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490

Submitted 03.03.2022, published (for citation):

KAIL, M. V. *Tserkovnaya diplomatiya v SSSR 1960-kh gg. v chastnom raporte episkopa Pitirima (Nechaeva) mitropolitu Nikodimu (Rotovu) o palomnichestve v Svyatuyu Zemlyu* [Church Diplomacy in the USSR of the 1960s in a Private Report of Bishop Pitirim (Nechaev) to Metropolitan Nikodim (Rotov) on the Pilgrimage to the Holy Land. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 474–490. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-474-490

Научная статья / Scientific article

УДК 930.23+651.5+930.253+930.255+365.22+651.758

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502

Мельников, И. А.

Новгородский государственный объединенный
музей-заповедник, г. Великий Новгород, Российская Федерация

**Тихвинская старообрядческая богадельня
во второй половине XVIII –
первой половине XIX века**

Melnikov, Ilya A.

National Museum Complex in Veliky Novgorod,
Veliky Novgorod, Russian Federation

**The Tikhvin Old Believer Almshouse
in the Second Half of the 18th –
First Half of the 19th Century**

Аннотация

В статье освещается история возникновения и функционирования старообрядческой богадельни поморского согласия, действовавшей в г. Тихвине с 1764 г. В некоторых источниках она также именуется «монастырем» и «скитом», так как в ней постоянно проживали инокини. В качестве основных источников используются делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве (РГИА), большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Среди выявленных документов – указы и прошения, связанные с учреждением обители и приобретением ею имущества в XVIII – начале XIX в. На основе источников демонстрируется важная роль Тихвинской старообрядческой богадельни в сохранении

связей местных староверов со старообрядческими духовными центрами в Олонецкой губернии, а также Санкт-Петербурге и Москве. В скиту хранились местные почитаемые реликвии – иконы, считавшиеся чудотворными, а также мощи святых, в том числе новгородских. Для поклонения им собирались староверы из разных регионов, особенно в дни весенней ярмарки в Тихвине. Активными были контакты тихвинцев с Выговской старообрядческой пустыней. Выходцы из Олонецкой губернии постоянно проживали при ските, занимались перепиской книг и обменом пожертвований. Помимо тесных коммуникаций тихвинцев со староверами других регионов, обитель также активно поддерживала консолидацию жителей уезда, приходивших в Тихвин на поклонение местным святыням, а также для исполнения покаяния и «начала» за несоблюдение старообрядческих правил, важное для беспоповских сообществ. Таким способом совершалось их возвращение в общину, в чем ключевую роль играл собор наставников, собиравшийся в скиту. Особенное внимание в статье уделяется трагическим событиям закрытия моленной и богадельни, а также ее переделки в единоверческую церковь. Оно произошло в ходе правительственных репрессий против старообрядцев в 1854 г. Тихвинская единоверческая церковь, учрежденная чиновником Министерства внутренних дел Ю. К. Арсеньевым, стала первым подобным приходом в Новгородской епархии, а история ее возникновения предвосхищала последующие аналогичные события в регионе. Немаловажную роль в успехе этого проекта МВД сыграла готовность чиновников насильственно брать под контроль священные для старообрядцев реликвии – почитаемые иконы, мощи, хранившиеся в обители, а также кладбище, на котором располагалась моленная и где покоились предки тихвинских старообрядцев.

Abstract

The article highlights the history of establishing and functioning of the Old Believer almshouse of the Pomorian congregation, operating in the city of Tikhvin since 1764. In some sources, it is called “monastery” and “skete,” as nuns lived there. The main sources used in the article are documents stored in the Russian State Archive of Ancient Acts and in the Russian State Historical Archive; most are being thus introduced into scientific use. Among the identified documents are decrees and petitions related to the monastery establishing and its property acquisition in the 18th – early 19th century. The sources demonstrate the role of the Tikhvin Old Believer almshouse in maintaining ties with Old Believer spiritual centers in the Olonets gubernia, St. Petersburg, and Moscow. The skete housed locally revered relics: miraculous icons, relics of saints (some from Novgorod).

Old Believers from other regions came to worship them, especially during the Tikhvin spring fair. There were active contacts between Tikhvin and Vygovskaya Old Believer community. The skete also promoted consolidation of the uezd inhabitants, gathering in Tikhvin to worship local shrines, to perform repentance, to make a prayer (*nachala*) for non-observance of the Old Believer rules, which was important for the priestless communities: thus, they returned to the community by the decision of the skete council of spiritual mentors. The article focuses on tragic closing of the prayer house and almshouse and its rearrangement into edinovertsy church. It happened during government repressions against the Old Believers in 1854. The Tikhvin Edinovertsy Church, founded by the Ministry of Internal Affairs official Yu. K. Arseniev, was the first in the Novgorod eparchy, antedating similar developments in the region. The success of this Ministry project sprang from readiness of the officials to forcibly take control of relics and locations sacred to the Old Believers (monastery's revered icons, including those with relics, its cemetery with its prayer house, where the ancestors of the Tikhvin Old Believers were buried).

Ключевые слова

Исторические источники, старообрядчество, монашество, единоверие, Новгородская губерния, Тихвин.

Keywords

Historical sources, Old Belief, monasticism, edinoverie, Novgorod gubernia, Tikhvin.

Старообрядческие центры, располагавшиеся на Северо-Западе, были прочно встроены в коммуникативную сеть староверческих поселений, поддерживая связи с более крупными центрами регионального значения. Город Тихвин по своей значимости занимал одно из ведущих мест в этом процессе. С первых лет раскола противостояние церковным реформам здесь было особенно сильным. Игуменом Тихвинского Беседного монастыря в 1660-е гг. был известный старец Досифей, проповедовавший староверие от Олонца до Дона¹. Выходец из этого города Петр Ануфриев основал на Выгу в конце 1690-х гг. Тихвиноборский скит, особенно почитавшийся жителями старообрядческого суземка². На протяжении всего последующего столетия большая часть жителей Тихвина сочувствовала «расколу»³.

Со второй половины XVIII в. жизнь ревнителers «старой веры» в Тихвине была сосредоточена вокруг кладбищенского монастыря-богадельни. Несмотря на то, что история старообрядцев Тихвинского уезда становилась объектом изучения петербургских ученых ранее⁴, об этом старообрядческом ските, де-факто консолидировавшем значительную часть «раскольников» уезда во второй половине XVIII – первой половине XIX в., известно мало. В основу настоящего исследования легли документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Наша цель – ввести в научный оборот ранее неизвестные источники, описывающие историю возникновения и существования обители до ее закрытия в середине XIX в.

Начало Тихвинской богадельне было положено в 1764 г. По решению Новгородского губернского магистрата «раскольникам» Тихвина было выделено место «для клажи раскольнических мертвых тел» по прошению записных раскольников купцов Клементия Толманова и Андрея Лозырева⁵. Кладбище расположилось на земле тихвинского купца Василия Синецкого, между дорогой и Каменным ручьем, в одной версте от Тихвина. Практически сразу кладбище расширили, обнесли городьбою, а на нем выстроили малую моленную для отпевания покойников, которую значительно расширили и перестроили в 1793 г.⁶ Очевидно, в 1804 г. кладбищенские здания были существенно перестроены тихвинским купцом Андреем Бельским и Санкт-Петербургским купцом Гладковым, принадлежавшими к брачному поморскому согласию. В дальнейшем это дало повод чиновнику Министерства внутренних дел Ю. К. Арсеньеву считать их основателями богадельни⁷.

Андрея Бельского действительно можно назвать одним из столпов тихвинского старообрядчества конца XVIII – начала XIX в. За время, которое он де-факто управлял обителью, богадельня пополнялась ценными пожертвованиями. В 1823 г. купцом было составлено завещание, по которому все постройки кладбища, с книгами и иконами, он препоручал «в полное распоряжение старообрядческого нашего сословия

гражданам», с правом избрать после его смерти, в качестве управляющего, «способного человека, кого таковым найдет по воле своей»⁸. Тогда же были составлены описи икон и книг обители.

Преемником Бельского стал тихвинский мещанин Федор Поздняков. От его имени в 1839 г. было составлено прошение о дозволении перекрыть крышу над моленной. Благодаря изысканиям Министерства внутренних дел, произведенным после этого прошения, мы можем судить о постройках обители в данный период. Кроме моленной, близ кладбища стояло также 7 деревянных домиков, именовавшихся кельями. В них постоянно проживало 17 человек, в основном женщины, большинство из которых были выходцами из Тихвина и Тихвинского уезда. Кроме них, среди насельников были крестьяне и мещане из Санкт-Петербурга и Новолодожского уезда Петербургской губернии, а также Повенецкого уезда Олонечской губернии и Весьегонского уезда Тверской губернии⁹.

Несмотря на то, что прошение Позднякова так и не получило ответа от МВД в установленном порядке, в 1843 г. тихвинцы добились устного разрешения перекрыть крышу над своей моленной от квартального надзирателя и городничего. Моленная была покрыта листовым железом, что в те времена считалось признаком роскоши¹⁰. Однако спустя десять лет подобное своеволие в свете действовавшего законодательства и политики «искоренения раскола» Д. Г. Бибикова имело трагические последствия для обители и ее насельников.

В 1853 г. Тихвинской старообрядческой богадельней вплотную занялось Министерство внутренних дел, часть моленной была опечатана. Великим постом 1854 г. в Тихвин был командирован чиновник по особым поручениям при министерстве, статский советник Ю. К. Арсеньев. Время начала дознания было выбрано неслучайно: с первого воскресенья до среды третьей недели Великого поста в Тихвине проходила ярмарка, на которую во множестве собирались староверы и новообрядцы из разных мест, желавшие посетить Тихвинскую богадельню либо принять там поморское крещение, причем таинства и богослужения совершались в уже запечатанной на тот момент моленной¹¹. По словам чиновника, обитель

пользовалась особым почитанием, в том числе петербургскими и московскими купцами, так как в ней хранились чудотворные образа. Вероятно, имелись в виду иконы Воздвижения креста с мощами Стефана Сурожского, Иоанна Златоуста, архидиакона Стефана и Никиты епископа Новгородского¹², а также Божией матери Иерусалимской¹³.

В 1850-е гг. в скиту проживали наставники и 11 женщин-инокинь, которые ходили по городу и уезду за сбором денег. Наиболее почитались наставники Иван Шемякин, Яков Евстифеев, Влас Андреев и Иван Жирухин. Последний занимался торговлей старинными книгами и иконами, а также сам промыслял иконописью. Среди инокинь наиболее активной была Васса Иванова, происходившая из села Данилово Повенецкого уезда Олонецкой губернии и жившая до этого, вероятно, в Лексинской поморской обители. Она продавала в Тихвине рукописи, создававшиеся лексинскими девицами, у нее же в келье останавливались приезжавшие олончане¹⁴.

Связи Тихвина с Выгом, о которых мы упоминали в самом начале, неоднократно находили отражение в более поздних источниках. Например, в 1830-х гг. здесь жил еще один выходец из скитов Повенецкого уезда, некто Сергей, переписывавший книги¹⁵. Упомянутая ранее старица Даниловского монастыря Васса некоторое время обитала у тихвинского купца Григория Климова вместе с другой девицей из той же обители, Ненилой Родионовой, и занималась обменом пожертвований с Выговской пустыней¹⁶.

Помимо тесных связей с олонцкими, петербургскими и московскими центрами поморского согласия, Тихвинский монастырь-богадельня играл исключительную роль в распространении «раскола» в уезде. Будучи открыт с официального дозволения, скит способствовал своеобразной «легализации» деятельности отдельных наставников, прежде всего, в деревнях Озерского погоста. Одним из них был крестьянин Яков Евстифеев. В 1800-е гг. он, вместе с родственниками, был членом радикальной группы странников Якова Яковлева, состоявшей из трех десятков человек и скитавшейся в пределах Старой Руссы и Тихвина. Группа не признавала власти царя, уплату податей и участия в государственных ревизиях¹⁷.

После поимки странников в Колотиловом лесу в 1808 г., Евстифеев принес ложное покаяние, был освобожден от наказания и отправлен для исправления в Деревяницкий монастырь. Через год оттуда его вызволил тихвинский купец Яков Анисимов, после чего Евстифеев перешел на жительство в Тихвинский скит, где в течение 20 лет «ставил свечи, курил фимиам и читал часы». После этого он перебрался в деревню Горки Озерской волости, где стал исполнять функции наставника¹⁸. Вся его деятельность в окрестных деревнях напрямую инспирировалась наставниками Тихвинской богадельни, куда он часто ездил. Кроме того, Евстифеев занимался сбором денег на организацию кладбища близ деревни Сары, а также, как гласил текст книги сборов пожертвований, «на содержание молитвенного дому, на свечи и на фимиан, и на пропитание бедных сирот», очевидно, самой Тихвинской богадельни¹⁹.

Помимо обеспечения требоисполнений и паломнических практик, важной функцией Тихвинского монастыря-богадельни был прием «замирщившихся» членов общин города и уезда. Представление о том, что, по достижении определенного возраста, старовер должен «сходить в веру», то есть начать строго исполнять все христианские обязанности и требования ритуальной чистоты, дожило среди тихвинских старообрядцев-федосеевцев до относительно недавнего времени²⁰. Зачастую это было связано с переходом в преклонный возраст, о чем свидетельствуют показания крестьян поморского согласия (вероятно, руководствовавшихся схожими представлениями), которые каялись в своей «мирской» жизни перед общиной после того, как чувствовали, что «молодость прошла»²¹. Каким способом процедура приема «заблудших овец» некогда реализовывалась в Тихвинской богадельне, передают слова одного из крестьян Озерского погоста, посетившего ее в 1848 г.: «отправились в город Тихвин прежде Яков Евстифеев, а за ним и я, и пройдя в моленную, испросил прощения на соборе, заключающемся из крестьян, пришедших с разных мест тихвинского уезда, и всему этому собору и Якову Евстифееву кланялся в ноги, просил прощения за то, что я находился в православии, и они меня простили и приняли меня в свой

сбор»²². Аналогичные случаи были зафиксированы показаниями других крестьян, живших в означенной волости.

Очевидно, что такая деятельность Тихвинской богадельни способствовала серьезной консолидации староверов всего уезда. По этой причине Ю. К. Арсеньев весной 1854 г. направил все свои силы на то, чтобы закрыть обитель либо превратить ее в единоверческую церковь. Согласно историку М. О. Мордвинову, «за три месяца <...> он арестами и полицейскими волокитами успел обратить всех наиболее упорных раскольников»²³. Решительность действий чиновника подтверждается документами: старики-наставники Иван Шемякин и Иван Фалеев согласились принять единоверие только после заключения в острог²⁴. Обыски в домах наиболее видных «раскольников» Тихвина и ужас перед приехавшим статским советником способствовали тому, что за ними постепенно последовали и все остальные староверы города.

Не меньший эффект произвело полное опечатание моленной. Староверы настолько благоговели перед древними чудотворными образами, хранившимися в ней, что приходили молиться на них через окна запечатанной часовни, поэтому власти распорядились их забить²⁵. В конечном счете именно благодаря тому, что Арсеньев взял под контроль священное место – моленную с иконами и кладбище – большинство городских «раскольников» согласились принять единоверие. Сопротивление оказали лишь сапожник Осип Маслов и часть инокинь, происходивших из Тихвина, и по этой причине не высланных в другие уезды, как остальные старицы²⁶. Более решительно против единоверия выступили жители Озерецкой волости, наставники которой объявили Арсеньеву при увещании, что ни за что не соединятся с «Церковью Антихриста и с сынами Дявола»²⁷.

Тем не менее Арсеньев довел задуманное до конца: бывшая моленная Тихвинского старообрядческого скита была переделана в единоверческую церковь в честь Тихвинской иконы Богоматери и освящена в июне 1854 г. Сам Арсеньев на страницах Новгородских епархиальных ведомостей всячески превозносил свое детище, построенное в соответствии с «наидревнейшими образцами»²⁸.

Однако на деле между представителями Министерства внутренних дел и Греко-российской церкви возникли разногласия. Духовенство, и особенно архимандрит Тихвинского монастыря Петр, поначалу всячески способствовали переделке скитской моленной в церковь. Но со временем представителям епархиального начальства не понравилось, что инициативу в «обращении раскольников» взял на себя полицейский чиновник, отстранив их от процесса. Духовенство настаивало, чтобы в освящении церкви участвовал не только присланный из Петербурга единоверческий священник Афанасий Базарянинов, но и обычный, «православный». По мнению Арсеньева, это могло лишь отпугнуть «раскольников»²⁹. Более того, когда архимандрит Петр явился на освящение церкви, несмотря на просьбы чиновника не делать этого, то был холодно встречен молящимися. Арсеньеву пришлось объяснять новоиспеченным единоверцам, что батюшка явился для встречи с новгородским губернатором, тоже присутствовавшим на столь значимом событии. Все это, согласно рапортам чиновника, справедливо считавшего единоверческую церковь своим детищем, являлось противодействием церковных властей, лишавшихся в лице «раскольников» статьи дохода. Поэтому, по словам Арсеньева, духовенство «смотрит на Единоверческую церковь хуже чем на жидовскую синагогу»³⁰.

Переделанная в церковь, Тихвинская старообрядческая моленная просуществовала вплоть до XX в. Однако после разгрома поморской богадельни Тихвин перестал играть прежнюю роль духовного центра «старой веры», и ее поддержание стало в основном достоянием жителей уезда, которые, например, в последующие десятилетия неоднократно ходатайствовали об открытии или распечатании старообрядческих кладбищ в своих деревнях³¹. Таким образом, на раннем этапе существования Тихвинская старообрядческая богадельня консолидировала значительную часть последователей, прежде всего, поморского согласия. Кроме того, она имела тесные контакты с Выговской пустыней, а также старообрядцами Москвы и Санкт-Петербурга, приходившими на поклонение местным святыням и проживавшими в обители.

Примечания / Notes

¹ *Зеньковский, С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. – М.: Церковь, 1995. – С. 275, 320. ZEN'KOVSKII, S. A. Russian Old Believers: Spiritual movements of the 17th century. Moscow, 1995, pp. 275, 320.

² *Юхименко, Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. I. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 229–234. YUKHIMENKO, E. M. The Old Believers community of Vyg: Spiritual life and literature. Vol. I. Moscow, 2002, pp. 229–234.

³ *Фишман, О. М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. – М.: Индрик, 2003. – С. 51. FISHMAN, O. M. Life in Faith: The Tikhvin Karelians Old Believers. Moscow, 2003, p. 51.

⁴ *Королькова, Л. В.* Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского и Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятое Шёгреновские чтения. – СПб.: Европейский дом, 2012. – С. 202–203. KOROL'KOVA, L. V. Old Believers of the Novaya Ladoga, Tikhvin, and Lodeinoe uezds in the first half of the 19th century. IN: *Istoriko-kul'turnyi landshaft Severo-Zapada-2. Pyatye Shegrenovskie chteniya*. St. Petersburg, 2012, pp. 202–203; *Фишман, О. М.* Указ. соч. – С. 32–33, 44–51. FISHMAN, O. M., 2003, pp. 32–33, 44–51.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 209. Д. 28. Л. 41–42 об. The Russian State Historical Archive (RGIA), fond 1284, series 209, file 28, pp. 41–42 verso.

⁶ Там же. Оп. 198. Д. 88-1839. Л. 9–10. Ibid., series 198, file 88-1839, pp. 9–10.

⁷ Там же. Оп. 209. Д. 28. Л. 7. Ibid., series 209, file 28, p. 7.

⁸ Там же. Л. 191. Ibid., p. 191.

⁹ Там же. Оп. 198. Д. 88-1839. Л. 4–12. Ibid., series 198, file 88-1839, pp. 4–12.

¹⁰ Там же. Оп. 208. Д. 124. Л. 3–10. Ibid., series 208, file 124, pp. 3–10.

¹¹ Там же. Оп. 209. Д. 28. Л. 4–4 об. Ibid., series 209, file 28, pp. 4–4 verso.

¹² Там же. Оп. 208. Д. 124. Л. 18. Ibid., series 208, file 124, p. 18.

¹³ Там же. Оп. 209. Д. 28. Л. 204. Ibid., series 209, file 28, p. 204.

¹⁴ Там же. Л. 7–15. Ibid., p. 7–15.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1843. Л. 14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), fond 1431, series 1, file 1843, p. 14.

¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 28. Л. 235–236. RGIA, fond 1284, series 209, file 28, pp. 235–236.

¹⁷ Там же. Оп. 195-1809. Д. 7. Л. 1–24 об. Ibid., series 195-1809, file 7, pp. 1–24 verso.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. Л. 120–121. RGADA, fond 1431, series 1, file 1842, pp. 120–121.

¹⁹ Там же. Д. 1843. Л. 7–8. Ibid., file 1843, pp. 7–8.

- ²⁰ *Фишман, О. М.* Указ. соч. – С. 235–252. FISHMAN, O. M., 2003, pp. 235–252.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1842. Л. 123–123 об. RGADA, fond 1431, series 1, file 1842, pp. 123–123 verso.
- ²² Там же. Л. 62–62 об. Ibid., pp. 62–62 verso.
- ²³ *Королькова, Л. В.* Указ. соч. – С. 192. KOROL'KOVA, L. V., 2012, p. 192.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 6, 12, 75. RGIA, fond 1284, series 209, file 19, pp. 6, 12, 75.
- ²⁵ Там же. Л. 16–18. Ibid., pp. 16–18.
- ²⁶ Там же. Л. 69. Ibid., p. 69.
- ²⁷ Там же. Л. 216–216 об. Ibid., pp. 216–216 verso.
- ²⁸ *Королькова, Л. В.* Указ. соч. – С. 203. KOROL'KOVA, L. V., 2012, p. 203.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 19. Л. 140–141 об. RGIA, fond 1284, series 209, file 19, pp. 140–141 verso.
- ³⁰ Там же. Л. 211–211 об. Ibid., pp. 211–211 verso.
- ³¹ Там же. Оп. 218. Д. 32–1867; Оп. 222. Д. 111–1891. Ibid., series 218, file 32–1867; series 222, files 111–1891.

Список литературы

Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. – М.: Церковь, 1995. – 527 с.

Королькова, Л. В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского и Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятые Шегреневские чтения. – СПб.: Европейский дом, 2012. – С. 191–215.

Фишман, О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. – М.: Индик, 2003. – 408 с.

Юхименко, Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. I. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 544 с.

References

ZEN'KOVSKII, S. A. Russian Old Believers: Spiritual movements of the 17th century. Moscow, 1995, 527 p.

KOROL'KOVA, L. V. Old Believers of the Novaya Ladoga, Tikhvin, and Lodeinoe uezds in the first half of the 19th century. IN: *Istoriko-kul'turnyi landshaft Severo-Zapada-2. Pyatye Shegrenovskie chteniya*. St. Petersburg, 2012, pp. 191–215.

FISHMAN, O. M. Life in faith: The Tikhvin Karelians Old Believers. Moscow, 2003, 408 p.

YUHIMENKO, E. M. The Old Believers community of Vyg: Spiritual life and literature. Vol. I. Moscow, 2002, 544 p.

Сведения об авторах

Мельников Илья Андреевич, кандидат культурологии, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, отдел развития, научный сотрудник, г. Великий Новгород, Российская Федерация, 8-951-726-39-32, potep_88@mail.ru
ORCID iD: <https://0000-0003-4962-0705>

About the authors

Melnikov Ilya Andreevich, PhD in History of Culture, National Museum Complex in Veliky Novgorod, department of development, researcher, Veliky Novgorod, Novgorod Region, +7-951-726-39-32, potep_88@mail.ru
ORCID iD: <https://0000-0003-4962-0705>

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-312-60001) в рамках конкурса научных проектов «Перспектива».

Grant information

This article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (science project no. 19-312-60001) within the frameworks of the scientific projects contest “Perspective.”

В редакцию статья поступила 01.04.2022 г., опубликована (для цитирования):

Мельников, И. А. Тихвинская старообрядческая богадельня во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 491–502. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502

Submitted 01.04.2022, published (for citation):

MELNIKOV, I. A. *Tikhvinskaya staroobryadcheskaya bogadel'nya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The Tikhvin Old Believer Almshouse in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 491–502. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-491-502

Научная статья / Scientific article

УДК 394.945+930.85+343.254+930.23+651.5+314.9+930.255 +930.253
+003.074+314.8+355.01+338.23+331.1+394.94+394.942+352.93+352.07
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515

Дюкарев, А. В.

г. Краснодар, Российская Федерация

Олефир, Е. А.

г. Славянск-на-Кубани, Российская Федерация

**Локальные особенности коммуникации
советской власти и казачьего населения
Кубани в 1920–1922 гг.: хроника станицы
Старонижестеблиевской**

Dyukarev, Andrey V.

Krasnodar, Russian Federation

Olefir, Evgeny A.

Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation

**Local Features of Communication Between
the Soviet Government and the Cossack Population
of the Kuban (1920–22): The Chronicle
of Staronizhesteblievskaya Stanitsa**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению локальных особенностей коммуникации советской власти и казачьего населения Кубани в период 1920–1922 гг. на примере хроники жизни станицы Старонижестеблиевской. С применением традиционных для исторического исследования методов системного анализа, ретроспективного и сравнительного подходов авторы поставили задачу выявить механизмы укрепления советской власти и организации ее взаимодействия с населением в кубанских станицах. Казачье население отличалось консервативным мировоззрением, в основной своей массе участвовало в Гражданской войне на стороне белого движения. Выявление особенностей

взаимоотношений органов советской власти с казачьим населением Кубани в начальный период ее становления (1920–1922 гг.) является актуальным для отечественной исторической науки, так как позволяет вскрыть и подчеркнуть репрессивный вектор выстраивания системы коммуникации победившей политической силы с отдельными этносоциальными группами и казачьим обществом в целом, как возможный, но не безусловный вариант исторического процесса. Новизна исследования заключается в рассмотрении экономических, социальных и политических процессов, протекающих внутри низового уровня сельского социума на Юге России – в станичном казачьем обществе. Опираясь на методологические положения микроисторического подхода, согласно которому объектами научного анализа являются исторические события и явления на локальном уровне, авторы проанализировали социально-значимые явления в среде сельского общества станицы Старонижестеблиевской, что позволило раскрыть особенности интеграции казачьего населения в советское общество. В статье вводятся в научный оборот документы станичного ревкома и вышестоящих советских органов власти, иллюстрирующие наличие социального противостояния внутри сельского станичного общества. Показан поиск и реализация советской властью механизмов борьбы с «зеленым» повстанческим движением и саботажем продрозверстки через превентивный арест, конфискацию имущества, взятие заложников с последующим расстрелом. Реконструируя хронику жизни станицы Старонижестеблиевской в 1920–1922 гг., авторы статьи приходят к выводу, что советская власть, выстраивая систему коммуникации с казачьим населением Кубани в начале 1920-х гг., взяла курс на конфронтацию с зажиточным и середняцким населением казачьих станиц, конструируя и апробируя репрессивную модель взаимодействия с теми, кто был не согласен с политическими и экономическими мероприятиями преобразования жизни. Исследование выполнено на основе материалов из Государственного архива Краснодарского края. Итоги исследования могут быть использованы для комплексной характеристики деятельности органов советской власти в период своего становления и укрепления в 1920–1922 гг. и адаптации казачьего населения Кубани и Юга России к новой модели государственного и социального устройства.

Abstract

The article is devoted to consideration of local features of communication between the Soviet government and the Cossack population of the Kuban in 1920–22 on the example of the chronicle of life of Staronizhesteblievskaya stanitsa. Using traditional methods of system analysis, retrospective

and comparative approaches to historical research, the authors have set a task of identifying mechanisms for strengthening Soviet power and organizing its interaction with the population in the Kuban villages. The Cossack population was distinguished by its conservative worldview and for most part participated in the Civil War on the side of the White movement. Identification of features of the relationship between the Soviet authorities and the Cossack population of the Kuban in the early Soviet period (1920–22) is relevant for national historical science, as it shows that repressive vector in the system of communication of victorious political forces with individual ethno-social groups and society as a whole was possible, but not mandatory. The novelty of the research lies in consideration of economic, social, and political processes occurring at the grassroots level of the South of Russia rural society, in a Cossack village. Relying on methodological provisions of microhistoric approach, according to which the objects of scientific analysis are historical events and phenomena at the local level, the authors have analyzed socially significant phenomena in the rural society of Staronizhestebliyevskaya stanitsa, revealing features of the Cossack population integration into the Soviet society. The article introduces into scientific use documents of the village revkom and higher Soviet authorities, which highlight social confrontation within the rural society. They show how the Soviet government searched for and implemented mechanisms of combating the “green” insurgency and sabotage of the prodrazverstka, using preventive arrest, confiscation of property, taking and executing hostages. Having reconstructed the chronicle of life of Staronizhestebliyevskaya stanitsa in 1920–22, the authors conclude that the Soviet government set a course for confrontation with the wealthy and middle-class Cossacks in its system of communication with the Cossack population of the Kuban in the early 1920s, designing and testing a repressive model of interaction with those disagreeing with political and economic transformations. The study has been carried out on the basis of materials from the State Archive of the Krasnodar Krai. Its results can be used for comprehensive characterization of the Soviet authorities’ activities in the era of their formation and strengthening (1920–22) and of the Kuban Cossacks adaptation to the new model of state and society.

Ключевые слова

Казачье население Кубани, установление советской власти, продразверстка, «зеленые отряды», повстанческое движение на Кубани, репрессии, хроника станицы Старонижестеблиевской.

Keywords

Cossack population of the Kuban, establishment of Soviet power, prodravzverstka, "green detachments," insurgency in the Kuban, repression, chronicle of Staronizhesteblievskaya stanitsa.

Весной 1920 г. основная часть белой Добровольческой армии, бросая имущество и не оказывая организованного сопротивления, покинула территорию Кубани, эвакуировавшись в Крым. Остатки потрепанных в боях и разрозненных белых частей скрывались в горно-лесистой местности, а одиночки тайно пробирались в родные станицы. И те, и другие спустя время станут основой для нового военно-политического движения – бело-зеленого или повстанческого.

Опираясь на микроисторический подход, рассмотрим особенности установления и утверждения советской власти на Кубани, обратившись к повседневной жизни населения казачьих станиц, через события, происходившие в судьбе конкретных людей.

Станица Старонизестеблиевская Таманского полуострова, одна из кубанских станиц в Кубано-Черноморской области, в хронике своей жизни 1920-х гг. раскрывает сложный процесс адаптации казачьего населения к новой политической модели советского государства и болезненные проблемные узлы в установлении коммуникации власти и народа.

17 марта 1920 г. части 9-й армии под командованием И. П. Уборевича начали штурм столицы Кубани. Белая армия оставила Екатеринодар, не сумев организовать оборону. Уже 21 марта 1920 г. в ст. Старонизестеблиевской была установлена советская власть. Опираясь на акт ревкома, можно составить картину первоначального периода и условий установления советской власти. 21 марта 1920 г. общим собранием был избран в количестве трех человек общий отдел ревкома, 23 марта – продовольственный отдел, 24 марта – земельный отдел, отдел социального обеспечения и отдел народного образования¹.

Изгнание Белой армии с территории Кубани не принесло облегчения кубанским станицам. В условиях экономической неопределенности, предстоящего весеннего сева и отсутствия

большинства дееспособных мужчин, станицы и хутора несли основную тяжесть обеспечения ресурсами как военных частей Красной армии, так и органов советской власти. «За время своего функционирования продотдел ревкома станицы Старонижестеблиевской отпустил разным проходящим частям войск по нарядам: ячменя 21 282 пуд., пшеницы 10 516 пуд., муки 1 357 пуд., рогатого скота 468 голов, свиней 235 голов, овса 208 пуд., соломы 3 340 пуд., сена 15 514 пуд ... Имеющегося в наличии хлеба и другого продовольствия по произведенному комиссией расчету должно не хватать на прокормление населения и скота до нового урожая»².

Тем не менее, несмотря на трудности, усилиями ревкома и самих жителей станица двигалась в сторону новой жизни. «В ст. Старонижестеблиевской празднование 1 мая прошло с большим торжеством при участии местного ревкома, комендантской роты и оркестра музыки. Вечером был поставлен спектакль в бывшем начальном училище, были бесплатные входы для публики... был устроен субботник»³.

Победившая в Гражданской войне советская власть предпринимает шаги для закрепления своего положения, реализуя политические и экономические мероприятия. Первоначально население, уставшее от тягот и лишений гражданской междоусобицы, благожелательно встретило установление советской власти и ожидало положительных изменений в хозяйственной и экономической жизни. Однако реализация продовольственной политики приводит к появлению недовольства, пассивного, а затем и активного сопротивления мероприятиям продразверстки. Как отметил А. А. Зайцев, «в первые месяцы, вслед за окончанием активных военных действий, советская власть пользовалась исключительными симпатиями среди казачьего и не казачьего населения Дона, Кубани, Черноморья и Ставропольской губернии. В дальнейшем ситуация резко изменилась. Большевики отбросили ранее провозглашенные лозунги и взяли курс на установление своей диктатуры. Они демонстративно отвергли установку на организацию широкого взаимодействия с казачьим активом и стали относиться к местному населению как к побежденному противнику»⁴. Наглядной иллюстрацией и подтверждением изменений

настроения населения и общей обстановки в кубанских станицах являются регулярные сводки о положении, которые заполнялись низовыми ревкомками по разработанному формуляру и отправлялись в вышестоящие органы советской власти.

Сводка о положении в станице Старонижестеблиевской от 15 мая 1920 г.: «Настроение населения бодрое, отношение к советской власти сочувственное... Взаимоотношения казаков с иногородними налаживаются. Близки к хорошим... 8 мая был общий митинг граждан станицы, выступали ораторы по разным вопросам... Все нуждающиеся наделены землей. Хозяйство находится в полном упадке... Дезертирства – нет»⁵. Пройдет немного времени, и тональность, как и характер информации в сводках, изменится. 25 июля 1920 г. ревком станицы Старонижестеблиевской отправляет в Таманский ревком сводку следующего содержания: «Настроение населения и отношение его к советской власти – враждебное... Взаимоотношения казаков с иногородними – враждебные... Дезертирство распространено в большом количестве в степях и камышах...»⁶.

В хронике постреволюционного и послевоенного бытия кубанской станицы Старонижестеблиевской заслуживает внимания попытка советского актива сократить путь в светлое будущее коммунизма. Было предложено переименовать станицу, дав ей новое, обязывающее название: «...Единогласно постановили назвать станицу Ленинской и донести высшей власти на утверждение»⁷. Вышестоящее руководство не одобрило инициативу, поэтому станица сохранила свое прежнее название – Старонижестеблиевская.

В конце 1920-го г. закончился период военного противостояния в условиях Гражданской войны на Кубани, наступало время новой, социалистической реальности. Время, когда сами строители этой новой реальности слабо представляли себе саму конструкцию «светлого будущего», но четко уяснили, как они это будут делать – беспощадно! Беспощадность – вот принцип, вынесенный из жарких дебатов революции и кровавых боев Гражданской войны, который будет применяться к несогласным по всем вопросам организации новой жизни. Не ограничиваясь мерами экономического принужде-

ния к несогласным с новыми правилами жизни, исполнительная власть станицы Старонижестеблиевской решила форсировать и ужесточить подход к одной категории станичников. 21 января 1921 г. коммунистический актив станицы Старонижестеблиевской составляет список жителей, заподозренных в саботаже продразверстки и препятствующих мероприятиям советской власти. «... составили настоящий протокол в следующем на нижепоименованных контров, кои проявили себя в 1918 г., а именно были палачами семей ушедших в Красную армию. До высадки десанта таковые вели агитацию за Врангеля и за невыполнение продразверстки... Также нижепоименованные граждане вели много агитации против совет. власти среди темных масс. Больше показать ничего не можем»⁸. В списке предназначенных для ареста значилось 25 человек. Заручившись поддержкой беднейших слоев, исполком организует арест неугодных станичников и передает их в руки Кубано-Черноморского революционного трибунала, который и должен был решить их судьбу⁹.

Отметим, что советская власть только укрепляет свои позиции на местах, еще не разработан и не опробован весь арсенал разделения населения на категории неблагонадежных с последующим экономическим, административным и уголовным преследованием, с навешиванием ярлыков и выведением человека за скобки общественной жизни, да и жизни вообще. Поэтому арестованные, как и их родственники, вызывают к справедливости и беспристрастности рассмотрения их несправедливого ареста.

«... Мой муж Никифор Кириллович Савицкий был арестован местной властью 22 января и отправлен в ст. Славянскую. Так как муж мой никогда никакой политикой не занимался, никогда не был замечен в контрреволюции и всегда выполнял все советские приказы... Муж мой выполнил все полагающиеся с него продразверстки как хлебом, так и скотиной, сеном, все было дано в таком размере, как то было приказано. Ввиду этого покорнейше прошу Вас разобрать дело моего мужа и отпустить его домой... Гражданка Анна Савицкая»¹⁰.

«03.03.1921 г. В Бюро юстиции Славянского отдела... Сим имею честь довести до Вашего сведения, что мы арестованы

в средних числах января с. г. представителями местной власти неизвестно нам за что. Водворены в Славянскую тюрьму, и уже 3-ю неделю сидим без предъявления нам обвинений и без всяких постановлений законной власти. До каких пор мы будем сидеть, неизвестно, т. к. нас никто не опрашивал и никакой вины мы за собой не знаем... На основании вышеизложенного просим Вас обратить внимание на незаконный арест и принять меры к нашему освобождению...»¹¹.

И вот непреклонная машина революционного трибунала заработала, и для арестованных граждан станицы Старонижестеблиевской это было благом, а не, как часто это было, трагедией. «Выписка из протокола Распорядительного заседания коллегии Кубанско-Черноморского областного Революционного Трибунала от 9 февраля 1921 года... всех обвиняемых из-под стражи освободить под круговую поруку и подписку о невыезде из станицы Старонижестеблиевской, дело расследовать на месте»¹².

Первый акт выстраивания диспозиции в сложных отношениях между казачьим населением кубанских станиц и советской властью завершился. Да, маховик репрессивной машины со скрежетом провернулся, но выпустил из своих цепких шестеренок уже схваченных жертв. Власть преподала первый урок, осадила ретивых и показала, что будет с несогласными.

Наряду с обеспечением выполнения prodrazверстки другой насущной потребностью советской власти в период ее становления была мобилизация в ряды Красной армии. Кубанские казаки неохотно откликнулись на мобилизационные мероприятия осенью 1920 г. Объясняется это усталостью от предыдущих военных лет Первой мировой войны, революционных событий и Гражданской войны, нежеланием оставлять семью и хозяйство, наличием недоверия и настороженности к советской власти. Это приводит к уклонению от прибытия на мобилизационные пункты и уходу в бело-зеленые формирования.

Как отмечают документы Славянского военного комиссариата, в период с августа по ноябрь 1920 г. уклонились от мобилизации 210 граждан станицы Старонижестеблиевской, из них 42 человека – «ушедшие в бело-зеленые банды»¹³.

Обращаясь в своем исследовании к событиям столетней давности, мы тем не менее должны соблюдать объективный подход при анализе исторических фактов и правомерности использования терминов: «...очевидно, что употребление терминов «бандитизм», «политический бандитизм» правомерно лишь при цитировании первоисточников с целью сохранения языка оригинала (разведсводок, оперативных документов, приказов, партийных и советских директив). В принципиальном плане более точно характеризовать бело-зеленое движение как одну из разновидностей вооруженной борьбы в тылу советской власти. Борьба принимала различные формы – от диверсий и саботажа до мятежей, восстаний и даже боевых действий силами объединенных повстанческих формирований и остатков Белой армии»¹⁴.

Насильственное насаждение советской властью новых форм политической и экономической организации общества приводит к нарастанию противостояния, в которое вовлекаются как зажиточные слои казачьего населения, так и средняя прослойка кубанских станиц. Советская власть брала на учет не только несогласных с ней, но и членов их семей, а также их имущество, тем самым стремясь сформировать инструменты воздействия на набирающее силу протестное движение¹⁵. К концу 1921 г. советская власть взяла на учет находящихся в «зеленых» формированиях и пыталась воздействовать на них через преследование семей, конфискацию имущества.

Из материалов по учету бело-зеленых и о порядке конфискации имущества их семей видно, что ушли к «зеленым» казаки разных возрастных категорий от 19 до 60 лет, воинское звание в основном относится к нижним чинам, а по классификации социального положения это середняки¹⁶. По совокупности всех признаков их трудно отнести к «эксплуататорским классам», и тем не менее они оказались в рядах противников советской власти. Какие причины могли этому послужить? В качестве объяснения Ю. А. Яхутль приводит следующие аргументы: «... крестьянские (казачьи) выступления на Кубани и Черноморье были предрешиены предшествующим периодом развития региона. Сословные привилегии казачества, особые условия землепользования, неконтролируемый приток иногороднего

населения, новые налоговые повинности – все это объективно подталкивало к вооруженному сопротивлению советской власти»¹⁷. Советская власть не собиралась мириться с нарастанием повстанческого движения, действиями «зеленых» отрядов, дестабилизирующих обстановку на местах. Упор был сделан на репрессии против мирного населения и родственников ушедших в леса противников нового строя.

Действенным методом борьбы с повстанческим «зеленым» движением стал институт заложничества с дальнейшей перспективой расстрела арестованных. Весной 1921 г. в Кубано-Черноморской области объявляется военное положение. Чрезвычайными полномочиями наделяются «тройки» органов РКП(б), созданные на краевом, областном и местном уровнях, которые обладали всей полнотой власти на региональном уровне и стали реализаторами репрессивной политики на Кубани. «Социальный диалог власти и казачества Кубани завершился молчаливым согласием населения на силовое преимущество Советов»¹⁸.

9 марта 1921 г. член Реввоенсовета IX Кубанской армии Эпштейн санкционировал взятие заложников в 20 населенных пунктах Кубанской области. Революционным военным советом IX Кубанской армии и Кубано-Черноморским областным исполкомом было утверждено взятие заложников в секретном приказе № 393 от 15 марта 1921 г.¹⁹

В станице Старонижестеблиевской также были произведены расстрелы. Списки составляли председатели ревкомов-исполкомов, секретари коммунистических ячеек. Расстрелы вызвали среди населения большое недовольство. В связи с этим военное совещание Славянского отдела в январе 1922 г. отправило уполномоченных для выяснения правомерности произведенных расстрелов. Авторы расстрельных списков подтвердили правильность и необходимость расстрела своих станичников. Хотя, как показывают они сами в своих показаниях, эти люди были уроженцами центральных губерний и поэтому не было у них сочувствия к посылаемым на смерть²⁰.

Таким образом, период с апреля по август 1920 г. характеризуется стремлением советской власти установить лояльные отношения с казачьим населением. Однако в августе 1920 г., после

предпринятой попытки десанта генерала Улагая, на смену ему со стороны советской власти пришло опасливое недоверие. Стремление форсировать в казачьих станицах построение новой модели общества, основанной на революционной риторике, обрывках марксистско-ленинского политэкономического учения, игнорирование менталитета казачества и реалий регионального развития привели к непониманию и нарастающей конфронтации между непосредственно советской властью и большинством казачьего населения Кубани. Сыграли в этом свою роль некомпетентность низового управленческого звена ревкомов-исполкомов станиц, а также суровая необходимость мобилизации людских ресурсов и изъятия продовольствия. Все эти факторы предопределили сложный, временами недоверчивый и враждебный характер коммуникации советской власти с казачьим населением Кубани в начале 1920-х гг. Лишь усилением репрессивного давления и силовым подавлением любой формы сопротивления советская власть смогла окончательно подчинить казачье население Кубани, которое морально устало от затянувшегося многолетнего «военного» формата существования.

Примечания / Notes

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 5. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [The State Archive of the Krasnodar Krai] (ГАКК), fond 696, series 1, file 133, p. 5.

² Там же. Л. 5. Ibid., p. 5.

³ Там же. Л. 3. Ibid., p. 3.

⁴ *Зайцев, А. А.* Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.) // *Культурная жизнь Юга России*. – 2009. – № 2 (31). – С. 61–62. ZAITSEV, A. A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Yuge Rossii v poiskakh tret'ego puti (1920–1922 gg.)* [The White-Green Movement in the South of Russia in search of the third way (1920–22)]. In Russ.]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 2 (31), pp. 61–62.

⁵ ГАКК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 7. GAKK, fond 696, series 1, file 133, p. 7.

⁶ Там же. Л. 40. Ibid., p. 40.

⁷ Там же. Л. 52. Ibid., p. 52.

⁸ ГАКК. Ф. Р-406. Оп. 1. Д. 1782. Л. 4–4 об. GAKK, fond P-406, series 1, file 1782, pp. 4–4 verso.

⁹ Там же. Л. 1. Ibid., p. 1.

- ¹⁰ Там же. Л. 17. Ibid., p. 17.
¹¹ Там же. Л. 33–33 об. Ibid., pp. 33–33 verso.
¹² Там же. Л. 36–36 об. Ibid., pp. 36–36 verso.
¹³ Там же. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 183. Л. 9–10. Ibid., fond P-756, series 1, file 183, pp. 9–10.
¹⁴ *Зайцев, А. А.* Указ. соч. – С. 61. ZAITSEV, A. A., 2009, pp. 61.
¹⁵ ГАКК. Ф. Р-696. Оп. 1. Д. 133. Л. 58. GAKK, fond P-696, series 1, file 133, pp. 58–59.
¹⁶ Там же. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 396. Л. 54–55. Ibid., fond P-756, series 1, file 396, pp. 54–55.
¹⁷ *Яхутль, Ю. А.* Бело-зеленое движение на Кубани и Черноморье в начале 20-х годов прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 3 (37). – С. 51. YAKHUTL', Yu. A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Kubani i Chernomor'e v nachale 20-kh godov proshlogo stoletiya* [The White-Green movement in the Kuban and the Black Sea region in the early 20s of the last century. In Russ.]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2010, no. 3 (37), p. 51.
¹⁸ Там же. – С. 53. Ibid., p. 53.
¹⁹ *Черкасов, А. А.* Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. – 2004. – №. 10. – С. 107. CHERKASOV, A. A. *Institut zalozhnichestva na Kubani i v Chernomor'e v 1920–1922 gg.* [The institute of hostage-taking in the Kuban and the Black Sea region in 1920–22. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2004, no. 10, p. 107.
²⁰ ГАКК. Ф. Р-696. Оп. 1. Д. 133. Л. 58–60. GAKK, fond P-696, series 1, file 133, p. 58.

Список литературы

- Зайцев, А. А.* Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.) // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2 (31). – С. 62–67.
Черкасов, А. А. Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. – 2004. – №. 10. – С. 106–113.
Яхутль, Ю. А. Бело-зеленое движение на Кубани и Черноморье в начале 20-х годов прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 3 (37). – С. 49–53.

References

- ZAITSEV, A. A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Yuge Rossii v poiskakh tret'ego puti (1920–1922 gg.)* [The White-Green Movement in the South of Russia in Search of the Third Way (1920–22). In Russ.]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 2 (31), pp. 62–67.
CHERKASOV, A. A. *Institut zalozhnichestva na Kubani i v Chernomor'e v 1920–1922 gg.* [The institute of hostage-taking in the Kuban and the Black Sea region in 1920–22. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2004, no. 10, pp. 106–113.

YAKHUTL', Yu. A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Kubani i Chernomor'e v nachale 20-kh godov proshlogo stoletiya* [The White-Green movement in the Kuban and the Black Sea region in the early 20s of the last century. In Russ.]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2010, no. 3 (37), pp. 49–53.

Сведения об авторах

Дюкарев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Краснодар, Российская Федерация, 8-960-487-67-87, mr.dk72an@yandex.ru

Олефир Евгений Анатольевич, кандидат сельскохозяйственных наук, АО «Сад-Гигант», начальник управления, г. Славянск-на-Кубани, Российская Федерация, 8-928-410-14-01, olefir2@mail.ru

About the authors

Dyukarev Andrey Viktorovich, PhD in History, independent researcher, Krasnodar, Russian Federation, +7-960-487-67-87, mr.dk72an@yandex.ru

Olefir Evgeny Anatolyevich, PhD in Agriculture, JSC “Garden Giant,” head of the department of quality, storage, and commodity processing of products, Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation, +7-928-410-14-01, olefir2@mail.ru

В редакцию статья поступила 17.01.2022 г., опубликована (для цитирования):

Дюкарев, А. В., Олефир, Е. А. Локальные особенности коммуникации советской власти и казачьего населения Кубани в 1920-1922 гг.: хроника станицы Старонизестеблиевской // *Вестник архивиста*. – 2023. – № 2. – С. 503–515. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515

Submitted 17.01.2022, published (for citation):

DYUKAREV, A. V., OLEFIR, E. A. *Lokal'nye osobennosti kommunikatsii sovetskoi vlasti i kazach'ego naseleniya Kubani v 1920–1922 gg.: khronika stanitsy Staronizhesteblievskoi* [Local Features of Communication Between the Soviet Government and the Cossack Population of the Kuban (1920–22): The Chronicle of Staronizhesteblievskaya Stanitsa. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 503–515. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-503-515

Научная статья / Scientific article

УДК 329.8+93/94+930.2+930.85+329.7+329.63+329.271+329.15+929
+329.1/.6+353.2+353.9+351/354+35.08+35.977.535.3+392.77+343.254
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526

Тимкин, Ю. Н.

Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация

**Областная организация РКП(б)
Вотской автономной области в 1921–1923 гг.:
трудности процесса становления.
По архивным материалам**

Timkin, Yuri N.

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

**Regional Organization of the RCP (B)
of the Votyak Autonomous Oblast in 1921–23:
Difficulties of Formation Process.
Based on Archival Materials**

Аннотация

Автор, опираясь на архивные документы Государственного архива общественно-политической истории Удмуртской Республики и Центрального государственного архива Кировской области, исследует образование и развитие Вотской (Удмуртской) областной организации РКП(б) в 1921–1923 гг. Целью работы является рассмотрение процесса становления Вотской областной организации РКП(б) и выявление его особенностей. Автор ставит следующие задачи: выявление особенностей процесса становления организации и анализ протекания конфликта между «глазовцами» и «ижевцами», «местными» и «назначенцами». Новизна работы состоит в том, что это первая в современной местной историографии попытка объективного анализа процесса становления областной партийной организации РКП(б). Исследование написано на архивном материале с использованием принципа историзма и метода исторического институционализма. Вотская областная организация РКП(б) образовалась в январе 1921 г.

после создания автономной области (ВАО). Специфика социального и национального развития области состояла в том, что Ижевск являлся сосредоточием пролетарского, преимущественно русского населения, а Глазов – непролетарского и удмуртского. Именно на этой основе и сложились две противоборствующие группировки. Недосток ответственных работников в партийных и советских структурах здесь имел свою специфику – не хватало подготовленных работников-удмуртов. Поступавшие из ЦК партии циркуляры требовали их привлечения с учетом региональных особенностей, а сделать это было почти некому. Положение осложнялось голодом, охватившим многие регионы страны, а также негативными для партии последствиями введения нэпа. Ввиду дефицита ответственных партработников, огромная ответственность легла на местную партийную элиту, вышедшую из среды удмуртской интеллигенции. В 1921 г. вспыхивает конфликт между «глазовцами» и «ижевцами», который фактически парализует работу парторганизации в 1922–1923 гг. ЦК партии неоднократно пытался разрешить конфликт, но всякий раз безрезультатно. Пришлось осуществить переброску партработников и таким образом разрядить ситуацию. Проведенный анализ процесса становления организации РКП(б) ВАО свидетельствует, что она формировалась как бы из двух «частей»: первая – крестьянская по социальному составу и этнически удмуртская, и вторая – рабочая, большинство которой были преимущественно русскими. Удалив от руководства партийными организациями активных и непримиримых сторонников обеих группировок, ЦК заменило их лояльными исполнителями. Новое партийное руководство во главе с Григорием Аронштамом в 1924–1926 гг. начало проводить «коренизацию» советского и партийного аппарата области, по сути, реализуя многие предложения, выдвинутые Трофимом Борисовым и его сторонниками.

Abstract

The author draws on archival materials of the State Archive of Social and Political History of the Udmurt Republic and Central State Archive of the Kirov Region to study formation and development of the Votyak (Udmurtian) regional organization of the RCP (B) in 1921–23. The article is to analyze the process of formation of the Votyak regional organization of the RCP (B) and to identify its specifics. The author reveals specific features of the process of organization formation and analyses the conflict between “Glazovites” and “Izhevskites,” “locals” and “appointees.” The novelty lies in the fact that it is the first attempt since 1991 to analyze objectively the process of formation of regional organization of the RCP (B). The article is written on archival material

using principle of historicism and historical institutionalism. The Votyak regional organization of the RCP (B) was formed in January 1921, shortly after the autonomous region emergence. The specific features of social and national development of the region sprang from the fact that Izhevsk population was proletarian (mainly Russian), while Glazov population was non-proletarian and Udmurt. It was on this basis that the two opposing groups were formed. Lack of trained party workers in Soviet structures manifested itself in lack of trained Udmurt party workers. The Central Committee circulars demanded their participation in order to be mindful of local specifics. The situation worsened due to famine in many regions of the country and negative results of the New Economic Policy. Shortage of trained party workers resulted in greater responsibility of local party elite from the Udmurt intelligentsia. In 1921, a conflict between “Glazovites” and “Izhevskites” broke out, paralyzing the work of the party organization in 1922–23. The Central Committee repeatedly and vainly tried to resolve the conflict. The situation was defused by transfer of the party workers. Analysis of formation of the regional organization of the RCP (B) has shown that from the very beginning it faced great difficulties, as it consisted of two parts: one part was peasant in its social composition and ethnically Udmurtian, second part was workers and predominantly Russian. Having removed most active and irreconcilable supporters of both groups from leadership, the Central Committee replaced them by loyal party workers. The new party leadership, headed by Grigory Aronshtam, started the policy of *korenizatsiya* or rooting regional Soviet and party apparatus in 1924–26, in fact, implementing many of the proposals put forward by Trofim Borisov and his supporters.

Ключевые слова

Исторические источники, Вотская областная организация РКП(б), областной комитет, укумы, партийный кадровый «голод», конфликты, «глазовцы», «ижевцы».

Keywords

Historical sources, Votyak regional organization of the RCP (B), regional committee, ukoms, party personnel shortage, conflicts, “Glazovtsy,” “Izhevtsy.”

Вотская автономная область образовалась 4 ноября 1920 г. на основе ряда уездов и волостей Вятской губернии, преимущественно населенных удмуртами (вотяками). ВАО состояла из 5 уездов: Глазовский, Ижевский, Дебесский,

Можгинский и Селтинский. Первый председатель областного исполкома Советов Иосиф Наговицын, анализируя положение области, отмечал, что свыше 90% населения составляют крестьяне и только 9% – горожане. Удмурты «занимались преимущественно сельским хозяйством», а среди горожан их насчитывалось 3,2%¹. Специфика социального и национального развития области состояла в том, что Ижевск являлся сосредоточием пролетарского, преимущественно русского населения, а Глазов – непролетарского и удмуртского. На основе архивных материалов анализируется процесс становления в 1921–1923 гг. организации РКП(б) Вотской автономной области, особенности партийного строительства в регионе, имевший место внутривнутрипартийный конфликт между «глазовцами» и «ижевцами», «местными» и «назначенцами». Надо отметить, что процесс образования ВАО изучен достаточно подробно², в то время как становление партийной организации РКП(б) до сих пор не получило должного освещения. По истории парторганизации ВАО опубликованы «Очерки», вышедшие в 1968 г.³, и работа Ф. Н. Хариной⁴. Также можно назвать статьи о социально-экономическом развитии⁵, материалы о политических репрессиях⁶, работы биографического характера⁷.

На I областной партийной конференции, состоявшейся в конце февраля – начале марта 1921 г., в состав обкома вошли В. А. Матвеев, Т. К. Борисов, И. А. Наговицын, В. А. Собесский, А. В. Бажутин, Н. Ф. Шутов и кандидаты – А. Окулов и П. А. Стрелков. Ответственным секретарем и членом обкома в феврале – июле 1921 г. стал С. П. Барышников. Одной из главных проблем становления парторганизации ВАО явилась борьба двух территориальных группировок, назовем их «глазовцами» и «ижевцами». Надо отметить, что в Вятской губернии в 1917–1918 гг. существовали самостоятельные партийные территориальные группировки в Глазове, Вятке, Ижевске⁸. После создания ВАО Глазов стал ассоциироваться с удмуртской революционной интеллигенцией, а Ижевск – с русским рабочим центром.

Разногласия между группировками начались с первых шагов существования автономии. По словам Иосифа

Наговицына, «многим из партийных товарищей образование автономных областей ... кажется не ясным...»⁹. Разногласия усилились в связи с кадровым «голодом», охватившим вновь созданную автономию. Так, из доклада обкома следует, что в 1921 г. в оргинструкторском отделе обкома «инструкторов нет. В работе отдела определенного плана не было. Работа шла эпизодически. Дело страдает из-за отсутствия работников...»¹⁰. Что касается деятельности местных организаций, то «только работа Ижевского и Глазовского укомов удовлетворительна, в других же уездах работы еще нет...»¹¹. Надо подчеркнуть, что в течение рассматриваемого времени дефицит партийных кадров так и не был преодолен. Это стало одной из причин переноса центра области из Глазова в Ижевск летом 1921 г. По словам Наговицына, в Глазове отсутствовали «как ответственные работники для руководства областными учреждениями и отделами, так и технические работники». В таких условиях областные учреждения «числились только на бумаге, а остальные – еле-еле подавали признаки жизни»¹². Еще в худшем состоянии учреждения прибыли в Ижевск, так как в Глазове пришлось оставить «часть имевшихся руководителей и почти всех технических работников».

Организация II областной партийной конференции (август 1921 г.) проходила под полным контролем ижевского укома партии. На конференции «глазовцы» подверглись жесткой критике. По словам «ижевца» П. П. Крутова, обком организовал 5 уездов, а «нет сил для двух»¹³. В ответ «глазовец» Степан Барышников отметил, что обком занимался больше советской, а не партийной работой, и это «не ошибка, а неизбежность»¹⁴. В заключительном слове Наговицын подчеркнул, что, «находясь в Глазове, этом мещанском городе с горсткой революционных товарищей, мы не могли руководить работой на местах»¹⁵. После конференции «пришлось слить отделы ижевского укома с областными отделами», что и позволило создать работоспособные отделы обкома¹⁶. Новый состав обкома состоял из преимущественно «ижевцев»: И. А. Наговицын, М. Д. Пастухов, М. С. Агапитов, П. П. Крутов. Из «глазовцев» можно назвать только Т. К. Борисова. В июле 1921 –

августе 1923 г. ответственным секретарем обкома состоял «ижевец» Василий Фомин.

На III областной партконференции (декабрь 1921 г.) были подведены итоги партийной работы после перевода центра области в Ижевск, а также результаты чистки партийных рядов. В прениях многие критиковали доклад ответственного секретаря, указавшего только на «хорошие стороны работы». Многие рассматривали переброски как «наказание и не подчинялись им ... Некоторые члены Глазовской организации смотрят на ижевцев как на зверей. Эту атмосферу создал обком»¹⁷. На конференции с докладом по национальному вопросу выступил Трофим Борисов, убежденный в том, что «экономический, политический и культурный уровень ВАО можно поднять только на основе знания вотского языка, быта, нравов, психологии и приобщения вотских трудящихся масс к интернационалу»¹⁸. Он предложил комплектовать аппарат агитпропа в обкоме и укомах из числа вотяков или лиц, знающих вотский язык. Большинство членов укомов, уисполкомов и волисполкомов должны быть вотяками, переброски вотяков необходимо «строго координировать, учитывая согласие членов обкома-вотяков». Борисов предложил обкому подготовить кадры инструкторов-вотяков и провести двухнедельник по привлечению в партию вотяков. И, наконец, уездные и волостные конференции и съезды, заседания «проводить на вотском языке, доклады переводить на вотский язык»¹⁹. В целом это были разумные предложения, которые в перспективе позволили бы вовлечь широкие слои коренного населения в партийную, общественно-политическую и культурную жизнь ВАО, что способствовало бы укреплению советской власти.

Меры, предложенные Борисовым, взорвали конференцию. Послышались обвинения Борисова в «мелкобуржуазном национализме», «мещанстве». Иосиф Наговицын назвал его «плохим коммунистом». По словам М. Д. Пастухова, это – «полнейшее сумасшествие. ЦК партии нахлопает такому товарищу, если этого не сделаем мы сами»²⁰. Обком сформулировал свои тезисы. В них «решительно отвергались националистические идеи» Борисова и предлагалась

«дружная работа на основе подчинения национальных интересов общепролетарским для укрепления и усиления рядов РКП(б)»²¹. За резолюцию, предложенную обкомом, проголосовало 66 делегатов, против – 3, воздержалось – 8²². Позднее Борисов так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Большинство членов обкома не понимали стоящие перед ними задачи», а интересы вотского народа «совершенно игнорировались»²³.

Принятая на конференции резолюция «вызвала крайнее недовольство части вотских партийных работников...»²⁴. «Глазовцы» стали настаивать на переносе областного центра в Глазов. Разногласия по национальным отношениям были осложнены социальными трудностями. Так, по архивным материалам летом 1922 г. члены РКП(б) «в большинстве служат в государственных органах, работают на заводах». Они «обеспечены сносно». А те коммунисты, которые имели свое хозяйство, а это преимущественно вотяки, «чрезвычайно бедствуют»²⁵.

В начале 1922 г. ЦК партии для преодоления конфликта направил инструктора Н. А. Кобяка. Он продвигал идею создания большой по территории Удмуртской области, в которой должны быть созданы автономные уезды²⁶. Данное предложение вызвало недовольство «ижевцев», и его пришлось оставить.

В июне 1922 г. состоялась IV областная партийная конференция, на которой конфликт между «глазовцами» и «ижевцами» вспыхнул с новой силой. Прибывший на конференцию ответственный инструктор ЦК РКП(б) М. С. Сергушев не смог преодолеть конфликт. На конференции было достигнуто равновесие сил: в состав обкома вошло 8 удмуртов и 7 русских.

В 1923 г. Ижевск посетил ответственный инструктор ЦК партии Шорохов, составивший подробный отчет о состоянии парторганизации ВАО. В отчете отмечались и недостатки ЦК партии в руководстве областной организацией. В частности, несвоевременно высылались распоряжения и указания, отсутствовали отзывы о работе обкома, «не вполне чувствовалась живая связь ЦК с обкомом, инструкторы ЦК редко посещают обком...»²⁷.

В марте 1923 г. на V областной партконференции Трофим Борисов был обвинен в разжигании склоки в Можге и исключен из партии. Летом 1923 г. ЦК партии командировал А. Е. Сулимова для преодоления разногласий между группировками. Усилия Алексея Сулимова также не увенчались успехом. 28 октября 1923 г. на секретном заседании пленума обкома партии констатировалось: «Нет единства среди ответственных партработников, не изжита вражда между русскими и вотяками»²⁸.

Делегаты VI областной партийной конференции (декабрь 1923 г.) констатировали наличие группировок среди ответственных партийных работников. Конфликт удалось до некоторой степени сгладить, проведя переброску некоторых партработников. В частности, были отозваны активные «ижевцы» В. К. Фомин, В. А. Матвеев и Г. Н. Гроздев. В феврале 1924 г. обком возглавил назначенец ЦК партии Григорий Аронштам. Таким образом, удалив от руководства партийными организациями активных и непримиримых сторонников обеих группировок, ЦК заменил их лояльными центру исполнителями. Новое партийное руководство в 1924–1926 гг. активно проводило «коренизацию» советского и партийного аппарата, по сути, реализуя многие предложения, выдвинутые Трофимом Борисовым и его сторонниками.

Примечания / Notes

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. – М., 1992. – С. 213. Secrets of national policy of the Central Committee of the RCP. Verbatim record of the secret IV meeting of the Central Committee of the Russian Communist Party, 1923. Moscow, 1992, p. 213.

² *Войтович, В. Ю.* Государственность Удмуртии. История и современность. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 368 с. VOITOVICH, V. Yu. Statehood of Udmurtia. History and modernity. Izhevsk, Udmurtiya publ., 2003, 368 p.; *Войтович, В. Ю.* Развитие национальной государственности удмуртского народа. Дис. ... докт. юр. наук. – М., 2004. – 507 с. VOITOVICH, V. Yu. Development of the national statehood of the Udmurt people: Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2004, p. 507; История Удмуртии: XX век. – Ижевск, 2005. – 544 с. History of Udmurtia: The 20th century. Izhevsk, 2005, 544 p.

³ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. – Ижевск: Удмуртия, 1968. – 488 с. Essays on the history of the Udmurt organization of the CPSU. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1968, 488 p.

⁴ Харина, Ф. Н. Негативные явления в партийно-номенклатурной среде 1920-х годов: региональный аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 4 (30). – С. 210–213. KHARINA, F. N. Negative phenomena in the party-nomenklatura environment of the 1920s: Regional aspect. IN: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 4 (30), pp. 210–213.

⁵ Бехтерева, Л. Н., Васильева, О. И. Удмуртское крестьянство накануне сплошной коллективизации // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – № 3. – С. 87–97. BEKHTEREVA, L. N., VASIL'YEVA, O. I. Udmurt peasantry on the eve of complete collectivization. IN: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2011, no. 3, pp. 87–97.

⁶ Куликов, К. И. Дело «СОФИН». – Ижевск, 1997. – 368 с. KULIKOV, K. I. The SOFIN case. Izhevsk, 1997, 368 p.

⁷ Павлов, Н. П. Иосиф Наговицын. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 175 с. PAVLOV, N. P. Joseph Nagovitsyn. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1988, 175 p.; Павлов, Н. П. Трофим Борисов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 304 с. PAVLOV, N. P. Trofim Borisov. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1994, 304 p.

⁸ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; Ф. 45. Оп. 1. Д. 106. Л. 58. The Central State Archive of the Kirov Region (TsGAKO), fond 1, series 1, file 1, p. 8; fond 45, series 1, file 106, p. 58.

⁹ Государственный архив общественно-политической истории Удмуртской республики (ГА ОПИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 2. The State Archive of the Socio-Political History of the Udmurt Republic (GA OPI UR), fond 16, series 1, file 7, p. 2.

¹⁰ Там же. Л. 28. Ibid., p. 28.

¹¹ Там же. Л. 30. Ibid., p. 30.

¹² Там же. Д. 43. Л. 1. Ibid., file 43, p. 1.

¹³ Там же. Д. 9. Л. 10 об. Ibid., file 9, p. 10 verso.

¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 11. Ibid., file 9, p. 11.

¹⁵ Там же. Л. 20 об. Ibid., p. 20 verso.

¹⁶ Там же. Д. 43. Л. 1 об. Ibid., file 43, p. 1 verso.

¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 9 об. Ibid., file 12, p. 9 verso.

¹⁸ Там же. Л. 24. Ibid., p. 24.

¹⁹ Там же. Л. 24, 24 об. Ibid., pp. 24, 24 verso.

²⁰ Там же. Д. 12. Л. 25. Ibid., file 12, p. 25.

²¹ Там же. Л. 26. Ibid., p. 26.

²² Там же. Л. 25 об. Ibid., p. 25 verso.

²³ Там же. Д. 42. Л. 1. Ibid., file 42, p. 1.

²⁴ Там же. Д. 23. Л. 107. Ibid., file 23, p. 107.

²⁵ Там же. Д. 36. Л. 39 об. Ibid., file 36, p. 39 verso.

²⁶ Известия областного комитета РКП(б) Вотской автономной области. – 1922. – С. 15. *Izvestiya oblastnogo komiteta RKP (b) Votskoi avtonomnoi oblasti* [Izvestia of the Regional Committee of the RCP (B) of the Votyak Autonomous Region. In Russ.]. 1922, p. 15.

²⁷ ГА ОПИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 167. Л. 3 об. GAOPI UR, fond 16, series 1, file 167, p. 3 verso.

²⁸ Там же. Д. 291. Л. 29. Ibid., file 291, p. 29.

Список литературы

Бехтерева, Л. Н., Васильева, О. И. Удмуртское крестьянство накануне сплошной коллективизации // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – № 3. – С. 87–97.

Войтович, В. Ю. Государственность Удмуртии. История и современность. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 368 с.

Войтович, В. Ю. Развитие национальной государственности удмуртского народа. Дис. ... докт. юр. наук. – М., 2004. – 507 с.

История Удмуртии: XX век. – Ижевск, 2005. – 544 с.

Куликов, К. И. Дело «СОФИН». – Ижевск, 1997. – 368 с.

Очерки истории Удмуртской организации КПСС. – Ижевск: Удмуртия, 1968. – 488 с.

Павлов, Н. П. Иосиф Наговицын. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 175 с.

Павлов, Н. П. Трофим Борисов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 304 с.

Харина, Ф. Н. Негативные явления в партийно-номенклатурной среде 1920-х годов: региональный аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 4 (30). – С. 210–213.

References

BEKHTEROVA, L. N., VASIL'YEVA, O. I. Udmurt peasantry on the eve of complete collectivization. IN: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2011, no. 3, pp. 87–97.

History of Udmurtia: The 20th century. Izhevsk, 2005, 544 p.

KHARINA, F. N. Negative phenomena in the party-nomenclatura environment of the 1920s: Regional aspect. IN: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 4 (30), pp. 210–213.

KULIKOV, K. I. The SOFIN case. Izhevsk, 1997, 368 p.

Essays on the history of the Udmurt organization of the CPSU. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1968, 488 p.

PAVLOV, N. P. Joseph Nagovitsyn. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1988, 175 p.

PAVLOV, N. P. Trofim Borisov. Izhevsk, Udmurtiya publ., 1994, 304 p.

VOITOVICH, V. Yu. *Gosudarstvennost' Udmurtii. Istoriya i sovremennost'* [Statehood of Udmurtia. History and Modern Life. In Russ.]. Izhevsk, Udmurtiya publ., 2003, 368 p.

VOITOVICH, V. Yu. Development of the national statehood of the Udmurt people: Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2004, 507 p.

Сведения об авторах

Тимкин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет, Юридический институт, кафедра теории и истории государства и права, доцент кафедры, г. Киров, Российская Федерация, 8-833-274-27-86, 8-953-946-89-15, timkin43@mail.ru

About the authors

Timkin Yuri Nikolaevich, PhD in History, Vyatka State University, Law Institute, department of theory and history of state and law, assistant professor, Kirov city, Russian Federation, +7-953-946-89-15, timkin43@mail.ru

В редакцию статья поступила 12.12.2022 г., опубликована (для цитирования):

Тимкин, Ю. Н. Областная организация РКП(б) Вотской автономной области в 1921–1923 гг.: трудности процесса становления. По архивным материалам // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 516–526. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526

Submitted 12.12.2022, published (for citation):

TIMKIN, Yu. N. *Oblastnaya organizatsiya RKP(b) Votskoi avtonomnoi oblasti v 1921–1923 gg.: trudnosti protsessa stanovleniya. Po arkhivnym materialam* [Regional Organization of the RCP (B) of the Votyak Autonomous Oblast in 1921–23: Difficulties of Formation Process. Based on Archival Materials. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 516–526. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-516-526

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+930.2+378.6+378.1+351/354+355/359+355/359.07
+355/359.08+358.11+358.2+358.4+359.3+377.5+377.6+378.095
+378.096+37.07

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539

Ситдиков, А. М.

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация

Организация советской высшей вневоинской подготовки во второй половине 1930-х гг.

Sitdikov, A. M.

People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

Organization of Soviet Higher Pre-Commission Military Training in the Second Half of the 1930s

Аннотация

Статья посвящена организационным изменениям, касавшимся процесса высшей вневоинской подготовки в гражданских учебных заведениях СССР во второй половине 1930-х гг. Данный институт являлся важнейшим инструментом для подготовки кадров запаса РККА в случае возможного военного столкновения СССР с внешним агрессором. Будучи созданным в 1930 г., он начал свое функционирование в условиях проведения политики форсированной индустриализации, когда первейшее значение имели производственные силы страны. В связи с этим перед советским руководством стояла задача создания системы, в рамках которой можно было бы готовить будущих командиров без отрыва обучения от их основной профессии. Сложившаяся геополитическая ситуация и обострение взаимоотношений Российской Федерации с западными странами придает все большую актуальность изучению истории подготовки военных кадров в СССР в 1930-е гг. Новизной настоящего исследования является то, что в нем впервые представлено описание процесса трансформации института высшей вневоинской подготовки в гражданских учебных заведениях СССР во второй половине 1930-х гг. В основе исследования – делопроизводственные

документы Народного комиссариата обороны СССР, военных округов, хранящиеся в фонде № 62 Российского государственного военного архива (РГВА). Автор выясняет причины, которые повлияли на структурные изменения в процессе подготовки кадров запаса в этот период, а также выявляет решения, принятые высшим военным руководством в данном вопросе, выясняет влияние репрессий 1937–1938 гг. в РККА на институт высшей вневойсковой подготовки. Отмечается, что в новых условиях изменился подход к отбору студентов, проходивших высшую вневойсковую подготовку, а также больше внимания стало уделяться политической благонадежности кадров и обучающихся. Кроме того, высшим военным руководством было принято решение сократить период высшей вневойсковой подготовки с трех до двух лет, увеличив при этом количество учебных часов. Изменился и перечень учебных заведений, где существовал институт высшей вневойсковой подготовки. Однако к 1938 г. геополитическая обстановка значительно изменилась, а положение СССР в международной политике ухудшилось. В связи с этим перед военным руководством стояли задачи форсированной подготовки кадров для регулярной армии, следовательно, институт высшей вневойсковой подготовки больше не являлся актуальным. В августе 1938 г. система была ликвидирована, произошел переход к ускоренной допризывной подготовке.

Abstract

The article assesses organizational changes in the process of higher pre-conscription military training in civilian educational institutions of the USSR in the second half of the 1930s. This system was the most important element of training Red Army reserve personnel for the upcoming Great Patriotic War. It was created in 1930 during forced industrialization when specialists were in urgent demand in the national economy. Thus, the Soviet leadership faced the task of creating a system permitting to train future commanders without discontinuing their profession educational. The current geopolitical situation increases relevance of studying history of military personnel training in the USSR in the 1930s. The novelty of this study is that it describes for the first time the process of transformation of the institute of higher pre-conscription military training in civilian educational institutions of the USSR in the second half of the 1930s. The research is based on office documents of the People's Commissariat of Defense and those of military districts, stored in the fond 62 of the Russian State Military Archive. The author has established reasons that influenced structural changes in the process of training reserve personnel and identified decisions of the top military leadership on the matter. The

article also reveals the impact of the Red Army's repressions of 1937–38 on the system of higher pre-conscription military training. It is noted that in the new conditions, the approach to students selection changed, more attention was paid to political reliability of personnel and students. In addition, the top military leadership decided to reduce the period of higher pre-conscription military training from three to two years, while increasing training hours. The list of educational institutions with higher pre-conscription military training also changed. However, by 1938 the geopolitical situation had changed significantly, and the position of the USSR in international politics had deteriorated greatly. The military leadership faced the problem of forced training of personnel for the regular army, and therefore the institute of higher pre-conscription training was no longer relevant. In August 1938, the system was eliminated; there was a transition to accelerated pre-army training.

Ключевые слова

Исторические источники, подготовка кадров запаса РККА, военная подготовка, институт высшей вневоинской подготовки, допризывная подготовка, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия.

Keywords

Historical sources, reserve cadre training of the the Workers' and Peasants' Red Army, military training, institute of pre-conscription military training, pre-army training, Great Patriotic War of 1941–45, Red Army.

В настоящее время обращение к историческому опыту подготовки командиров запаса в предвоенное десятилетие 1930-х гг. приобретает особую актуальность. Российские и зарубежные исследователи, изучающие эту тему, рассматривают ее в качестве многофакторного и сложного процесса реакции государства на обострение международных противоречий и вызовы индустриализации, которые стояли перед СССР в тот период¹. При этом в работах историков не затрагивается вопрос о том, как менялся процесс высшей вневоинской подготовки на всем протяжении существования этого института в 1930–1938 гг.

Высшая вневоинская подготовка (ВВП) как институт начала формироваться с середины 1920-х гг. Окончательный ее формат был утвержден в 1930 г. и законодательно закреплён

в Законе СССР «Об обязательной военной службе» от 13 августа 1930 г.² Система высшей вневойсковой подготовки была создана в качестве института, который бы позволил решать задачу подготовки квалифицированных военных кадров без их отрыва от обучения и производства в условиях процесса форсированной индустриализации. Студенты в течение трех лет должны были освоить до 430 учебных часов теории и провести от трех до четырех месяцев на летних лагерных сборах. В организации процесса высшей военной подготовки участвовали руководители учебного заведения, территориально близких военных частей, а также и наркоматы, в состав которых входило учебное заведение. Уже в первой половине 1930-х гг. система высшей вневойсковой подготовки столкнулась с рядом организационных и материальных проблем³. Поэтому вопрос реформирования данного института фактически являлся вопросом времени.

В начале 1936 г. у заместителя начальника Генштаба РККА В. Н. Левичева было проведено совещание, содержание которого позволяет понять, как военное руководство оценивало институт военной подготовки учащихся, а также определить, какие меры предполагалось принять для улучшения его качества. Текст протокола показывает, что главной претензией к действовавшему варианту системы подготовки являлись ее сроки и недостаточная материальная база. Отмечалось, что высшая вневойсковая подготовка в существовавшем виде не обеспечивала удовлетворительного качества состава запаса вследствие краткости сроков обучения и необеспеченности соответствующей материально-учебной базой⁴.

В результате обсуждения было принято решение установить срок высшей вневойсковой подготовки в десять месяцев в течение двух лет вместо семи месяцев за три года учебы⁵. С 1936–1937 учебного года высшая военная подготовка должна была начинаться в вузах с четырехлетним сроком обучения со второго курса, а в вузах с пятилетним сроком – с третьего курса⁶. Подготовку командиров запаса было решено оставить только в тех вузах, где контингент охваченных ВВП студентов достигал 200 чел., в остальных же вузах было предписано проводить допризывную подготовку⁷.

С 1936 г. в 28-ми гражданских вузах СССР вводилась высшая вневойсковая подготовка с авиационным уклоном⁸. К этому году в гражданских учебных заведениях проводилась военная подготовка с 18-ю уклонами. Подробный перечень направлений и количество вузов, проводивших подготовку, приведен в таблице 1.

Таблица 1

Перечень вузов СССР, проводивших высшую вневойсковую подготовку по различным направлениям

Уклон	Число	Уклон	Число
Пехотный	18	Оружейно-технический	3
Артиллерийский	25	Пиротехнический	1
Мотомеханический	16	Бронетанковый	7
Химический	15	Топографический	1
Инженерный	8	Военно-хозяйственный	1
Связь	14	Политический	15
Авиационный	11	Метеорологический	1
Служба военных сообщений	2	Военно-морской	5
		Смешанный	28
Итого			173

Таблица составлена по: РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 313. Л. 76.

Как показывают данные, больше всего было вузов, проводивших подготовку по артиллерийскому, пехотному, мотомеханическому, химическому, политическому направлению, а также готовивших связистов. В общей сложности насчитывалось 103 вуза из 173 вузов.

В том же году было проведено сокращение количества учебных заведений, проводивших высшую вневойсковую подготовку. Этому права лишилась 71 организация. В результате в списке осталось 115 высших учебных заведений⁹.

Одной из распространенных причин прекращения проведения высшей вневойсковой подготовки в учебных заведениях

являлась неспособность администрации организовать учебный процесс и расписание занятий так, чтобы студенты сохраняли успеваемость как по гражданским, так и военным дисциплинам.

Например, в апреле 1937 г. заместитель начальника управления подготовки кадров Наркомата связи СССР М. К. Моисеев обратился в 9-й отдел управления по начальствующему составу РККА с жалобой о том, что совмещение военной подготовки и учебного процесса в подведомственных учреждениях неэффективно. В частности, он сообщает следующее: «Практика показала, что при четырехгодичном сроке обучения, когда на первом курсе приходится проводить военную подготовку в размере 140 часов, а на втором и третьем курсах высшей вневоинсковой подготовки – 600 часов, добавить к ним лагерные сборы и стажировки в частях, военная подготовка становится крайне обременительной для учебного процесса»¹⁰.

Также М. К. Моисеев отмечает, что специальные дисциплины учащиеся в техникумах начинали проходить со второго полугодия второго курса, то есть высшая вневоинсковая подготовка начиналась еще тогда, когда студенты не успевали приобрести необходимой теоретической подготовки по профильным специальностям¹¹.

Все приведенные условия усугублялись еще и тем, что в середине 1930-х гг. техникумы в основном комплектовались молодежью в возрасте 15–16 лет, что по возрасту и по общему развитию не вполне обеспечивало подготовку полноценных кадров запаса¹².

Непростая ситуация складывалась и в заведениях, подведомственных Наркомату тяжелой промышленности СССР. Как отмечалось в записке на имя начальника управления учебных заведения РККА, во втузах с геологоразведочной специальностью студенты обязаны были отбывать лагерный сбор на 3-м и 4-м курсах – в то время как на этот период приходилась летняя производственная практика¹³.

Для решения данной проблемы администрация предлагала ввести высшую вневоинсковую подготовку с 1-го курса. Но осуществление этого решения было сопряжено с огромными трудностями и путаницей в организации учебного про-

цесса¹⁴. Поэтому руководство главного управления учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности само просило прекратить высшую военную подготовку на геологоразведочных факультетах и отделениях втузов, подведомственных наркомату¹⁵.

Всего в 1937 г. высшая военная подготовка была прекращена в 20-ти учебных заведениях по всей стране¹⁶. При этом в Наркомате обороны СССР и его подразделениях к сокращению количества учебных заведений с высшей вневойсковой подготовкой относились без особого одобрения. Это хорошо прослеживается в записке начальника артиллерийского управления РККА командарма Г. И. Кулика на имя начальника управления по начальствующему составу РККА. Г. И. Кулик отмечает, что у него имелись сведения о предполагаемой отмене высшей вневойсковой подготовки в пяти гражданских техникумах с артиллерийским уклоном¹⁷. В качестве основных мотивов руководителей учебных заведений он приводил то, что выпускники были слишком молоды для присвоения звания начальствующего состава запаса и что за два года армии выпускников могли бы подготовить лучше, чем за сокращенный срок в техникумах¹⁸. Г. И. Кулик также выразил несогласие с приведенными аргументами, сделав следующее замечание: «Вначале надо решить, чем можно заменить высшую вневойсковую подготовку, прежде чем отменять ее. Ссылаться же на то, что в армии артиллеристов подготовят лучше, как минимум странно, так как в частях нет условий для подготовки, например, артиллеристов-техников, и опыта такой подготовки тоже нет. Прежде всего, нужно искать другие техникумы или институты для переноса в них высшей вневойсковой подготовки»¹⁹.

Не могли не оказать влияние на процесс военной подготовки студентов учебных заведений и репрессии 1937–1938 гг. Вопрос благонадежности кадров вузов поднимался в Наркомате обороны СССР еще весной 1937 г. 23 апреля наркомом К. Е. Ворошиловым был подписан приказ, который предписывал укрепить кадры командиров военно-учебных частей вузов²⁰. Под термином «укрепить», как можно предполагать, подразумевалось сокращение числа неблагонадежных кадров.

Однако спустя полгода проблема сохранялась. 14 сентября 1937 г. датируется записка начальника управления высших учебных заведений РККА И. Е. Славина на имя наркома обороны, в которой отмечалось, что многие командиры вузов и втузов по политико-моральным причинам были признаны несоответствующими для службы в войсках и именно поэтому ушли на работу в учебные заведения²¹.

И. Е. Славин также отмечал факт неблагонадежной ситуации со студентами: «Обычно военрук при отборе руководствуется только физической подготовкой студента. Вопрос о политико-моральных требованиях очень важен и на сегодняшний момент не решен»²². Изменения в первую очередь коснулись системы отбора студентов. Сохранилась записка командующего войсками Закавказского военного округа Н. В. Куйбышева, датированная январем 1938 г., в которой имеются предписания, касающиеся критериев отбора учащихся, проходящих высшую вневойсковую подготовку. В записке отмечалось, что не следует допускать к подготовке спецпереселенцев и осужденных по закону от 07.08.1932 г., а также их детей²³.

Стоит отметить, что записка могла являться реакцией на ряд ошибок, допущенных комиссиями по отбору студентов ранее. Например, зимой 1936–1937 гг. в том же Закавказском военном округе 12% студентов было освобождено от лагерных сборов по политическим мотивам и по болезни. По тем же причинам 14% студентов не были присвоены звания командира запаса, а общий отсев составил 25%²⁴. При этом причины отсева могли быть совершенно разные, равно как и причины отказа в присвоении звания командира запаса.

Период репрессий 1937–1938 гг. повлиял и на учебные программы, однако не кардинально. Главным нововведением стала организация занятий по политической подготовке для всех учащихся вузов и техникумов, отбывавших лагерный и практический сборы в войсковых частях и учреждениях РККА²⁵. Этот компонент подготовки особенно волновал военное руководство, так как на него выделялось 30 часов учебного времени за счет тактической, огневой и специальной подготовки²⁶. Такое решение в условиях волны репрессий выглядит логичным – в среде студентов необходимо было поддерживать

лояльное отношение к власти и сохранять высокий уровень дисциплины. Именно поэтому в тот период политинструктор играл гораздо более важную роль, чем военный руководитель учебного заведения.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. изменения коснулись различных аспектов процесса высшей вневойсковой подготовки. Проходила интенсификация учебного процесса, менялись учебные программы, вводилась высшая вневойсковая подготовка с авиационным уклоном. Результатом репрессий 1937–1938 гг. стало изменение процесса отбора студентов и преподавателей, больший акцент делался на политическую благонадежность. Перестройка коснулась и учебных программ: возросло количество часов, выделявшихся на политическую подготовку.

Совокупность этих мер должна была обеспечить более качественную, по мнению советского военного руководства, подготовку кадров запаса. Однако реализовать запланированные мероприятия в полной мере не получилось, так как в конце 1930-х гг. международная обстановка ухудшилась настолько, что в 1938 г. было принято решение ликвидировать институт высшей вневойсковой подготовки, поскольку разработанная модель предусматривала для своей реализации значительное количество учебного времени. Очевидно, советскому руководству в 1938 г. стало понятно, что в условиях скорого неминуемого военного столкновения с агрессором необходимо было приступить к разработке новой модели военной подготовки советского общества, способной проявить свою эффективность в сжатых хронологических рамках.

Примечания / Notes

¹ *Cooper, Julian.* The Military and Higher Education in the USSR // *Annals of the American Academy of Political Science.* 1989. Vol. 502. Pp. 108–111; *Полтораки, С. Н.* Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: исторический очерк. – СПб.: СПбГТУ, 1996. – 196 с. *POLTORAK, S. N.* *Voennaya podgotovka politekhnikov Sankt-Peterburga: istoricheskii ocherk* [Military training of St. Petersburg polytechnics. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGTU publ., 1996, 196 p.; Московский университет и армия / Под ред.

Ф. М. Волкова, С. В. Чернеева, А. И. Кириллова и др. – М.: МГУ, 1997. – 180 с. *Moskovskii universitet i armiya* [VOLKOV, F. M., CHERNEEV, S. V., KIRILLOV, A. I., et al. (eds.). The Moscow University and the army. In Russ.]. Moscow, Moskovskii universitet publ., 1997, 180 p.; Дубаренко, К. А. Военная подготовка в вузах Ленинграда – Санкт-Петербурга в 20–90-е годы (исторический аспект). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 206 с. DUBARENKO, K. A. *Voennaya podgotovka v vuzakh Leningrada – Sankt-Pereburga v 20–90-e gody (istoricheskii aspekt)*. Dis. ... kand. ist. nauk [Military training in Leningrad–St. Petersburg universities in the 20–90s (historical aspect): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. St. Petersburg, 2000, 206 p.; Богданов, В. И. Государственная политика СССР в области военного обучения студентов в 1926–1941 годах (на примере вузов Ленинграда). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 213 с. BOGDANOV, V. I. *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti voennogo obucheniya studentov v 1926–1941 godakh (na primere vuzov Leningrada)*. Dis. ... kand. ist. nauk [State policy of the USSR in the field of military training of students in 1926–41 (on the example of Leningrad universities): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. St. Petersburg, 2000, 213 p.; Карпов, С. И. Становление и развитие системы подготовки офицеров запаса в высших учебных заведениях Дальнего Востока (1925–1939). Дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 207 с. KARPOV, S. I. *Stanoenie i rasvitiie sistemy podgotovki ofitserov zapasa v visshikh uchebnykh zavedeniyakh Dal'nego Vostoka (1925–1939)*: Dis. kand. ist. nauk [Formation and development of the reserve officer training system in higher educational institutions of the Far East (1925–39): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Komsomolsk-on-Amur, 2006, 207 p.; Добровольский, В. С., Шнаков, Г. Г. Военная подготовка в гражданских вузах СССР в 1924–1944 гг. // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 3. – С. 40–45. DOBROVOLSKII, V. S., SHRAKOV, G. G. *Voennaya podgotovka v grazhdanskikh vuzakh SSSR v 1924–1944 gg.* [Military training in civilian universities of the USSR in 1924–44. In Russ.]. IN: *Voенно-istoricheskii zurnal*, 2022, no. 3, pp. 40–45.

² Закон СССР от 13 августа 1930 г. «Об обязательной военной службе». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 21.05.2021) [<http://www.consultant.ru> (accessed 21.05.2021)]. *Zakon SSSR ot 13 avgusta 1930 g. "Ob obyazatelnoi voennoi sluzbe"* [The Law of the USSR of August 13, 1930 "On compulsory military service." In Russ.]. [Online]. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21.05.2021).

³ Ситдиков, А. М. Проблемы организации высшей вневузовской подготовки в гражданских учебных заведениях СССР в 1930–1938 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 10 (79). – С. 2908–2918. SITDIKOV, A. M. *Problemy organizatsii visshiei vnevoiskovoi podgotovki v graddanskikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR v 1930–1938 gg.* [Problems of the organization of higher pre-conscription military training in civilian educational institutions of the USSR in 1930–38. In Russ.]. IN: *Voprosy natsional'nykh i federatsionnykh otnoshenii*, 2021, vol. 11, no. 10 (79), pp. 2908–2918.

⁴ Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 62. Оп. 3. Д. 324. Л. 21. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive] (RGVA), fond 62, series 1, file 324, p. 21.

⁵ Там же. Ibid.

⁶ Там же. Л. 27. Ibid., p. 27.

⁷ Там же. Л. 21. Ibid., p. 21.

⁸ Там же. Д. 315. Л. 13–14. Ibid., file 315, pp. 13–14.

⁹ Там же. Д. 324. Л. 117. Ibid., file 324, p. 117.

¹⁰ Там же. Д. 323. Л. 7. Ibid., file 323, p. 7.

¹¹ Там же. Ibid.

¹² Там же. Ibid.

¹³ Там же. Л. 8. Ibid., p. 8.

¹⁴ Там же. Ibid.

¹⁵ Там же. Ibid.

¹⁶ Там же. Л. 20. Ibid., p. 20.

¹⁷ Там же. Л. 15. Ibid., p. 15.

¹⁸ Там же. Ibid.

¹⁹ Там же. Л. 15. Ibid., p. 15.

²⁰ Там же. Д. 330. Л. 101. Ibid., file 330, p. 101.

²¹ Там же. Ibid.

²² Там же. Л. 102. Ibid., p. 102.

²³ Там же. Д. 327. Л. 5. Ibid., file 327, p. 5.

²⁴ Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.

²⁵ Там же. Д. 332. Л. 2. Ibid., file 332, p. 2.

²⁶ Там же. Ibid.

Список литературы

Богданов, В. И. Государственная политика СССР в области военного обучения студентов в 1926–1941 годах (на примере вузов Ленинграда): Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 213 с.

Добровольский, В. С., Шпаков, Г. Г. Военная подготовка в гражданских вузах СССР в 1924–1944 гг. // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 3. – С. 40–45.

Дубаренко, К. А. Военная подготовка в вузах Ленинграда – Санкт-Петербурга в 20–90-е годы (исторический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 206 с.

Карпов, С. И. Становление и развитие системы подготовки офицеров запаса в высших учебных заведениях Дальнего Востока (1925–1939): Дис. ... канд. ист. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 207 с.

Московский университет и армия / Под ред. Ф. М. Волкова, С. В. Чернеева, А. И. Кириллова и др. – М.: МГУ, 1997. – 180 с.

Полторац, С. Н. Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: исторический очерк. – СПб.: СПбГТУ, 1996. – 196 с.

Ситдигов, А. М. Проблемы организации высшей вневузовской подготовки в гражданских учебных заведениях СССР в 1930–1938 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 10 (79). – С. 2908–2918.

Cooper, Julian. The Military and Higher Education in the USSR // Annals of the American Academy of Political Science. 1989. Vol. 502. Pp. 108–111.

References

BOGDANOV, V. I. *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti voennogo obucheniya studentov v 1926–1941 godakh (na primere vuzov Leningrada)*. Dis. ... kand. ist. nauk [State policy of the USSR in the field of military training of students in 1926–41 (on the example of Leningrad universities): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. St. Petersburg, 2000, 213 p.

DOBROVOLSKII, V. S., SHPAKOV, G. G. *Voennaya podgotovka v grazhdanskikh vuzakh SSSR v 1924–1944 gg.* [Military training in civilian universities of the USSR in 1924–44. In Russ.]. IN: *Voенно-istoricheskii zurnal*, 2022, no. 3, pp. 40–45.

DUBARENKO, K. A. *Voennaya podgotovka v vuzakh Leningrada – Sankt-Peterburga v 20–90-e gody (istoricheskii aspekt)*. Dis. ... kand. ist. nauk [Military training in Leningrad – St. Petersburg universities in the 20–90s (historical aspect): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. St. Petersburg, 2000, 206 p.

KARPOV, S. I. *Stanovlenie i rasvitie sistemy podgotovki ofitserov zapasa v visshikh uchebnykh zavedeniyakh Dal'nego Vostoka (1925–1939)*: Dis. kand. ist. nauk [Formation and development of the reserve officer training system in higher educational institutions of the Far East (1925–39): Cand. hist. sci. diss. In Russ.]. Komsomolsk-on-Amur, 2006, 207 p.

Moskovskii universitet i armiya [VOLKOV, F. M., CHERNEEV, S. V., KIRILLOV, A. I., et al. (eds.). The Moscow University and the army. In Russ.]. Moscow, Moskovskii universitet publ., 1997, 180 p.

POLTORAK, S. N. *Voennaya podgotovka politehnikov Sankt-Peterburga: istoricheskii ocherk* [Military training of St. Petersburg polytechnics. In Russ.]. St. Petersburg, SPbGTU publ., 1996, 196 p.

SITDIKOV, A. M. *Problemy organizatsii vishei vnevoikovoi podgotovki v grazhdanskikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR v 1930–1938 gg.* [Problems of the organization of higher pre-conscription military training in civilian educational institutions of the USSR in 1930–38. In Russ.]. IN: *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2021, vol. 11, no. 10 (79), pp. 2908–2918.

COOPER, JULIAN. The Military and Higher Education in the USSR. IN: Annals of the American Academy of Political Science, 1989, vol. 502, pp. 108–111.

Сведения об авторах

Ситдиков Адель Марсович, Российский университет дружбы народов, кафедра истории России, аспирант, г. Москва, Российская Федерация, 8-499-936-87-87, 8-968-076-28-54, adelsitdikov@mail.ru

About the authors

Sitdikov Adel Marsovich, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, department of Russian history, Moscow, Russian Federation, +7-499-936-87-87, +7-968-076-28-54, adelsitdikov@mail.ru

В редакцию статья поступила 11.10.2022 г., опубликована (для цитирования):

Ситдиков, А. М. Организация советской высшей вневоинской подготовки во второй половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 527–539. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539

Submitted 11.10.2022, published (for citation):

SITDIKOV, A. M. *Organizatsiya sovetskoi vysshei vnevoiskovoi podgotovki vo vtoroi polovine 1930-kh gg.* [Organization of Soviet Higher Pre-Conscription Military Training in the Second Half of the 1930s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 527–539. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-527-539

Научная статья / Scientific article

УДК 930.85+008+658.382.2+930.25+651.5+314.1+314.8+316.4

+316.4+331.101+331.108+332.142+338.28+331.46+331.43

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552

Гонина, Н. В.

Институт истории Сибирского отделения

Российской академии наук,

г. Новосибирск, Российская Федерация

Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950–1970-е гг.

Gonina, Natalia V.

Institute of History of the Siberian Branch

of the Russian Academy of Sciences,

Novosibirsk, Russian Federation

Role of the Norilsk Nickel Smelter in Formation of Norilsk Urban Environment in the 1950–70s

Аннотация

Проблема существования городов за Полярным кругом – одна из постоянно обсуждаемых тем у специалистов и не теряет своей актуальности. При этом обычно используют экономический подход, реже – урбанистический и очень редко – социальный. Однако во многом именно социокультурная ситуация позволяет отличить город от поселения при заводе, а качество городской среды играет решающую роль при сохранении (или потере) населения. Городская среда – понятие многоаспектное. В нашем случае есть замысел сопоставить элементы среды Норильска, созданные при непосредственном

участии горно-металлургического комбината (ГМК), и те, которые возникли без его вмешательства, тем самым показав, что абсолютизация ведомственности в жизни города может скрыть существенные черты городской среды, а распространенное сегодня понятие «моно-город» противоречит самой сущности города. Работа основана на архивных материалах и воспоминаниях норильчан. Ряд документов впервые введен в научный оборот. Методологическую основу исследования определяет «новая история городов», в частности, труды А. Лефевра. В статье показаны источники и специфика формирования городского населения, названы главные участники городского строительства и благоустройства. Отмечено значение природно-климатического фактора. Отражено как созидательное, так и разрушительное влияние комбината на городскую среду. Выявлен вклад жителей в развитие Норильска. Автор приходит к заключению, что придавать деятельности ГМК по созданию Норильска исключительный характер также ошибочно, как и противопоставлять город и комбинат. У города и предприятия есть четкие физические границы, однако в плане социокультурной деятельности они постоянно пересекаются. История развития комбината и Норильска неотделимы друг от друга как две части одного целого. В рассматриваемый период население города и сотрудники комбината, включая его руководство, это, за небольшим исключением, одни и те же люди. Комбинат организовывал и финансировал строительство и благоустройство города, но реализация осуществлялась руками горожан. И если инициатива в крупных проектах принадлежала администрации комбината, то частные вопросы благоустройства решались благодаря активности жителей города. Особую специфику жизни в Норильске определяло географическое положение. Большинство вопросов жизнеобеспечения в Арктике невозможно было решить на индивидуальном уровне. Поэтому патернализм комбината носил естественный характер. С другой стороны, трудности повседневной жизни спланивали людей, формировали особый коллективный дух, который сохранялся и после выезда из города. Эти же условия требовали развития здравоохранения и культуры, что, в свою очередь, обогащало городскую среду. Можно прийти к заключению, что формирование и развитие городской среды – результат сотрудничества города и комбината в экстремальных условиях.

Abstract

Existence of the cities above the Arctic Circle is a topic that is gaining importance. Most scholars adhere to economic approach, some to urbanistic, and rarely to social. However, it is the sociocultural situation

that distinguishes a city from a settlement near a plant, the quality of the urban environment playing a decisive role in preservation (or loss) of population. Urban environment is a multidimensional notion. This paper aims to correlate the elements of the urban environment of Norilsk created with direct involvement of the Norilsk Nickel Smelter with those evolved entirely without its intervention. The paper demonstrates that absolutization of departmentalism in city life can camouflage essential features of the urban environment, while widely used notion of “single-industry town” (*monogorod*) contradicts the very essence of the city. The work is based on archival materials and memoirs of the Norilsk citizens, some are being introduced into scientific use. The author employed “new urban history” approach, in particular, works of Henri Lefebvre. The paper analyses the sources and specific character of urban population growth, investigates the driving forces of Norilsk development and improvement. The paper also shows constructive and destructive influence of the smelter upon the urban environment. The paper explores the ways in which residents contributed to city development. Additionally, it considers natural and climatic factors. The authors conclude that it is wrong to overemphasize the activities of the Norilsk Nickel Smelter in creation of Norilsk and to contrapose city and plant. Though there are clear physical boundaries for both town and plant, their social and cultural spheres are interconnected. The development of plant and town are like two sides of a coin. Those who inhabited the town and those who worked for the smelter or managed it were with few exceptions the same people. The plant organized and financed city construction and development, but realization was in the hands of its citizens. Even if the initiative belonged to the plant administration, side issues of municipal improvement were settled by dint of citizens’ activities. The geographical position of Norilsk influenced its specific lifestyle. It was impossible to cope individually with existential threats of living beyond the Arctic Circle. In this respect, the smelter paternalism was natural. Simultaneously, the difficulties of everyday life united people and formed collective spirit that remained even when people left the town. The same hardships promoted construction of health and wellbeing resources, contributing to urban development, organized and sponsored by the smelter. Altogether, the paper argues that the development of the smelter and the town was interrelated. It became a crucial factor for survival in extreme environments.

Ключевые слова

Исторические источники, Норильск, горно-металлургический комбинат (ГМК), городская среда, Арктика, ведомственность, жилищное строительство, благоустройство.

Keywords

Historical sources, Norilsk, smelter, urban environment, Arctic, departmentalism, construction activity, municipal improvement.

Наибольшее количество российских монопрофильных городов, в том числе на Севере, было построено в советский период. Можно ли их считать городами в полном смысле слова, и есть ли у них будущее – тема продолжающихся дискуссий. Автор солидарен с тезисом М. Г. Агапова о том, что «моногорода», при внимательном рассмотрении, оказываются достаточно многогранными, и только такая позиция продуктивна в социальном-историческом исследовании¹.

Одним из ключевых понятий данной статьи является «городская среда». В фокусе внимания находятся городская застройка и инфраструктура, условия жизни и качество жизни в заполярном городе.

Историография темы достаточно обширна. Это связано с полидисциплинарным интересом к феномену северного города. В первую очередь необходимо назвать работы Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова, раскрывающие механизм функционирования монопрофильных городов на Севере². В исторической литературе данной теме посвящен ряд публикаций, в том числе А. И. Тимошенко³ и И. Н. Стася⁴. Авторы-историки отмечают ограничительное влияние ведомственности на развитие городской среды. В нашей статье хотелось бы показать несколько иную позицию, представив город и завод как симбионтов, а городскую среду как пространство диалога. Источниковую базу работы составили документы пяти фондов из двух архивов – Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Красноярского края (ГАКК), материалы интервью, собранные автором в 2014 г., а также опубликованные воспоминания норильчан.

Влияние ГМК в Норильске ощущалось повсеместно. Как было отмечено на городской партконференции в 1954 г., комбинат отвечал за все – от приглашения актеров в театр до устройства теплого склада на хлебозаводе и трудоустройства бывших заключенных⁵. Главную роль в организации этих действий играл руководитель предприятия. А. П. Завенягин

был сторонником городского благоустройства и социального обеспечения, затем эту линию продолжили А. Б. Логинов, В. В. Дроздов, В. И. Долгих, Б. И. Колесников⁶.

Сложным периодом в истории Норильска и ГМК был переход от лагерной системы к вольнонаемному труду в 1953–1954 гг. На 1 мая 1954 г. на комбинате осталось 66 033 рабочих, из них примерно 50% – заключенные. В протоколах городской партийной конференции указывалось, что, пользуясь разрешением работать с вольнонаемными, заключенные «проникают в город и творят преступления»⁷. Советом Министров СССР было принято решение обеспечить Норильский ГМК на 1955–1957 гг. рабочей силой по оргнабору в количестве 34 тыс. чел. Однако из запланированных 720 тыс. кв. м жилой площади на 1 сентября 1954 г. было введено в эксплуатацию только 239 тыс. кв. м. Поэтому пришлось использовать лагерные бараки и строить временки. На одного проживающего в капитальных домах приходилось 3,2 кв. м, а во временных домах – 2,9 кв. м жилой площади⁸. Таким образом, строящийся город вобрал в себя лагерь, и это стало неотъемлемой частью его среды на физическом и ментальном уровне. Временные жилища, балки и бараки, стали на долгие годы местом обитания вновь приезжающих.

Другая черта городской среды Норильска формировалась в результате взаимодействия с природой Таймыра. Роль комбината состояла в решении проблем, вызванных экстремальными условиями. Примером может быть устройство щитов Потапова или свайное строительство на мерзлоте с вентилируемыми фундаментами. Во многом благодаря природным условиям и роли «первенца» среди советских арктических городов-заводов, а также личной инициативе и энергии А. П. Завенягина, Норильский ГМК получил право не только строить, но и проектировать город⁹. Проектная контора комбината, а затем институт «Норильскпроект» при выполнении работ в сложных условиях Крайнего Севера стремились к выявлению наиболее экономичных и целесообразных вариантов. В целом проект был одобрен, однако доработка и утверждение генплана города затянулись до 1970-х гг.¹⁰

Интересно, что в процессе градостроительства руководство комбината иногда шло вразрез с правительственными

решениями во благо своих сотрудников. Так, дом инженерно-технических работников (ДИТР) был построен в годы войны, когда официально запрещалось строить клубы. Ансамбль Ленинского проспекта украшен колоннами и лепниной, хотя в период строительства Комсомольской площади уже действовал запрет «на излишества». Октябрьская площадь в 1951 г. получила третью премию конкурса на лучшие жилые и общественные здания, построенные в РСФСР. При этом заметим, что парадный въезд в город направлен к комбинату. Не менее красива Гвардейская площадь, где расположено здание управления комбината, недаром она имеет статус памятника архитектуры¹¹.

Однако за красивыми фасадами скрывались серьезные проблемы. Город нуждался в срочном решении вопросов здравоохранения и санитарии. В 1957 г. Норильск занял третье место в РСФСР по инфекционным заболеваниям. Причинами были нерешенность вопроса строительства очистных сооружений и канализации, соединение технического и питьевого водопровода. Ситуация оказалась настолько тяжелой, что на здравоохранение было ассигновано 80% городского бюджета¹².

11 ноября 1957 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «Об улучшении жилищных и культурно-бытовых условий трудящихся Норильского горно-металлургического комбината». Совмин установил на 1958–1962 гг. объем жилищного строительства в Норильске в размере 400 тыс. кв. м жилой площади. Кроме того, предстояло построить целый ряд социокультурных объектов¹³.

В 1959 г. на развитие социально-бытовой сферы Норильска были выделены фонды из государственных ресурсов. В этом году были построены концертный зал, стадион, бассейн, инфекционный корпус больничного городка, овощехранилище в Дудинке. В дальнейшем практика наполнения городского бюджета частично за счет государства, частично за счет комбината стала постоянной. Бюджет города на 1960 г. составлял 141,5 млн руб., из которых на здравоохранение и детские ясли направлялось 90,6 млн руб., на народное образование – 35 млн руб. В этом году получили благоустроенное жилье 2 604 семьи, в том числе было переселено из балков и бараков

1 520 семей. 92 тыс. чел. (81%) проживали в благоустроенных домах. Озеленение города проводилось с участием жителей. В соревновании городов по благоустройству Норильск занял второе место в крае. Однако строительство не успевало за ростом населения. В балках проживало 10 200 чел.¹⁴

В 1970-е гг. объем расходов комбината на социальные нужды значительно увеличился. Только за 1972 г. Норильский ГМК истратил на строительство социально-культурных и бытовых объектов (включая жилье) 39,1 млн руб. За счет прибылей ГМК компенсировались убытки от содержания Норильска. На балансе комбината были содержание и ремонт жилого фонда, библиотеки, клубы, дворцы и дома культуры, 62 детских дошкольных учреждения, летний отдых детей и взрослых¹⁵.

Вторая половина 1970-х гг. стала периодом наиболее благоприятным для развития жилищного строительства. Как пишет краевед С. А. Стрючков, с 1977 г. в Норильске ежегодно вводили 200 тыс. кв. м жилья. Это был союзный рекорд в пересчете на 100 тыс. жителей. В 1979 г. закончился самострой¹⁶. Кроме того, в эти годы была организована самая комфортная программа переселения на «материк» – кооперативное строительство в разных городах СССР, где до сих пор действуют норильские землячества¹⁷. Таким образом, жилищное строительство вышло за рамки Большого Норильска, а забота комбината о работниках продолжалась и после их увольнения.

Другая непроизводственная сфера контроля комбината – северный завоз, товарное и бытовое снабжение населения – также формировалась непросто. В организациях процветали хищения и просто недобросовестное отношение к работе. Например, в 1954 г. Норильскснаб сгубил 1 251 т ценных продуктов – мяса, рыбы и муки. В магазинах был недостаток мяса, масла, овощей, кондитерских изделий. В 1957 г. город с населением 150 тыс. человек имел только 52 магазина и 39 столовых¹⁸. В 1960-х гг. качество снабжения улучшилось. Как отмечалось на городской партийной конференции 1967 г., «...морально-политическое настроение жителей нашего города в основном определяют такие важнейшие службы комбината, как торговля, общественное питание и жилищно-комму-

нальное хозяйство. Работают они по всеобщему признанию удовлетворительно»¹⁹.

В 1970-х гг. удалось укрепить здоровье норильчан, особенно детей, стабилизировать кадровый состав. Норильск называли «жемчужиной Заполярья». Сюда стремились приехать лучшие специалисты, а горожане по праву гордились им²⁰.

Как видим, политика ГМК, по сути, не отличалась от политики зарубежных предприятий по созданию корпоративных городов (*company town*), которая включала строительство домов и общежитий, медицинских учреждений, детских садов и учебных заведений, организацию досуга и рекреации²¹. С другой стороны, развитие социальной сферы оценивалось лишь с точки зрения обеспечения производства и строительства трудовыми ресурсами. Поэтому жить рядом с комбинатом и работать на нем было опасно. И это тоже важный показатель качества городской среды. Только за 10 месяцев 1957 г. на предприятиях комбината произошло 1 762 несчастных случая, в том числе 59 смертельных, тяжелых 69. Вредные для здоровья условия работы приводили к профессиональным заболеваниям²². Загрязненный выбросами воздух негативно влиял на здоровье горожан.

Комбинат был не единственным актором городской среды. Много для повышения качества жизни делали и городские власти. Население Норильска активно участвовало в организации системы жизнеобеспечения в городе. Например, как пишет А. И. Тимошенко, в городе были установлены повышенные нормы питания с преобладанием жиров и белков, организованы тепличные хозяйства для производства витаминной продукции. Горожане создавали общественные организации, контролировавшие работу городского транспорта, бытовых и торговых предприятий, общепита²³.

Многие вещи, определяющие качество и уникальность городской среды, реализовывались по доброй воле и инициативе норильчан. Ярким примером может быть метод «народной стройки» или «хозспособ». Не только жилые дома, но и значимые для города предприятия социально-культурной, торговой и бытовой сферы строились горожанами бесплатно, в свободное от работы время. Например, плавательный бассейн

строили более 6 тыс. норильчан²⁴. Заметим также, что участие в постройке жилого дома не гарантировало получение в нем квартиры, а квартира не оформлялась в собственность. Жилье оставалось ведомственным. То есть человек отдавал свой труд и личное время как бескорыстный дар городскому сообществу. И это, в свою очередь, порождало ощущение творческого сотрудничества. В воспоминаниях норильчан из книги в книгу прослеживается одна мысль. Комбинат – это, прежде всего, люди, которые его создавали и на нем работали²⁵.

В итоге получается, что роль комбината в формировании городской среды велика, но придавать ей исключительно ведомственный характер ошибочно. Норильский ГМК дал городской среде определенную форму. Но основную роль играло нечто большее. Это – Арктика, ее природа, красота и жестокость. И люди, самоотверженно выполнявшие свою работу, несмотря на экстремальные условия. Постоянный напряженный диалог природы Таймыра, города и комбината, усиленный советской социальной политикой, позволил Норильску вырасти в многофункциональный город. Заметим, что и многофункциональность Норильска в определенной степени – результат работы самого комбината, который поддерживал развитие торговли, образования, спорта, здравоохранения, искусства и т. д. Удивительно, что это стало возможным в Арктике в условиях удаленности от основной зоны расселения и транспортных сетей.

Примечания / Notes

¹ Агапов, М. Г. «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. – 2021. – № 48. – С. 144–178. AGAPOV, M. G. “Zdes’ vse neftyaniki”: *diskursivno-simvolicheskoe proizvodstvo i osparivanie neravenstva v severnom monogorode* [“We Are All Oil Workers Here”]: Discursive-Symbolic Production and Challenging Inequality in the Northern Monotown. In Russ.]. IN: *Antropologicheskii forum*, 2021, no. 48, pp. 144–178.

² Замятина, Н. Ю., Пилысов, А. Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с. ZAMYATINA, N. Yu., PILYASOV, A. N. *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduyaya*

prostranstvo na mikrourovne [Russia that we found: Exploring space at the micro level. In Russ.]. Moscow, Novyi khronograf publ., 2013, 548 p.

³ Тимошенко, А. И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 156. TIMOSHENKO, A. I. *Adaptatsiya naseleniya v novykh gorodakh Sibiri v 1950–1980-e gg.* [Adaptation of the population in the new cities of Siberia in the 1950s–80s. In Russ.]. IN: *Formirovanie i adaptatsiya naseleniya v raionakh industrial'nogo osvoeniya Sibiri* [Formation and adaptation of the population in the regions of industrial development of Siberia. In Russ.]. Issue 2. Novosibirsk, Parallel' publ., 2007, p. 156.

⁴ Стась, И. Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» // Журнал «Культурная и гуманитарная география». – 2013. – Т. 2. – №. 1. – С. 18–27. STAS', I. N. *Surgut: obrazy i prostranstva "neftyanogo goroda"* [Surgut: Images and spaces of the “oil city.” In Russ.]. IN: *Zhurnal "Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya,"* 2013, vol. 2, no. 1, pp. 18–27.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 7а. Л. 26, 92, 98. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [The State Archive of Krasnoyarsk Krai] (GAKK), fond p-5117, series 1, file 7a, pp. 26, 92, 98.

⁶ Стрючков, С. А. Красные директора Норильска. Оттепель и «золотая эпоха». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://goarctic.ru/work/krasnye-direktora-noril'ska-otpepel-i-zolotaya-epokha> (дата обращения 25.03.2022). STRYUCHKOV, S. A. *Krasnye direktora Noril'ska. Otpepel i "zolotaya epokha"* [Red directors of Norilsk. The Thaw and the “Golden Era.” In Russ.]. [On-line]. Available at: <https://goarctic.ru/work/krasnye-direktora-noril'ska-otpepel-i-zolotaya-epokha> (accessed 25.03.2022).

⁷ ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 7а. Л. 46. GAKK, fond p-5117, series 1, file 7a, p. 46; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9022. Оп. 1. Д. 3336. Л. 31–33, 53, 67, 76, 94, 114. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [The Russian State Archive of Economics] (RGAE), fond 9022, series 1, file 3336, pp. 31–33, 53, 67, 76, 94, 114.

⁸ РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 1. Д. 3336. Л. 76–79, 88–91. RGAE, fond 9022, series 1, file 3336, pp. 76–79, 88–91; ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 86. Л. 35. GAKK, fond p-5117, series 1, file 86, p. 35.

⁹ Стрючков, С. А. Борис Колесников. – М.: Молодая гвардия, 2020. – С. 153. STRYUCHKOV, S. A. *Boris Kolesnikov* [Boris Kolesnikov. In Russ.]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 2020, p. 153.

Мосcow, Molodaya gvardiya publ., 2020, p. 153.
¹⁰ РГАЭ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 148. Л. 15–16, 20–22, 26, 32–33, 54, 74–75. RGAE, fond 5, series 5, file 148, pp. 15–16, 20–22, 26, 32–33, 54, 74–75.

¹¹ Гунина, С. Лица улиц. – Норильск: Заполярная правда, 2017. – С. 56. GUNINA, S. *Litsa ulits* [Faces of the streets. In Russ.]. Norilsk, Zapolyarnaya Pravda publ., 2017, p. 56.

¹² ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 23. Л. 44, 104; Д. 62. Л. 153–156. GAKK, fond p-5117, series 1, file 23, pp. 44, 104; file 62, pp. 153–156.

- ¹³ Там же. Д. 62. Л. 22. Ibid., file 62, p. 22.
- ¹⁴ Там же. Д. 107. Л. 34, 117; Д. 128. Л. 49, 51–52. Ibid., file 107, pp. 34, 117; file 128, pp. 49, 51–52.
- ¹⁵ Там же. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 477. А. Л. 50, 58–59, 64, 68–69, 73, 78–84. Ibid., fond p-26, series 8, file 477a, pp. 50, 58–59, 64, 68–69, 73, 78–84.
- ¹⁶ Стрючков, С. А. Борис Колесников. – М.: Молодая гвардия, 2020. – С. 335–336. STRYUCHKOV, S. A., 2020, pp. 335–336.
- ¹⁷ Стрючков, С. А. Красные директора Норильска. Оттепель и «золотая эпоха». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://goarctic.ru/work/krasnye-direktora-norilaska-ottepel-i-zolotaya-epokha> (дата обращения 25.03.2022). STRYUCHKOV, S. A. *Krasnye direktora Noril'ska. Ottepel' i "zolotaya epokha"* [Red directors of Norilsk. The Thaw and the "Golden Era." In Russ.]. [On-line]. Available at: <https://goarctic.ru/work/krasnye-direktora-norilaska-ottepel-i-zolotaya-epokha> (accessed 25.03.2022).
- ¹⁸ ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 7а. Л. 41–43; Д. 61. Л. 58. ГАКК, fond p-5117, series 1, file 7a, pp. 41–43; file 61, p. 58.
- ¹⁹ Там же. Оп. 45. Д. 1. Л. 51–52. Ibid., fond p-5117, series 45, file 1, pp. 51–52.
- ²⁰ Стрючков, С. А. Борис Колесников. – М.: Молодая гвардия, 2020. – С. 30. STRYUCHKOV, S. A., 2020, p. 30.
- ²¹ KOSTOUROU, F. Mass factory housing: Design and social reform. IN: Design Issues. 2019, vol. 35, no. 4, pp. 79–92; VARINI, V. Building an industrial society: Welfare capitalism in the "city of factories," Sesto San Giovanni, Italy. IN: European Review of History: Revue européenne d'histoire, 2016, vol. 23, no. 4, pp. 724–750.
- ²² ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 62. Л. 18; Оп. 52. Д. 1. Л. 106, 108. ГАКК, fond p-5117, series 1, file 62, p. 18; series 52, file 1, pp. 106, 108.
- ²³ Тимошенко, А. И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 156. TIMOSHENKO, A. I., 2007, p. 156.
- ²⁴ Куцев, Г. Ф. Человек на Севере. – М.: Политиздат, 1989. – С. 125–126. KUTSEV, G. F. *Chelovek na Severe* [Man in the North. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1989, pp. 125–126.
- ²⁵ О времени, о Норильске, о себе: воспоминания. В 12 т. Кн. 1. – М.: ПолиМедиа, 2001. – С. 317. *O vremeni, o Noril'ske, o sebe: vospominaniya* [About time, about Norilsk, about myself: Memoirs. In Russ.]. In 12 vols. Book 1. Moscow, PoliMedia publ., 2001, p. 317.

Список литературы

Аганов, М. «Здесь все нефтяники»: дискурсивно-символическое производство и оспаривание неравенства в северном моногороде // Антропологический форум. – 2021. – № 48. – С. 144–178.

- Замятина, Н. Ю., Пилясов, А. Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с.
- Куцев, Г. Ф. Человек на Севере. – М.: Политиздат, 1989. – 217 с.
- Стась, И. Н. Surgut: образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – №. 1. – С. 18–27.
- Тимошенко, А. И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 150–169.
- KOSTOUROU, F. Mass factory housing: Design and social reform // Design Issues. 2019. Vol. 35. No. 4. Pp. 79–92.
- VARINI, V. Building an industrial society: welfare capitalism in the «city of factories», Sesto San Giovanni, Italy // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2016. Vol. 23. No. 4. Pp. 724–750.

References

- АГАПОВ, М. Г. “Zdes’ vse neftyaniki”: *diskursivno-simvolicheskoe proizvodstvo i osparivanie neravenstva v severnom monogorode* [“We Are All Oil Workers Here”: Discursive-Symbolic Production and Challenging Inequality in the Northern Monotown. In Russ.]. IN: *Antropologicheskii forum*, 2021, no. 48, pp. 144–178.
- ZAMYATINA, N. Yu., PITYASOV, A. N. *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne* [Russia that we found: Exploring space at the micro level. In Russ.]. Moscow, Novyi khronograf publ., 2013, 548 p.
- KUTSEV, G. F. *Chelovek na Severe* [Man in the North. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1989, 217 p.
- STAS', I. N. *Surgut: obrazy i prostranstva “nefyanogo goroda”* [Surgut: Images and spaces of the “oil city.” In Russ.]. IN: *Zhurnal “Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya.”* 2013, vol. 2, no. 1, pp. 18–27.
- TIMOSHENKO, A. I. *Adaptatsiya naseleniya v novykh gorodakh Sibiri v 1950–1980-e gg.* [Adaptation of the population in the new cities of Siberia in the 1950s–80s. In Russ.]. IN: *Formirovanie i adaptatsiya naseleniya v raionakh industrial'nogo osvoeniya Sibiri* [Formation and adaptation of the population in the regions of industrial development of Siberia. In Russ.]. Issue 2. Novosibirsk, Parallel' publ., 2007, pp. 150–169.
- KOSTOUROU, F. Mass factory housing: Design and social reform. IN: Design Issues, 2019, vol., 35, no. 4, pp. 79–92.
- VARINI, V. Building an industrial society: welfare capitalism in the “city of factories,” Sesto San Giovanni, Italy. IN: European Review of History: Revue européenne d'histoire, 2016, vol. 23, no. 4, pp. 724–750.

Сведения об авторах

Гонина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Сибирское отделение Российской академии наук, Институт истории, сектор аграрной

и демографической истории, старший научный сотрудник, г. Новосибирск, Российская Федерация, 8-383-330-24-31, 8-913-983-07-79, nvg7@mail.ru
ORCID 0000-0002-6229-4767

About the authors

Gonina Natalya Vladimirovna, PhD in History, associate professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, sector of agrarian and demographic history, senior researcher, Novosibirsk, Russian Federation, +7-383-330-24-31, +7-913-983-07-79, nvg7@mail.ru
ORCID 0000-0002-6229-4767

Сведения о грантах

Статья выполнена по теме государственного задания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003)

Grant information

The article was written on the topic of the state task “The dynamics of the economic and social development of Asian Russia in the context of geostrategic challenges of the late 19th – early 21st centuries.” (FWZM-2021-0003)

В редакцию статья поступила 28.10.2022 г., опубликована (для цитирования):

Гонина, Н. В. Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950–1970-е гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 540–552. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552

Submitted 28.10.2022, published (for citation):

GONINA, N. V. *Rol' gorno-metallurgicheskogo kombinata v formirovaniy gorodskoi sredy Noril'ska v 1950–1970-e gg.* [Role of the Norilsk Nickel Smelter in Formation of Norilsk Urban Environment in the 1950–70s. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 540–552. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-540-552

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+930.23+930.24+303.832+303.832.23+303.423.2+001.891
+32.019.5+659.4+329.1/6+329.15+329.8
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564

Суданц, Б. М.

Российский гуманитарный государственный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Перестроечная периодическая печать как исторический источник по трансформации образа В. И. Ленина в 1987–1991 гг.

Sudants, Boris M.

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Perestroika Periodicals as a Historical Source on the Transformation of Lenin's Image in 1987–91

Аннотация

В статье анализируется метаморфоза образа В. И. Ленина на страницах позднесоветской периодики. При изучении поставленной проблемы применялся метод социально-исторической феноменологии. Источниковая база исследования включает материалы периодической печати – газеты «Правда», журнала «Огонек» и газеты Демократического Союза «Свободное слово». Хронологические рамки исследования охватывают период с ноября 1987 по июнь 1991 г. Акцент сделан на взаимодействии трех дискурсов в печати, которые привносили разное содержание образа В. И. Ленина в сознание читательской аудитории. Первый дискурс содержал в себе положительное описание образа В. И. Ленина, связывал его учение с проводимыми реформами в единую систему, таким образом, оправдывая преобразования авторов перестройки перед советским народом. Второй дискурс брал за основу идейное противостояние В. И. Ленина и И. В. Сталина. Последнего в периодике винили во всех издержках советской власти. Второй дискурс призывал через критику образа И. В. Сталина отказаться от постыдного преступного прошлого в пользу одобряемого обществом ленинского наследия. Тем не менее

такая неосторожная тактика со временем расширила поле критики, обострив политические дискуссии в отношении более значимых символов советской системы. Таковым было содержание уже третьего дискурса, в котором получил положительное закрепление деконструкция образа В. И. Ленина и других столпов советского строя. В исследовании конструируется три временных периода господства вышеназванных дискурсов. Первый период 1987–1988 гг. – эпоха главенства первого и второго дискурса. Второй период относится к 1989 г., в котором произошли крупные идейные повороты. Все чаще на страницах «Правды» появляются статьи в защиту образа В. И. Ленина, что свидетельствует о наличии легальной критики в печати. В журнале «Огонек» звучат призывы к осуждению результатов Октябрьской революции 1917 г. Не встречая никакого сопротивления со стороны правящей власти, свободно издается газета «Свободное слово». В данном издании ленинский образ разоблачается в открытую. Фактически данная газета становится основным проводником третьего дискурса. Можно утверждать, что 1989 г. стал рубежным в плане перехода медийного господства к третьему дискурсу. В 1990–1991 гг. третьего временного периода антиленинский дискурс захватит страницы «Огонька», а газета «Правда» станет последним массовым изданием, где образ В. И. Ленина будут защищать от критики. В итоге ленинский образ подвергнется негативной реинтерпретации в глазах читательской аудитории и постепенно уйдет со страниц позднесоветской периодики.

Abstract

The article analyses the metamorphosis of Lenin's image in late Soviet periodicals. The method of socio-historical phenomenology has been applied in the study. The source base of the research includes materials from the newspaper *Pravda*, magazine *Ogonyok*, and newspaper of the Democratic Union *Svobodnoe Slovo*. The chronological framework of the research covers the period from November 1987 to June 1991. The focus is on the interaction of three discourses in press, which introduced different purport of Lenin's image into the readers' minds. The first discourse contained positive description of Lenin's image and linked his teachings with the reforms, justifying the Perestroika transformation. The second discourse was based on ideological confrontation between Lenin and Stalin. The periodicals blamed the latter for all costs of Soviet power. Through criticism of Stalin's image, the second discourse urged to abandon shameful criminal past in favour of Leninist legacy endorsed by the society. Nevertheless, such imprudent tactics eventually widened the criticism, intensifying the political debate of more significant symbols of the Soviet system. Such was the content of the third discourse

endorsing deconstruction of Lenin and other pillars of the Soviet system. The study constructs three time periods of domination of the aforementioned discourses. The first period was 1987–88, when the first and second discourses prevailed. The second period refers to 1989, when major ideological shifts took place. More articles defending Lenin's image appeared in the pages of *Pravda*, indicating presence of legitimate criticism in the press. The *Ogonyok* magazine called for a condemnation of the results of the October Revolution of 1917. The newspaper *Svobodnoe Slovo* was published freely, encountering no resistance from the authorities. It openly denounced Lenin's image. The newspaper became the main vehicle for the third discourse. It could be argued that 1989 was a milestone in terms of the transition to the third discourse. In 1990–91 of the third interim period, the anti-Leninist discourse took over the pages of *Ogonyok*, the *Pravda* remaining the last mass media defending Lenin's image from criticism. As a result, Lenin's image was negatively reinterpreted in the eyes of the readers and gradually disappeared from the pages of late Soviet periodicals.

Ключевые слова

В. И. Ленин, перестройка, советская периодическая печать, исторические источники, газета «Правда», журнал «Огонек», газета «Свободное слово».

Keywords

V. I. Lenin, perestroika, Soviet periodicals, historical source, *Pravda* newspaper, *Ogonyok* magazine, *Svobodnoe Slovo* newspaper.

Анализ эволюции образа В. И. Ленина в позднесоветской периодике опирается на метод социально-исторической феноменологии¹. Данный метод помог установить место периодической печати в социально-политической структуре перестроенного советского общества, указав на условия взаимодействия элементов системы с массовыми изданиями. Объективное рассмотрение перестроенной периодической печати позволило определить причины трансформации образа В. И. Ленина и последствия таких радикальных изменений в отношении советской идеологической системы. Единицей анализа в исследовании выступают статьи в газете «Правда», журнале «Огонек» и газете Демократического Союза «Свободное слово». Исследование охватывает период

с ноября 1987 г. по июнь 1991 г. с целью изучить данное сложное явление в динамике.

Исследователи считают актуальным изучение темы, посвященной периодике как историческому источнику по анализу изменения образа В. И. Ленина в ней. Так, В. Б. Аксенов изучает эволюцию образа В. И. Ленина в визуальной сатире на страницах антибольшевистских газет². Д. И. Рублев рассматривает отношение анархистов к образу В. И. Ленина на примере их периодической печати в разные периоды революции³. Ц. Лю исследует влияние меняющегося образа В. И. Ленина на социологическую мысль в Китае, опираясь на китайские массовые издания⁴. Однако анализ перестроечной периодики как репрезентативного источника метаморфозы образа В. И. Ленина не представлен в современных исследованиях. Можно вспомнить прежние работы А. В. Грехова и Е. В. Гординой⁵. Данный факт лишь актуализирует дальнейшее содержательное изучение интересующей нас темы.

Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» от 2 ноября 1987 г. ознаменовал идеологический поворот в позднесоветской периодике. В печати наметилось три дискурса. Содержание первого заключалось в возрождении ленинского курса на примере перестроечных реформ. Советским людям доказывалось, что все процессы, проводимые партией, это выполнение ленинской программы. Фигура В. И. Ленина и все сопутствующие его образу тематические публикации оставались последним доводом партийного руководства в попытке завоевать народную поддержку реформ.

Второй дискурс преподносил читательской аудитории идейное противостояние образа В. И. Ленина и И. В. Сталина. Появление новой модели героя и антигероя в советской прессе приведет к высвобождению массы критических произведений, разоблачающих образ И. В. Сталина. Для советской политической культуры подобная открытость была в новинку. Сама постановка вопроса в публичном поле, вне обсуждения партии, пробивала первые бреши в советской идеологической системе, создавала плодородную почву для расширения критики на сакральные символы социалистического строя.

Третий дискурс подвергал идеологической деконструкции образ В. И. Ленина и другие символы советского строя. По мере развития дискурса и постепенного проникновения в печать, особых различий между И. В. Сталиным и В. И. Лениным уже не проводилось. Все большевики, независимо от принадлежности к той или иной фракции, оказывались ответственны за преступления и неудачи советской власти. В. И. Ленину отводилась роль зачинателя, организатора бессмысленного коммунистического эксперимента, унесшего жизни миллионов людей.

Период 1987–1988 гг. можно назвать временем господства первого и второго дискурса в советской печати. Тема первого дискурса в преемственности перестройки ленинскому курсу проходит красной нитью через статью «Правды» «Верность знамени революции»⁶. Однако в исторической науке подобный пропагандистский штамп давно отвергнут. Ленинская политика исходила из прагматических задач развития классовой борьбы, нацеленной на разжигание мировой революции. Такая позиция противоречила пацифистским принципам перестройки, ставившей права человека в фундамент политики «нового мышления».

Повестка первого дискурса проявлялась в оправдании экономических реформ через ссылку на ленинскую идею Нэпа. Так, в «Правде» презентовалось интервью «Нэп. Суть. Опыт. Уроки» с В. Наумовым⁷. Ученый утверждал, что экономические преобразования в своей основе содержат ленинские принципы нэпа, применяемые КПСС и сегодня. Стоит уточнить, что В. И. Ленин рассматривал нэп как тактическое отступление по причине ослабления советской России после Гражданской войны и неоправдавшихся надежд на социалистическую революцию в Европе. При более положительных условиях данная политика была бы свернута в пользу государственно-го социализма.

Журнал «Огонек» не отставал от официальной повестки, став источником второго дискурса. В интервью с Дмитрием Шелестовым под заголовком «Продвижение к Правде» раскрывается тема ленинского «Письма к съезду»⁸. Ученый подчеркивает, что в данном документе В. И. Ленин не хотел

назначить преемника после своей смерти. В. И. Ленин был уверен, что одолеет болезнь. Тем не менее смерть вождя привела к обострению борьбы за власть между фракциями. Победу одержала сталинская платформа. С подачи участников победившей фракции создавался ложный образ И. В. Сталина как продолжателя ленинских идей, поясняет историк. Интервьюируемый правильно определил природу «Письма к съезду». Оно не было завещанием В. И. Ленина. Однако в вопросе следования И. В. Сталиным ленинским заветам автор проявил излишнюю идеологическую предвзятость. Согласно устоявшейся в науке позиции, И. В. Сталин продолжал ленинскую политику в новой социально-политической обстановке.

В конце 1988 г. основным проводником третьего дискурса стала газета «Свободное слово». Самая первая публикация о В. И. Ленине вышла под заголовком «Почему ДС против культа Ленина и ленинизма»⁹. В статье В. И. Ленину вменяются классические для либерально-демократического языкового стиля обвинения в нелегитимности большевистского переворота, нарушении политических обещаний, организации «Красного террора», отмены права частной собственности и уничтожении зачатков гражданского общества в Российской империи. Автор статьи отдельно рассуждает о природе сталинизма, считая его органическим продолжением ленинизма. В целом если убрать эмоциональные обвинения и сомнительное цитирование вне контекста, автор объективно разобрал ранее необсуждавшиеся негативные деяния В. И. Ленина. Фактически с данной статьей конструировался новый образ вождя, противоречащий старому восприятию массами В. И. Ленина.

Квинтэссенция антиленинской парадигмы на страницах «Свободного слова» не побудила правящий режим принять меры по закрытию данного издания, поскольку подобный жест шел бы вразрез с политикой гласности. В итоге газета продолжала свою деятельность вплоть до завершения перестройки. Третий дискурс был негласно одобрен советской властью.

В 1989 г. газета «Правда» предпринимала сомнительные попытки уберечь В. И. Ленина от критики и придать ему новый, более приближенный к реальности образ¹⁰. Разбивая привычные

стереотипы о В. И. Ленине как священном символе советской системы, автор предлагает читателю спорную альтернативу. Его «Ленин» чересчур зависит от общественных закономерностей, не застрахован от политической ошибки, неуверен в себе и собственных силах. Подобный образ, безусловно, правдив и близок к исторической действительности. Однако в период наметившегося идеологического кризиса он только подстегивает деконструкцию основ существующего режима.

Не менее примечательна статья «Огонька» «Сапоги из шагреновой кожи». В ней впервые на страницах издания был поднят вопрос об альтернативе Октябрьской революции¹¹. Положительный образ В. И. Ленина автором под сомнение не ставится, тем не менее на страницах официальной периодики впервые происходит идеологическое наступление на главный символ советской власти.

Постановка подобных проблем в журнале вылилась в политическую дискуссию. Скандальная публикация была разобрана в статье «Истина или уступка моде?»¹². Автор выступает в защиту социалистической революции и навешивает на публикацию ярлык «неовеховской» тенденции в советской литературе. Приверженцы этого литературного течения выступали за завоевания Февральской революции, но категорически против большевистского переворота. В данном случае важен сам факт появления в журнале пока слабой линией на отрицание еще одного символа советской системы – Октябрьской революции. Третий дискурс постепенно проникал на страницы «Огонька».

В «Свободном слове» на основе новых приемов рациональной критики написана статья «О Ленине и не только о нем»¹³. Автор пытается проанализировать деятельность В. И. Ленина через обращение к ортодоксальной марксистской теории. Автор подмечает теоретические отступления В. И. Ленина от учения К. Маркса, повторяет классический лозунг о наследовании сталинизмом всех негативных черт ленинизма. В исторической науке положение о ревизии В. И. Лениным идей марксизма сомнений не вызывает. Любая политическая мысль формируется в условиях изменчивой объективной реальности и может не соответствовать своему изначальному теоретическому источнику.

В целом 1989 г. стал переходным периодом к утверждению господства третьего дискурса. В 1990–1991 гг. язык и стиль массовой печати изменится под напором разочарования масс и правящего руководства в идеях марксизма-ленинизма.

В 1990 г. газета «Правда» ушла в оборонительную позицию, публикуя довольно слабые статьи в защиту ленинского образа¹⁴. В 1991 г. газета имеет небольшие перерывы в выпуске материалов, трудное экономическое положение издания сказывается на качестве и количестве номеров. Поэтому теме оправдания В. И. Ленина перед читательской аудиторией посвящено немного выпусков¹⁵. В последующие месяцы ленинский нарратив сходит на нет, поскольку политический кризис августа 1991 г. вытеснил ленинскую повестку в маргинальную среду, а коммунистическую идеологию поставил под угрозу запрета.

Журнал «Огонек» транслировал третий дискурс в 1990 г. поэтапно. Сначала критика обрушилась на социалистическую концепцию как несостоятельную мечту теоретиков-идеалистов¹⁶. Через отрицание социализма нападкам рано или поздно должен был подвергнуться сам В. И. Ленин – священный символ советской системы¹⁷. В 1991 г. уже все выпуски о В. И. Ленине носили негативно-оценочный характер¹⁸. В дальнейшем, ввиду вытеснения ленинского дискурса более насущными темами, к В. И. Ленину на страницах «Огонька» больше не возвращались.

Большую популярность получила газета «Свободное слово» в 1990 г., поскольку ее парадигма находила массовый спрос среди разочарованной публики и не встречала никакого сопротивления со стороны политического режима. Темы выпусков были разнообразны. Так, в статье «О ленинизме в свете общечеловеческой морали» В. И. Ленин критиковался как аморальный политический деятель, создавший беспощадную политическую систему тотального террора¹⁹. В публикации «Живой труп, или Могила Ленина – колыбель человечества» с точки зрения христианской этики аргументируется тезис об уничтожении Мавзолея Ленина как символа идолопоклонства²⁰. В 1991 г. после раскола ДС газета выходила под наименованием «Свободное слово – Гражданский путь». Несмотря на противоречия внутри организации, антиленинская тематика не ушла из газеты²¹.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо обозначить, что деконструкция ленинского образа через массовую печать стала возможной по причине непонимания авторов реформ механизмов грамотной ретрансляции населению основных дискурсов. Монопольная идеологическая система была разрушена из-за распространения критики на все более сакральные для советской системы символы. Третий дискурс, ввиду отсутствия конкуренции от других дискурсов и противодействия правящего режима, захватил страницы многих печатных изданий, радикально трансформировал стилистику, что аудитория восприняла как сенсацию, а далее вступил в борьбу за умы читательской аудитории. Ленинский образ подвергся тотальной реинтерпретации. Священный образ не выдержал волну политических дискуссий, оспаривающих его монополию на идеологическую продуктивность. В итоге политический миф был разрушен, а сам образ В. И. Ленина вытеснен более значимыми идейными конструктами.

Примечания / Notes

¹ Данилевский, И. Н., Кабанова, В. В., Медушевская, О. М., Румянцева, М. Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М.: РГГУ, 1998. – С. 702. DANILEVSKII, I. N., KABANOVA, V. V., MEDUSHEVSKAYA, O. M., RUMYANTSEVA, M. F. *Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source Studies. Theory. History. Method. Sources of Russian history. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 1998, p. 702.

² Аксенов, В. Б. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // *QUAESTIO ROSSICA*. – 2020. – № 2. – С. 455–472. AKSENOV, V. B. *Obrazy Lenina v visual'noi satire i prichiny krakha antibolshevitskoi propagandy* [Images of Lenin in visual satire and reasons for the collapse of anti-Bolshevik propaganda. In Russ.]. IN: *QUAESTIO ROSSICA*, 2020, no. 2, pp. 455–472.

³ Рублев, Д. И. Анархисты о политической деятельности В. И. Ленина в эпоху великой российской революции // Российская история. – 2020. – № 2. – С. 65–77. RUBLEV, D. I. *Anarkhisty o politicheskoi deyatelnosti V. I. Lenina v epokhu velikoi rossiiskoi revolyutsii* [Anarchists on Lenin's political activities during the Great Russian Revolution. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 65–77.

⁴ Лю, Ц. Исторический очерк по исследованию социологической мысли В. И. Ленина в Китае // Вопросы истории. – 2022. – № 7-2. – С. 166–174. LU, Ts. *Istoricheskii ocherk po issledovaniyu sotsiologicheskoi mysli V. I. Lenina v Kitae* [Historical sketch on the study of Lenin's sociological thought in China. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2022, no. 7–2, pp. 166–174.

⁵ Грехов, А. В. Опыт количественного анализа массовых информационных источников. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2004. – С. 190. GREKHOV, A. V. *Opyt kolichestvennogo analiza massovykh informatsionnykh istochnikov* [Experience of quantitative analysis of mass information sources. In Russ.]. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevsky publ., 2004, p. 190; Гордина, Е. В. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг. Тематический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 228 с. GORDINA, E. V. *Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogonek» 1987–1991 gg. Tematicheskii analiz. Dis. kand. ist. nauk* [Problems of national history on the pages of the mass journal “Ogonyok” (1987–91). Thematic analysis: Can. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2004, p. 228.

⁶ Верность знамени революции // Правда. – 1987. – № 311. – С. 1. *Vernost' знамени revolyutsii* [Loyalty to the revolutionary banner. In Russ.]. IN: *Pravda*, 1987, no. 311, p. 1.

⁷ Курин, Л. НЭП. Суть. Опыт. Уроки // Правда. – 1988. – № 197. – С. 4. KURIN, L. *NEP. Sut'. Oput. Uroki* [The NEP. The gist. Experience. Lessons. In Russ.]. IN: *Pravda*, 1988, no. 197, pp. 4.

⁸ Елотин, К. Продвижение к Правде // Огонек. – 1987. – № 47. – С. 2–4. ELUTIN, K. *Prodvizhenie k Pravde* [Advancing to Truth. In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1987, no. 47, pp. 2–4.

⁹ Новодворская, В. И. Почему ДС против культа Ленина и ленинизма // Свободное слово. – 1988. – № 4. С. 2, 3, 4. NOVODVORSKAYA, V. I. *Pochemu DS protiv Lenina i leninisma* [Why the DS is against the cult of Lenin and Leninism. In Russ.]. IN: *Svobodnoe Slovo*, 1988, no. 4, pp. 2, 3, 4.

¹⁰ Баранов, В. Правда Ленина, правда жизни // Правда. – 1989. – № 345. – С. 1–2. BARANOV, V. *Pravda Lenina, pravda zhisni* [Lenin's truth, the truth of life. In Russ.]. IN: *Pravda*, 1989, no. 345, pp. 1–2.

¹¹ Костиков, В. Сапоги из шагреновой кожи // Огонек. – 1989. – № 32. – С. 12–16. KOSTIKOV, V. *Sapogi is shagrenevoi kozhi* [Shagreen leather boots. In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1989, no. 32, pp. 12–16.

¹² Миллер, В. Истина или уступка моде? // Огонек. – 1989. – № 36. – С. 6–7. MILLER, V. *Istina ili ustupka mode?* [Truth or a concession to fashion? In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1989, no. 36, pp. 6–7.

¹³ Нестеров, М. О Ленине и не только о нем // Свободное слово. – 1989. – № 27. – С. 1–2. NESTEROV, M. *O Lenine i ne tol'ko o nem* [About Lenin and more. In Russ.]. IN: *Svobodnoe slovo*, 1989, no. 27, pp. 1–2.

¹⁴ Занин, В. Не впадая в нигилизм // Правда. – 1990. – № 181. – С. 3. SANIN, V. *Ne vpadaya v nigilism* [Without falling into nihilism. In Russ.]. IN: *Pravda*, 1990, no. 181, p. 3.

¹⁵ Симагин, В. Знаем ли мы Ленина? // Правда. – 1991. – № 32. – С. 3. SIMAGIN, V. *Znaem li my Lenina?* [Do we know Lenin? In Russ.]. IN: *Pravda*, 1991, no. 32, p. 3.

¹⁶ Джилас, М. Возмутитель спокойствия // Огонек. – 1990. – № 9. – С. 25–27. DZHILAS, M. *Vosmutitel' spokoistviya* [The troublemaker. In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1990, no. 9, pp. 25–27.

¹⁷ Мильштейн, И. Осторожно: большевизм! // Огонек. – 1990. – № 47. – С. 9–11. MIL'SHTEIN, I. *Ostorozhno: bol'shevizm!* [Beware: Bolshevism! In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1990, no. 47, pp. 9–11.

¹⁸ Костиков, В. На весах Иова. Заметки о политической морали большевизма // Огонек. – 1991. – № 20. – С. 20–22. KOSTIKOV, V. *Na vesakh Iova. Zametki o politicheskoi morali bol'shevisma* [On Job's scales. Notes on political morality of Bolshevism. In Russ.]. IN: *Ogonyok*, 1991, no. 20, pp. 20–22.

¹⁹ Орлов-Рюмин, Н. О ленинизме в свете общечеловеческой морали // Свободное слово. – 1990. – № 5. – С. 3. ORLOV-RYUMIN, N. *O leninisme v svete obshchelovecheskoi morali* [On Leninism in the light of universal morality. In Russ.]. IN: *Svobodnoe slovo*, 1990, no. 5, p. 3.

²⁰ Парфенов, Ф. Живой труп, или Могила Ленина – колыбель человечества // Свободное слово. – 1990. – № 12. – С. 1. PARFENOV, F. *Zhivoi trup, ili Mogila Lenina – kolybel' chelovechestva* [A living corpse, or Lenin's tomb – the cradle of humanity. In Russ.]. IN: *Svobodnoe slovo*, 1990, no. 12, p. 1.

²¹ Шабуров, Л. За что нам благодарить Ленина? // Свободное слово – Гражданский путь. – 1991. – № 16. – С. 2, 4. SHABUROV, L. *Sa chto nam blagodarit' Lenina?* [What do we have to thank Lenin for? In Russ.]. IN: *Svobodnoe slovo – Grazhdanskii put'*, 1991, no. 16, pp. 2, 4.

Список литературы

Аксенов, В. Б. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // QUAESTIO ROSSICA. – 2020. – № 2. – С. 455–472.

Гордина, Е. В. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг. Тематический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 228 с.

Грехов, А. В. Опыт количественного анализа массовых информационных источников. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2004. – С. 190.

Лю, Ц. Исторический очерк по исследованию социологической мысли В. И. Ленина в Китае // Вопросы истории. – 2022. – № 7-2. – С. 166–174.

Рублев, Д. И. Анархисты о политической деятельности В. И. Ленина в эпоху великой российской революции // Российская история. – 2020. – № 2. – С. 65–77.

References

AKSENOV, V. B. *Obrazy Lenina v visual'noi satire i prichiny krakha antibolshevitskoi propagandy* [Images of Lenin in visual satire and reasons for the collapse of anti-Bolshevik propaganda. In Russ.]. IN: *QUAESTIO ROSSICA*, 2020, no. 2, pp. 455–472.

GORDINA, E. V. *Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala "Ogonek" 1987–1991 gg. Tematicheskii analiz. Dis. kand. ist. nauk.* [Problems of national history on the pages of the mass journal "Ogonyok" (1987–91). Thematic analysis: Can. hist. sci. diss. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2004, 228 p.

GREKHOV, A. V. *Opyt kolichestvennogo analiza massovykh informatsionnykh istochnikov* [Experience in quantitative analysis of mass information sources. In Russ.]. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo publ., 2004, p. 190.

LU, Ts. *Istoricheskii ocherk po issledovaniyu sotsiologicheskoi mysli V. I. Lenina v Kitae* [Historical sketch on the study of Lenin's sociological thought in China. In Russ.]. IN: *Voprosy istorii*, 2022, no. 7-2, pp. 166–174.

RUBLEV, D. I. *Anarhisty o politicheskoi deyatelnosti V. I. Lenina v epokhu velikoi rossiiskoi revolyutsii* [Anarchists on Lenin's political activities during the Great Russian Revolution. In Russ.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 65–77.

Сведения об авторах

Суданц Борис Маратович, Российский государственный гуманитарный университет, учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России», аспирант, г. Москва, Российская Федерация, 8-962-957-80-99, Boris77701@mail.ru

About the authors

Sudants Boris Maratovich, Russian State University for the Humanities, Educational and Research Centre "New Russia. History of Post-Soviet Russia," postgraduate student, Moscow, Russian Federation, +7-962-957-80-99, Boris77701@mail.ru

В редакцию статья поступила 23.03.2022 г., опубликована (для цитирования):

Суданц, Б. М. Перестроечная периодическая печать как исторический источник по трансформации образа В. И. Ленина в 1987–1991 гг. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 553–564. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564

Submitted 23.03.2022, published (for citation):

SUDANTS, B. M. *Perestroechnaya periodicheskaya pechat' kak istoricheskii istochnik po transformatsii obraza V. I. Lenina v 1987–1991 gg.* [Perestroika Periodicals as a Historical Source on the Transformation of Lenin's Image in 1987–91. In Russ.]. IN: *Vestnik arkhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 553–564. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-553-564

МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Museum and Archival Collections

Научная статья / Scientific article

УДК 311.313+311.21+314.88+314.02+311.213+311.214+930.253

+930.255 +930.24 +311.219.1+311.219.2+311.312+314.422.2

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575

Бурматов, А. А.

Куйбышевский филиал Новосибирского
государственного педагогического университета,
г. Куйбышев, Российская Федерация

Запросы в статистические управления: потенциал для историко-демографических исследований 1950–1970 гг.

Burmatov, Alexander A.

Kuibyshev branch of the Novosibirsk State
Pedagogical University, Kuibyshev, Russian Federation

Requests to Statistical Directorates: Potential for Historical and Demographic Research (1950–70)

Аннотация

В статье рассматривается возможность использования официальных запросов ученых в территориальные органы государственной статистики Западной Сибири для изучения демографической истории региона. История населения Советского Союза остается малоизученной, несмотря на огромное число работ, посвященных данной тематике. В советский период целые временные промежутки не освещались в статистике и науке. Власти скрывали негативные последствия модернизации или огромные потери в результате войн, голода и репрессий. Кроме прямого сокрытия статистической информации, широко практиковалась фальсификация данных. Первое послевоенное

пятнадцатилетие – типичный пример советской статистики. До 1957 г. никакой информации о населении не публиковалось. Первые послевоенные оценки относились к апрелю 1956 г. и не были подтверждены переписью населения 1959 г. После проведения очередного переписи статистические органы пересчитывали динамику населения и все показатели естественного движения. В СССР существовал недоучет демографических событий. Особенно это относится к смертности населения. Статистические органы собирали, перепроверяли и уточняли собранную информацию: информация не только корректировалась, но и подвергалась комплексному анализу. Динамические ряды по населению и его естественному движению по областям и краям не публиковались. Передача статистических материалов в государственные архивохранилища в полном объеме еще не произведена, а имеющиеся материалы содержат большие пропуски. Иногда данные искажены преднамеренно или случайно. Публикации ЦСУ и статистических управлений областей и краев могут расходиться. Автор осуществил запрос непосредственно в территориальные органы государственной статистики регионов Западной Сибири. Официальные ответы содержали информацию, собранную и рассчитанную по единой методике. Хронологически это период 1950–1970 гг. Десятилетие 1950–1959 гг. – это период, когда данные о населении почти не публиковались. В период 1959–1970 гг. имелись отрывочные публикации, не представляющие целостной картины. Материалы содержат данные о численности населения (в том числе городского и сельского), абсолютные числа родившихся, умерших, в том числе детей до 1 года. Все данные приводятся по городскому и по сельскому населению в целом по региону. В ответах содержатся показатели естественного движения, в том числе младенческой смертности. Особенность предоставленной информации – все данные об абсолютной численности и показатели естественного движения пересчитаны на основании данных переписи населения 1970 г. Это позволяет сравнить их с опубликованными ранее, особенно в сборниках, использовавшихся «для служебного пользования». Таким образом, ответы статистических органов позволяют реконструировать лакуны в демографической истории регионов Западной Сибири. Западная Сибирь рассматривается в границах одноименного экономического района на момент проведения переписи населения 1959 г. – Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области.

Abstract

The article considers the possibility of using official requests of scientists to territorial state agencies for statistics in Western Siberia to study the

demographic history of the region. The history of the population of the Soviet Union remains poorly studied, despite huge number of works devoted to the topic. During the Soviet period, entire eras were not covered in statistics and science. The authorities hid negative consequences of the modernization and huge losses following wars, famine, and repression. In addition to direct concealment of statistical information, data falsification was widely practiced. The first postwar fifteen years are a typical example of Soviet statistics. There was no published information on the population until 1957. The first post-war estimates dated back to April 1956 and were not confirmed by the 1959 census. After the next census, statistical agencies recalculated the dynamics of the population and all indicators of its natural movement. In the USSR, there was an underestimation of demographic events. This is especially true for the mortality. Statistical agencies collected, rechecked, and rectified the collected data; the information was not only corrected, but also subjected to a comprehensive analysis. Statistical series on the population and its natural movement by regions and territories were never published. The transfer of statistical materials to the state archives has not yet been conducted in full; the available materials contain huge data gaps. Sometimes the data was distorted intentionally or accidentally. Publications of the Central Statistical Administration (TsSU) and statistical directorates for regions and territories sometimes differ. The author has made requests directly to the territorial bodies of state statistics of the regions of Western Siberia. The official responses contained information collected and calculated by the same procedure. Chronological period is 1950–70. The decade of 1950–59 was a period when population data virtually wasn't published. For the period of 1959–70 there were some fragmentary publications, but they did not give a complete picture. Materials contain data on the population (including urban and rural), absolute number of births, deaths (including children under 1 year old). All materials on urban and rural population are given for the whole region. The responses contain indicators of natural movement, including infant mortality. The peculiarity of the information provided is that all data on absolute numbers and indicators of natural movement are recalculated on the basis of the 1970 census. This makes it possible to compare it with previously published data, especially in collections "for official use." Thus, the responses of statistical agencies allow us to fill the gaps in the demographic history of the regions of Western Siberia. Western Siberia is considered within the borders of the eponymous economic region at the time of the 1959 census: the Altai Krai, Kemerovo, Novosibirsk, Omsk, and Tomsk regions.

Ключевые слова

Исторические источники, Западная Сибирь, перепись в СССР населения 1959 г., перепись населения в СССР 1970 г., статистика населения, естественное движение населения, Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР и региональные статистические управления.

Keywords

Historical sources, Western Siberia, 1959 census in the USSR, 1970 census in the USSR, population statistics, natural population movement, Central Statistical Administration of the Council of Ministers of the USSR and regional statistical directorates.

Современная историко-демографическая проблематика переживает подъем, что вызвано обострением демографической ситуации в стране, наличием больших пробелов в истории народонаселения России. Источников, опубликованных в открытой печати до 1970 г., немного, сведения в них скудны и противоречивы, иногда сознательно искажены. Материалы государственной статистики по населению до 1956 г. в Советском Союзе не публиковались. Многие данные считались государственной тайной. Отрывочные сведения, опубликованные в открытой печати в СССР после 1956 г., не могли позволить исследователям проводить изучение демографической истории страны. На уровне регионов тема была табуирована вплоть до распада Советского Союза.

Попытки реконструировать динамику численности и естественного движения населения СССР и России были произведены. Расчеты аргументированы авторами, методологически проработаны¹. Что касается отдельных территорий страны – экономических районов, областей и краев, то динамика их населения остается малоизученной. В последние годы проделана большая работа по исследованию населения Сибири², в том числе городской его составляющей³. Исследователи населения Восточной Сибири используют фонды плановых организаций для исследования демографической истории⁴. Это ценно методологически. Однако проблема и сегодня далека от разрешения.

Статистические органы проводили большую работу по уточнению абсолютных чисел рождений и смертей, качества

заполнения регистраций в ЗАГСах, постоянно сверялись первичные данные и т. д. Проверки осуществлялись ЦСУ СССР и РСФСР. Ежегодно поверки охватывали 10% сельсоветов. Выявленные при таком контроле пропуски вносились в годовую разработку⁵. Выявлялись случаи пропуска в ходе дальнейшего учета. Статистики постоянно сообщали о значительном числе событий с просроченной датой регистрации. Динамические ряды по рождениям, и особенно смертям, содержат неполноту (до 4%) регистрации демографических событий⁶.

Демографический кризис заставил общество искать пути решения проблемы. Это было невозможно без изучения недавнего прошлого. Возникла проблема с поиском источников. Официальные данные, собранные и систематизированные органами государственной статистики, в значительной степени оказались недоступны для исследователей. Передача всей информации в государственные архивохранилища не произошла в полном объеме. В архивах данные о населении неполные и целостной картины не представляют.

Автором были направлены запросы в местные территориальные органы государственной статистики (ТОС), которые собирали, обрабатывали, производили расчеты и проверку полноты информации. На основе полученной информации статистические органы строили расчеты, готовили справки для вышестоящих органов. Вся информация была обработана в едином методологическом плане и полностью сопоставима по всем территориям. В органах статистики формировалась база данных, выстраивались динамические ряды по годам, по входившим в территории городам и районам.

Запросы в ТОС носят коммерческий характер. Полученные материалы – таблицы – непрерывные динамические ряды для каждого региона. Хронологически запрашивались материалы с 1950 г. по 1970 г. Это важно потому, что до 1959 г. динамика населения регионов в полном объеме никогда не публиковалась. Численность населения с 1959 по 1970 г. была обнародована с пропусками. Итоги переписи 1970 г. позволили статистикам пересмотреть динамику населения между переписями. Естественное движение регионов в открытых публикациях

практически не представлено. Ответы ТОС содержат следующие данные: 1. Абсолютные данные о численности населения, с разбивкой по месту проживания (городское и сельское население). 2. Абсолютные числа родившихся, умерших, в том числе младенцев до 1 года, с разбивкой по месту проживания, по естественному приросту. 3. Коэффициенты рождаемости, смертности, младенческой смертности для всего населения областей и края, его составляющих – городского и сельского населения. На основе их можно выстроить непрерывные динамические ряды по всей Западной Сибири⁷.

Предоставленные материалы имеют особенность: все данные по численности населения, его городскому и сельскому составу, а также показатели естественного движения, кроме младенческой смертности, пересчитаны на основании итогов всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. Их можно сравнить с опубликованными оценками численности населения и показателями естественного движения, опубликованными в период между переписями населения. Это позволяет выявить ошибки текущего статистического учета. Данные отличаются незначительно. Это в равной степени относится как к текущим оценкам, так и пересчетам на основании цензов. Необходимо обратиться к изданным «для служебного пользования» материалам, в которых необходимые динамические ряды присутствуют. Показатели младенческой смертности, представленные в непрерывном динамическом ряду с 1950 по 1970 г., свидетельствуют о существенном недоучете смертей младенцев.

Вторым контрольным фактором являются материалы государственных архивов областей. В них наличествует широкий спектр документации от переписки и справок до итоговых материалов переписей населения. Можно обнаружить и «попытки» местных статистиков реконструировать динамические ряды по численности жителей на основе материалов цензов населения. Сравнение показывает отличие динамических рядов, утвержденных ЦСУ РСФСР, от аналогичных, составленных местными статистиками⁸. Расчеты местных статистиков никогда не афишировались. Органам статистики на местах запрещалось публиковать материалы

без разрешения ЦСУ РСФСР. Поскольку низовые структуры не имели всей полноты информации по материалам ограниченного распространения (распределение военнослужащих, жителей закрытых городов и поселений, заключенных), то их «ошибки» в расчетах могли отразить степень проводимых центральными органами манипуляций. Направление миграций могло исказиться местными статистиками. В советской статистической практике использовали эвфемизм: заключенные, прибывшие в регион, в статистике проходили как «лица, прибывшие из СССР без указания территорий выбытия», а выбывшие – как «лица, выбывшие в СССР без указания территорий прибытия». Поскольку таковых оказывалось значительное число, то непосвященным казалось, что статистика миграций в СССР имеет большие изъяны. Миграция в тоталитарной стране учитывалась хорошо. В СССР был введен статистический талон выбытия. Без него в месте прибытия нельзя было встать на учет, получить прописку, устроиться на работу. Заполнение его было обязательным, и административные органы строго за этим следили. Анализ позволяет сделать вывод и о масштабе производимых забалансовых операций.

Пропущенный срок регистрации демографических событий – рядовое явление. Если регистрация произведена в течение текущего года или первого квартала, следующего за отчетным, то событие разработчиками включалось в годовой отчет. Архивные материалы показывают, что в органах ЗАГС производилось большое число регистраций смертей с просроченным сроком регистрации. Регистрации событий прошлого года, которые были учтены в органах ЗАГС во втором-третьем квартале следующего года, в статистическую отчетность не попадали. Статистики Омской области по этому поводу постоянно били тревогу⁹. Аналогичная ситуация часто встречается в Новосибирской области¹⁰.

Полученные от ТОС материалы представляли таблицы с цифровыми данными. Сводные таблицы, полученные от статуправлений Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей, не вызывают нареканий. В материалах Омской области наличествуют лакуны показателей естественного движения, хотя абсолютные числа приведены; численность

населения показана в целых тысячах, без первой цифры после запятой. Показатели естественного движения зачастую округлены до целых промилле. В материалах томских статистиков имеется динамика численности населения на начало года и среднегодовая численность жителей, но показатели естественного движения округлены. Рассчитанные автором показатели естественного движения могут отличаться от официальных. Различия небольшие и данные вполне сопоставимы.

На основе предоставленных территориальными органами статистики данных и архивных материалов автор реконструировал динамику населения, рассчитал показатели естественного движения, миграционные потери населения Западной Сибири за 1950–1970 гг., показатели миграции для всего населения, его составляющих (городское и сельское население), каждой территории, входящей в Западную Сибирь. Результаты исследования опубликованы в ряде статей в сборниках и научных журналах как часть коллективной монографии по населению Западной Сибири в XX в.¹¹

Обращение в ТОС позволяет получить достоверную статистическую информацию о демографической ситуации за любой послевоенный год. Материалы госстатистики рассчитаны по единой методике, охватывают всю территорию Западной Сибири. Они неоднократно перепроверялись, уточнялись и систематизировались. Потенциал для исследователя в недрах текущих архивов органов статистики огромен.

Примечания / Notes

¹¹ Андреев, Е. М., Дарений, Л. Е., Харьковская, Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. – М.: Наука, 1993. – 143 с. ANDREEV, E. M., DARENII, L. E., KHARKOVA, T. L. The population of the Soviet Union. 1922–1991. Moscow, 1993, 143 p.; Жиромская, В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. (1946–1960). – М.: РГГУ, 2009. – 277 с. ZHIROMSKAYA, V. B. Life potential of postwar generations in Russia: Historical and demographic aspect. (1946–60). Moscow, 2009, 277 p.; Жиромская, В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М.: Кучково поле, 2013, 320 с. ZHIROMSKAYA, V. B. The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century. Moscow, 2013, 320 p.

² Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.) / В. А. Зверев, В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова, М. А. Семенов, В. Б. Лапердин, А. А. Бурматов, О. Б. Дашинамжилов. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. – С. 217–279. Demographic history of Western Siberia (late 19th – 20th century). Novosibirsk, 2017, pp. 217–279.

³ *Дашинамжилов, О. Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование / отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 2018. – 366 с. DASHINAMZHILOV, O. B. The urban population of Western Siberia in the 1960s–80s: A historical and demographic study. Novosibirsk, 2018, 366 p.

⁴ *Гонина, Н. В., Павлукевич, Р. В., Славина, Л. Н.* Фонды региональных плановых органов как наиболее ценный источник по динамике и уровню жизни городского населения Восточной Сибири. 1954–1984 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1088–1105. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1088-1105. GONINA, N. V., PAVLYUKEVICH, R. V., SLAVINA, L. N. *Fondy regional'nykh planovykh organov kak naibolee tsennyi istochnik po dinamike i urovnyu zhizni gorodskogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. 1954–1984 gg.* [Fonds of Regional Planning Agencies as a Most Valuable Source on the Dynamics and Standards of Living of the Urban Population of Eastern Siberia: 1954–84. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2021, no. 4, pp. 1088–1105.

⁵ *Вострикова, А. М.* Выборочное обследование в демографической статистике // Выборочное наблюдение в статистике СССР / Под ред. А. Я. Боярского, В. В. Джапаридзе, В. С. Овсиенко, М. Р. Эйдельмана. – М.: НИИ ЦСУ СССР, 1966. – С. 310–327. VOSTRIKOVA, A. M. Sample survey in demographic statistic. IN: BOYARSKY, A. Ya. DZHAPARIDZE, V. V., OVSIENKO, V. S., EIDELMAN, M. R. (eds.). *Sample survey in Soviet statistic*. Moscow, 1966, pp. 310–327.

⁶ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4457. Л. 170–173. The Historical Archive of the Omsk Region (IAOO), fond 2122, series 1, file 4457, pp. 170–173.

⁷ Вся официальная статистическая информация (ответы на запросы) содержится в следующих материалах, полученных автором от: Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015 г. и б/н от 22.01.2018 г.; Кемеровостата № 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омскстата № ЕИШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК-72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. и 13.02.2018 г. № СК-72-02/251-ДР. ТОС Горного Алтая не мог предоставить материалы, потому что находился в указанный временной период в составе Алтайского края. Сведения по нему предоставили из ТОС Алтайского края. В последнем наличествуют материалы по данному региону в нынешних границах, а также материалы с включением Горного Алтая.

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 2, 3. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO), fond 11, series 3, file 8668, pp. 2, 3.

⁹ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 3. Д. 1035. Л. 95–98. ИАОО, fond 2122, series 3, file 1035, pp. 95–98.

¹⁰ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22. ГАНО, fond 11, series 3, file 8668, p. 22.

¹¹ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. – 350 с. *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX v.)* [Demographic history of Western Siberia (late XIX–XX century). In Russ.]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2017. 350 p.

Список литературы

Андреев, Е. М., Дарений, Л. Е., Харьковская, Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. – М.: Наука, 1993. – 143 с.

Вострикова, А. М. Выборочное обследование в демографической статистике // Выборочное наблюдение в статистике СССР / Под ред. А. Я. Боярского, В. В. Джапаридзе, В. С. Овсиенко, М. Р. Эйдельмана. – М.: НИИ ЦСУ СССР, 1966. – С. 310–327.

Гонина, Н. В., Павлюкевич, Р. В., Славина, Л. Н. Фонды региональных плановых органов как наиболее ценный источник по динамике и уровню жизни городского населения Восточной Сибири. 1954–1984 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 4. – С. 1088–1105. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1088-1105.

Дашинамжилов, О. Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование / Отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 2018. – 366 с.

Жиромская, В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект (1946–1960). – М.: РГГУ, 2009. – 277 с.

Жиромская, В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М.: Кучково поле, 2013. – 320 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.): коллективная монография / В. А. Зверев, В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова, М. А. Семенов, В. Б. Лапердин, А. А. Бурматов, О. Б. Дашинамжилов. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. – 350 с.

References

ANDREYEV, E. M., DARENII, L. E., KHARKOVA, T. L. The population of the Soviet Union. 1922–91. Moscow, 1993, 143 p.

VOSTRIKOVA, A. M. Sample survey in demographic statistic. IN: BOYARSKY, A. Ya., DZHAPARIDZE, V. V., OVSIENKO, V. S., EIDELMAN, M. R. (eds.). Sample survey in Soviet statistic. Moscow, 1966, pp. 310–327.

GONINA, N. V., PAVLYUKEVICH, R. V., SLAVINA, L. N. *Fondy regional'nykh planovykh organov kak naibolee tsennyi istochnik po dinamike*

i urovnyu zhizni gorodskogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. 1954–1984 gg. [Fonds of Regional Planning Agencies as a Most Valuable Source on the Dynamics and Standards of Living of the Urban Population of Eastern Siberia: 1954–84. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2021, no. 4, pp. 1088–1105.

DASHINAMZHILOV, O. B. The urban population of Western Siberia in the 1960s–80s: A historical and demographic study. Novosibirsk, 2018, 366 p.

ZHIROMSKAYA, V. B. Life potential of postwar generations in Russia: Historical and demographic aspect (1946–60). Moscow, 2009, 277 p.

ZHIROMSKAYA, V. B. The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century. Moscow, 2013, 320 p.

Demographic history of Western Siberia (late 19th – 20th century). Novosibirsk, 2017, 350 p.

Сведения об авторах

Бурматов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета, доцент, г. Куйбышев, Российская Федерация, 8-913-756-33-68, al-burmatov@yandex.ru

About the authors

Burmatov Alexander Anatolievich, PhD in History, associate professor, Kuibyshev Branch of Novosibirsk State Pedagogical University, Kuibyshev, Russian Federation, +7-913-756-33-68, al-burmatov@yandex.ru

В редакцию статья поступила 07.10.2022 г., опубликована (для цитирования):

Бурматов, А. А. Запросы в статистические управления: потенциал для историко-демографических исследований 1950–1970 гг. // *Вестник архивиста*. – 2023. – № 2. – С. 565–575. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575

Submitted 07.10.2022, published (for citation):

BURMATOV, A. A. *Zaprosy v statisticheskie upravleniya: potentsial dlya istoriko-demograficheskikh issledovaniy 1950–1970 gg.* [Requests to Statistical Directorates: Potential for Historical and Demographic Research (1950–70). In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 565–575. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-565-575

Научная статья / Scientific article

УДК 321.01+321.74+323.4+93/94+329.735+343.197+343.301+323.28
+323.26+342.71+321.02

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588

Петин, Д. И.

Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

**Работа омских чекистов в отношении
бывших белых контрразведчиков:
казус Гудимова-Горского**

Petin, Dmitry I.

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

**The Omsk Chekists Working
with Ex-White Counterintelligence Agents:
The Gudimov-Gorsky Incident**

Аннотация

Современная российская академическая наука уделяет весьма пристальное внимание истории отечественных органов государственной безопасности, отмечая, что изучение опыта работы данного ведомства имеет высокую значимость для общего осмысления функционирования институтов государства и общества, особенно в эпоху социальных катаклизмов. Внимание читателя представлен ранее не освещавшийся эпизод работы омских чекистов на завершающем этапе Гражданской войны в Сибири, связанный с противодействием советских органов государственной безопасности деятельности белой контрразведки и физической нейтрализации в РСФСР ее сотрудников и завербованной ею агентуры. Цель работы заключается в том, чтобы

на примере финального этапа биографии подполковника Гудимова-Горского проанализировать формы и методы деятельности спецслужб, противостоявших друг другу в условиях окончания Гражданской войны на востоке России. Проведена связь изучаемого вопроса с общей историографией проблемы, подчеркивающей актуальность предпринятого нами научного изыскания. Основой для исследования послужил комплекс выявленных автором неопубликованных и находившихся в советский период на закрытом ведомственном хранении источников, имеющихся в составе архивного уголовного дела в отношении названного лица. Теоретической основой исследования выступили антропологический и системный подходы, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Данная совокупность дает возможность более полноценно проследить описываемые военные и политические процессы в общем контексте функционирования государства и общества, рассмотреть попытки осознания происходящего в стране, в том числе влияния человеческого фактора и стихийного начала на исход отдельно взятых прецедентов в работе региональных органов ВЧК. В заключительной части статьи обозначены дискуссионные проблемные моменты проделанной работы, связанные, главным образом, с ограниченностью источниковой базы, а также сложностью полной биографической идентификации Гудимова-Горского. В связи с этим данное исследование позиционируется нами не как законченное, а как открывающее путь к дальнейшей разработке обозначенного широкого вопроса. Публикация может представлять интерес для академических специалистов, изучающих Гражданскую войну на востоке России, деятельность отечественных органов государственной безопасности в эпоху социальных катаклизмов, бытование представителей офицерства в условиях революционных процессов, а также общественно-политическую жизнь в раннем советском социуме.

Abstract

Modern Russian academic science pays close attention to the history of national state security agencies, noting that studying their experience is of high importance for understanding the functioning of state and society institutions, especially in the era of social cataclysms. The article presents previously unknown episode from the work of the Omsk Chekists at the final stage of the Civil War in Siberia concerning opposition of the Soviet state security agencies to the activities of the White counterintelligence and physical neutralization of its employees and agents in the RSFSR. The article is to analyze forms and methods of the special services opposing one

another at the end of the Civil War in the East of Russia, using the example of the final stage in the biography of Lieutenant Colonel Gudimov-Gorsky. The studied issue is connected to the general historiography of the problem, emphasizing the relevance of research. The study draws on a complex of unpublished sources from Gudimov-Gorsky's archival criminal case, which was in closed departmental storage during the Soviet period. The theoretical basis is anthropological and systematic approaches, problem-chronological and comparative-historical methods, which permits to trace the described military and political processes in the general context of functioning of state and society, attempting to comprehend, among other things, the influence of human factor and random element on the outcome of some precedents in the work of regional bodies of the Cheka. The final part of the article underscores debatable problematic points related to the limited source base and complexity of biographical identification of Gudimov-Gorsky. Thus, the study is deemed uncompleted, however, it opens a way to further development of the designated broad issue. The publication may be of interest to the specialists studying the Civil War in the East of Russia, activities of national state security agencies in the era of social cataclysms, life of officers during the revolutionary processes, as well as socio-political life in the early Soviet society.

Ключевые слова

Исторические источники, Гражданская война, офицерство, спецслужбы, разведка, контрразведка, ВЧК, репрессии, Омск.

Keywords

Historical sources, Civil War, officers, special services, intelligence, counterintelligence, Cheka, repressions, Omsk.

В российской историографии работа спецслужб в текущие 30 лет стала активно изучаемым направлением, особо актуальным для научного осмысления периодов социальных катаклизмов. Это подчеркивают ведущие ведомственные историки, указывая, что для исследователей «человеческое видение» событий вследствие антропологического поворота в исторической науке дает весьма полноценные представления как о спецслужбах, так о государстве и обществе в целом¹.

Гражданская война в России обернулась, в том числе, ожесточенным противостоянием спецслужб, фактически создаваемых заново противоборствовавшими сторонами, актив-

но использовавших разведку в глубоком тылу, оперативную, контрразведывательную, агентурную работу. Здесь показателен омский прецедент, фигурантом которого стал Александр Яковлевич Гудимов-Горский (под такой фамилией этот человек и осужден, и реабилитирован). Установить его истинное имя, отчество и фамилию не представилось возможным: исходя из специфики службы они вполне могли меняться сознательно. Известны разночтения первой части фамилии: Губенко, Гудебенко, Гудиленко, Гудименко, Гумбиненко². В названии статьи приводим версию из региональной книги памяти жертв политических репрессий³; в тексте – по документам.

Осенью 1919 г., когда части РККА рвались к столице белой Сибири – Омску – сотрудники особого отдела ВЧК 5-й армии в прифронтовой полосе задержали следовавших на запад неких мужчин Аистова и Гумбиненко, возбудив в отношении них следствие по подозрению в шпионаже в пользу белых. Второй из них назвался сотрудником Харьковской губЧК, из допросов было видно, что он знает в данном регионе ключевых советских работников. Чекисты даже сначала выдали им пропуск, но недоверие к задержанным было слишком велико: подтвердить их личности в тех условиях было невозможно. Арестованных 13 ноября 1919 г. направили в особый отдел Восточного фронта, но вскоре отпустили из-за отсутствия уличающих материалов⁴.

В конце января 1920 г. в Красноярске сотрудники особого отдела ВЧК 5-й армии задержали руководителя Особого отдела Управления делами Верховного правителя и Совета министров Б. А. Деминова и заведующего агентурой названной структуры А. В. Караулова. Последний вскоре умер, не дав показаний; Деминов же, выдав себя за «красного лазутчика-добровольца в стане Колчака», сообщил чекистам ценнейшие сведения о работе спецслужб белой Сибири⁵. Но чистки советского аппарата от чуждого элемента (в том числе, по линии ВЧК) велись уже в 1919–1920 гг.⁶ В ходе таких мероприятий перебежчика-авантюриста Деминова быстро разоблачили и расстреляли.

Но именно от него чекисты узнали, что в конце 1919 г. упустили попавшего к ним в руки «лже-чекиста» – агента

Особого отдела управления делами Верховного правителя и Совета министров Губенко-Горского, уже трижды успешно переходившего линию фронта. Он в сентябре 1919 г. прибыл из РСФСР, сделав доклад о работе начальнику разведотдела 3-й армии, получил пост штаб-офицера для секретных поручений в Уфимском отделении Особого отдела (находилось в Петропавловске). Белые спецслужбы тогда еще активно засылали в тыл РККА своих разведчиков и диверсантов. Губенко-Горский, следуя на очередное задание для организации антисоветского мятежа в Самаре, попав к чекистам, сумел не выдать себя. В Самаре он уже встречался со штабс-капитаном Ильиным и прапорщиком Тихоновым (главы подпольных групп офицеров и дезертиров и соответственно студентов и гимназистов).

О месте очередного появления агента чекисты лишь предполагали. Сводки об этом с фотографией подлежащего срочному задержанию Губенко-Горского (фото 1) 4 марта 1920 г. особый отдел 5-й армии направил в СибЧК, а также в Самарскую и Харьковскую губЧК. Снимок характеризовал личность агента: подполковник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., служил (судя по полковому знаку на мундире) в 122-м пехотном Тамбовском полку (дислоцировался в Харькове)⁷.

Сообщалась и особая примета: разведчик ходил на костылях, потеряв правую ногу (вероятно, в Первую мировую войну). Но чекисты понимали: это опытный боевой офицер и опасный противник. Что касается использования агента-инвалида – этот прием белых спецслужб был прост и очеви-

Фото 1

А. Я. Гудимов-Горский. 1910 г.
Из фондов архива УФСБ
России по Омской области.
A. Ya. Gudimov-Gorsky. 1910s.
From fonds of the Archive of
the Directorate of the Federal
Security Service of Russia
for the Omsk Region

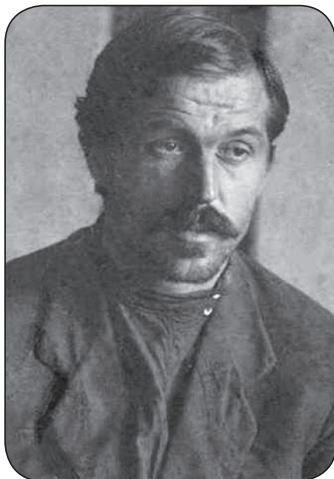

Фото 2

А. Я. Гудимов-Горский. 1920 г.

Из фондов архива УФСБ
России по Омской области.

A. Ya. Gudimov-Gorsky. 1920.

From fonds of the Archive of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region

ден: жертв «Великой войны» тогда было много, и хотя человек с увеличенным приметен, но все же в меньшей степени может подозреваться в шпионаже.

Внезапно найти Губенко-Горского сотруднику Омской губЧК позволила агентурная работа среди бывших офицеров. Некий есаул Федоров (здесь и далее инициалы не указаны, если их нет и в документах) сообщил чекистам об общении в доме Ивановых (Сажинская, 6) с гражданином Гудимовым, что приезжает в Омск, продает свои вещи, покупая взамен одежду для белогвардейцев, скрывающихся на брошенных киргизских зимовках в 60 верстах западнее Омска. Новый знакомый говорил есаулу, что, выполняя особые задания белых в 1918–1919 гг., не раз ходил в советский тыл. Там же у Ивановых, выйдя из концлагеря, искал приют бывший офицер

Медведев-Малышкин, кому решил помочь Гудимов, предложил ехать к нему в Марьяновку (крупный поселок и станция железной дороги в 47 км западнее Омска), где новый жилец вел себя странно, даже по нужде продолжая бояться выйти на улицу. Квартиранту Гудимов советовал ехать поездом в глухую местность и спокойно жить, а сам о подозрительном постояльце сообщил сотруднику УТЧК Шеболнину. Но пока предпринимали меры к аресту, Медведев-Малышкин бежал⁸.

Наверняка в опознании помогло имевшееся фото и особая примета: 14 октября 1920 г. в деревне Новотимофеевка Омского уезда чекисты задержали Гудимова (фото 2). Перед ними предстал тот же бравый офицер, что и ранее. При обыске

ничего не нашли, выяснив лишь, что он имеет небольшой кожевенный завод, работает учителем в Марьяновке, где его все знают как 39-летнего Александра Яковлевича Горского. На допросе 17 октября он скупо рассказал о себе, что происходил из крестьян села Томаровка Томаровского уезда Белгородского уезда Курской губернии, вырос в Харькове, где окончил реальное училище и технологический институт, получив специальность инженера-механика. С 1903 г. состоял на военной службе, окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище, участвовал в Первой мировой войне, был ранен; к 1917 г. имел чин подполковника. Ранее привлекался к ответственности за антисоветскую агитацию, но был оправдан. Здесь надо сказать, что офицера с таким (схожим) именем нет ни в списках личного состава юнкеров названного училища и упомянутого выше полка, ни в наградных документах Русской императорской армии в РГВИА. Это заводит идентификацию личности в тупик.

Любопытны были сведения о семье задержанного. Отец имел картонную фабрику и хутор под Харьковом; родители, 4 брата и сестра жили там же. Один из братьев – Михаил Яковлевич Гудимов служил в Харькове комиссаром военных сообщений РККА. Связи с антисоветским подпольем, службу у белых, знакомство с Федоровым арестант отрицал⁹.

Но на допросе 20 октября он сообщил, что в 16 км от Марьяновки на заимке Якова Абрамовича Ширлинга в Шарাপовке скрываются 8 офицеров, а Медведев-Малышкин живет недалеко на заимке Тимофея Романовича Монастырского под видом работника. После обысков, арестов и допросов Ширлинга, Монастырского и его сына Василия чекисты установили, что те реально укрывали бежавших из омского концлагеря белогвардейцев. На второй заимке изъяли 7 винтовок и 700 патронов. Гудимов-Горский держался стойко, после очной ставки с Федоровым признал лишь, что у него жил Медведев-Малышкин и что Федорову он предлагал у себя в Марьяновке место для укрывательства. Исходя из частичных признаний задержанных лиц, показаний Федорова и дознания по очным ставкам по делу вынесли обвинительное заключение. По постановлению Омской губЧК от 21 октября

1920 г. за создание контрреволюционной подпольной организации и укрывательство офицеров Т. Р. Монастырский в силу преклонного возраста получил 5 лет заключения условно (в 1929–1930 гг. преследовался ОГПУ, выслан); В. Т. Монастырский и А. Я. Гудимов-Горский – приговорены к расстрелу. 4 декабря 1920 г. расстреляли Я. А. Ширлинга. Все указанные лица реабилитированы прокуратурой Омской области в 1993 г.¹⁰

Описанный казус открывает дискуссию. Обвинение отчасти строилось на косвенных доводах. Следствие в обвинительном заключении не учло оперативную информацию о принадлежности Гудимова-Горского к белым спецслужбам. Возможно, это было сложнее доказать, и для быстрой законной ликвидации опасного контрреволюционера чекисты «использовали» его очевидную причастность к антисоветскому подполью. Здесь важно помнить, что устранение подобных лиц было тогда приоритетной задачей омских чекистов¹¹. Покрытые тайной личности Медведева-Малышкина и Федорова навевают мысли о том, что они оба могли быть действовавшими под прикрытием чекистов.

Газета «Советская Сибирь» в 1920 г. публиковала многочисленные списки контрреволюционеров, расстрелянных Омской губЧК. Но упоминаний о Гудимове-Горском в них нет. Более того, этот человек на 25 октября 1924 г. значится с указанием вариаций написания фамилии и особых примет во всесоюзном розыске по линии ГПУ УССР за службу в белой контрразведке¹². Вероятное объяснение тому: в первом случае – механическая ошибка, во втором – неосведомленность харьковских чекистов о случившемся осенью 1920 г. в Омске. В архивном уголовном деле нет справки о приведении приговора в исполнение (видимо, по халатности делопроизводителя). Но в обзоре о работе Омской губЧК за 1920 г. в блоке о нейтрализованных сотрудниках и агентах белых спецслужб указано, что 23 октября 1920 г. Гудимов-Горский расстрелян¹³. Общая практика работы ВЧК в те годы исключала возможность использования белого контрразведчика для агентурной работы, в том числе, вне СССР. Обстановка в общественно-политической сфере страны в ближайшие 20 лет, «раскрытие»

органами ОГПУ–НКВД различных «антисоветских организаций» оставляли крайне малую вероятность тихой жизни для человека с таким прошлым.

Изучение подобных личностей и связанных с ними примеров работы органов ВЧК имеет трудности. Сказывается скрытный характер работы спецслужб обеих сторон и узкая источниковая база, обусловленная и общей сохранностью документов, и недостатками делопроизводства в органах ВЧК в те годы. О Гудимове-Горском ценные сведения могут содержать документы из архивного уголовного дела в отношении Б. А. Деминова; но поскольку он не реабилитирован, доступ гражданских историков к делу закрыт. В связи с этим, исследуя подобные казусы, в ряде случаев обоснованно приходится прибегать к схематическим реконструкциям, что все же позволяет разрабатывать историографию вопроса.

Примечания / Notes

¹ Плеханов, А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2018. – № 1. – С. 7–11. PLEKHANOV, A. M. “*Sozdayetsya vpechatlenie, chto my vospityvaem molodoe pokolenie ‘ne pomnyashchee rodstva’...*” [It seems that we are educating the younger generation “to forget their roots.” In Russ.]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’*, 2018, no. 1, pp. 7–11; Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 55–61. ZDANOVICH, A. A. “*Kontseptual’no my dolzhny pisat’ ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voevali i cherez poteri prishli k Velikoi Pobede...*” [“It is about our strugglers and losses on the long journey to the Great Victory that we should write conceptually, not how we won ...” In Russ.]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Contemporaneity], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 55–61.

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 1. Л. 58 об. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [The Historical Archive of the Omsk Region] (IAOO), fond R-320, series 2, file 1, p. 58 verso.

³ Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 2. – Омск: Кн. изд-во, 2000. – С. 341. *Zabveniuyu ne*

podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti [Not to be forgotten. Book of Memory of victims of political repressions in the Omsk region. In Russ.]. In 11 vols. Vol. 2. Omsk, Kn. izd-vo publ., 2000, p. 341.

⁴ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-101302. Л. 4, 13. *Arkhiv UFSB Rossii po Omskoi oblasti* [The Archive of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region], fond 4, file P-101302, pp. 4, 13.

⁵ Шишкин, В. И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май–декабрь 1919 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – № 8. – С. 63–81. SHISHKIN, V. I. *Osobyi otdel upravleniya delami verkhovnogo pravatelya i soveta ministrov rossiiskogo pravitel'stva (mai–dekabr' 1919 goda)* [The special department of administration of the Supreme Ruler and Council of Ministers of the Russian Government (May – December, 1919)]. In Russ.]. IN: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, no. 8, pp. 63–81.

⁶ Анфертьев, И. А. О взаимоотношениях ВЧК–ОГПУ и РКП(б) в первой половине 1920-х гг. по документам Центральной контрольной комиссии РКП(б) // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: материалы всеросс. науч.-практ. конф. 12 мая 2014 г., г. Иркутск. Вып. XIX. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. – С. 52–57. ANFERTIEV, I. A. *O vzaimootnosheniyakh VCHK–OGPU i RKP(b) v pervoi polovine 1920-kh gg. po dokumentam Tsentral'noi kontrol'noi komissii RKP(b)* [On relations between the Cheka–OGPU and the RCP (B) in the first half of 1920s in documents of the Central Control Commission of RCP (B)]. In Russ.]. IN: *Problemy fal'sifikatsii istorii v kontekste stanovleniya i razvitiya silovykh struktur: materialy vseross. nauch.-prakt. konf. 12 maya 2014 g., g. Irkutsk* [Problems of history falsification in the context of formation and development of power structures: Proceedings of the All-Russian research-to-practice conference, May 12, 2014, Irkutsk]. Vol. 19. Irkutsk, Vostochno-Sibirskii institut MVD Rossii publ., 2014, pp. 52–57; Анфертьев, И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3. – С. 67. ANFERTIEV, I. A. *Rukovodstvo RKP (b) v usloviyakh perekhoda k novoi ekonomicheskoi politike: Tsentral'naya kontrol'naya komissiya i "chistki" partiinykh kadrov* [The leadership of the RCP (B) in the context of the transition to the new economic policy: The Central Control Commission and the “purges” of party cadres. In Russ.]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 3, p. 67.

⁷ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 10. Л. 183. *Arkhiv UFSB Rossii po Omskoi oblasti* [The Archive of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region], fond 87, series 3, file 10, p. 183. Там же. Ф. 4. Д. П-101302. Л. 12–13. *Ibid.*, fond 4, file P-101302, pp. 12–13.

⁸ Там же. Л. 7, 37. *Ibid.*, pp. 7, 37.

⁹ Там же. Л. 1, 6. Ibid., pp. 1, 6.

¹⁰ Там же. Л. 37–38, 78, 78 об. Ibid., pp. 37–38, 78, 78 verso.

¹¹ Сушко, А. В. Красный террор в белом Омске: к вопросу о репрессивной деятельности Омской губЧК после краха колчаковского режима // От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект. – Пермь: ПНИПУ, 2018. – С. 69. SUSNKO, A. V. *Krasnyi terror v belom Omske: k voprosu o repressivnoi deyatel'nosti Omskoi gubCHK posle krakha kolchakovskogo rezhima* [Red terror in White Omsk: Revisiting repressive activities of the Omsk Region Cheka after the collapse of the Kolchak regime. In Russ.]. IN: *Ot "Aurory" do "filosofskikh parokhodov". Bor'ba s inakomysliem v pervye gody sovetskoi vlasti (1917–1920-ye gg.). Regional'nyi aspekt.* Perm, PNIPU publ., 2018, p. 69.

¹² ИАОО. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 1. Л. 58 об. ИАОО, фонд R-320, series 2, file 1, p. 58 verso.

¹³ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 10. Л. 151. *Arkhiv UFSB Rossii po Omskoi oblasti* [The Archive of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region], fond 87, series 3, file 10, p. 151.

Список литературы

Анфертьев, И. А. О взаимоотношениях ВЧК–ОГПУ и РКП(б) в первой половине 1920-х гг. по документам Центральной контрольной комиссии РКП(б) // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: материалы всеросс. науч.-практ. конф. 12 мая 2014 г., г. Иркутск. Вып. XIX. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. – С. 52–57.

Анфертьев, И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3. – С. 65–78.

Зданович, А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 55–61.

Плеханов, А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2018. – № 1. – С. 7–11.

Сушко, А. В. Красный террор в белом Омске: к вопросу о репрессивной деятельности Омской губЧК после краха колчаковского режима // От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект. – Пермь: ПНИПУ, 2018. – С. 68–77.

Шишкин, В. И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май–декабрь 1919 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – № 8. – С. 63–81.

References

ANFERTIEV, I. A. *O vzaimootnosheniyakh VCHK–OGPU i RKP(b) v pervoi polovine 1920-kh gg. po dokumentam Tsentral'noi kontrol'noi komissii RKP(b)* [On relations between the Cheka–OGPU and the RCP (B) in the first half of 1920s in documents of the Central Control Commission of RCP (B). In Russ.]. IN: *Problemy fal'sifikatsii istorii v kontekste stanovleniya i razvitiya silovykh struktur: materialy vseross. nauch.-prakt. konf. 12 maya 2014 g., g. Irkutsk* [Problems of history falsification in the context of formation and development of power structures: Proceedings of the All-Russian research-to-practice conference, May 12, 2014, Irkutsk]. Vol. 19. Irkutsk, Vostochno-Sibirskii institut MVD Rossii publ., 2014, pp. 52–57.

ANFERTIEV, I. A. *Rukovodstvo RKP (b) v usloviyakh perekhoda k novej ekonomicheskoi politike: Tsentral'naya kontrol'naya komissiya i "chistki" partiinykh kadrov* [The leadership of the RCP (B) in the context of the transition to the new economic policy: The Central Control Commission and the “purges” of party cadres. In Russ.]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 3, pp. 65–78.

PLEKHANOV, A. M. *“Sozdayetsya vpechatlenie, chto my vospityvaem molodoe pokolenie ‘ne pomnyashchee rodstva’...”* [It seems that we are educating the younger generation “to forget their roots.” In Russ.]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 2018, no. 1, pp. 7–11.

SHISHKIN, V. I. *Osobyi otdel upravleniya delami verkhovnogo pravatelya i soveta ministrov rossiiskogo pravitel'stva (mai–dekabr' 1919 goda)* [The special department of administration of the Supreme Ruler and Council of Ministers of the Russian Government (May – December, 1919). In Russ.]. IN: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, no. 8, pp. 63–81.

SUSHKO, A. V. *Krasnyi terror v belom Omske: k voprosu o repressivnoi deyatel'nosti Omskoi gubCHK posle krakha kolchakovskogo rezhima* [Red terror in White Omsk: Revisiting repressive activities of the Omsk Region Cheka after the collapse of the Kolchak regime. In Russ.]. IN: *Ot “Avrory” do “filosofskikh parokhodov”. Bor'ba s inakomysliem v pervye gody sovetской vlasti (1917–1920-ye gg.). Regional'nyi aspekt*. Perm, PNIPU publ., 2018, pp. 68–77.

ZDANOVICH, A. A. *“Kontseptual'no my dolzhny pisat' ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voevali i cherez poteri prishli k Velikoi Pobede...”* [“It is about our strugglers and losses on the long journey to the Great Victory that we should write conceptually, not how we won ...” In Russ.]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Contemporaneity], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 55–61.

Сведения об авторах

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный технический университет, кафедра «История, философия и социальные коммуникации», старший научный сотрудник; Российская Федерация, 644055, г. Омск, пр. Мира, 11, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru.

About the authors

Petin Dmitrii Igorevich, PhD in History, associate professor, Omsk State Technical University, department of history, philosophy, and social communications, senior researcher, Omsk, Russian Federation, +7-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru.

Сведения о грантах

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект 22-28-20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919–1927 гг.)».

Grant information

The study has been prepared with the support of the Russian Science Foundation, project 22-28-20144 “White Officers in Soviet Omsk: Social Portrait and Adaptation Problem (November 1919–27).”

В редакцию статья поступила 18.02.2022 г., опубликована (для цитирования):

Петин, Д. И. Работа омских чекистов в отношении бывших белых контрразведчиков: казус Гудимова-Горского // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 576–588. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588

Submitted 18.02.2022, published (for citation):

PETIN, D. I. *Rabota omskikh chekistov v otnoshenii byvshikh belykh kontrrazvedchikov: kazus Gudimova-Gorskogo* [The Omsk Chekists Working with Ex-White Counterintelligence Agents: The Gudimov-Gorsky Incident. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 576–588. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-576-588

Научная статья / Scientific article
УДК 930.23+929+930.24+343.432.3+343.412+34.07
doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601

Рыбаков, В. А.

Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация

**Просопографический портрет руководителей
Наркомата юстиции РСФСР в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
По документам РГАСПИ и ГАРФ**

Rybakov, Vladislav A.

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

**Prosopographic Portrait of Senior Officials
of the RSFSR People's Commissariat for Justice
in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45:
Documents from the RGASPI and the GARF**

Аннотация

О большинстве руководителей республиканского органа управления юстицией – Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) – военного времени практически отсутствует информация в справочных и научных изданиях. Во многом это связано как с ограниченностью источниковой базы, так и с вторичностью республиканского ведомства юстиции в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. было наделено большими полномочиями, чем общесоюзный наркомат юстиции. НКЮ РСФСР не только осуществлял контроль за работой судебных органов и правильностью применения ими законодательства, но также давал судам секретные указания противоправного характера. В связи с этим особое значение приобретают личности руководителей ведомства, которые были наделены подобными полномочиями и, таким образом, оказывали непосредственное влияние на судебную практику. В статье на основании учетно-партийных документов номенклатурных работников, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), реконструированы служебные биографии двух наркомов

юстиции РСФСР и четырех их заместителей. Используя просопографический метод, автор дает коллективный портрет руководителей республиканского ведомства в период между двумя кадровыми чистками в органах юстиции – довоенной и послевоенной. Из документов видно, что выдвигенцев, пришедших на руководящие должности в Наркомюст РСФСР накануне войны, отличал сравнительно молодой возраст и «правильное» социальное происхождение. В номенклатурной системе недостатки профессиональной подготовки и небольшой практический опыт работы компенсировались партийной принадлежностью, что вписывалось в основные параметры сталинской кадровой революции. Служебные биографии номенклатурных работников, а также наличие среди руководителей НКЮ РСФСР одиозных фигур и лиц с сомнительной репутацией позволили автору прийти к выводу о назначении номенклатурных кадров в Наркомат юстиции РСФСР по остаточному принципу, что говорит не в пользу авторитета ведомства. Отсутствие должного уровня профессионализма и значительного практического опыта у номенклатурной верхушки оказывали самое непосредственное влияние на деятельность наркомата в чрезвычайных условиях военного времени. Документы показывают, что в ходе чистки органов юстиции, проводившейся в 1948–1952 гг., весь номенклатурный состав ведомства был освобожден от занимаемых должностей. Тем самым руководители НКЮ РСФСР повторили судьбу своих предшественников предвоенного времени, но в отличие от последних не были репрессированы.

Abstract

In reference and research publications there is almost no information on most heads of the republican justice administration body, the RSFSR People's Commissariat for Justice (PCJ RSFSR), of 1941–45. This is largely due to limitations of the source base and secondariness of republican bodies in the USSR. Meanwhile, during the war, the republican justice administration bodies were endowed with great powers. Not only they monitored the activities of the courts and correctness of their application of legislation, but also issued secret instructions of illegal nature. In this regard, the identity of their heads, who held such powers and had such impact on court practice, is of great importance. The article draws on party nomenclature accounting records from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) to reconstruct official biographies of two people's commissars for justice of the RSFSR and four their deputies. The prosopographic method has permitted to create a collective portrait of senior officials of the republican administrative justice bodies in the period between two

personnel purges of the Soviet justice system – prewar one and postwar one. According to the documents, the nominees who took senior positions in the PCJ RSFSR on the eve of the war were relatively young and from “correct” social background. In the nomenclature system their lack of professional education and experience was compensated by their Bolshevik affiliation, following the main trend of the Stalinist personnel revolution. The official biographies of nomenclature establishment, as well as presence of odious figures and persons with dubious reputations among the PCJ RSFSR senior officials, allow the author to conclude that appointment of nomenclature personnel to the republican People’s Commissariat for Justice by residual principle eroded its authority. Their lack of professionalism and practical experience had a direct impact on the activities of the PCJ RSFSR under the extreme war conditions. In the purge of the justice system in 1948–52, the establishment of the republican People’s Commissariat for Justice lost their posts. Thus, senior officials of the PCJ RSFSR repeated the fate of their prewar predecessors, but unlike the latter, they were not repressed.

Ключевые слова

Исторические источники, коллективный портрет, номенклатурные кадры, советская юстиция, репрессии, чистки в государственном аппарате, И. А. Басавин, К. П. Горшенин, И. Д. Перлов, Е. А. Румянцева, С. С. Дукельский, И. А. Рыхлов.

Keywords

Historical sources, collective portrait, nomenclature personnel, Soviet justice, repression, purges in the state apparatus, I. A. Basavin, K. P. Gorshenin, I. D. Perlov, E. A. Romyantseva, S. S. Dukelsky, I. A. Rykhlov.

В работах, посвященных советской номенклатуре, руководящий состав органов управления юстицией республиканского уровня не исследовался, что во многом обусловлено как ограниченностью источниковой базы, так и вторичностью республиканских ведомств в союзном государстве. Между тем именно Наркомат юстиции РСФСР в 1930–1940-е гг. был наделен широкими полномочиями по отношению к судам. Он осуществлял контроль за их работой, правильностью применения ими законодательства и давал обязательные к исполнению указания. Таким способом административные структуры руководили судьями, реализуя на практике подчинение судов исполнительным органам и воплотившая советский принцип единства власти.

В связи с этим особый интерес представляет просопографический портрет руководящего состава органов управления юстицией, то есть тех, кто не только проверял работу судов, но и непосредственно влиял на применение законодательства в чрезвычайных условиях военного времени. Некоторые сведения о руководящих кадрах Наркомата юстиции РСФСР этого периода приводятся в работах А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова¹, А. М. Лушникова² и других авторов³. Однако о большинстве руководителей республиканского ведомства мы практически не найдем сведений ни в справочных, ни в научных изданиях.

Основным, а по некоторым персоналиям почти единственным, источником изучения кадрового состава Наркомюста РСФСР являются учетно-партийные документы и личные дела номенклатурных работников наркомата, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), которые позволяют реконструировать биографии и составить коллективный портрет руководящего состава ведомства.

Самое непосредственное влияние на кадровый состав органов юстиции накануне войны оказали чистки и репрессии в государственном аппарате во второй половине 1930-х гг. В 1937–1938 гг. были арестованы и приговорены к высшей мере наказания четыре наркома юстиции РСФСР, последовательно сменявшие друг друга в 1930-е гг.: Н. М. Янсон, Н. В. Крыленко, И. Л. Булат и В. А. Антонов-Овсеенко. Подверглись репрессиям и другие руководящие работники юстиции республики.

В 1939 г. в ряде статей жесткой критике подвергся новый нарком юстиции РСФСР Я. П. Дмитриев. Работа НКЮ РСФСР оценивалась как «канцелярщина» и «игнорирование указаний товарища Сталина»⁴. 26 января 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) освободило Дмитриева от должности⁵. Вследствие репрессий руководящий состав Наркомата юстиции РСФСР накануне войны был заметно обновлен.

В январе 1940 г. Наркомюст РСФСР возглавил выпускник Московского института советского права, кандидат юридических наук К. П. Горшенин, который до этого занимал должность начальника управления учебными заведениями НКЮ

СССР. В силу значимости занимаемых впоследствии должностей о нем имеется значительно больше источников и литературы, чем о большинстве других руководителей ведомства.

К. П. Горшенин (1907–1978) родился в Чувашии в семье машиниста-железнодорожника и получил неплохое образование. В 1925 г. в Казани он окончил школу 2-й ступени (т. е. среднюю общеобразовательную), затем – один курс Казанского индустриального техникума. В 1929 г. поступил в Казанский государственный университет, где проучился год. С 1930 по 1932 г. учился в Москве в Институте советского права, по окончании которого защитил диссертацию в области трудового права. С 1935 по 1937 г. работал замдиректора Казанского юридического института. В октябре 1937 г. К. П. Горшенин возглавил управление учебными заведения Наркомата юстиции СССР и работал на этой должности до своего назначения на пост наркома юстиции РСФСР⁶. В ноябре 1943 г. он пошел на повышение: был назначен прокурором СССР. Его дальнейшая судьба сложилась довольно благополучно. После 5 лет пребывания в должности (ген)прокурора он возглавил Министерство юстиции СССР, которым руководил до 1956 г.⁷

На должности наркома юстиции РСФСР К. П. Горшенина сменил И. А. Басавин (январь 1944 – октябрь 1949 г.), работавший до этого заместителем наркома юстиции СССР⁸. О личности И. А. Басавина сохранилось крайне мало документов, и основным источником для реконструкции его служебной биографии являются учетно-партийные карточки⁹.

И. А. Басавин (1907–1984) происходил из крестьянской семьи Архангельской губернии, окончил 2 класса сельской школы и батрацкие курсы при ЦК профсоюза сельхозлесрабочих, затем занимал различные профсоюзные и административные должности на предприятиях лесной промышленности. В 1930 г. вступил в ВКП(б). В 1934 г. поступил в Ленинградский юридический институт, по окончании которого в 1938 г. работал помощником районного прокурора, а в 1939 г. назначен председателем Ленинградского областного суда. С этой должности в 1940 г. он и был перемещен в аппарат НКЮ СССР, став заместителем наркома (до 1944 г.). Вполне логично, что должность республиканского наркома юстиции,

освободившуюся после ухода К. П. Горшенина, занял выходец из общесоюзного ведомства. В 1949 г. в ходе послевоенной чистки в органах юстиции И. А. Басавин был перемещен на должность судьи в Верховный суд СССР.

Таким образом, оба республиканских руководителя являлись выходцами из общесоюзного ведомства, назначенными на высокие должности накануне войны. Руководители Наркомюста РСФСР отличались сравнительно молодым возрастом. К. П. Горшенину при назначении наркомом было 33 года, а начальником управления учебными заведениями НКЮ СССР он стал в 30 лет. И. А. Басавин занял должность замнаркома юстиции СССР в 33 года, а наркомом РСФСР стал в 37 лет. Таким образом, карьерный взлет обоих оказался довольно стремительным, что вписывалось в сталинскую кадровую революцию.

До марта 1943 г. у наркома было два заместителя. Оба – ключевые фигуры в сфере управления судами. Первым заместителем в июне 1941 г. стал начальник управления судебных органов НКЮ РСФСР И. Д. Перлов (1910–1971). Он происходил из семьи лесного брокера, с 11 лет воспитывался в детдоме в белорусском г. Мозыре. В 1926 г. окончил семилетнюю школу, а затем двухгодичные общеобразовательные курсы. Окружным комитетом ЛКСМ был направлен на учебу в юридический институт (факультет советского права) в Минске. По окончании института в 1931 г. направлен народным судьей в Биробиджанский район Дальневосточного края. В 1934 г., после преобразования района в Еврейскую автономную область, И. Д. Перлов занял должность председателя областного суда и, таким образом, принял непосредственное участие в создании еврейской национальной автономии. Указанную должность он занимал и во время «большого террора». Далее в служебной карьере И. Д. Перлова произошли важные изменения. Согласно автобиографии, составленной в 1939 г., «с 1/V-39 освобожден от работы в связи с отпуском меня на учебу для целей поступления в Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Прибыв в Москву, был отозван Наркомюстом РСФСР на работу в Наркомат». Краткое время он работал начальником отдела народных судов, а в октябре 1939 г. возглавил управление судебных учреждений НКЮ РСФСР (впоследствии

управление судебных органов). Был начальником управления и заместителем наркома до апреля 1952 г., после чего занимался научной работой – старший научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук¹⁰.

Другой заместитель наркома Е. А. Румянцева (1901–1968), как и И. Д. Перлов, была назначена на должность с началом войны, в июле 1941 г. Е. А. Румянцева происходила из крестьян Тверской губернии, окончила начальное училище (3-4 класса) в Москве, 2 года обучалась портновскому делу, а затем в течение 10 лет работала швеей-мотористкой на фабрике «Москшвей № 4». В 1924 г. вступила в РКП(б), а в 1931 г. Таганский райком командировал ее для обучения в Московском институте советского права, который она окончила в 1934 г. в возрасте 33 лет. Тогда же она стала судьей народного суда Дзержинского района Москвы. В 1938 г. была назначена в аппарат НКЮ СССР на должность старшего ревизора управления общих судов. В 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) была переведена в Управление кадров ЦК на должность инструктора, где, как сказано в автобиографии, «занималась подбором и изучением руководящих кадров судебных-прокурорских органов». На должности замнаркома юстиции РСФСР по кадрам Е. А. Румянцева пребывала до июля 1947 г., когда в ходе послевоенной чистки в органах юстиции была перемещена в Верховный суд РСФСР, где до 1956 г. работала судьей и заместителем председателя¹¹.

Руководящий состав Наркомата юстиции РСФСР отличался, помимо относительно молодого возраста, рабоче-крестьянскими корнями (за исключением И. Д. Перлова), а также отсутствием значительного практического опыта работы в органах юстиции. Так, профессиональный стаж К. П. Горшенина составлял к моменту его назначения на должность наркома 5 лет. Самым опытным среди руководящих работников наркомата был И. Д. Перлов. При назначении начальником управления судебных учреждений он имел 8-летний опыт работы, а заместителем наркома – 10-летний. Все перечисленные руководители пришли в НКЮ СССР и НКЮ РСФСР накануне войны, в 1937–1940 гг., на волне массовых репрессий, обрушившихся и на органы юстиции.

Весьма показателен для советской номенклатуры этого периода портрет еще одного руководителя наркомата. В марте 1943 г. на должность заместителя наркома был назначен И. А. Рыхлов (1898–1961), начальник Ленинградского областного (1938–1940), а затем городского (1940–1943) управлений юстиции. На высокую руководящую должность он попал после ранения и контузии, полученных в Ленинграде в ноябре 1942 г. С учетом того, что местом службы наркома И. А. Басавина в 1939–1940 гг. был Ленинградский областной суд, велика вероятность, что фактор личного знакомства сыграл свою роль в этом назначении.

И. А. Рыхлов происходил из крестьян Псковской губернии, окончил церковно-приходскую школу, в 1915 г. обучался в школе шоферов. В 1918 г. вступил в РКП(б), а затем в 1919–1925 гг. служил в РККА в разных подразделениях, на различных должностях, в том числе военкомом. В 1925 г. по заключению врачебной комиссии был демобилизован и, как указано в автобиографии, «Ленинградским губкомом КПСС был направлен в Ленинградский губернский суд, где работал нотариусом, членом областного суда, заведующим областной нотариальной конторой». Примечательно, что эти должности, довольно ответственные, И. А. Рыхлов занимал с 1925 по 1938 г., не имея никакого образования, кроме церковно-приходской школы и курсов шоферов. Только после назначения начальником управления юстиции по Ленинградской области он был направлен на учебу в Ленинградский юридический институт.

Как руководитель Ленинградского областного управления, И. А. Рыхлов подвергался дисциплинарным взысканиям¹². Тем не менее он был назначен заместителем наркома юстиции РСФСР и пребывал на этой должности до июля 1948 г. Согласно цитированной автобиографии, «с должности заместителя министра был освобожден по причине поступления ряда анонимных заявлений о якобы неправильном получении мною диплома об окончании юридического института (что не нашло своего подтверждения при проверке) и за то, что в первых числах декабря месяца 1948 г. за наличный расчет для личных нужд со склада Министерства юстиции было взято 20 кусков обоев, 3 кг краски для полов и т.п., всего на

сумму 451 р.»¹³. После увольнения с должности заместителя министра И. А. Рыхлов получил другой руководящий пост, только рангом пониже – заместителя начальника управления Минюста РСФСР по Московской области.

В апреле 1943 г. в Наркомате юстиции РСФСР появилась четвертая должность заместителя наркома. На нее был назначен С. С. Дукельский (1892–1960) – крайне одиозная фигура. Своим образованием и разнообразием сфер деятельности он затмил всех вышеперечисленных руководителей. Имея лишь неполное начальное образование (исключен из 3-го класса казенного училища), С. С. Дукельский сменил много высоких номенклатурных должностей. Как сказано в анкетных документах, с ноября 1917 по февраль 1918 г. он болел, а до болезни вступил в партию. Его головокружительная карьера началась с марта 1918 г.: сначала в хозяйственных частях РККА, затем в органах ВЧК–ОГПУ в Одессе (председатель губчека), Житомире и Екатеринославе, позднее в качестве сотрудника для особых поручений при наркомате внутренних дел СССР. Принимал активное участие в проведении массовых репрессий. В июле 1937 г. С. С. Дукельский пострадал в авткатастрофе и долгое время лечился. В 1938 г. из системы НКВД его перебросили руководить кинематографией: он стал начальником Главного управления кинематографии Комитета по делам искусств, а затем председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (в анкетных документах С. С. Дукельский писал, что до революции работал «пианистом кино», т. е. тапером). В кино он задержался ненадолго и уже в середине 1939 г. возглавил Наркомат морского флота СССР, откуда в 1942 г. был переведен на должность уполномоченного ГКО по производству боеприпасов на заводах Челябинской области¹⁴. После столь разнообразных перемещений С. С. Дукельский оказался в НКЮ РСФСР. Его служебная карьера и переброски с одной руководящей должности на другую – яркий пример номенклатурной системы назначения кадров того времени.

Можно предположить, что назначение С. С. Дукельского в Наркомат юстиции РСФСР имело целью усиление партийного контроля за работой ведомства, поскольку не было вызвано практической необходимостью. По утверждению А. Я. Кодинцева, пребывая в должности заместителя,

С. С. Дукельский написал множество доносов с надуманными обвинениями высших должностных лиц юстиции в диверсиях и вредительстве, что было использовано в ходе послевоенной чистки системы юстиции¹⁵.

Как следует из документов, с 1947 по 1953 г. все руководители Наркомюста РСФСР военного времени были освобождены от своих должностей. Последним был С. С. Дукельский, отправленный на пенсию.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что большинство руководителей Наркомата юстиции РСФСР заняли должности накануне войны, заместив вакансии, образовавшиеся в результате предвоенных чисток и репрессий в органах юстиции.

Отличительной чертой выдвиженцев был молодой возраст при относительно небольшом профессиональном стаже. Недостаток профессиональной компетентности руководителей компенсировался в номенклатурной системе их партийной принадлежностью, которая играла ключевую роль при назначении на должность. Присутствие среди руководителей НКЮ РСФСР весьма одиозных личностей, одержимых идеями «чистоты» партийных рядов, а также людей с сомнительной репутацией говорит о назначении номенклатурных кадров в органы юстиции по остаточному принципу и свидетельствует не в пользу авторитета ведомства.

Примечания / Notes

¹ Звягинцев, А. Г., Орлов, Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953. – М.: РОССПЭН, 2001. – 533 с. ZVYAGINTSEV, A. G., ORLOV, Yu. G. *Prigovorennyye vremenem. Rossiiskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1937–1953* [Condemned by Time. Russian and Soviet Prosecutors. The 20th Century. 1937–53. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2001, 533 p.

² Лушников, А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. – М.: Проспект, 2003. – 304 с. LUSHNIKOV, A. M. *Nauka trudovogo prava Rossii: istoriko-pravovye ocherki v litsakh i sobyitiyakh* [The Study of Labor Law in Russia: Historical and Legal Essays on Persons and Events. In Russ.]. Moscow, Prospekt publ., 2003, 304 p.

³ Андрухович, И. А. Порядок начинается с законопорядка. Иван Александрович Басавин – Нарком юстиции РСФСР, Министр юстиции РСФСР (январь 1944 г. – октябрь 1949 г.) // Бюллетень Министерства юстиции Россий-

ской Федерации. – 2002. – № 10. – С. 87–93. ANDRUKHOVICH, I. A. *Poryadok nachinaetsya s zakonoporyadka. Ivan Aleksandrovich Basavin – Narkom yustitsii RSFSR, Ministr yustitsii RSFSR (yanvar' 1944 g. – oktyabr' 1949 g.)* [Order Begins with the Rule of Law. Ivan Aleksandrovich Basavin – People's Commissar for Justice of the RSFSR, Minister for Justice of the RSFSR (1944, January – 1949, October). In Russ.]. IN: *Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii*, 2002, no. 10, pp. 87–93; На службе закону и справедливости: Очерки об отечественных министрах юстиции (1802–2002) / Сост. В. Д. Сысоев. – М.: Норма, 2002. – 465 с. *Na sluzhbe zakonu i spravedlivosti: Ocherki ob otechestvennykh ministrakh yustitsii (1802–2002)* [SYSOEV, V. D. (comp.). In the Service of Law and Justice: Essays on Russian Ministers for Justice (1802–2002). In Russ.]. Moscow, Norma publ., 2002, 465 p.

⁴ *Файнблум, С.* Приказы народного комиссара юстиции РСФСР и проверка их исполнения // Советская юстиция. – 1939. – № 8. – С. 35–38. FAINBLIT, S. *Priказы narodnogo komissara yustitsii RSFSR i proverka ikh ispolneniya* [Orders of the RSFSR People's Commissar for Justice and Inspection of Their Execution. In Russ.]. IN: *Sovetskaya yustitsiya*, 1939, no. 8, pp. 35–38; Как НКЮ РСФСР создает «образцовые» юридические школы // Социалистическая законность. – 1939. – № 8. – С. 42–43. *Kak NKYu RSFSR sozdaet "obraztsovye" yuridicheskie shkoly* [How the RSFSR People's Commissariat for Justice Establishes "Exemplary" Law Schools. In Russ.]. IN: *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1939, no. 8, pp. 42–43; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 38. Л. 35, 51, 116, 150. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond R-9492, series 1, file 38, pp. 35, 51, 116, 150.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 61305. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), fond 17, series 100, file 61305.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. П/д № 00047–486. RGASPI, fond 17, party file no. 00047–486.

⁷ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник / Сост. Ю. В. Горячев. – М.: Парад, 2005. – С. 180. GORYACHEV, Yu. V. (comp). Central Committee of the CPSU, the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the RCP (B), the RSDLP (B): Historical and Biographical Handbook. In Russ. Moscow, Parad publ., 2005, p. 180.

⁸ Имеются сведения о том, что документы о его представлении на должность заместителя наркома хранились в секретно-шифровальном отделе НКЮ СССР, но в настоящее время в фонде НКЮ СССР они отсутствуют. Наградное дело И. А. Басавина в фонде Президиума Верховного Совета СССР также отсутствует. Личное дело И. А. Басавина не обнаружено и в РГАСПИ.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. П/д № 00048–270. RGASPI, fond 17, party file no. 00048–270.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 231276. RGASPI, fond 17, series 100, file 231276.

¹¹ Там же. Д. 316302. Ibid., file 316302.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 38. Л. 206–207. GARF, fond R-9492, series 1, file 38, pp. 206–207.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 203336. RGASPI, fond 17, series 100, file 203336.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. П/д № 04642–513. RGASPI, fond 17, party file no. 04642–513; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 54. Л. 54, 56. GARF, fond A-353, series 13, file 54, pp. 54, 56.

¹⁵ Коди́нцев, А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века. – Куртамыш: Куртамышская тип., 2008. – С. 381–392. KODINTSEV, A. Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka* [State Justice Policy in the USSR from the 1930s to the 1950s. In Russ.]. Kurtamysh, Kurtamyshskaya tip. publ., 2008, pp. 381–392.

Список литературы

Андрухович, И. А. Порядок начинается с законопорядка. Иван Александрович Басавин – Нарком юстиции РСФСР, Министр юстиции РСФСР (январь 1944 г. – октябрь 1949 г.) // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2002. – № 10. – С. 87–93.

Звягинцев, А. Г., Орлов, Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953. – М.: РОССПЭН, 2001. – 533 с.

Коди́нцев, А. Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века. – Куртамыш: Куртамышская тип., 2008. – 590 с.

Луши́ников, А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. – М.: Проспект, 2003. – 304 с.

На службе закону и справедливости: Очерки об отечественных министрах юстиции (1802–2002) / Сост. В. Д. Сысоев. – М.: Норма, 2002. – 465 с.

References

ANDRUKHOVICH, I. A. *Poryadok nachinaetsya s zakonoporyadka. Ivan Aleksandrovich Basavin – Narkom yustitsii RSFSR, Ministr yustitsii RSFSR (yanvar' 1944 g. – oktyabr' 1949 g.)* [Order Begins with the Rule of Law. Ivan Aleksandrovich Basavin – People's Commissar for Justice of the RSFSR, Minister for Justice of the RSFSR (1944, January – 1949, October). In Russ.]. IN: *Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii*, 2002, no. 10, pp. 87–93.

KODINTSEV, A. Ya. *Gosudarstvennaya politika v sfere yustitsii v SSSR. 30–50-e gody XX veka* [State Justice Policy in the USSR from the 1930s to the 1950s. In Russ.]. Kurtamysh, Kurtamyshskaya tip. publ., 2008, 590 p.

LUSHNIKOV, A. M. *Nauka trudovogo prava Rossii: istoriko-pravovye ocherki v litsakh i sobytiyakh* [The Study of Labor Law in Russia: Historical and Legal Essays on Persons and Events. In Russ.]. Moscow, Prospekt publ., 2003, 304 p.

Na sluzhbe zakonu i spravedливости: Ocherki ob otechestvennykh ministrakh yustitsii (1802–2002) [SYSOEV, V. D. (comp.). In the Service of Law and Justice:

Essays on Russian Ministers for Justice (1802–2002). In Russ.]. Moscow, Norma publ., 2002, 465 p.

ZVYAGINTSEV, A. G., ORLOV, Yu. G. *Prigovorennye vremenem. Rossiiskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1937–1953* [Condemned by Time. Russian and Soviet Prosecutors. The 20th. 1937–53. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2001, 533 p.

Сведения об авторах

Рыбаков Владислав Александрович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт советской и постсоветской истории, стажер-исследователь, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-772-95-90, 8-925-033-19-09, ribakov.vladislav@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7271-8263

About the authors

Rybakov Vladislav Alexandrovich, Higher School of Economics, Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies, research assistant, Moscow, Russian Federation, +7-925-033-19-09, ribakov.vladislav@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7271-8263

Сведения о грантах

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Grant information

The article has been prepared within the framework of the Higher School of Economics Basic Research Program.

В редакцию статья поступила 29.04.2022 г., опубликована (для цитирования):

Рыбаков, В. А. Просопографический портрет руководителей Наркомата юстиции РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По документам РГАСПИ и ГАРФ // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 589–601. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601

Submitted 29.04.2022, published (for citation):

RYBAKOV, V. A. *Prosopograficheskiĭ portret rukovoditelei Narkomata iustitsii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Po dokumentam RGASPI i GARF* [Prosopographic Portrait of Senior Officials of the RSFSR People's Commissariat for Justice in the Days of the Great Patriotic War of 1941–45: Documents from the RGASPI and the GARF. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 589–601. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-589-601

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

**Genealogy: national and foreign
and practices**

Научная статья / Scientific article

УДК 930.253+930.24+930.25+93/94+392.3+392.311+376.1

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615

Барина, Е. П., Кабытов, П. С.

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Воспоминания А. Э. Фридрихс как источник о повседневной жизни дворянского рода Племянниковых

Barinova, Ekaterina P., Kabytov, Petr S.

S. P. Korolev Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

Memoirs of A. E. Friedrichs as a Source on the Daily Life of the Plemyannikov Noble Family

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом современного общества к историческим источникам личного происхождения, которые содержат ценнейшую информацию о представителях различных сословий Российской империи. Реконструкция семейных и личных историй и тем самым возвращение их из небытия позволяет показать, как формировались механизмы сохранения исторической памяти, что определяет научную значимость исследования. В статье осуществлен анализ рукописного наследия представительницы дворянского рода Племянниковых – Александры Эдуардовны Фридрихс, правнучки брата писателя и историка Н. М. Карамзина, которое хранится в фондах рукописного отдела Института русской литературы

(Пушкинском доме) Российской академии наук. Авторами представлена внешняя критика сохранившихся в фонде документов личного происхождения. Уделено внимание их сохранности. Выявлена историческая ценность неопубликованных документов фондообразователя. Изучение документальных материалов фонда позволило осуществить процесс реконструкции работы автора над историей семьи на протяжении лонгитюдного периода. Сформулирован вывод о том, что мемуарист структурировала историю дворянского рода, воссоздавая ее на основе длительного общения как с ближайшими, так и с дальними родственниками, а также знакомыми. Она занималась поиском документации, которую вводила в научный оборот, что существенно повышает научную значимость ее мемуаров. Применение компаративистского и феноменологического подхода позволило авторам оценить материалы архивного фонда как результат коллективной памяти представителей дворянского рода Племянниковых, выявить общие семейные традиции и мотивы автора воспоминаний, сохранить память об истории дворянского рода. Использование традиционных исторических методов, ретроспективного и сравнительно-исторического, позволило выявить совпадения и несоответствия между реконструкцией исторической повседневности, представленной в эго-источниках, и реальными историческими событиями. Для этого были проанализированы эго-источники других представителей рода, генеалогические и биографические сведения, а также ряд опубликованных научных трудов отечественных историков. Показаны возможности использования воспоминаний и заметок автора для реконструкции истории дворянских родов. Авторы приходят к выводу о перспективности изучения семейных архивов как ценнейших документальных материалов по истории повседневной жизни русского дворянства как накануне Великих реформ, так и в пореформенную эпоху.

Abstract

The relevance of the study is due to the increased interest of modern society in the historical sources of personal provenance containing valuable information on representatives of different estates of the Russian Empire. The reconstruction of family and personal histories, and thereby bringing them back from oblivion, allows us to showcase the formation of historical memory preservation mechanisms, determining the scientific significance of the study. The article provides an analysis of the manuscript heritage of Alexandra E. Friedrichs, a representative of the Plemlyannikov family, great granddaughter of the brother of the writer and historian

N. M. Karamzin, stored in the manuscript department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The authors offer external critique of the personal provenance documents preserved in the collection. Attention is paid to their preservation. The historical value of unpublished documents in the fonds is revealed. The study of documentary materials in the collection makes it possible to reconstruct Friedrichs's work on the history of her family over longitudinal period. It is concluded that the memoirist reconstructed and structured the history of her noble family on the basis of long-time communication with both immediate and distant relatives and acquaintances. She researched documentation and introduced it into scientific use, which greatly enhances the scholarly significance of her memoirs. The application of comparativist and phenomenological approach has allowed the authors to assess the archival collection materials as a product of collective memory of the representatives of the Plemyannikov noble family, to identify family traditions and Friedrichs's motives in preserving the memory of her noble family history. The use of traditional historical methods, retrospective and comparative-historical, has made it possible to identify coincidences and inconsistencies in reconstructed historical everyday life, as presented in the ego-sources, and real historical events. For this purpose, the ego-sources of other representatives of the family, genealogical and biographical information, as well as a number of published scientific works of national historians have been analyzed. The possibilities of using memoirs and notes for reconstruction of the noble families history are shown. The authors underscore the prospects of studying family archives as valuable documentary materials on the history of everyday life of the Russian nobility both on the eve of the Great Reforms and in the post-reform era.

Ключевые слова

Эго-источники, семейная история, поместное дворянство, повседневность, дворянский род Племянниковых, Российская империя.

Keywords

Ego-sources, family history, local nobility, everyday life, the Plemyannikovs noble family, Russian Empire.

Воспроизводство исторической памяти неразрывно связано с памятью человека о прошлом. Источники личного происхождения хранят мельчайшие детали семейной истории, которая неразрывно связана с историей рода, социальной

группы, страны. Александра Эдуардовна Фридрихс (1871 – после 1931) с юности проявляла большой интерес к истории своей семьи. Об этом свидетельствует несколько вариантов сохранившихся воспоминаний автора, подготовительный материал для родословной и семейной истории, фотографии родственников и знакомых семьи¹. Она пыталась всеми возможными ей способами сохранить историческую память о дворянском роде Племянниковых.

Судьба автора воспоминаний нами не установлена. Ее рассказ о жизни представителей дворянского рода Племянниковых обрывается на рубеже 1881–1882 гг., когда она была отправлена на учебу в Самарский пансион. В 1919 г. она жила в Омске в семье двоюродного брата Н. Э. Свенцицкого, затем в Ялте. Вероятно, автор вынуждена была расстаться со своими документами и воспоминаниями, находясь в экстремальной ситуации – болезни и приближении смерти, поэтому в 1931 г. она послала их в адрес Пушкинского дома.

Оренбургским и самарским дворянам Племянниковым посвящено не так много исследований². Современные исследователи предполагают наличие системного единства в текстах представительей одной семьи, обусловленное семейными традициями, мировоззренческими установками³. Возможности методов Digital history позволяют представить коллективное высказывание рода, выявить неточности и погрешности в реконструкции исторической реальности автором эго-источников, показать механизмы сохранения в семейной памяти значимой информации. С этой целью были проанализированы воспоминания, материалы центральных и региональных архивов, интернет-источники, а также документы личного архива Ю. А. Набока.

Всего в фонде отложилось 29 документов. Среди них фотографии членов семьи автора и копия удостоверения о службе отца – полковника Э. Г. Фридрихс⁴. Рукописи сложны для расшифровки. Дело в том, что автор неоднократно редактировала написанный ранее текст. Следы правки видны в том, что в тексте есть зачеркнутые слова и фразы, а также фрагменты фраз, дописанные карандашом, или синими чернилами. Вставки находим на полях тетради, или поверх зачеркнутого

текста. Часть первоначального текста, написанного чернилами, выцвела. В ряде случаев почерк автора неразборчив. Страницы часто перепутаны местами, часть их была утрачена. Ряд сюжетов неоднократно повторяется. Встречаются ошибки в написании имен, дат. Сокращенно написаны слова, которые не являются общепринятыми. Есть пропуски части слов или словосочетаний. Иногда упоминаемое событие в различных версиях воспоминаний датируется разными годами.

Затруднения возникают при определении датировки воспоминаний. Для записи автор использовала школьные тетради, что косвенно свидетельствует о том, что первоначальный вариант истории дворянского рода был написан ею в юности. Второй вариант написан на чистых листах со штампами отдела печати и второго департамента Министерства иностранных дел⁵. Третий вариант, возможно, следует датировать 1920–1930 гг.⁶ И во втором, и в третьем вариантах правка автора текста минимальна. Скорее всего, это чистовые варианты воспоминаний. Остальные документы представляют собой черновые наброски и рукописи автора, возможно написанные ею ранее, но подвергшиеся корректровке после 1917 г.⁷ Показателен тот факт, что расшифровкой текстов воспоминаний занималась Ю. А. Набока, потомок дворянского рода по линии А. А. Слободчиковой (Племянниковой), тетки автора воспоминаний.

В фонде есть два варианта ее школьного сочинения о судьбе бабушки Елизаветы Федоровны Племянниковой (Карамзиной) под названием «Как проживешь, так и прослывешь». Они были написаны 5 ноября 1885 г. Первый вариант представляет краткое повествование о личности бабушки. Она представлена как добрая женщина, которая не только лечила крепостных крестьян, но и помогала им продуктами. Во втором, более развернутом, варианте есть подробный план сочинения. Здесь автор характеризует личность бабушки, приводит свидетельства о ее помощи крепостным. Сюда же включен сюжет о похоронах помещицы. Автор сочинения отмечает, что добрые дела бабушки сохранились в народной памяти: «... старики со слезами вспоминают о том, как она лечила крестьян и как была добра к ним; они даже уверяют, что бабушка умела лечить лучше всякого доктора». Доброта бабушки настолько впечатлила внучку, что она

сформулировала важный для себя вывод о том, что «дела человека переживают его самого, и если он жил хорошо и приносил людям пользу, то и слава о нем живет долго...»⁸. На полях этой тетради она в 1920-х гг. записала краткие сведения генеалогического характера и нарисовала родословное древо Карамзиных.

Одна из тетрадей (4 листа) содержит биографические материалы о судьбе потомков Ф. М. Карамзина (прадеда автора). Время написания этого текста не установлено. Здесь представлена жизнь Николая Федоровича Карамзина, дяди ее матери. Автор включила в рукопись описание помещичьего дома, интерьера усадьбы, повседневного быта, что позволяет реконструировать уклад жизни провинциального помещика⁹. Рукопись, содержащая биографические данные о семье Племянниковых, написана между 1885 и 1892 гг. В нее автор неоднократно вносила коррективы. Кроме того, часть текста была дописана после 1917 г. Об этом свидетельствует сюжет, в котором рассказывается о судьбе фамильных украшений, хранившихся в банке и национализированных после 1917 г.¹⁰

В другой тетради (11 листов) содержится описание дворянского рода Племянниковых. На последнем листе дана краткая родословная схема. Рассказ начинается с упоминания двух версий происхождения рода Племянниковых, от татарского предка Племя, либо от племянника князя Мещерского¹¹. Отметим, что существуют и другие версии происхождения этого рода. В. А. Слободчиков указывал родоначальником Племянниковых Леонтия Племянника – послуха «...у грамоты, данной Г. Ф. Муромцевым Троице-Сергиеву монастырю на с. Никольское»¹². Мемуаристы традиционно стремятся удревлиять свое происхождение, однако потомки рода Племянниковых ведут свое происхождение от другой ветви рода, которая восходит к началу XVIII в. Представителю ее С. И. Племянникову были пожалованы имения в Симбирской губернии, а его сын секунд-майор Иван Племянников стал основателем села Племянниково.

Источниками для записи воспоминаний А. Э. Фридрихс послужили рассказы ее матери, теток и других родственников. Она подробно характеризует своего деда Андрея Васильевича Племянникова (09.08.1799–1861) и бабушку Е. Ф. Племянникову (1806–08.06.1846). Мемуарист указывает, что в 1834 г.

Елизавета вышла замуж, в браке у нее родилось 6 детей, а при рождении 7-го ребенка она умерла, а затем умер младенец¹³. Но на самом деле в семье было 7 детей – 2 сына и 5 дочерей. Мемуарист рисует портрет деда как человека энергичного, разумного, «...с твердым характером», строгим, но любящим мужем и отцом. Она пишет, что он был офицером в аракчеевских поселениях Харьковской губернии, а затем служил в Архангелогородском полку (на самом деле – в Архангельске в 30-м Егерском полку), пока «не приобрел вместе с наследством от отца положение обеспеченного и всеми уважаемого помещика». Она полагает, что он был отцом не только для своих детей, но и для крестьян, которые «...были у него в полном повиновении, боялись его, но уважали и любили»¹⁴. Архивные источники рисуют не столь благостную картину. После смерти В. И. Племянникова в 1833 г. его поместья были разделены между сыновьями: Андреем и Николаем, которые отличались жестокостью по отношению к крепостным. Неоднократные конфликты между владельцами и их крестьянами послужили причиной создания специальных комиссий для рассматривания взаимных жалоб и урегулирования их при помощи губернских властей¹⁵. Мемуарист вынуждена признать, что Николай Васильевич «... был жестокий помещик, развратный человек и пьяница; когда он пил, беда была крепостному попасться ему на глаза, в это время он делал всевозможные неистовства...». Она упоминает о попытках его жены помешать расправам над крестьянами, приводит сведения о распутном поведении своего дяди, свидетельствует о совращении им крестьянок, за что его посадили в тюрьму, «... и хотя потом выпустили, но отняли все именья и передали сыну, а его оставили под надзором»¹⁶.

Отдельный блок мемуаров, датированный 1892 г., озаглавлен «Тетки». В нем автор дает характеристику сестер своего деда – Анны Васильевны Курочкиной и Веры Васильевны Богинской. Она отмечает, что А. В. Курочкину племянницы побаивались, так как она жаловалась на них отцу. Напротив, другую тетку племянницы очень любили, называя «Мама Вера». Со слов мемуаристки, она была «высокая, полная и представительная; держала себя с достоинством», французского языка не употребляла, плохо зная его, но зато

произносила «н» на франц[узский] манер...». Мемуарист предполагала, что учителем теток был пленный французский офицер, живший «в селе Покровском во флигеле после 1812 г....»¹⁷. Неизвестно, насколько точны сведения мемуаристики. Так как в мемуарах С. Э. Рюппеля, о котором говорит автор, приводятся сведения, что дочери Племянниковых «свободно говорили по-французски и могли хорошо поддерживать разговор, что придавало им очарование»¹⁸.

Биографические данные о семьях Племянниковых и Булгаковых вошли в состав черновой рукописи воспоминаний А. Э. Фридрихс¹⁹. В этом источнике нами обнаружены пробелы. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что эта тетрадь продолжает ранее начатый текст. Он начинается с середины фразы. Да и нумерация страниц начинается с цифры 6. Текст доведен до 14-й страницы. А затем вновь начинается, но уже с 25-й страницы. Таким образом, часть авторского текста утрачена. Так же, как и в других текстах, обнаруживаются следы редакторской правки. Пометы автора находим на полях. Есть вставки поверх написанного текста разными чернилами и карандашом. Дату написания этой части воспоминаний определить не удалось. В воспоминаниях представлена судьба дочерей А. В. Племянникова – теток автора после их замужества и очерк о раннем детстве автора воспоминаний. Здесь же поверх первоначального карандашного текста стихотворений А. К. Толстого записаны краткие сведения о дворянских родах Ждановых, Булгаковых, Обуховых, Брянчаниновых.

Сведений об отце в мемуарах не так много. Он умер, когда девочке исполнилось 3,5 года. Тем не менее, опираясь на рассказы родных, она реконструирует биографию его дворянского рода. Она упоминает, что ее прадед был землевладельцем, придерживался либеральных взглядов, приводит легенду о его отказе «хлопотать о баронстве» и упоминает о его самоубийстве. Изучая историю семьи, автор обнаружила в списке выпускников медицинского факультета 1825 г. Дерптского университета фамилию своего деда – Густава Петровича – в другом варианте написания: Фридерикс и сделала вывод об изменении в написании фамилии. Она упоминает, что ее отец родился

в Митаве и происходил из обедневшего рода лифляндских дворян лютеранского вероисповедания. Также в мемуарах упоминается дядя – А. Г. Фридрихс, который в Митавской гимназии «не особенно усердно учился... ленился»²⁰. В тексте есть сюжет о том, что в 16-летнем возрасте он пытался догнать полк, принимавший участие в подавлении Венгерского восстания 1848–1849 гг. Скорее всего, автор воспроизводит семейную легенду, так как в 1848 г. Алоизию было 20 лет. В воспоминаниях есть сведения о том, что в возрасте 20 лет он стал офицером, служил 11 месяцев в Севастополе, а затем в Радомской губернии, в дальнейшем был начальником телеграфа, а затем – железнодорожной станции в Двинске²¹.

В мемуарах упоминается, что отец автора окончил Митавскую гимназию, а затем Петербургский лесной корпус и служил в уезде лесным таксатором. Действительно, в 1851 г. Э. Г. Фридрихс окончил военно-учебное заведение Лесной и Межевой институт, получил чин прапорщика 2 разряда²². В 1849 г. он был назначен таксатором в Лисинское лесничество. Затем автор ошибочно исправил эту дату на 1859 г. Скорее всего, правильным является первоначальный вариант, так как начиная с 1843 г. кадеты, окончившие курс в институте, переводились в Лисинское учебное лесничество со званием практикантов и проходили там практику в течение двух лет, после чего производились в прапорщики. В июле 1851 г. Э. Г. Фридрихс был назначен лесничим в Николаевское лесничество, а затем переведен 21 марта 1855 г. в чине подпоручика в Бузулукский уезд, где и состоялось его знакомство с семьей Племянниковых.

Мемуарист воссоздает жизнь своих родителей после свадьбы. Молодая семья поселилась в г. Бузулуке в 1859 г. Э. Г. Фридрихса перевели в чине поручика в провиантский департамент в Симбирск, а в 1863 г. – в Петербург, где семья сняла скромную квартиру, так как жалование отца автора составляло 50 рублей. Видимо, автор воспоминаний приводит неверные даты. Так, в другом месте воспоминаний она сообщает, что через год после свадьбы матери А. В. Племянников приехал навестить молодую семью в Санкт-Петербург (между 1857 и 1860 гг.), где Э. Г. Фридрихс служил бухгалтером

в интендантстве Военного министерства. Он был не особо доволен имущественным положением дочери, отсутствием выезда и слуг. Эта поездка не могла состояться в 1863 г., так как к тому времени он умер²⁴.

В воспоминаниях реконструирован круг общения родителей автора в Санкт-Петербурге, упоминается, что они увлекались либеральными идеями. Именно поэтому в фонде отложились фотографии общественных деятелей, например, петрашевца педагога и писателя Ф.–Э. Г. Толь. Впечатляет авторская характеристика общественной активности 1860-х годов: «Время было интересное... – время великих реформ и преобразований – освобождения от крепостного права, судебной реформы, преобразования военной службы, введения женского образования. Открывались воскресные школы для народа ... проповедовался женский физический труд ... коммуны, в которых доходили до того, что менялись жёнами». Дочь свидетельствует о том, что ее мать принимала «живое участие в интеллектуальной жизни, много читала ...»²⁵. В дальнейшем Е. А. Фридрихс писала рассказы для детей. Воссоздавая историю семьи, автор повествует о различных сторонах жизни дворянства как в провинции, так и в столице, дает характеристику родственных связей и взаимоотношений, быта и повседневной жизни дворянской семьи в пореформенный период, подчеркивает яркие черты характера родных. Использование компаративистского инструментария позволило выявить в семейном архиве «общее» и «частное», семейную память о происхождении рода, традициях дворянского рода, выдающихся личностях и детали, характеризующие поступки отдельного члена семьи как представителя рода, оценку его жизни в глазах следующего поколения.

Примечания / Notes

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 321. Оп. 1. Д. 13, 14, 17, 18, 19, 22, 24, 30. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature] (RO IRLI), fond 321, series 1, files 13, 14, 17, 18, 19, 22, 24, 30.

² Баринаова, Е. П. Дворяне Бузулукского уезда Племянниковы // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей межд. научно-практ. конф. в 2-х т. Т. 2. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. – С. 20–24. BARINOVA, E. P. *Dvoryane Buzulukskogo uyezda Plemyanikovy* [The nobles of Buzuluk uyezd, the Plemyanikovs. In Russ.]. IN: *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [The 10th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. In Russ.]. Orenburg, OGPU publ., 2020, vol. 2, pp. 20–24; Мишашина, Е. В. Особое свидетельство. Хроники Оренбургских Карамзинных // Гостиный Двор. – 2016. – № 4 (55). – С. 266–289. MISHANINA, E. V. *Osoboe svidotel'stvo. Khroniki Orenburgskikh Karamzinykh* [Special evidence. Chronicles of the Orenburg Karamzins. In Russ.]. IN: *Gostinyi Dvor*, 2016, no. 4 (55), pp. 266–289.

³ Жердева, Ю. А., Сумбурова, Е. И., Черкасова, М. В. Архив и память: проблемы реконструкции семейной памяти о поздней Российской империи // Былые годы. – 2019. – № 51 (1). – С. 357–365. ZHERDEVA, Yu. A., SUMBUROVA, E. I., CHERKASOVA, M. V. *Arkhiv i pamyat': problemy rekonstruktsii semeinoi pamyati o pozdnei Rossiiskoi imperii* [Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire. In Russ.]. IN: *Bylye gody*, 2019, no. 51 (1), pp. 357–365; Пономарева, М. А. Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского помещного дворянства в конце XIX – начале XX века (на примере воспоминаний С. Е. Трубетцкого, А. А. Корнилова, В. В. Розанова) // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 316–323. PONOMAREVA, M. A. *Semeinyi uklad i ego rol' v stanovlenii mirovozzreniya rossiiskogo pomestnogo dvorianstva v kontse XIX – nachale XX veka (na primere vospominanii S. E. Trubetskogo, A. A. Kornilova, V. V. Rozanova)* [Family way and its role in the formation of the worldview of the Russian local nobility at the turn of the 20th century (a case-study of the memoirs of S. E. Trubetsky, A. A. Kornilov, V. V. Rozanova). In Russ.]. IN: *Bylye gody*, 2021, no. 16 (1), pp. 316–323; SHATOKHIN, I. T., SHATOKHINA, S. B., RADCHENKO, M. L. The Heuristic Capabilities of the Family Epistolary Texts in the Russian State. IN: *Laplage em Revista*, 2021, no. 7, pp. 182–187.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 10, 14–16, 20, 26–28. RO IRLI, fond 321, series 1, files 10, 14–16, 20, 26–28.

⁵ Там же. Д. 3. Ibid., file 3.

⁶ Там же. Д. 31. Ibid., file 31.

⁷ Там же. Д. 2, 5, 6. Ibid., files 2, 5, 6.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 2–3. Ibid., file 1, pp. 2–3.

⁹ Там же. Д. 5. Ibid., file 5.

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 8. Ibid., file 6, p. 8.

¹¹ Там же. Л. 1. Ibid., p. 1.

¹² Слободчиков, В. А. О судьбе изгнанников печальных... Харбин. Шанхай. – М.: Центрполиграф, 2005. – С. 404. SLOBODCHIKOV, V. A. *O sud'be izgnannikov pechal'nykh... Kharbin. Shankhai* [On the fate of exiles sad ... Harbin. Shanghai. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2005, p. 404.

- ¹³ РО ИРЛИ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. RO IRLI, fond 321, series 1, file 6, p. 1.
¹⁴ Там же. Ibid.
¹⁵ *Баринова, Е. П.* Указ. соч. – С. 22–23. BARINOVA, E. P., 2020, pp. 22–23.
¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 7. RO IRLI, fond 321, series 1, file 6, p. 7.
¹⁷ Там же. Л. 4. Ibid., p. 4.
¹⁸ *Баринова, Е. П.* Указ. соч. – С. 21. BARINOVA, E. P., 2020, p. 21.
¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 2. RO IRLI, fond 321, series 1, file 2.
²⁰ Там же. Д. 3. Л. 10. Ibid., file 3, p. 10.
²¹ Там же. Л. 6. Ibid., p. 6.
²² *Вереха, П. Н., Орлов, М. М.* Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института (1803–1903). – СПб.: Гос. тип., 1903. – С. 105. VEREKHA, P. N., ORLOV, M. M. *Istoricheskii ocherk razvitiya S.-Peterburgskogo lesnogo instituta (1803–1903)* [Historical Sketch of the Development of the St. Petersburg Forestry Institute (1803–1903). In Russ.]. St. Peterburg, Gos. tip. publ., 1903, p. 105.
²³ РО ИРЛИ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. RO IRLI, fond 321, series 1, file 3, p. 4.
²⁴ Там же. Л. 1, 2. Ibid., pp. 1, 2.
²⁵ Там же. Л. 3. Ibid., p. 3.

Список литературы

- Баринова, Е. П.* Дворяне Бузулукского уезда Племянниковы // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. – Т. 2. – С. 20–24.
Вереха, П. Н., Орлов, М. М. Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института (1803–1903). – СПб.: Гос. тип., 1903. – 157 с.
Жердева, Ю. А., Сумбурова, Е. И., Черкасова, М. В. Архив и память: проблемы реконструкции семейной памяти о поздней Российской империи // Былые годы. – 2019. – № 51 (1). – С. 357–365.
Мишанина, Е. В. Особое свидетельство. Хроники Оренбургских Карамзиных // Гостиный Двор. – 2016. – № 4 (55). – С. 266–289.
Пономарева, М. А. Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского поместного дворянства в конце XIX – начале XX века (на примере воспоминаний С. Е. Трубецкого, А. А. Корнилова, В. В. Розанова) // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 316–323.
Shatokhin, I. T., Shatokhina, S. B., Radchenko, M. L. The Heuristic Capabilities of the Family Epistolary Texts in the Russian State // Laplage em Revista. – 2021. – № 7. – Pp. 182–187.

References

- BARINOVA, E. P. *Dvoryane Buzulukskogo uyezda Plemyannikovy* [The nobles of Buzuluk uyezd Plemyannikovs. In Russ.]. IN: *Desyatyte Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [The 10th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. In Russ.]. Orenburg, OGPU publ., 2020, vol. 2, pp. 20–24.

VEREKHA, P. N., ORLOV, M. M. *Istoricheskii ocherk razvitiya S.-Peterburgskogo lesnogo instituta (1803–1903)* [Historical Sketch of the Development of the St. Petersburg Forestry Institute (1803–1903). In Russ.]. St. Petersburg, Gos.tip. publ., 1903, 157 p.

ZHERDEVA, Yu. A., SUMBUROVA, E. I., CHERKASOVA, M. V. *Arkhiv i pamyat': problemy rekonstruktsii semeinoi pamyati o pozdnei Rossiiskoi imperii* [Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire. In Russ.]. IN: *Bylye gody*, 2019, no. 51 (1), pp. 357–365.

MISHANINA, E. V. *Osoboe svidetel'stvo. Khroniki Orenburgskikh Karamzinykh* [Special evidence. Chronicles of the Orenburg Karamzins. In Russ.]. IN: *Gostinyi Dvor*, 2016, no. 4 (55), pp. 266–289.

PONOMAREVA, M. A. *Semeinyi ukhad i ego rol' v stanovlenii mirovozzreniia rossiiskogo pomestnogo dvorianstva v kontse XIX – nachale XX veka (na primere vospominanii S. E. Trubetskogo, A. A. Kornilova, V. V. Rozanova)* [Family way and its role in the formation of the worldview of the Russian local nobility at the turn of the 20th century (a case-study of the memoirs of S. E. Trubetsky, A. A. Kornilov, V. V. Rozanova). In Russ.]. IN: *Bylye gody*, 2021, no. 16 (1), pp. 316–323.

SHATOKHIN, I. T., SHATOKHINA, S. B., RADCHENKO, M. L. The Heuristic Capabilities of the Family Epistolary Texts in the Russian State. IN: *Laplage em Revista*, 2021, no. 7, pp. 182–187.

Сведения об авторах

Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, кафедра отечественной истории и историографии, профессор, г. Самара, Российская Федерация, 8-846-337-99-94, 8-927-692-10-24, rfz25@yandex.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, кафедра российской истории, заведующий кафедрой, г. Самара, Российская Федерация, 8-846-334-54-49, 8-903-302-88-25, don.kabytov2012@yandex.ru

About the authors

Barinova Ekaterina Petrovna, PhD in History, professor, Samara National Research University, department of national history and historiography, professor, Samara, Russian Federation, +7-927-692-10-24, rfz25@yandex.ru

Kabytov Petr Serafimovich, PhD in History, professor, honored worker of science of the Russian Federation, Samara National Research University, department of the Russian history, head of department, Samara, Russian Federation, +7-903-302-88-25, don.kabytov2012@yandex.ru

**В редакцию статья поступила 02.09.2022 г.,
опубликована (для цитирования):**

Баринова, Е. П., Кабытов, П. С. Воспоминания А. Э. Фридрихс как источник о повседневной жизни дворянского рода Племянниковых // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 602–615. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615

Submitted 02.09.2022, published (for citation):

BARINOVA, E. P., KABYTOV, P. S. *Vospominaniya A. EH. Fridrikhs kak istochnik o povsednevnoi zhizni dvoryanskogo roda Plemyanikovykh* [Memoirs of A. E. Friedrichs as a Source on the Daily Life of the Plemyanikov Noble Family. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 602–615. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-602-615

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ И КОЛЛЕКЦИЙ

Archival Fonds and Collections Synopsis

Научная статья / Scientific article

УДК 355.01+347.631/.632+93/94+314.02+364.043

+314.06+314.322+314.324+314.82+314.422.2+314.04+364.041+364.044

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627

Мицюк, Н. А.

Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Российская Федерация

Архивные документы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества как источник по изучению социальной политики в 1910–1918 гг.

Mitsyuk, Natalia A.

Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation

Archival Documents of the All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection as a Source for Studying the Social Policies in the 1910–1918

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена поиском оптимальной модели семейной политики в современной России. Основной массив исследований по истории социальной политики в данной области сконцентрирован на изучении социальных преобразований в советский период. Вклад социальных экспериментов начала XX в. в области выработки семейной политики недооценен. Редко привлекаются новые архивные документы. Статья направлена на изучение архивного потенциала фондов и документов Всероссийского попечительства об охране материнства и детства в исследовании социальной семейной политики в 1910–1918 гг. Ключевыми методологическими концептами явились подходы социальной

истории медицины, которые позволяют рассматривать влияние развития института медицины на социальную и повседневную сферу жизни. Основным методом работы явился контент-анализ архивных документов и описей фондов, в которых содержатся материалы о деятельности Попечительства. Работа производилась с фондами Российского государственного исторического архива (РГИА) (Ф. 767), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. 1795), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) (Ф. 19, 255, 469). Изучение документов Попечительства показало, что основные направления социальной политики в области охраны материнства и детства были заложены в 1914–1918 гг. За короткий промежуток времени в кризисных условиях военного времени были использованы все существовавшие формы и практики социальной политики в данной сфере. Успешность деятельности Попечительства определялась четкой организацией и привлечением ярких представителей экспертного сообщества. Архивные документы показали, что Попечительство имело принципиально новый организационный статус. С одной стороны, оно выполняло функции министерства (координация деятельности всех организаций, осуществлявших социальную семейную политику, наличие сети представительств в регионах, существенное государственное финансирование, привлечение к работе видных государственных деятелей), с другой – имело черты благотворительного учреждения (многочисленные низовые инициативы, демократический стиль управления, привлечение частного финансирования). Результаты этой работы были преданы забвению, а лучшие практики, предложенные и опробованные в рамках активной работы общества, были использованы органами советской власти. Наследие Попечительства легло в основу построения советской системы охраны материнства и детства. Результаты и практики Попечительства были масштабированы на всю Россию и стали частью государственной концепции советской семейной политики.

Abstract

The relevance of the study springs from searching for an optimal model of family policy in modern Russia. Research of history of family policy focuses on social transformations in the Soviet period. Contribution of social experiments of the early 20th century is underestimated. New archival documents are rarely involved. The article is to assess the archival potential of fonds and documents of the All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection for studying social family policy and creation of a new system of social assistance in the field of maternity and childhood protection in the 1910s. The key methodological concepts are approaches

of social history of medicine, which permit to consider the impact of development of the institute of medicine on social and everyday spheres of life. The main method is content analysis of archival documents and fond series, containing materials on the activities of the Guardianship. The author has worked with fonds of the Russian State Historical Archive (fond 767), the State Archive of the Russian Federation (fond 1795), the Central State Historical Archive of St. Petersburg (fonds 19, 255, 469). The study of the Guardianship documents has shown that main directions of social policy in the field of maternity and childhood protection were laid down in 1914–18. In that short period, under the crisis conditions of wartime, all existing forms and practices of social policy in this area were used. The success of the Guardianship was determined by its clear organization and involvement of prominent representatives of the expert community. Archival documents have shown that the Guardianship had fundamentally new organizational status. On the one hand, it performed functions of a ministry (coordination of activities of all organizations implementing social family policy, network of representative offices in the regions, substantial state funding, involvement of prominent statesmen). On the other hand, it had the features of a charitable institution (numerous grassroots initiatives, democratic management style, attracting private funding). The results of its work were forgotten, but the best practices proposed and tested in its active work were used by the Soviet authorities. Its legacy formed a basis for construction of the Soviet system of protection of motherhood and childhood; its results and practices were scaled nationwide and became a part of the state concept of Soviet family policy.

Ключевые слова

Исторические источники, Всероссийское попечительство об охране материнства и детства, история материнства, семейная политика, история социальной работы.

Keywords

Historical sources, All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection, history of motherhood, family policy, history of social work.

В современных условиях выработки оптимальной модели семейной политики изучение национального опыта охраны материнства и детства приобретает особый смысл, так как позволяет репрезентировать лучшие практики в данной области. Исторические исследования социальной политики охраны

материнства и детства, как правило, сконцентрированы на изучении социальных преобразований в советский период¹. Ценнейший материал, отражающий сложный путь поиска эффективных форм социальной политики, сохранился в документах, связанных с деятельностью Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. Уникальность данной организации состоит прежде всего в том, что в тяжелейших условиях военного времени за короткие сроки впервые в социальной истории России была организована масштабная работа в области охраны материнства и младенчества. Во многом результаты этой работы были преданы забвению, а лучшие практики, предложенные и опробованные в рамках активной работы общества, были использованы органами советской власти, соответственно, приписаны к ее заслугам.

Современные научные изыскания, посвященные деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, основаны преимущественно на опубликованных источниках, архивные материалы слабо вовлечены в научный оборот². В связи с этим цель научно-поисковой работы состояла в изучении архивной локации материалов Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, а также в выявлении источниковедческого потенциала обнаруженных материалов. Методика работы состояла в первичном анализе материалов архивов с помощью электронных описей. Работа производилась с фондами и отдельными документами Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Анализ листов просмотров показал, что большая часть дел не имеет истории просмотров.

С начала XX в. проблеме охраны материнства и младенчества стали уделять особое внимание, что было вызвано высоким процентом детской смертности и развитием научной медицины. Главными разработчиками социальной политики в этой области стали представители врачебного сообщества – академик Г. Е. Рейн, врач-педиатр К. А. Раухфус, акушер-гинеколог, доктор медицины А. А. Редлих³. Результатом экспертных обсуждений стало признание необходимости создания единой

общероссийской программы действий и активного включения государства в решение данного вопроса⁴.

31 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге было основано Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. Попечительство было призвано стать координирующим центром между всеми существующими в регионах благотворительными формами помощи матерям и детям⁵.

Основной массив документов по деятельности Попечительства хранится в одноименном фонде РГИА (Ф. 767). Фонд включает в себя 2 описи (с 1912 по 1917 г. и 1915–1918 гг., дела имеют гриф «особо ценные»), содержащие в общей сложности 670 дел. Также дела Попечительства хранятся в ГАРФ, в фонде 1795 (Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества), который включил 13 дел. Отдельные дела по деятельности Попечительства содержатся в различных фондах ЦГИА СПб (Ф. 19, 255, 469).

Все документы можно разделить на несколько групп: проекты положений; тексты принятых официальных документов и внешняя переписка; официальные обращения членов императорской семьи, а также видных чиновников; протоколы заседания совета, различных комиссий и комитетов Попечительства; отчетная документация; финансовые документы; личные дела работников, списки членов различных комитетов. В отдельную группу следует выделить делопроизводственные документы переходного периода, связанные с установлением советской власти (с 26 октября 1917 г.).

Документы фонда позволяют воссоздать историю формирования эффективной системы руководства и управления Попечительством, которая была образована в кратчайшие сроки и позволила реализовать многочисленные инициативы в области охраны материнства и детства. В отличие от прежде инициированных властью крупных общественных организаций (к примеру, Императорское человеколюбивое общество), Попечительство стало единым координационным центром, который разрабатывал модель государственной политики в области охраны материнства и детства. Отчетная документация фондов показывает, что скрупулезное внимание было уделено разработке Устава Попечительства, который был

принят 4 мая 1914 г.⁶ Проект устава был разослан 50 экспертам (врачам, чиновникам, политическим деятелям, благотворителям), которые могли вносить свои предложения⁷. Во главе Попечительства находился Совет (возглавил К. А. Раухфус, доктор медицины, врач-педиатр), ему подчинялся Исполнительный комитет Совета и Общее собрание уполномоченных⁸.

С учетом широты направлений деятельности и планируемого географического охвата были выделены специальные тематические комиссии (административная, финансовая, врачебно-техническая, редакционная и справочно-статистическая)⁹ и местные комитеты (отделы), которых к 1917 г. насчитывалось более 100 не только в губернских, но и в уездных городах¹⁰. Отделы имели такую же четкую структуру, что и центральные органы Попечительства. Отделы возглавлял совет, которому подчинялось общее собрание и члены. Комитеты возглавлял председатель. За первые полгода только в Петрограде было открыто 11 специальных комитетов, в других губерниях – 13 комитетов¹¹.

Особый подход был к организации членства в Попечительстве. Было выделено несколько уровней аффилиации: почетные члены, благотворители, действительные члены, соревнователи и сотрудники¹². Основательность подхода к решению задач и планированию выражалась в привлечении консультантов и экспертов по разнообразным вопросам¹³. В настоящих условиях эта практика считается неотъемлемой частью современного проектного менеджмента и стратегического планирования.

Бюджет учреждения имел различные источники поступления. Однако если прежде организации, направленные на борьбу с детской смертностью, помощь матерям, основывались на пожертвованиях и доброй воле благотворителей, то на организацию работы Попечительства государство впервые стало выделять значительные суммы. Несмотря на военное время, в 1914 г. из государственной казны было направлено более 1 млн руб. в честь 300-летия дома Романовых¹⁴. Кроме того, учреждался фонд Попечительства в объеме 10 млн руб.¹⁵ Анализ внутренней документации показал, что государство продолжало выделять средства на ежегодное содержание Попечительства. Вторую группу финансов составляли

пожертвования, регулярность которых была обеспечена авторитетным составом членов Попечительства.

Ключевым органом управления должен был стать Центральный институт охраны материнства и младенчества. Принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская и герцог Михаил Георгиевич Мекленбургский на строительство института предоставили в безвозмездное пользование Попечительства значительный по площади участок на Каменном острове в Санкт-Петербурге. Для выработки оптимального архитектурного решения был устроен конкурс проектов, на котором первое место получил проект академика Императорской академии художеств М. С. Лялевича¹⁶.

Изучение внутренней документации комиссий Попечительства показало чрезвычайно напряженный и интенсивный характер работы. Одной из значимых была врачебно-санитарная комиссия¹⁷. В состав комиссии входили известные врачи (К. А. Раухфус, Н. Н. Покровский, Д. О. Отт, Н. А. Русских и др.), в том числе врачи-женщины (О. А. Шестакова, А. В. Попова, Н. Л. Варшавская), которые в рамках деятельности Попечительства вовлекались в социальную политику и нормотворческую деятельность¹⁸. Выработка решений зачастую затруднялась, так как было сложно найти оптимальную позицию по вопросам, среди которых основными были: детская и материнская смертность, устройство консультаций, грудное вскармливание, уход за младенцами, родильные приюты, ясли, подготовка специального медицинского и немедицинского персонала для организации работы в семьях, работа по просветительству. За 3 года работы комиссии был собран значительный материал по проблеме охраны материнства и младенчества, сформулированы ключевые направления социальной политики, часть из которых стала реализовываться на практике. В то же время основными проблемами выступали: отсутствие фиксированного бюджета и долгосрочной программы действий, сложность принятия решений, зачастую одни и те же люди были и идейными вдохновителями, и исполнителями.

Несмотря на военное время, в рамках Попечительства впервые была озвучена мысль об организации врачебного патронажа над матерями и грудными детьми (просветительский патронаж на дому) подготовленными для этого патро-

нажными сестрами, о расширении сети дородовых и послеродовых консультаций¹⁹. Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Но она не получила широкого практического применения.

Внутренняя документация Попечительства свидетельствует, что любые нововведения предварительно основательно обсуждались, что отражало экспертный подход во внедрении новых практик. В частности, открытие детских яслей и приютов предвзяло изучение положения дел на местах. Через комитеты Попечительства, губернаторов, городские и земские управы, священников распространялись опросные листы, цель которых – установить куда определяют детей работающие матери. В результате масштабного исследования был сделан вывод о гигантском размахе практики отдачи детей горожанками в крестьянские семьи на содержание за плату и распространение «питательного промысла»²⁰. Попечительство стремилось координировать деятельность многочисленных благотворительных комитетов (Романовский, Ольгинский и Татъянинский комитеты, Попечительство о трудовой помощи, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям) и оптимизировать характер социальной поддержки семей с грудными детьми²¹.

Врачи, которые составляли большую часть активных членов Попечительства, полагали, что одна из главных проблем высокой младенческой смертности в России – неправильное детское питание. Эта проблема обострилась с началом войны. Были инициированы следующие формы деятельности: просветительство, распространение педиатрического патронажа, открытие отделений «Капля молока» и молочных кухонь, ограничение «кормиличного промысла»²². В лабораториях Попечительства стали трудиться над созданием отечественных питательных смесей, которые должны были заменить заграничные аналоги.

В рамках Попечительства была организована масштабная работа по подготовке медицинского и педагогического персонала, специализирующегося на деятельности в области охраны материнства и детства. В частности, были устроены специальные курсы для фельдшеров, народных учителей, на которых они

приобретали новые знания в этой области²³. Началась подготовка сестер по уходу за новорожденными детьми²⁴. В условиях Первой мировой войны Попечительством была организована подготовка «ученых нянь», «ученых сестер», «инструкторов» Попечительства, специализирующихся на диетике питания детей грудного возраста²⁵. Во многом эта специальность воплощала в себя сестринское образование и являлась прототипом современной специальности социального работника.

Члены Попечительства, а также широкий круг педиатров, гигиенистов, педагогов, санитарных врачей внесли вклад в развитие идеи «сознательного материнства» и распространение новых представлений об идеалах материнской заботы. В 1916 г. в Петрограде при содействии Попечительства в качестве эксперимента были открыты курсы для матерей²⁶. Членами Попечительства было предложено открыть «школу материнства и охраны младенчества», проект которой был разработан врачом Н. Р. Блументау²⁷.

Актуальность материнской темы была такова, что в 1915 г. появился журнал «Охрана материнства и младенчества», который на непродолжительное время стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области.

Попечительство было ликвидировано 12 января 1918 г. Расформирование Попечительства, координация передачи имущества осуществлялось под руководством наркома государственного призрения А. М. Коллонтай²⁸.

Несмотря на то, что Попечительство просуществовало чуть менее пяти лет, сохранились обширные архивные материалы, позволяющие репрезентировать основные направления социальной политики, особенности внутренней организации и делопроизводства, специфики принятия решений и их реализации в сложнейших условиях военного времени. Архивные документы показали, что Попечительство имело принципиально новый организационный статус. С одной стороны, оно выполняло функции министерства, с другой – имело черты благотворительного учреждения. Документы архивных фондов показали масштабность проведенной работы. Успешность деятельности Попечительства определялась четкой организацией и привлечением ярких представителей экспертного сообщества. Насле-

дие Попечительства было использовано советской властью. Оно легло в основу построения советской системы охраны материнства и детства. Результаты и практики Попечительства были масштабированы на всю Россию и стали частью государственной концепции советской семейной политики.

Примечания / Notes

¹ Альбицкий, В. Ю., Шер, С. А. Советская система охраны здоровья детей. Предвоенное десятилетие: 1930–1940 гг. – М.: Педиатр, 2022. – 176 с. ALBITSKII, V. Yu., SHER, S. A. The Soviet system of children's health protection. Pre-war decade: 1930–40. In Russ.]. Moscow, 2022, 176 p.; Мишук, Н. А., Пушкарёва, Н. Л., Белова, А. В. История деторождения как предмет социально-гуманитарных исследований в России // История медицины. – 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 206–212. MITSYUK, N. A., PUSHKAREVA, N. L., BELOVA, A. V. *Istoriya detorozhdeniya kak predmet sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy v Rossii* [The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia. In Russ.]. IN: *Istoriya meditsiny*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 206–212; Васьха, М. В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 107–119. VASEKHA, M. V. The policy of motherhood and infancy protection of the 1920s and “designing” new type of motherhood: A case-study of the Siberian village. In Russ.]. IN: *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2019, no. 2, pp. 107–119.

² Микиртчан, Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Медицина. – 2014. – № 1. – С. 260–274. MIKIRTICHAN, G. L. To the 100th anniversary of the foundation of the All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Seriya 11: Meditsina*, 2014, no. 1, pp. 260–274.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 767. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; Д. 19. Л. 13. The Russian State Historical Archive (RGIA), fond 767, series 1, file 1, p. 13.

⁴ Там же. Д. 27. Л. 118. Ibid., file 27, p. 118.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 36. Ibid., file 1, p. 36.

⁶ Там же. Л. 36–9. Ibid., pp. 36–9.

⁷ Там же. Д. 19. Л. 15. Ibid., file 19, p. 15.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 13. Ibid., file 10, p. 13.

⁹ Там же. Л. 9. Ibid., p. 9.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1795. Оп. 1. Д. 1, 2, 5. The State Archive of the Russian Federation (GARF), fond 1795, series 1, file 1, 2, 5.

- ¹¹ РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 19. Л. 35–36. RGIA, fond 767, series 1, file 19, pp. 35–36.
- ¹² Там же. Д. 10. Л. 13. Ibid., file 10, p. 13.
- ¹³ Там же. Д. 154. Ibid., file 154.
- ¹⁴ Герасимов, В. П. К. А. Раухфус // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 1. – С. 19–29. GERASIMOV, V. P. K. A. Rauhfus. IN: *Okhrana materinstva i mladenchestva*, 1916, no. 1, pp. 19–29.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 19. Л. 26. RGIA, fond 767, series 1, file 19, p. 26.
- ¹⁶ Там же. Д. 19. Л. 16. Ibid., file 19, p. 16.
- ¹⁷ Там же. Д. 27. Ibid., file 27.
- ¹⁸ Там же. Д. 27. Л. 3. Ibid., file 27, p. 3.
- ¹⁹ Там же. Д. 129. Л. 15. Ibid., file 129, p. 15.
- ²⁰ Там же. Д. 85. Ibid., file 85.
- ²¹ Там же. Д. 95. Ibid., file 95.
- ²² Там же. Д. 27. Л. 3. Ibid., file 27, p. 3.
- ²³ Там же. Ibid.
- ²⁴ Там же. Д. 87. Ibid., file 87.
- ²⁵ Там же. Д. 51, 69, 174, 181. Ibid., files 51, 69, 174, 181.
- ²⁶ Там же. Д. 133, 151. Ibid., files 133, 151.
- ²⁷ Там же. Д. 121. Ibid., file 121.
- ²⁸ Там же. Д. 276, 283. Ibid., files 276, 283.

Список литературы

- Альбицкий, В. Ю., Шер, С. А. Советская система охраны здоровья детей. Предвоенное десятилетие: 1930–1940 гг. – М.: Педиатр, 2022. – 176 с.
- Васеха, М. В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 107–119.
- Микиртичан, Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Медицина. – 2014. – № 1. – С. 260–274.
- Мицюк, Н. А., Пушкарева, Н. Л., Белова, А. В. История деторождения как предмет социально-гуманитарных исследований в России // История медицины. – 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 206–212.

References

- ALBITSKII, V. Yu., SHER, S. A., The Soviet system of children's health protection. Pre-war decade: 1930–40. Moscow, 2022, 176 p.
- MITSYUK, N. A., PUSHKAREVA, N. L., BELOVA, A. V. *Istoriya detorozhdeniya kak predmet sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy v Rossii* [The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia. In Russ.]. IN: *Istoriya meditsiny*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 206–212.
- VASEKHA, M. V. The policy of motherhood and infancy protection of the 1920s and the “designing” new motherhood: A case-study of

the Siberian village. IN: *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2019, no. 2, pp. 107–119.

MIKIRTICHAN, G. L. To the 100th anniversary of the foundation of the All-Russian Guardianship for Motherhood and Infancy Protection. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Seriya 11: Meditsina*, 2014, no. 1, pp. 260–274.

Сведения об авторах

Мицук Наталья Александровна, доктор исторических наук, Смоленский государственный медицинский университет, кафедра истории медицины, биоэтики и социальных наук, доцент, г. Смоленск, Российская Федерация, 8-481-255-63-05, 8-920-329-70-55, nmitsyuk@gmail.com

About the authors

Mitsyuk Natalia Aleksandrovna, PhD in History, Smolensk State Medical University, department of history of medicine, bioethics, and social sciences, assistant professor, Smolensk, Russian Federation, +7-481-255-63-05, +7-920-329-70-55, nmitsyuk@gmail.com

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ».

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00625 “Parenthood in the context of family and reproductive policy in the modern history of Russia: Socio-historical, medical-anthropological analysis.”

В редакцию статья поступила 25.08.2022 г., опубликована (для цитирования):

Мицук, Н. А. Архивные документы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества как источник по изучению социальной политики в 1910–1918 гг. // *Вестник архивиста*. – 2023. – № 2. – С. 616–627. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627

Submitted 25.08.2022, published (for citation):

MITSYUK, N. A. *Arkhivnye dokumenty Vserossiiskogo popечitel'stva ob okhrane materinstva i mladenchestva kak istochnik po izucheniyu sotsial'noi politiki v 1910–1918 gg.* [Archival Documents of the All-Russian Guardianship of the Maternity and Infancy Protection as a Source for Studying the Social Policies in the 1910s–1918. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 616–627. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-616-627

Научная статья / Scientific article

УДК 371.7+316.6+371.8.061+314.925.2+314.922+371.8+791.7

+372.32+394.014+331.32+791.9

doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639

Бурлуцкая, Е. В.

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Российская Федерация

**Воспитание через «равновесие духа и тела».
Физическое развитие детей в пореформенном
Оренбурге сквозь призму региональной прессы
на рубеже XIX–XX вв.**

Burlutskaya, Elena V.

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russian Federation

**Education through “Balance of Spirit and Body.”
Physical Development of Children in Orenburg
at the Turn of the 20th Century through the Prism
of Regional Press**

Аннотация

В статье поднимается вопрос об отношении провинциального социума Оренбурга на рубеже XIX–XX вв. к необходимости физического развития детей, которое исследуется с помощью анализа публикаций в региональной прессе. Передовые педагоги и общественные деятели изучаемой эпохи в один голос заявляли о необходимости оздоровления детей через организацию подвижных игр, прогулок и экскурсий. Само же детское здоровье рассматривалось как ключевой компонент формирования полноценной личности. В основу статьи положены рассуждения А. И. Тарнавского, в начале XX в. ставшего директором народных училищ Оренбургской губернии. В Оренбурге на рубеже столетий ключевую позицию в деле оздоровления детей через физическое воспитание занимало Общество содействия физическому развитию детей, которое разработало систему «распространения правильного взгляда на задачи физического воспитания подрастающего

поколения и ознакомления с различными приемами физического воспитания и укрепления здоровья». Общество организовывало детские праздники с подвижными играми, устраивало детские площадки, катки, загородные выезды детей. Организация разнообразных мероприятий, способствующих укреплению физического здоровья детей, воспринималась публицистами как функция не столько родителей, сколько образовательных и общественных структур, заботящихся о подрастающем поколении. Задача формирования полноценных граждан, способных успешно трудиться, терпеливо сносить жизненные невзгоды, создавать крепкие и многодетные семьи, обеспечивать стабильное общественное развитие понималась как приоритетная в условиях постреформенной трансформации общества. Однако оренбургское общество на рубеже веков относилось к указанным инициативам без особого энтузиазма. В этой связи главными инициаторами физического воспитания детей должны были стать учителя и воспитатели, которые, в силу профессии, были заинтересованы в укреплении как физического, так и нравственного здоровья своих подопечных. С этой целью педагоги устраивали выезды учащихся на природу, организовывали для них экскурсии, отмечая, что подобные мероприятия благотворно влияют не только на здоровье, но и на умственные способности детей. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к физическому здоровью современных детей и подростков. Обращение к указанной проблеме на региональном уровне представляет собой абсолютно новую исследовательскую задачу, ранее не ставившуюся в региональном научном сообществе. Полученные научные результаты могут стать основой для практических действий по укреплению детского здоровья через организацию активного детского отдыха.

Abstract

The article addresses notions of the provincial society of Orenburg at the turn of the 20th century on the need for physical development of children by studying publications in the regional press. Leading teachers and public figures of the era unanimously declared the need to improve children's health through organization of outdoor games, walks, and excursions. Children's health itself was considered a key component in the formation of a person. The article is based on the ideas of A. I. Tarnavsky, who became the director of public schools in the Orenburg gubernia in the early 20th century. In Orenburg of the turn of the century, the key position in the improvement of children's health through physical education belonged to the Society for the Promotion of the Physical Development of Children, which developed a system of "promotion of correct views on

goals of physical education of younger generation and introduction of various methods of physical education and health promotion.” The society organized trips and festivities for children with outdoor games, built playgrounds, ice rinks. The organization of various events contributing to the strengthening of children’s physical health was perceived by publicists as a function not so much of parents as of educational and public institutes taking care of the younger generation. The goal of raising fully functional citizens, who were capable of successful work, patience in enduring life’s hardships, creating large families, and ensuring stable social development, was a priority of the post-reform transformation of society. However, Orenburg society at the turn of the century treated these initiatives without enthusiasm. Therefore, it was teachers and educators who became main initiators of physical education for children, as they were by virtue of their profession interested in strengthening of both the physical and moral health of their pupils. To this end, teachers arranged nature trips for students, organized excursions, noting beneficial effect of these events on health and mental abilities of children. The study is relevant due to increased attention to physical health of modern children and adolescents. Addressing this problem at regional level is a new research task, never before set in the regional scientific community. Obtained scientific results can become a basis for practical actions to improve children’s health through organization of recreational activities.

Ключевые слова

Исторические источники, повседневность, дети, региональная пресса, физическое развитие, оздоровление, подвижные игры, прогулки, экскурсии.

Keywords

Historical sources, everyday life, children, regional press, physical development, health improvement, outdoor games, walks, excursions.

Век XIX в истории детства представляется особенным периодом. Именно тогда дети стали восприниматься, прежде всего, как объект заботы¹. Принцип «самоценности детства», как утверждает М. В. Фалей, требовал «специфического подхода к каждому из отдельных возрастных этапов»². Гуманизация образовательного процесса повысила значимость здоровья ребенка (как физического, так и психологического), и, как утверждает Е. А. Бруданина, нашла отражение «как в цели

воспитания ... так и в отборе содержания, методов, форм воспитательной работы»³. В работе Г. М. Алимова период второй трети XIX – середины XX в. был выделен в качестве третьего этапа развития понятия «физическое воспитание», главной целью которого было названо физическое совершенствование человека⁴. В. А. Гульчеев отметил, что в России в этот период в подходах к физическому воспитанию выявились два основных направления – образовательное и гигиеническое. У истоков образовательного направления стоял П. Ф. Лесгафт, утверждающий, что физическое образование «должно было содействовать воспитанию идеально-нормальной личности, гармоническому развитию человеческого организма»⁵.

Задача создания гармоничной личности, как утверждает Т. Е. Копейкина, воспринималась «как способ выхода общества из духовно-нравственного кризиса, как способ решения проблем физического здоровья населения (в частности, высокой смертности среди детей и подростков), как поиск путей реформирования системы образования, общественных отношений, формирования нового человека, сочетающего в себе физические, духовные, нравственные качества»⁶.

Передовая общественность стремилась придать максимальный смысл любому занятию детей, для чего широко освещала новые способы детского времяпрепровождения в прессе, о чем упоминает О. Н. Яхно⁷. Обращаясь к материалам оренбургских газет конца XIX – начала XX в., сопоставляя их со сведениями, зафиксированными в центральной прессе, можно выделить задачи, формы и методы физического развития детей, остановиться на существующих в этой сфере проблемах, а также определить степень успешности предлагаемых начинаний.

В газете «Оренбургский листок» за 1892 г. на протяжении нескольких номеров публиковались «письма к редактору», в которых автор А. И. Тарнавский рассуждал над вопросами детского воспитания. Обращая внимание на необходимость оздоровления молодежи, которая, по словам автора, поумнела, но стала «слабее здоровьем, хилее, нервнее, и даже лысее»⁸, А. И. Тарнавский предлагал целый комплекс мероприятий, которые должны были способствовать совершенствованию и телесных, и духовных сил юношества.

Первым из них А. И. Тарнавский считал игры, причем именно коллективные или «общественные» игры, которые имели широкое распространение в среде простонародья – лапта, «бабки», «котел», катание с гор и пр. Однако городским детям, особенно детям дворян, чиновников и духовенства, уличные игры были практически неизвестны. Причинами такого положения дел было убеждение, что «дворянским детям неприлично бегать по улицам и по площади, как каким-то мужиченятам; и опасно бегать: чего доброго, раздавят ездки; и неудобно: полицейский запретит игру, за непорядок на улице, да еще чего доброго стащит в часть ...»⁹.

Устройство игр, по мнению А. И. Тарнавского, должно было быть возложено на учителей, а затем поддержано всеми прогрессивно мыслящими горожанами. Однако оренбургские журналисты отмечали, что в Оренбурге подвижные игры весьма «туго развиваются» и «по-видимому, не встретили сочувствия как в обществе, так и в среде педагогов»¹⁰. Причинами такого положения дел назывались неумение и нежелание представителей молодого поколения участвовать в таких играх, отсутствие мест, где такие игры были бы возможны, невозможность одновременно собрать достаточное число участников игр и отсутствие необходимого инвентаря.

Тем не менее в 1898 г. в Оренбурге все же появилось Общество содействия физическому развитию детей. Проект его устава гласил, что целью его создания является «распространение правильного взгляда на задачи физического воспитания подрастающего поколения и ознакомления с различными приемами физического воспитания и укрепления здоровья», а также «содействие родителям и воспитателям в осуществлении на практике способов и приемов физического воспитания детей и юношества»¹¹.

Правление этого общества зимой 1899 г. разработало программу детского праздника «с духовой музыкой, с катаньем на коньках и салазках и с другими подвижными играми»¹². В феврале на берегу р. Урал за Преображенским собором Обществом были устроены каток и две горки. «Устраивалась гонка на коньках и бросанье мячами в цель»¹³.

На рубеже XIX–XX вв. катание на коньках, санках, лыжах стали практически повсеместны, особенно в тех регионах, где

погодные условия создавали для них благоприятные условия. Так, в Симбирске дети были весьма рады, «что настала зима, и можно будет играть в снежки и кататься на коньках»¹⁴, а в маленьком городке Красноборске на Северной Двине маленькие любители кататься на коньках и ходить на лыжах радовались обильно выпавшему снегу¹⁵.

25 мая 1900 г. Общество организовало новый детский праздник. Были устроены «гигантские шаги, кегли и т. п. устройства и игры для детей». Детям предлагались «игры в мячи, в мету (цель), в горшки (с завязанными глазами), в серсо, крокет, веревочки, и т. п.»¹⁶. Как зимние, так и летние детские праздники собирали несколько тысяч человек. Дети быстро познакомились друг с другом, образовывали сообщества по интересам – девочки водили хороводы, мальчики бегали «взапуски». Такое совместное времяпрепровождение детей из разных учебных заведений, разных сословий, разного возраста, разных этносов, по мнению тогдашней передовой общественности, весьма благотворно сказывалось на состоянии городского социума в целом – постепенно исчезал кастовый дух, снобизм, чувство превосходства одних над другими.

С 1903 г. такие праздники стали устраивать чаще. Автор заметки в городской хронике выражал надежду, что учителя, «разумеется, не откажут в возможности своим малышам вволю поиграть и порезвиться»¹⁷. Сами же малыши должны были быть благодарны правлению Общества «за качели, карусели и “эстафетный бег” (новая игра)», – отмечала пресса¹⁸.

Вторым средством, способствующим укреплению детского здоровья, по мнению А. И. Тарнавского, были регулярные выезды на природу. Однако поскольку не у всех родителей имелись средства и возможности для переезда в летние месяцы на дачу, следовало приложить усилия, «чтобы хоть дети проводили каникулы вне города»¹⁹. Как писал А. И. Тарнавский, слабые и болезненные дети после пребывания на даче возвращались домой «с цветущим здоровым видом и приращением силы и энергии»²⁰.

В итоге ряд учебных и воспитательных заведений Оренбурга в начале XX в. все же сумел организовать выезды своих воспитанников за город. Так, летом 1898 г., на дачу,

расположенную на горе Маяк, перебрался приют для детей неимущих родителей²¹. В Оренбурге также имелись «дача институток и лагеря двух кадетских корпусов». Известный в Оренбурге предприниматель А. Н. Захо в мае 1897 г. предложил совету Оренбургской женской гимназии собственное «летнее имение» для содержания восьми гимназисток, которые наиболее нуждались в восстановлении здоровья и сил²². Аналогичным учреждением стала «детская санатория» на Маяке, услугами которой могли воспользоваться как девочки, так и мальчики²³.

По мнению еще одного журналиста, помощь «хилым детям» можно было оказывать в форме кратковременных ежедневных загородных прогулок, устройства детских купален, игр на площадках и в садах, экскурсий пешком или на лодках и т. д. Предлагалось устраивать и т. н. детские «колонии» (что-то типа современных детских лагерей), в которых дети могли бы проводить более длительное время. Однако даже простые прогулки на лоне природы в течение нескольких часов были максимально полезны.

Как писал А. И. Гарнавский, прогулки могли быть организованы с образовательной целью, или «безо всякой цели, лишь бы пройтись и побегать, пошалить по дороге, на свободном месте, покупаться, половить рыбы, нарвать цветов и т. д.»²⁴. «...Свежий воздух, благотворное солнце, не отравленная ядом культуры вода, непринужденные движения – вот что в избытке может дать поездка»²⁵, – писал один из журналистов. Так, в июле 1898 г. воспитанницы Николаевского женского института совершили прогулку с дачи «Маяк» в село Покровку. Весь день они провели на берегу реки Каргалки: «гуляли, играли и катались на лодке»²⁶.

В итоге следует констатировать, что задача физического развития детей на рубеже XIX–XX вв. стала довольно широко обсуждаться в российском обществе, как в столицах, так и в провинции. Интерес к названной проблеме был вызван, прежде всего, опасениями передовой общественности по поводу здоровья подрастающего поколения (как физического, так и психического), успешности его будущей семейной и общественной жизни. Излишняя изнеженность и болезненность детей, по мнению многих авторов, могли крайне небла-

гоприятно сказаться на будущем страны в целом. В целях предупреждения обозначенных проблем предлагалось усилить физическое воспитание подрастающего поколения, чтобы молодежь могла успешнее противостоять жизненным трудностям и добиваться поставленных целей.

Физическую подготовку детей и подростков предполагалось осуществлять с помощью разнообразных приемов и в различных формах. Так, например, предлагалось уделять больше внимания подвижным, а не интеллектуальным играм, чаще выводить детей на прогулки, вывозить их на экскурсии. В летнее время детям рекомендовалось больше времени проводить за городом, на частных или общественных дачах, либо в санаторных учреждениях.

Распространение таких практик затруднялось из-за ограниченного внимания властей, недостатка финансирования, а также из-за индифферентного отношения основной массы обывателей к поднимаемым вопросам. Однако с помощью прессы передовая общественность стремилась сформировать необходимое общественное мнение, соответствующее задаче воспитания здорового поколения.

Примечания / Notes

¹ *Кухер, К.* Размышляя о подходах к изучению истории детства в России XIX в. // Малолетние подданные большой империи. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 11. – М.: РГГУ, 2012. – С. 77. KUKHER, K. Reflecting on approaches to studying the history of childhood in Russia of the 19th century. IN: Minor subjects of a large empire. Proceedings of the seminar “Childhood Culture: Norms, values, practices.” Issue 11. Moscow, 2012, p. 77.

² *Фалей, М. В.* Развитие педагогических теорий в России в конце 19 – начале 20 века // Символ науки. – 2015. – № 12-2. – С. 195. FALEI, M. V. Development of pedagogical theories in Russia at the turn of 20th century. IN: *Simvol nauki*, 2015, no. 12-2, p. 195.

³ *Бруданина, Е. А.* Физическое воспитание детей в школе: социально педагогический аспект (конец XIX – начало XX века) // Культура физическая и здоровье. – 2009. – № 1. – С. 45. BRUDANINA, E. A. Physical education of children at school: Socio-pedagogical aspect (the turn of the 20th century). IN: *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*, 2009, no. 1, p. 45.

⁴ Алимов, Г. М. Становление и развитие концепций физического воспитания в России XVIII – начала XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2015. – С. 16–17. ALIMOV, G. M. Formation and development of concepts of physical education in Russia of the 18th – early 20th century. Cand. ped. sci. diss. abstract. Orenburg, 2015, pp. 16–17.

⁵ Гульчев, В. А. Педагогическая практика физического совершенствования детей и юношества в Северной Осетии в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С. 11, 12. GUL'CHEEV, V. A. Pedagogical practice of physical improvement of children and youth in North Ossetia in the 19th – early 20th century. Cand. ped. sci. diss. abstract. Vladikavkaz, 2004, pp. 11, 12.

⁶ Копейкина, Т. Е. Идея совершенствования личности как педагогический феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6. – С. 104. КОПЕЙКИНА, Т. Е. The idea of personal improvement as a pedagogical phenomenon. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2012, no. 6, p. 104.

⁷ Яхно, О. Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. – 2019. – № 1 (18). – С. 74. ЯХНО, О. N. Leisure in a provincial town of the early 20th century: New forms of organization. IN: *Istoriya: fakty i simvol'y*, 2019, no. 1 (18), p. 74.

⁸ Тарнавский, А. Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо первое // Оренбургский листок. – 1892. – № 39. – С. 2. TARNAVSKII, A. Because of the Orenburg children (letter to the editor). The first letter. IN: *Orenburgskii listok*, 1892, no. 39, p. 2.

⁹ Там же. Ibid.

¹⁰ Подвижные игры // Оренбургский листок. – 1895. – № 28. – С. 3. Active games. IN: *Orenburgskii listok*, 1895, no. 28, p. 3.

¹¹ Проект Устава Общества содействия физическому развитию детей // Оренбургский листок. – 1897. – № 13. – С. 2. Draft Charter of the Society for the Promotion of Physical Development of Children. IN: *Orenburgskii listok*, 1897, no. 13, p. 2.

¹² Городская хроника // Оренбургская газета. – 1899. – № 585. – С. 3. City Chronicle. IN: *Orenburgskaya gazeta*, 1899, no. 585, p. 3.

¹³ Фельетон. Общество содействия физическому развитию детей // Оренбургская газета. – 1899. – № 599. – С. 2. The Feuilleton. Society for the Promotion of Physical Development of Children. IN: *Orenburgskaya gazeta*, 1899, no. 599, p. 2.

¹⁴ Наша переписка // Путеводный огонек. – 1907. – № 7. – С. 193. Our correspondence. IN: *Putevodnyi ogonek*, 1907, no. 7, p. 193.

¹⁵ Наша переписка // Путеводный огонек. – 1907. – № 4. – С. 121. Our correspondence. IN: *Putevodnyj ogonek*, 1907, no. 4, p. 121.

¹⁶ Хроника // Оренбургский листок. – 1900. – № 22. – С. 3. Chronicle. IN: *Orenburgskii listok*, 1900, no. 22, p. 3.

- ¹⁷ Хроника // Оренбургский листок. – 1903. – № 19. – С. 3. Chronicle. IN: *Orenburgskii listok*, 1903, no. 19, p. 3.
- ¹⁸ Хроника // Оренбургский листок. – 1904. – № 36. – С. 3. Chronicle. IN: *Orenburgskii listok*, 1904, no. 36, p. 3.
- ¹⁹ *Тарнавский, А.* Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо второе // Оренбургский листок. – 1892. – № 41. – С. 2. TARNAVSKII, A. Because of the Orenburg children (letter to the editor). The second letter. IN: *Orenburgskii listok*, 1892, no. 41, p. 2.
- ²⁰ Там же. – С. 3. Ibid., p. 3.
- ²¹ Городская хроника // Оренбургская газета. – 1898. – № 421. – С. 4. City Chronicle. IN: *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 421, p. 4.
- ²² Детская санатория близ Оренбурга (у А. Н. Захо) // Оренбургский листок. – 1897. – № 26. – С. 3. Children's sanatorium near Orenburg (at A. N. Zakho's). IN: *Orenburgskii listok*, 1897, no. 26, p. 3.
- ²³ Хроника // Оренбургский листок. – 1903. – № 19. – С. 3. Chronicle. IN: *Orenburgskii listok*, 1903, no. 19, p. 3.
- ²⁴ *Тарнавский, А.* Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо третье // Оренбургский листок. – 1892. – № 42. – С. 2. TARNAVSKII, A. Because of the Orenburg children (letter to the editor). The third letter. IN: *Orenburgskii listok*, 1892, no. 42, p. 2.
- ²⁵ Ученические экскурсии // Оренбургский листок. – 1900. – № 19. – С. 3. Student excursions. IN: *Orenburgskii listok*, 1900, no. 19, p. 3.
- ²⁶ Городская хроника // Оренбургская газета. – 1898. – № 419. – С. 3. City Chronicle. IN: *Orenburgskaya gazeta*, 1898, no. 419, p. 3.

Список литературы

- Алимов, Г. М.* Становление и развитие концепций физического воспитания в России XVIII – начала XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2015. – 24 с.
- Бруданина, Е. А.* Физическое воспитание детей в школе: социально педагогический аспект (конец XIX – начало XX века) // Культура физическая и здоровье. – 2009. – № 1. – С. 45–47.
- Гульчеев, В. А.* Педагогическая практика физического совершенствования детей и юношества в Северной Осетии в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – 23 с.
- Копейкина, Т. Е.* Идея совершенствования личности как педагогический феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6. – С. 104–105.
- Кухер, К.* Размышляя о подходах к изучению истории детства в России XIX в. // Малолетние подданные большой империи. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 11. – М.: РГГУ, 2012. – С. 76–88.
- Фалей, М. В.* Развитие педагогических теорий в России в конце 19 – начале 20 века // Символ науки. – 2015. – № 12-2. – С. 194–200.

Яхно, О. Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. – 2019. – № 1 (18). – С. 73–84.

References

ALIMOV, G. M. Formation and development of concepts of physical education in Russia of the 18th – early 20th century. Cand. ped. sci. diss. abstract. Orenburg, 2015, 24 p.

BRUDANINA, E. A. Physical education of children at school: socio-pedagogical aspect (late 19th – early 20th century). IN: *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*, 2009, no. 1, pp. 45–47.

GUL'CHEEV, V. A. Pedagogical practice of physical improvement of children and youth in North Ossetia in the 19th – early 20th century. Cand. ped. sci. diss. abstract. Vladikavkaz, 2004, 23 p.

KOPEIKINA, T. E. The idea of personal improvement as a pedagogical phenomenon. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2012, no. 6, pp. 104–105.

KUKHER, K. Reflecting on approaches to the study of the history of childhood in Russia of the 19th century. IN: Minor subjects of a large empire. Proceedings of the seminar “Childhood Culture: Norms, values, practices.” Issue 11. Moscow, 2012, pp. 76–88.

FALEI, M. V. Development of pedagogical theories in Russia in the late 19th – early 20th century. IN: *Simvol nauki*, 2015, no. 12-2, pp. 194–200.

YAKHNO, O. N. Leisure in a provincial town of the beginning of the 20th century: new forms of organization. IN: *Istoriya: fakty i simvol'y*, 2019, no. 1 (18), pp. 73–84.

Сведения об авторах

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, проректор по научной работе, г. Оренбург, Российская Федерация, 8-353-250-05-54 (доб. 205), 8-912-844-74-94, ida777@yandex.ru

About the authors

Burlutskaya Elena Vadimovna, PhD in History, professor, Orenburg State Pedagogical University, vice-rector for scientific work, Orenburg, Russian Federation, +7-912-844-74-94, ida777@yandex.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

Grant information

The article has been prepared with financial support of the Russian Science Fund (science project no. 22-28-00763 “Children and childhood. Everyday life of a child in a provincial urban society (based on materials from the post-reform era Orenburg)”).

В редакцию статья поступила 05.07.2022 г., опубликована (для цитирования):

Бурлуцкая, Е. В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 628–639. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639

Submitted 05.07.2022, published (for citation):

BURLUTSKAYA, E. V. *Vospitanie cherez “ravnovesie dukha i tela”. Fizicheskoe razvitiie detei v poreformennom Orenburge skvoz’ prizmu regional’noi pressy na rubezhe XIX–XX vv.* [Education through “Balance of Spirit and Body.” Physical Development of Children in Orenburg at the Turn of the 20th Century through the Prism of Regional Press. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 2, pp. 628–639. doi 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.tv.vestarchive.ru) – видеожурнал; «Вестник архивиста.Vk.com» (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); Н. И. Медведева – дизайн и верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, заместитель главного редактора (шеф-редактор сетевых журналов) (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин, кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (Омск, Российская Федерация); В. Б. Прозорова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); М. А. Складар – редактор-переводчик печатной версии журнала и сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist' (printed version), 'Herald of an Archivist.ru' (www.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist.com' (www.herald-of-an-archivist.com), 'Herald of an Archivist.TV' (www.tv.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist' (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

I. A. Anfertiev – PhD in History, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); N. I. Medvedeva – design and layout (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – PhD in History, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, deputy editor-in-chief (managing editor of the supplements to print magazine – online magazines) (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); M. A. Sklyar – editor-translator of print magazine and online magazine (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – PhD in History, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).

Подписано в печать 20.06.2023 г. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1782

Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.

Signed to print 20.06.2023. Format 60 × 84¹/₁₆. Volume of 20 printed sheets.

Printrun of 1000 copies.

Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,

Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125047